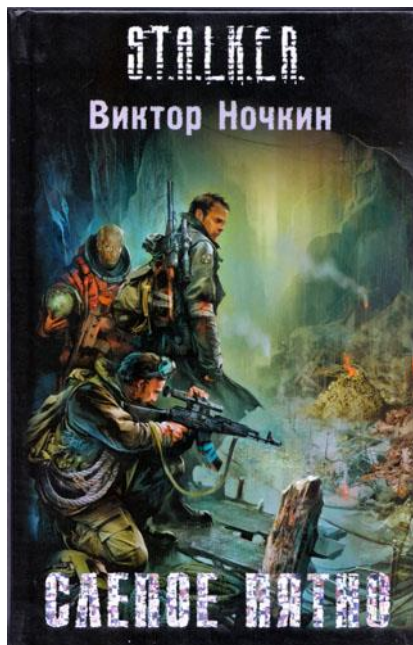

СТАЛКЕР

СЛЕПОЕ ПЯТНО

Виктор Ночкин

Аннотация:

Слепой — один из самых неудачливых сталкеров. Однако именно ему предлагает стать проводником известный учёный Дитрих Вандемейер...

Дитрих платит немного и склонен к почти самоубийственному риску — но Слепому, по сути, не из чего выбирать.

Но вскоре этой странной команде предстоит выйти на очень необычное дело — расследование таинственных исчезновений сталкеров, снова и снова пропадающих в одной и той же области Зоны. Что с ними случилось? Какой смертью они погибли? Этого не знает никто.

Единственная наводка Слепого и Дитриха — пьяный бред опустившегося бывшего сталкера, который клянется, что именно в этих местах находится участок, особенно богатый артефактами...

Виктор Ночкин

СЛЕПОЕ ПЯТНО

— Вы сволочь, Вандемейер!

Я постарался произнести эту фразу с чувством, чтобы до рыжего дошло, какую глупость он сморозил. Но Дитрих только скалил зубы — он был вполне доволен собой. В общем-то у него был повод гордиться, кабана свалила именно его пуля... Сейчас огромное тело, покрытое темным мехом, содрогалось тише и тише, шерсть на загривке опадала. Но даже так, лежа на боку, зверь выглядел внушительно.

— Вы сволочь, Вандемейер! Вы же не станете отрицать, что включили свой дурацкий прибор?

Меня уже отпускало, и я торопился высказаться, пока злость не прошла. Рыжий перестал улыбаться и демонстративно поднял эту хреновину с кнопками — мол, выключен.

— Я слышал, вы щелкали тумблером.

— Да ладно вам, Слепой. Я просто проверял... Проверял он. Просто. В Зоне ничего не бывает «просто». Разумеется, кабана я заметил издали. Эта здоровенная туша возилась в кустарнике так, что не заметить было невозможно. Я для того и сошел с тропы, чтобы обогнуть на порядочном расстоянии заросли, где засел зверь. Кабан не опасен, если к нему не приближаться, сам-то зверь без причины вряд ли побежит глядеть, кто проходит мимо. Но вот если привлечь его внимание — обязательно нападет. Тупая скотина. В общем, я сошел с тропы и двинул в обход, присматриваясь и держа наготове болт... однако щелчок тумблера я слышал отчетливо, Вандемейер включил свой идиотский агрегат — и привлёк внимание зверя.

Кабан попер на нас очень целеустремленно, только треск пошел, когда животное стало ломиться сквозь подлесок. А я в таких ситуациях всегда нервничаю. Потому и не успел сообразить, машинально отшвырнул болт, выдернул ПММ — тут-то кусты по ту сторону тропы будто взорвались. Взметнулись ветки, разлетелась бурая прошлогодняя листва — возникла громадная башка с налитыми кровью глазами, копыта со стуком раздробили ветку... и я, честно сказать, принялся палить, не целясь, навскидку. Не лучшая тактика. Пули «макарова» только добавили кабану жару, он с рыком махнул, но не ко мне, а к Вандемейеру. Дитрих отпрыгнул, это движение яркого оранжевого комбинезона, должно быть, привлёкло зверя.

Я, пригнувшись, бросился в сторону, торопливо нащупывая обойму в кармане, потому и не сообразил сразу, что мишень не я, а Вандемейер. Как обычно, обойма никак не попадала на место, рык зверя и треск веток раздавались совсем рядом... я чувствовал: не успеваю — и оттого нервничал ещё больше... тут-то и увидел фокус. Долговязая оранжевая фигура согнулась... отпрянула в сторону перед самым кабаньим рылом, зверь проскочил, не задев Дитриха, захрапел. Копыта взрыли толстый слой гнили, во все стороны сыпанула грязь и трухлявые обломки... Тум-тум-тум!.. Тум!

Кажется, кабана свалили первые выстрелы, четвертый был как бы контрольным, что ли... Зверь повалился башкой в кусты, инерция внесла его в заросли, за которыми, как я и подозревал, притаился «лифт» — совсем маленький. Я и болт-то приготовил, чтобы проверить...

Такую тушу, как наш кабанчик, аномалия не смогла подбросить — приподняла, крутанула и швырнула обратно. В полете зверя развернуло, он шмякнулся передо мной, разбрызгивая во все стороны куски гнили. Тут-то я и обозвал Дитриха сволочью. Потом только сообразил, что рыжий рисковал больше моего, да и кабана именно он прикончил. Две дырочки, из которых толчками выпрыскивается кровь... нет, три — третья точно в ухе. Молодец, рыжий. Кто бы мог ожидать подобной прыти от нескладного ученого? Я — точно не мог. А вот и четвертое отверстие — в боку кабана, позади лопатки. Ай да профессор, мастерски завалил! Три пули в голову, четвертая — в сердце? Но, тем не менее, я считал, что должен раз и навсегда выбить из Дитриха самоуверенность. Зона этого не терпит.

— Что значит «проверял»? Вандемейер, мы же договорились, сперва я возьму снарягу, остальное — после.

— Снарягу-у? — Мой подопечный будто попробовал слово на вкус, смешно растягивая последний слог.

— Ну, снаряжение. Сокращенно: снаряга. Привыкайте к профессиональному жаргону... А с этим я себя чувствую неловко...

«Этим» я назвал пистолет. И только теперь сообразил, что так и не зарядил «макаров». Обойма по-прежнему была в левой руке. Я поспешно загнал её на место и дослал патрон. Потом поискал под ногами пустую обойму, подобрал и сунул в карман. Дитрих помалкивал.

«Макаровы» нам выдал прапорщик с украинскими нашивками в «Вийськовий управи», где мы с Дитрихом оформляли бумаги. Не люблю я казенного оружия, но это было одним из правил игры. К тому же прапор договорился со своими, чтобы нас подбросили к блокпосту на джипе. Во-первых, не пришлось от поселка пешком топать, во-вторых, солдаты с блокпоста на нас поглядели. Мол, мы свои, на казенном транспорте приехали. Это вовсе не лишнее — проще будет миновать этих ребят на обратном пути. У них бывают приступы тоски, тогда они принимают палить во все, что приближается к Периметру изнутри. Особенно когда примут на грудь лишку. Очень уж способствует приступам меланхолии некачественная выпивка.

От блокпоста мы двинули по тропе, все было замечательно, даже солнышко вышло... все было просто отлично, пока не попался этот несчастный кабан. Теперь я оглядел Дитрихову добычу внимательней. Похоже, молодой зверь, недавно ушёл от стада, чтобы образовать собственную семью... или как там оно у кабанов? Черт их разберет, мутантов. Во всяком случае, других кабанов поблизости, вероятно, не будет. Зато слепые псы наверняка набегут — тушу жрать. А у меня только «макаров» с единственной обоймой. Нужно скорей двигать к тайнику.

— Ладно. — Я махнул рукой. — Будем считать, что я вас отчитал, вы признаете свою вину и больше так не будете. Идемте скорей отсюда.

— Зачем же уходить?

— Скоро сюда придут собаки.

— Эти самые слепые псы, о которых я так много слышал в «Звезде»?

— Они.

— Вот и прекрасно! Хорошо бы с ними был чернобылец... — Рыжий схватился за ПДА и застрекотал кнопками. ПДА у него навороченный, больше обычного, пузатенький, с разъемом под клавишу.

— Дитрих... — Молчит, зараза. — Вандемейер!

— Да, Слепой? — не прекращая треска клавиш. Я тяжело вздохнул и стал объяснять:

— Дитрих, собаки придут на запах добычи. Первым делом они проверяют территорию вокруг туши, обнаружат нас и постараются разделаться. Вы понимаете? Они вычищают территорию вокруг туши, а потом пируют несколько дней. Нас тоже вычистят.

Вандемейер дотрещал на КПК последнюю фразу, только после этого поглядел на меня.

— Да, это очень удачно. Понаблюдать стаю в спокойной обстановке вокруг добычи — для начала именно то, что нужно. Слепой, я расположусь вон там, видите?

Вижу, деревья. Ну да, достаточно далеко от дохлого кабана. Я снова вздохнул — неизвестно, согласятся ли собаки с тем, что деревья *достаточно далеко*?

— Я сооружу... э... — Рыжий подбирал русские слова. Болтал он бойко, пока не требовались специальные термины. — Э, засыдку... гнездо. Специальное место. Вы идите к своему тайнику, берите, что требуется, а потом забирайтесь ко мне. Только подходите с подветренной стороны, тогда собаки вас не почуют.

Следопыт хренов. Натуралист. Ещё учит...

— Если с ними будет чернобылец, он без всякого ветра почует.

— Но вы ведь будете вооружены. — Вандемейер был сама уверенность. — Хотя лучше бы вам удалось пробраться незамеченным, чтобы не помешать моим наблюдениям.

— Вы сволочь, Вандемейер!..

Это я уже произнес без нажима. Я уже смирился.

— Идите, Слепой, идите... — повторил Дитрих. — Я сейчас займусь... только передохну немного.

Я поглядел на рыжего внимательней — он побледнел, на лбу выступила испарина. Обессилел после часового перехода? Или приключение с кабаном так подействовало? Рыжий упрятал клавиатуру от КПК в футляр на поясе, вытащил из нагрудного карманчика гигиеническую салфетку и тщательно вытер лицо, потом руки. Салфеточку, между прочим, упрятал в другой карман, который после тщательно застегнул. Европа... Но выглядит рыжий паршиво.

— Вандемейер, я не уйду, пока не увижу вас на дереве.

На том и порешили. Через четверть часа я посадил Дитриха, отдал ему часть груза из своего рюкзака, чтобы шагать налегке. Ещё он попросил помочь ему устроиться, подать пару старых, почерневших от гнили палок — присмотрел поблизости. Потом я ещё поглядел, как рыжий чувствует себя на ветках. Обезьяны из него бы не вышло, но держался Вандемейер уверенно. Тогда я решил покинуть его и направился к тайнику. Теперь можно было возвратиться на тропу, и я зашагал быстрее.

Свой тайничок я устроил неподалеку в руинах. Трудно сказать, что там было прежде, но заброшенным домик стоит наверняка со времен первого взрыва. Тропа проходила как раз мимо развалин, так что там частенько останавливались на привал сталкеры, вот я и рассудил: в подобном месте никто искать не станет. Народ располагался всегда в дальнем от тропы углу, под остатками кровли, а я свои вещички держал снаружи, там, где гнилые стропила и осыпавшийся шифер образовали живописную грудку. Завал порос травой и выглядел нетронутым, так что, если не знать секрета, то ни за что не придет в голову, что здесь что-то спрятано. А от тропы стены прикрывают.

Такие тайники — вещь необходимая. Периметр лучше пересекать налегке, а припасы держать на территории Зоны. Конечно, у профи все устроено иначе, я имею в виду — у тех, кто Зону не покидает. Кто на бессрочной прописке, тем нет нужды мотаться за Периметр, поскольку налажен контакт с перекупщиками, у каждого сталкера постоянный партнёр. А я все же не настолько в Зоне увяз, я здесь не хозяин, а постоялец. Живу, можно сказать, на чемоданах. Вот как раз под старым, поросшим травой шифером — мой главный чемоданчик.

Конечно, я сперва проверил, нет ли кого поблизости, только потом отправился за дом. Что мне потребуется, я продумал заранее. Поскольку нас с Вандемейером интересовали мутанты, то тяжелое вооружение как будто не должно пригодиться. Тяжелое — это я славно выражаюсь, я ведь ни с кем войны не веду.

Сдвинул лист шифера — осторожно, чтобы дерн с травкой не потревожить — и оглядел содержимое. Вроде никаких следов вторжения... ну и славно. Я вытащил МР-5. Хорошая штучка, легенькая, удобная. Не знаю, что за ребята были Хеклер и Кох, но постарались они на славу. Ещё я прихватил пару магазинов, потом подумал и взял ещё один — с улучшенными патронами.

Как-то очень уж легко Вандемейер с кабаном-то... мне пришло в голову: мало ли во что можно оказаться втянутым, имея дело с этим парнем! На всякий случай не помешает иметь запасец. Ещё я прихватил коробку патронов к «макарову» и свою «счастливую» гранату. Наверное, у каждого есть маленькие странности, личные суеверия и тому подобное. Вот я таскаю «эргэдэшку». Ни разу не пользовался, но всякий раз беру с собой. Талисман, что ли, такой себе придумал. Взамен сложил в тайник казенные консервы, которые выдали в «Управе». Качество паршивое, но мало ли. На черный день сгодятся.

Тайник я аккуратно укутал полимерной пленкой, побрызгал из баллончика вонючими химикалиями и наконец аккуратно водрузил на прежнее место шиферный лист с зелеными насаждениями. Для верности пшикнул ещё пару раз из баллончика. Минуту спустя запах выветрится настолько, что человек не почует ничего. Аэрозоль — от крыс и слепых псов, твари прожорливые, могут и на оружейную смазку польститься. Погань из баллончика должна их отпугнуть — во всяком случае, раньше помогало.

ПДА просигналил — приближаются два объекта. У обоих исправно работали собственные устройства, так что я поспешил вернуться в развалины — чтобы выглядело так, будто я здесь отдыхал.

Парой минут позже на тропе показались двое. Одного я знал — Паша Угольщик. Обычно он ходил в паре с молчали-

вым парнем, кличку которого я забыл. Сейчас с ним был незнакомый сталкер. Мы поздоровались.

— О, звездный десант! Ты тоже здесь на ночевку? — обрадовался Угольщик. — Хорошо, отоспимся по очереди.

— Нет, я сейчас двину.

— Да брось, Слепой, куда ты на ночь глядя? — принялся уговаривать Паша. — Оставайся, вместе веселей!

— Не могу, меня напарник ждёт. — Все знали, что напарника у меня нет, поэтому я, не дожидаясь расспросов, пояснил. — Временный. Учёный, опыты ставит. Я его вожу.

Паша вздохнул.

— С учёным лучше. Но учти, сейчас на блокпостах приказ: учёных тоже досматривать, если нет формы шестнадцать.

«Форма шестнадцать» означает, что учёный работает на военное ведомство, это я уже слышал. У Вандемейера, разумеется, этого удостоверения не имелось.

— В курсе. Придумал я кое-что для вояк. Ладно, счастливо оставаться. Я уже передохнул, и мне нужно засветло к моему профессору поспеть.

Вообще-то я не был уверен, что Вандемейер имеет эту степень, просто мы частенько звали их братию «профессорами».

— А, Слепой! Ты слышал анекдот? Приходит сталкер Петров к скупщику, приносит оранжевый комбез. Вот, говорит, новые мутанты в Зоне объявились. Крепкий, зараза, верткий! Еле взял его! Хорошо, хоть шкура легко снимается...

Тут впервые подал голос Пашин спутник.

— А лучше бери профа и двигай к нам. Я слышал собак, где-то рядом стая бродит.

— Угу, — я сделал скорбное лицо и кивнул, — мой учёный как раз собачек и искал. Для опытов, как доктор Павлов. Паша, а где Сапог?

Сапогом звали молчуна, с которым Угольщик ходил прежде, наконец-то я припомнил.

— Сапог пошел на Свалку, хотел новую «беретту» опробовать. Обещал через пару дней возвратиться, да нет его. Вот мы с Коляном решили сходить, проверить. Мало ли что могло случиться...

Колян кивнул. Видимо, Угольщик нарочно приглашает исключительно молчаливых спутников. Он в авторитете, с ним охотно ходят, так что и выбирать может.

Мы пожелали друг другу доброй Зоны, я перекинул поудобней ремень, чтобы «Гадюка» была под рукой, и двинул по тропе обратно. Оглянувшись, увидел, что Колян занялся костром, а Угольщик собирает сушняк. Значит, эти двое в самом деле здесь заночуют, иначе костер ни к чему. Через час стемнеет. По дороге я свернул проверить «электры», не выскочило ли что-то из аномалий, «вспышка», там, или, может, «бенгальский огонь»... Рядом с тайником я помнил наперечет все аномалии, а отсюда до ЧАЭС так далеко, что и не всякий Выброс меняет их расположение. Артефактов не обнаружил — может, Паша с Коляном уже прибрали. А может, ничего и не было.

Пока я шагал по тропе, в отдалении несколько раз слышались завывания слепых псов. Голоса не злые — их вой напоминает саркастический смех второразрядного комика в дешевом спектакле: хо-хо-хо-о-о... Пока что стая была далеко, но курс держала верный: смех раздавался все ближе, в последний раз — совсем рядом. Но и я к тому времени уже добрался.

Небо затянуло тучами, срывался мелкий дождик, однако в лесу капли не долетали до земли, ветки над головой пока что удерживали влагу. Тем не менее из-за туч стемнело раньше времени, и я не слишком хорошо разглядел гнездо, которое Дитрих соорудил на дереве. Только взобравшись к нему, я по достоинству оценил работу ученого. Вандемейер уложил три лесины в перекрестье ветвей так ловко, что вышла удобная площадка, на которой в тесноте, да не в обиду вполне могли разместиться двое. Вандемейер тощий и костлявый, я тоже не крупный — в общем, нам места хватило, чтобы полужелезничать, прислонившись к стволу, даже нашлось, куда ноги закинуть.

— Сколько берете за номер в вашей гостинице, Вандемейер?

— Не дороже, чем в «Звезде», — ухмыльнулся рыжий. Он прилаживал в листве над головой крошечную антенну.

Я заметил, что ветки над нами Дитрих оставил, не стал обламывать для крепления настила, даже набросил поверх какой-то легкий полог — так что и крыша у нас, оказывается, была. Ненадежная, конечно, но в такой дождик и её хватит.

Учёный закончил возню с аппаратурой и присел рядом со мной, я чувствовал его плечо сквозь несколько слоев ткани.

— Я немного перекусил, не ждал вас, Слепой, — признался Дитрих, — это ничего?

— Нормально. Да мне пока не хочется.

Собаки захотели совсем рядом. Значит, закончили обход территории, выгнали конкурентов, если такие имелись, — и сейчас начнут жрать кабана. Нас они, как ни странно, не чуяли. Скорей всего Дитрихов прибор действовал.

— Вандемейер, вы ловко завалили эту зверюгу. Чувствуется практика. Где руку набили?

— Все там же. Я, кроме Африки, нигде и не жил подолгу. Представьте себе, носорог в несколько раз крупней местных кабанов...

— Охота на носорогов запрещена! — Я не понимал, рыжий шутит или обманывает меня. Или он нарушитель закона? Я считал, что для всякого европейца законы святы.

— Сталкерство тоже запрещено, — напомнил Вандемейер.

— Угу...

Нашёл, что сравнивать! Мы же здесь, как правило, нелегально.

— Мы не убивали носорога, — добавил рыжий. — Специальная пуля, в ней капсула, смесь нервнопаралитического действия. Иногда эта отравка действовала не сразу, приходилось повторять два, а то и три раза. Тогда и приходится скакать, как сегодня с кабаном. Но после первого попадания зверь сонный, медленный.

Совсем стемнело. Из-за туч, затянувших небо, ночь подкралась незаметно. Серый день как-то постепенно сменился серыми сумерками... потом округа погрузилась в темноту окончательно.

Мы замолчали. Мне стало неловко, что я так на ученого набросился. Он, выходит, знал, что делал, да и наверняка догадывался, что зверь устремится на его яркий комбез, так что для меня угроза была минимальной. Извиняться я не собирался, потому что по большому счету урок Вандемейеру необходим... но захотелось как-то выразить приязнь. Я набил две обоймы патронами, остаток решил предложить Дитриху.

— Вандемейер...

— М-м?

— Возьмите патронов к «макарову», могут пригодиться.

— Благодарю, Слепой.

Поделиться боеприпасами — что может быть лучше, когда хочешь показать человеку, что ты ему доверяешь, расположен к нему... и вообще — чтоб проявить дружелюбие?

Потом собаки захохотали совсем рядом, в руках Вандемейера что-то пискнуло, над головой зашелестела антенна.

— Извините, Слепой, я займусь моей работой, — сказал Дитрих. — Если хотите, можете отдыхать.

Мне в самом деле захотелось спать, я устроился поудобней и объявил:

— Пожалуй, я посплю... считайте, Вандемейер, своих ангелов.

С Дитрихом Вандемейером я познакомился парой дней раньше, чем с безвременно почившим кабаном. В гостинице «Звезда» познакомился. Я, как обычно, сидел в баре на первом этаже, прихлебывал холодный кофе и занимался привычным делом — пытался угадать, что какого цвета в убогом оформлении нашей гостиницы. Бар — это, конечно, громко сказано. Полутемный зал, скудно освещенный покрытыми пылью плафонами. Половина светильников отключена, так что помещение погружено в полумрак. Тихо, уютно... И все серое — как в Зоне.

За стойкой дремлет Карман. Сперва он читал газету — во всяком случае, шуршал страничками, но сейчас опустил голову на сложенные руки и затих.

Стойка обшита пластиком, о котором мне доподлинно известно, что он зеленоватый. Поверхность покрыта замысловатым узором царапин и пятен. Интересно, какого цвета вот эта клякса левой Карманова локтя? Разумеется, будить Кармана из-за такой ерунды я не стал. Пусть отдыхает. В конце концов, какая разница, какого цвета...

Колбочки! Все дело в колбочках. Сетчатая оболочка глаза содержит три вида чувствительных рецепторов, так называемых колбочек — каждый отвечает за определенный цвет. У нас, дальтоников, функции колбочек нарушены, так что я не всегда могу отличить красный цвет от зеленого. Какая мелочь! Но из-за такой ерунды я не могу жить нормально. Проблемы с водительскими правами — это само собой. Но сколько обидных недоразумений возникает в быту... даже при выборе одежды! Я уж молчу о том, чтобы сходить, к примеру, в музей, картины поглядеть. Какое интересное решение выбрал художник — зеленый туман! Позвольте, но это же красная дымка? Ах, красная...

Этот мир создан для людей с нормальным трихроматическим зрением, все прилажено, все предусмотрено. Сигналы светофора, кнопки на электронных устройствах... Зеленая — «пуск», красная — «стоп». Но попробуй разберись, если ты не таяшь, какая кнопка красная, а какая зеленая! Казалось бы, почему так? Ведь дальтоников не так уж мало. Восемь процентов мужчин и около половины процента женщин на Земле страдают нарушением цветового зрения. Да, дальтонизм — болезнь настоящих мужчин, так я отшучиваюсь, когда сердобольный собеседник начинает деланно жалеть. Мне не нужно сочувствия, лучше бы перестали маркировать кнопки красным и зеленым!

Но что толку в причитаниях? Сейчас везде стали делать рядом с лестницами пандусы для инвалидов в колясках, специально для них лифты с кнопками пониже, и прочее... а сколько их, таких? Уж никак не восемь процентов мужчин. Нет-нет, мир не желает приспособливаться под наши нужды, он — для людей с трихроматическим зрением. Может, поэтому мне и спокойней в Зоне? Там все серое, тусклое, палевое — вечная осень. Здесь нет светофоров и пультов управления с разноцветными кнопками. И права на вождение автотранспорта не спросят. Может, всеблагой Господь нарочно сотворил Зону для нас, дальтоников? Хе-хе...

Как бы там ни было, а в Зоне мне болезнь не мешает. И ущербным я себя не чувствую. Нормально. Никто не насмехается, никто не попрекает, и, что самое главное, никто не принимается сочувственно кудахтать. Тьфу, противно... Здесь, в Зоне, совсем другое дело! Даже прозвище Слепой меня не обижает, наоборот, оно мне нравится, в этом есть стиль.

А пятно возле локтя Кармана, конечно, красное. Откуда бы здесь, на стойке, взялся зеленому? Большинство приправ подкрашивают под томатный соус, это вроде традиции у тех, кто не страдает дальтонизмом. А мы, цветоаномалы, различаем еду по вкусу, а не на цвет, на нас эти ухищрения не действуют! Мы-то как раз ощущаем мир таким, каков он есть, нас не проведешь химическим красителем...

Гостиница «Звезда» — не шикарное заведение, зато здесь спокойно. Вообще-то «Звезда» — она вроде меня, неказистая с виду, зато с богатым внутренним миром. И если бар у нас никак не соответствует этому высокому статусу, то «Звезда» — в самом деле гостиница. Все чин чинном, даже вывеска имеется, по ночам горит фиолетовыми неоновыми буквами: «ГОСТИНИЦА ЗВЕЗДА».

Я здесь живу второй год, так что превратился в своего рода ветерана и хранителя традиций. Срок как будто невелик, но у нас люди нечасто задерживаются и на столько. А я вот прижился.

Владелец, Гоша Карый, иногда просит меня сопровождать его сотрудников. Это очень удобно — я никто, я ни с кем. Будто бы сам по себе еду в электричке через два-три сиденья от Гошиного курьера и посматриваю. Числюсь я экспедитором, удостоверение могу показать, если какая проверка, так что — свобода перемещений. Вообще у нас в «Звезде» каждый имеет какие-то бумаги, объясняющие присутствие предьявителя в особой зоне. Кто командировочный, кто числится служащим где-нибудь в поселке. Лучше всех устроился Моня, у него ксива областной газеты. Репортер — значит имеет право куда угодно соваться. Через Периметр его, понятное дело, с такой бумагой не пустят, но вообще удобно. Можно даже пугануть — мол, напишу про ваши злоупотребления, пан лейтенант! Или, там, господин лейтенант, смотря чей патруль прицепится. Если повезет и пан-господин окажется не слишком наглый, то удостоверение работает. Ну и Гоша следит, чтобы постояльцы были с документами, бомжей, говорит, не пускаю. Если уж совсем припечет, он может и отмазать от патруля, а то и в «Звезду» устроить рассылным, там, или коридорным... но за такую крышу он берет дорого, есть варианты в несколько раз дешевле. В поселке любое предприятие держит по десятку работников, а то и по два десятка — договориться всегда можно.

Но это только ксивы Гошины дорогие, а снять номер в «Звезде» стоит гроши, к тому же Карый смотрит сквозь пальцы, если клиенты по несколько дней, а то и пару недель отсутствуют. Неделями мы, конечно, редко в Зоне пропадем, в «Звезде» народ не слишком бойкий. Смотался за Периметр, обошел округу, цапнул, что с краю, — да и назад. Кое-кто попросту груз носит перекупщикам — консервы, батарейки, зажигалки, патроны и прочую мелочевку.

Случаются артисты, пробуют сами завести торговлю вразнос, таким быстро объясняют, что территории поделены, и торговать в обход местного перекупщика — нарушение правил. Тем не менее, если перекупщику по-хорошему предложить товар с «большой земли», возьмет с небольшой наценкой. Жить можно. Ну и, разумеется, сувениры из Зоны... хотя о сувенирах разговор особый — это необъятная тема.

Эти правила действуют, конечно, поблизости от Периметра, а в глубине Зоны другие порядки. Но я вглубь редко захожу, да и другие постояльцы «Звезды» тоже. Тише едешь — дальше будешь. Мы, «звездный десант», люди тихие и обстоятельные... А я — самый тихий. Мне, честно сказать, от Зоны много не надо. Сходил туда, послушал тишину, поглядел серые пейзажи — и назад. Я больше двух ночей подряд вне «Звезды» редко провожу, потому и заделался ветераном. Это понимайте как хотите: можно сказать, что я больше времени провожу в баре, потому и числюсь старожилом. А можно сказать и так, что я меньше времени провожу в Зоне, потому до сих пор жив и числюсь старожилом.

Раздались голоса, зашуршав расколотый пол, Карман поднял голову, зевнул... Я допил кофе и потянулся. Начинается вечер в баре гостиницы «Звезда». Явился Костик, щелкнул выключателем, пробуждая к жизни ещё некоторое количество светильников под потолком. Костик задумчиво послушал, как потрескивают, разгораясь, лампы дневного света, почесался, оглядел зал и кивнул мне. Следом вошёл Николка, сразу направился к стойке и протянул руку. Карман откашлялся, словно петь предстояло ему, и подал Коле гитару. Наш певец удалился в угол, принялся там скрипеть колками и время от времени извлекать из струн зудящие вибрации. Иногда мне кажется, что профессионалы, когда настраивают гитару, нарочно исполняют на публике эти бесполезные номера, чтобы со стороны казалось, будто они понимают в инструменте больше прочих.

Потом стали собираться постояльцы — Кутяк, Данилов, Буза. Кутяк только что из ходки вернулся, это сразу видно. У человека, который недавно из Зоны, взгляд другой — внимательный, но слегка шальной. Вот и Кутяка сейчас такой... Физиономия довольная — сразу ясно, что вылазка прошла удачно. Точно! Сталкер сразу обратился к Костику:

— Мне бы с Гошей потолковать.

Значит, хабар при нем, хочет сбыть Карому, даже ужинать не садится. Остальные-то сперва Карману заказали пожрать.

— Зараз, — кивнул Костик, повернулся и вышел в коридор, на ходу вытаскивая мобильник.

Зато когда вошёл Демьян, я сразу понял — этому не пофартило нынче. Морда перекошена, устался в пол. На Костика старается не глядеть, в дверях посторонился, пропускает. Демьян — мужик бывалый, толковый, вроде все знает, умеет, что положено... но неудачливый, что ли. А может, слишком азартный — я не раз замечал, как у него глаза загораются, когда чужой хабар видит. Удача чересчур азартных игроков только дразнит, а близко не подпускает. Хладнокровней надо быть, спокойней. Как я!

— Карман, мне бы... — затыкнул Демьян.

— Садись, — кивнул бармен, — сейчас сделаем. Без слов понятно, денег у сталкера нет, но пару сосисок и пластиковый контейнер китайской лапши он получит. Ну и радионуклиды вывести из организма ему тоже помогут — кстати, водка у Гоши в «Звезде» всегда хорошая, он сам дегустирует. Демьян кивнул и уныло поплелся за стол.

Николка разобрался с инструментом и завел на пробу:

*На Свалке, в унылых распадах,
Где счетчик трещит, как шальной,
Бродяга, судьбу проклиная,
Тащился с пустою сумой.*

Заглянул Костик, поманил Кутяка, тот с готовностью кивнул, подхватил рюкзак и затопал к выходу. Значит, Гоша готов принять.

Минутой позже подтянулись Джордж и Катушкин. Карман утопал на кухню, там уже булькало и шипело.

*Комбез весь изодранный в клочья
Зубами проклятых собак,
Патроны уже на исходе,
Потерян с хабаром рюкзак...*

Гитара жалобно всхлипнула над тяжелой долей сталкера.

— Слепой, а дальше как?

Дальше я ещё не сочинил, но вдруг пришла в голову идея. Я привстал и протянул руку:

— Дай!

Николка с готовностью подал инструмент, и я выдал экспромтом:

*Бродяга к Барьеру подходит,
Навстречу родимая мать,
Спасибо скажи контролёру,
Что мамку ты смог повидать!*

— Нет, ты чего! — запротестовал Николка, отбирая гитару. — Это не годится! Персонажу должно быть хреново, факт, но мать не годится — не надо на святое замахиваться. Подумай ещё.

— А кого ж ему контролёр покажет? Перекупщика, что ли? — возразил, входя, Зорик. — Невелика радость... Здорово, командировочные!

Демьян тяжело вздохнул, он давно на мели и, кажется, успел испортить отношения с перекупщиками — теми, кто держит точки в нашем секторе. Ему теперь что контролёр, что перекупщик — примерно одинаково. Сам виноват, азарт

нужно в узде держать.

Вернулся Кутяк — довольный. Сладилось у него с Карым быстро. Сталкер перехватил взгляд Кармана и подмигнул:
— Сегодня гуляем!

Бармен коротко кивнул — ему известны вкусы любого завсегдатая, а ассортимент невелик, так что Карман хорошо знает, что кому.

— Кстати, о контролёрах, — подал голос Катушкин. — Слышали анекдот? Встречаются два контролёра, старый и молодой. Младший рассказывает: я сижу на сталкерской тропе, всех беру под контроль, никто не проходит, но вот как-то раз идет какой-то сталкер, я его и так, и этак, и пугаю, и заманиваю, и всячески на него давлю, а он только в ухе мизинцем ковыряется и говорит: развелось, мол, комаров, пищат и пищат. Никак мне не удавалось его мозгом овладеть! Другой контролёр: сталкер в ватнике? В шапке-ушанке? — Ага! — Ну, так это сталкер Петров, он для нас, контролёров, неуязвим. Молодой: а почему? Старый: так нет у Петрова мозгов!

Похихикали. Скрипнула дверь, я думал, это Костик пригласит кого-нибудь на аудиенцию, но заглянул сам Карый. Гоша нечасто балует нас, обычно он в бар не выходит, торчит в кабинете, и охранники к нему нашего брата поодиночке приглашают.

Демьян тут же вскинулся:

— Гоша, я!..

Конечно, на прием его без хабара не пустят, а тут сталкер решил воспользоваться оказией и выпросить в долг. Покормить его Карман покормит, слова не скажет, но за постой платить надо, и снаряга для следующего рейса требуется. О таком кредите нужно особо говорить. Вот Демьян и засуетился.

— Не кипешуй. — Гоша поднял ладонь — и Демьян замер, будто налетел на невидимую стену, отступил на шаг. — Сейчас потолкуем, погоди... Слепой!

Я удивился — ведь не ради меня Карый сошел с Олимпа в зал к простым смертным!

— Слепой, вот человек, у него разговор, отнесись серьезно. Потом ко мне зайдешь.

Гоша посторонился, и в зал вошёл тощий долговязый мужчина. Рыжий. Одет как-то непривычно — ни богато, ни бедно, а непривычно. Куртка и брюки из толстой грубой ткани, со множеством накладных карманов и карманчиков. В нашей дыре таких шмоток не носят. Мужчина огляделся, громко сказал: «Добрый вечер!» — и направился ко мне. Я кивнул на свободный стул. Рыжий сел и протянул узкую ладонь:

— Дитрих Вандемейер.

Говорил он с легким акцентом, но это я заметил не сразу. Вообще русский у него неплохой.

— Слепой. Я вас слушаю.

— Слепой? — У Дитриха это прозвучало как «Сле-поу». — Странное имя. Однако к делу. Я представляю общественную организацию, заинтересованную в исследованиях на территории Зоны. Я учёный и...

— Легальный доступ?

— Точно. Мне нужен проводник.

В общем-то дело привычное. Время от времени появляются подобные типы. Тонкость в том, что обычно учёные действуют официальным путем, тогда им обеспечена поддержка, охрана военных сталкеров. Изредка находятся и такие, кто избегает контактов с коллегами, возможно, этот Вандемейер — один из них... Странно, что он обратился ко мне, странно, что вообще пришел в «Звезду». У нас местечко не крутое, легендарные герои обычно тусуются в других конюшнях. А этот почему-то хочет нанять сталкера из «звездного десанта»? Удивительное дело. Потому Гоша и заглянул лично, чтобы рекомендовать пришельца, — очень уж странным выглядит появление этого Вандемейера.

— Проводник... Гоша с вами, конечно, уже обсудил общие вопросы?

— Гоша?

— Владелец гостиницы, он вас сюда привел.

— А, господин Карчалин! — Угу, настоящая фамилия Карого — Карчалин. Но об этом мало кто знает. Не секрет, просто фамилия его редко требуется, только если на работу официально принимает и бумаги подписывает. — Да, он ввел меня в курс дела. Сказал, порекомендует лучшего проводника, снабдит необходимым оборудованием и прочее...

Вандемейер сделал неопределенный жест, наверное, набросал ладонью в воздухе контуры «прочего». Меня должно было подкупить почётное звание «лучшего проводника»? Ладно, идем дальше.

— Слепой... э... Взамен я должен кое-что сделать, но господин Карчалин вам хотел сам рассказать.

— А почему вы не пользуетесь официальными каналами?

— Я же сказал, я представляю общественную организацию. Не правительственную.

— Вот как... — Немного непривычно.

— Это организация... ну, скажем, скорей религиозная. Вам не следует беспокоиться, мои полномочия здесь имеют силу. Вы получите легальный доступ за Периметр — в качестве моего ассистента. Можете пользоваться этой возможностью по собственному усмотрению. Гонорар, полученный официально, будет невелик, но...

Я попросил уточнить, рыжий назвал сумму. Немного, но легальный проход через блокпост сам по себе хорошая плата. Я подумал и сказал:

— Вандемейер, давайте начистоту. Ваше предложение звучит заманчиво, но опыт подсказывает мне: обычно такое дело имеет какую-то особенность... э...

— Негативную?

— Именно.

— Дело в том, что я серьезно болен. Неизлечимо болен.

— А! — Чертик, сидящий у меня под языком, не мог упустить своей возможности. — Понимаю, понимаю. Тяжелое детство, тяжёлые наркотики...

Вандемейер дернулся, и я с опозданием сообразил, что сморозил лишнее. Поэтому торопливо добавил:

— Извините.

— Ничего, я знаю, как здесь относятся к моей болезни.

— Извините, Вандемейер, — повторил я, — но я не знаю, что у вас за болезнь.

— СПИД. Синдром приобретенного иммунодефицита... Не подумайте плохого, я работал в Африке. Шесть лет. По возвращении прошел тест, ну и... Сам не знаю, когда и как это вышло, но... понимаете, там приходилось работать в довольно сложных условиях, иногда делать хирургические операции без соблюдения всех мер предосторожности. Когда речь идет о жизни и смерти и каждая минута может оказаться решающей... словом, у меня СПИД. Я знаю, что здесь резко негативное отношение, в ходу всевозможные предрассудки, но правда такова: моя кровь для вас может оказаться ядом. Я говорю в переносном смысле, но если какая-то ситуация, мы оба ранены, поспешно помогаем друг другу, и во время перевязки... Любая царапина... Капелька моей крови — и вы тоже...

— Я понял.

Вандемейер уставился в сторону и добавил:

— Если вы откажетесь, я пойму. Это в самом деле серьезное... опасение.

Должно быть, из-за волнения его акцент прорезался сильнее, и я сменил тему.

— Вы хорошо говорите по-русски.

— Я ведь работал в Африке... Сомали, Центральноафриканская республика...

— Э?... Что-то я не понимаю, какая здесь связь...

— Там было много ваших. Военные консультанты, наемники. Вы не знали? Очень много людей отсюда. Приходилось контактировать с ними, а в университете я изучал русский как второй иностранный. — Вандемейер улыбнулся. — Знаете, наше университетское обучение русскому не дает реальных познаний. Разговорный язык совсем другой. Но я заговорил.

Тут Карман загремел посудой, все задвигались, ножки стульев заскребли по полу...

— Вандемейер, вы водку пьете? Рыжий улыбнулся ещё шире.

— Господин Слепой, я много общался с вашими соотечественниками!

Карман выставил на стойку поднос со стопками.

— Уважаемые постояльцы! — ухмыляется. — Нынче господин Кутяк предлагает всем выпить за его удачу!

Мы подвалили к стойке, разобрали стопарики.

— За удачу! — провозгласил счастливец. — За нее стоит выпить.

Потом бармен выдал ему спецзаказ: пашлычок, жареную картошечку. Горошек, зелень... цвета которой я толком не могу разобрать. Карман умеет сервировать так, что будьте-наге, даже дальтоник оценит! Но это оплачивается отдельно. Остальным — обычный рацион, сосиски, китайская лапша с приправами. Говорят, вредная она, но мне нравится. Или, может, я просто привык? Я прихватил порцию для иностранца и взял у Кармана «половинку».

После того, как мы приняли по первой, заглянул Костик, поманил Демьяна, а мне бросил:

— Слипый, не пей багато. Тоби ще сьогодні с Гошею розмовляти.

Костик — интересный парень и со своими тараканами в голове. Собственно говоря, все мы тут слегка ненормальные... Костик отслужил несколько лет в неких особых частях. Где и кем именно, не знаю, Костик никогда не рассказывает, но, думаю, это была российская армия. Не знаю, с чего я так решил... наверное, потому что наш охранник — заядлый русофил, себя считает русским и не любит «хохлов». При этом разговаривает исключительно по-украински.

Кстати, Костик — прозвище. Фамилия его Костиков, зовут Тарас, но парень предпочитает кличку, потому что имя его «хохлячее», это сам он так говорит. Появился около года назад, обратился к Гоше насчет работы, не фиктивной, а настоящему. «Что можешь?» — поинтересовался тогда Карый. Он как раз дегустировал вновь доставленную партию антиукидной водочки и был на хорошей поддаче. Я эту историю отлично помню, при мне дело случилось. Ну, Костиков ответил: «Любого могу побыть». Гоша: «Проверим?» Костиков: «Та хоч зараз!» «Погодим до вечера», — решил Гоша.

Отметелили Костика тогда крепко. Восьмером. Вернее, восьмером начали, заканчивали втроем. В те времена у Карого было восемь бойцов, вот он и ждал вечера, чтобы ночная смена подвалила. Ну и велел, чтобы обе смены новичку испытание устроили. Пятерых Костик положил, пока его наконец свалили... Мне на это смотреть было горько, а Карому понравилось, он Костика на работу взял и из тех пятерых, что не сдюжили, четверых рассчитал. Выходное пособие выплатил, конечно, завидное: мол, не сердчайте, но сами видали, скольких новенький здесь заменит. Бабок отвалил побольше — чтобы поправляли здоровье и новую работу искали без спешки. А Костик теперь охранник, на полном серьезе, боец вневедомственной охраны, удостоверение, все дела, ему даже пистолет положен. Травматический. Костик его баловством обозвал и ни разу при мне не использовал.

С Дитрихом мы посидели неплохо, но пить он не умеет, как выяснилось. Не знаю, чему его в Африке наши учили, но я только начал, а рыжего развезло, он стал со слезой в голосе описывать, какие у него паршивые отношения с семьей, фотки показывал. Тошная подтянутая баба и печальный мальчик. Рыженький малец, конопатый, в отца.

— Он любит меня, малыш, очень любит! Но жена считает, что я не должен появляться у них дома.

— У них?

— У нас, — со вздохом поправился рыжий. — Дом куплен на мои деньги, я оплачиваю всьо, страховка, налог... Они не хотят меня видеть! Мои деньги им нравятся, а я — ньет! Плохой примьер малышу!.. Я, отец, плохой примьер! Эта болезнь делает меня изгоем...

Словом, мне стукнуло в голову, что мы с Дитрихом в чем-то схожи — два больных человека, парии в этом мире, созданный для здоровых. Я очень люблю жалеть себя, между прочим, так что откровения пьяного доктора упали, словно зерна в отлично удобренную почву, и мигом дали ростки.

Я заказал вторую «половинку», и к тому времени, как Костик пригласил меня к Карому, решение было принято.

Я оставил Дитриха ронять пьяные слезы на фотографии родных и поплелся за Костиком на переговоры. По дороге видел Демьяна. Должно быть, Гоша увеличил кредит, но условия выставил пожестче, во всяком случае, я не заметил, чтобы сталкер был доволен. Впрочем, не мое дело.

Воротила гостиничного бизнеса нынче тоже не терял времени понапрасну и традиционной дегустацией занимался достаточно плодотворно. Костик постучал, бросил:

— Слипый тут.

— Давай! — велел изнутри Гоша.

Костик посторонился и кивнул. Карый нынче дегустировал под шашлычок — стало быть, Карман, исполняя заказ Кутяка, и шефу сварганил порцию.

— Ну, как тебе профессор? — Гоша сразу перешел к делу.

— Он называет меня «господин Слепой», это очень трогательно.

— Это значит «да» или это значит «нет»?

— Это значит «да, если...».

— Если что? Ну почему я из тебя по слову тяну? Говори, что не так? Работа не пыльная, клиент вежливый, обходительный... ну?

— А что за дополнительное условие? Мне Вандемейер сказал, что имеется дополнительное условие.

— А! — Гоша успокоился. — Так тебя это волнует. Ничего серьезного! Нет, в самом деле очень простое дельце.

Вообще-то я не люблю простых этих дельцев. Когда говорят «простое дельце», непременно в конце концов обнаруживается подвох. Но сейчас меня ждали едва начатая «половинка» и обходительный иностранец — брат по духу. Словом, я ответил:

— Если в самом деле простое, то я соглашусь.

— Я заказал Химику сборку, нужно встретиться с ним у Сорняка, взять товар и принести мне. Тебе даже платить не надо, я по своим каналам рассчитаюсь с Сорняком, а он отдаст Химику... в общем, не твоя печаль, ты только сборку мне принеси. Вы с профом Периметр легко перейдете, а мне одной головной болью меньше.

Сборками называют сочетания артефактов, обладающие уникальными свойствами. Изготовление сборок — дело непростое, требует немалого навыка и, не побоюсь этого слова, определенного таланта. Химику я немного знал, этот сталкер — большой мастак по сборкам и подобным фокусам, за что, по-моему, и прозвище получил. Нормальный мужик, хотя осторожный чересчур и порядком себе на уме, но с ним можно иметь дело.

— Это срочно?

— Слепой, говорю же тебе, никаких подвохов! Неделя сроку, если хочешь. А если профессор пожелает надолго в Зоне зависнуть, так хоть две недели. Я не тороплю. Дольше ты сам не захочешь там торчать, верно? Химик подвалит вовремя, это я с Сорняком решу. Ну, лады? — Гоша вытащил из стола вторую стопку и налил. — Давай-ка за удачу!

За удачу никогда не отказываюсь, это принцип... Когда я вернулся в зал, Вандемейер уже клевал носом. Увидев меня, встрепенулся и придиричво осмотрел свой стакан.

— Продолжим, — объявил я. — Господин Карчалин озвучил дополнительные условия. День или два вам придется потерять.

— Эт-то нич-ч-чье! — Вдобавок к акценту пьяный Дитрих начал заикаться. — Я в эт... врем... прив-веду в поря-док м... м... мои резуль-тат-ты.

— Кстати, а что за исследования вы будете проводить?

— Эт-то довольно сложно об... об...

Объяснить всегда сложно, если пить не умеешь.

— Давайте лучше за удачу! Доброй нам Зоны!

В конце концов Костик помог мне доставить Вандемейера в его номер. Дитрих пребывал в прекрасном расположении духа, был рад всему, что попадалось на глаза, балдел от Николкиных куплетов, но переставлять ноги самостоятельно не мог. Костик даже прикрикнул пару раз: «Та що ты липнеш до мене, як той пидор? Шагай соби!» Наденюсь, Вандемейер его просто не понял, как относится к его болезни он прекрасно знает.

О работе моего будущего напарника мы поговорили утром. На всякий случай я по пути в бар зашел за Вандемейером. Бедняге было так плохо, что я в самом деле усомнился, с русскими ли он встречался в своей Африке или это были какие-то самозванцы, которые русскими только притворялись. Настоящие его бы научили пить. Но, как бы там ни было, минералка, которую я предусмотрительно прихватил, оказалась более чем кстати. Вандемейер высосал треть баллона и только потом сумел просипеть слова благодарности.

Я предложил ему одеться и спуститься со мной в бар — по кофейку, мол. Большинство наших предпочитает энергетик, дескать, в нем тоже кофеин содержится, но я всё-таки пью по утрам кофе. Это что-то вроде традиции.

Мне заспанный Карман сварил кофе, а Вандемейер попросил «Non Stop». Наш бармен и тут не сплеховал, продемонстрировал высокому гостю навыки — извлек откуда-то из-под стойки высокий бокал, влил из баночки энергетик, жестом профессионального фокусника присовокупил дольку лимона и таким образом элегантно выставлял перед учёным. Не знаю, произвел ли Карман впечатление, Вандемейера мучила жажда, так что быстро схватил бокал и тут же наполовину осушил... но мне это представление понравилось. Я пару раз сдвинул ладони, чтобы изобразить бурные аплодисменты, взял свой кофе, и мы отправились в угол — за мой любимый столик.

Когда Дитрих слегка очухался, я напомнил, что он вчера собирался рассказать о своем заказчике.

— В какой области вы проводите исследования? Чем заниматься-то будем?

— Ну... э-э... счислением ангелов, — пробубнил Вандемейер и с тревогой глянул на мое лицо — врубаюсь ли?

— На острие иглы? — Я не ударил в грязь лицом, продемонстрировал похвальное владение предметом.

— Вроде того... — Трезвый Вандемейер говорил чисто, почти без акцента, но очень уж уныло. Похоже, беседа о предстоящей работе не доставляла ему удовольствия. — Организация, которая меня наняла, называется «Взыскующие слова». Это религиозная группа...

— Что-то вроде Свидетелей Иеговы?

— Нет, Свидетели — попса, — он так и сказал: «попса», — а Взыскующие выглядят более респектабельно. У них как-то солидней, что ли, и работают не с массовым слушателем. Не то чтобы это была какая-то закрытая ложа, но... словом, они обычно обрабатывают людей с положением, и стараются, чтобы участие в их организации выглядело привлекательно, элитарно. Благодаря такой тактике Взыскующие обзаводятся высокими покровителями.

Ага, понятно. Я за модой не слежу, поэтому о Взыскующих не слыхал, да и они мной не интересуются. А вот был бы я генералом или миллионером...

— Вообще их название — от фразы «В начале было слово, и слово было Бог». Вот этого слова они и взыскуют, по-

нимаете?

— Ну, ладно, мне это ни к чему, каждый забавляется как умеет. А конкретно — что вас интересует в Зоне?

Есть такой анекдот. Идет по улице сталкер Петров, подлетают к нему Свидетели Иеговы: Господь говорит с нами! Господь говорит с нами! Услышь и ты его голос в своей душе! Господь говорит со всеми! Петров им в ответ: а вы его гранатой попробуйте, с контролёрами это первое дело! Большинство анекдотов про сталкера Петрова не смешные, зато верно ухватывают суть. Я сам придумал несколько штук, и они вполне успешно гуляют по Зоне.

А Вандемейер задумался. Наконец, медленно подбирая слова, начал:

— Вы, конечно, знаете теорию о происхождении Зоны? Прокол в континууме, прорыв ноосферы в...

— Слышал. — Ещё бы, об этом все слышали.

— Так вот. Взыскующие полагают, что ноосфера — это проявление Господа. Святой Дух. В таком случае наиболее характерные мутанты Зоны несут осязаемые частички Его, то есть они — что-то вроде ангелов.

«Характерные мутанты» — неплохо звучит.

— Ничего себе...

— Нет-нет, не подумайте, я не разделяю этих убеждений! Я не адепт, а наемный работник, платят Взыскующие неплохо, к тому же они оформляют отличные страховки, поскольку работа в Зоне — большой риск.

— Вы, наверное, даже не представляете, насколько большой. Вандемейер, ваши Взыскующие не оригинальны. В среде сталкеров большой популярностью пользуется теория, что Зона — прорыв инферно в наш мир, а всякие кровососы, полтергейсты и контролёры — это бесы. Понимаете? Не ангелы, а бесы!

— Взыскующие хорошо платят...

Этой фразой Вандемейер подвел итог нашему так и не состоявшемуся религиозному диспуту. Итог закономерный — и, кстати, он меня вполне устроил. Дальше разговор пошел более конкретный:

— Речь идет о следующем. Пси-излучение, ментальное воздействие и тому подобные штуки — это не то чтобы фикция, но, во всяком случае, больше теория, чем практика. Если нет специального оборудования, то измерению и контролю поддаются только электромагнитные колебания. Институт, который финансируют Взыскующие, уже несколько лет занимается сбором и классификацией статистики. Пока что выводы таковы: любому так называемому пси-воздействию соответствуют определенные электромагнитные колебания. Я не возьмусь утверждать, что пси — профанация, возможно, электромагнитные возмущения лишь побочный эффект. Но не менее вероятно и обратное! Вот это мне предстоит проверить: не является ли пси-эффект реакцией организма на электромагнитные возмущения.

— Погодите, Вандемейер, а при чем здесь ангелы?

— Потому что эксперименты я смогу провести только в непосредственной близости от мутантов, обладающих пси-возможностями. Полтергейсты, бюреры, контролёры — нуда вы лучше меня знаете!

— Знаю... в основном теоретически. — И никогда не стремился проверить свои знания на практике. Эти «ангелочки» Зоны — такая сволочь!.. — Меня как-то не тянет знакомиться с контролёрами поближе.

— Пси-воздействия измерению не поддаются...

— А я слышал, поддаются.

— Мои наниматели не уверены, что сообщения о работе с пси соответствуют действительности. Не забывайте, они не совсем учёные, у них иной подход. Честно говоря, они попросту не располагают необходимым оборудованием, чтобы работать с пси, потому и пошли иным путем и изучают то, что могут.

— От бедности, значит?

— Ну, на гонорары и страховку у них средств достаточно, а остальное меня не волнует. Я просто выполняю работу, за которую платят.

Святые мутанты! Впрочем, если за этот бред платят, то почему бы и нет?

После двенадцати мы отправились в «Управу», оформлять бумаги. Нам выдали временные удостоверения, комплекты НЗ, «макаровы», по паре обойм на рыло, кроме того, Дитриха снабдили полным набором барахла, какое таскают учёные... А на следующее утро мы загрузились в армейский джип, и унылый, непрерывно зевающий ефрейтор повез нас к Периметру. Вандемейер облачился в оранжевый защитный комбез, а я, его персональный Сусанин, в привычные шмотки.

Потом мы двинули от блокпоста по отчетливо выделяющейся тропе в глубь Зоны... и меня все время подмывало обернуться — очень уж неудобное чувство, когда солдатики глядят тебе в спину. И поглаживают автоматы — я же знаю, что поглаживают! Дитриху этого чувства не понять, ему-то небось парни с блокпоста представляются друзьями и союзниками... Пока мы шагали по тропе, Вандемейер рассказывал о предстоящих опытах. У него имеются результаты статистических выкладок и кое-каких лабораторных экспериментов... какой сигнал может привлечь зверя, а какой, напротив, отпугнуть. Мне трудно вообразить что-то, способное отпугнуть, к примеру, кабана — тупая скотина прет напролом, кабан не удержим. Или, к примеру, голодный кровосос. Эта тварь умная, хитрая, но какой сигнал его обманет?

— Не отпугнуть, — поправился Вандемейер, — я неточно выразился. Радиосигнал сообщит кабану и кровососу, что там, где находимся мы, ничего нет. Слепое пятно, понимаете?

Я понимал. Из-за болезни я знаю об устройстве глаза несколько больше, чем обычный, здоровый, человек. Там, где зрительный нерв подключен к сетчатке, отсутствуют чувствительные элементы, этой точкой глаз сигнала не воспринимает — но расположены слепые пятна так, что мы их не замечаем, поскольку зримая область второго глаза перекрывает слепое пятно первого... Французский король Людовик XIV играл со слепым пятном — закрывал один глаз и видел придворных, как будто у них нет головы. Интересно, как можно имитировать королевскую забаву при помощи радиоволн?..

Потом, когда мы удалились от Периметра, я велел Вандемейеру сосредоточиться и беспрекословно следовать моим приказам — мол, пока я не добрался до тайника со снаргой, мы в серьезной опасности. Дитрих заткнулся... однако, когда мы обходили кабаничку, играющего в кустах, он точно что-то включил! Провел, значит, первые полевые испытания. Я не стал спрашивать, какой сигнал он запустил. Может, дал знать скотине, что мы — две аппетитные сексуальные свинки? Или что мы — много вкусенького? Впрочем, не буду повторяться, финал этой истории вы знаете. Кабаничка сделался жертвой науки, а мы с Вандемейером засели на дереве в нескольких десятках метров от пирующей своры — невидимые для псов, будто голова придворного — для изобретательного короля Людовика. Дитрих забавлялся с приборчиком,

собаки чавкали так, что даже в нашем гнездышке было слышать, и я задремал под их заунывные «о-хо-хо-хо».

Когда спишь на дереве, расположившись в не слишком надежном гнездышке, а под боком питается стая слепых псов — сон не крепок. Я то погружался в забытье, то, встрепенувшись, прислушивался к завываниям мутантов. Дитрих все так же деловито трещал клавиатуркой своего шикарного ПДА. Экранчик в руках ученого светился холодным сиянием. Наконец я не выдержал:

— Вандемейер, вы прямо доктор Павлов.

— Что? Как вы говорите?

— Я говорю, вам бы не мешало поспать. Утром мы отсюда свалим, и вы мне понадобится бодрым и веселым.

— Свалим? Ах, я понял, понял... Да, утром.

— Утром, ага, часов через... — я заглянул ученому через плечо, чтобы разглядеть время в его ПДА, — через шесть.

Поспите сейчас немного, что ли?

— Я уже заканчиваю. А как мы будем сваливать?

— Ну, как... вы своим прибором нас прикроете, собаки под утро нажрут, станут сытыми и ленивыми...

— Нет, это не выйдет. Когда мы станем спускаться, стая услышит.

— Не беда. — Я в самом деле был не слишком разочарован. — Мы подождем, пока кто-то пойдет по тропе. Тропа ведь рядом. Поспите, Вандемейер.

Потом я снова отрубился, а проснулся, наверное, от того, что смолк стрекот клавиш.

С рассветом округу затянуло туманом, все окрасилось в мой любимый серый цвет, и при такой видимости я решил не торопиться с выступлением. От долгого сидения на ветках ноги затекли, и, как я ни вертелся, никак не удавалось размяться как следует. То есть подвижность наша будет ограничена, и если собаки решат взяться за нас всерьез — быть беде. Вандемейер проснулся, мы попили кофе из термоса, пожевали галет. Собаки притихли, но Дитрих утверждал, что стая на месте — у туши кабанчика. Хотя слепые псы прожорливы, съесть такую гору мяса за ночь они не должны были, так что и уходить тварям незачем. Я кое-как приподнялся на шатком настиле и справил нужду — собаки подали голос, но на глаза не показывались... Время шло, туман стал подниматься. Вандемейер тоже решил облегчиться — и тут-то стая заинтересовалась нами по-настоящему.

Первыми появились взрослые самцы, забегали под деревом, вынюхивая новые запахи. Ещё бы — охранять охотничью территорию — это задача взрослых мужчин, а мы с Дитрихом как-никак помочились на их дерево, пометили территорию стаи! А ещё я подумал: слепые псы не бывают дальтониками! Они не братья мне. Подул ветерок, туман пошел мутными волнами...

Я заметил, что собачьи животы тяжело оттопыриваются и слегка раскачиваются в такт бегу — звери нажрались до отвала, стало быть, резвости у них поубавится. Потом подтянулись самки и щенки. Вели себя собаки неуверенно, подвывали, трусили вокруг между мокрых стволов, то пропадали в тумане, то выныривали снова.

— Чьего мы ждьом? — спросил рыжий. Он уже держал пистолет наготове, и акцент выдавал волнение. Дитриху уже хотелось пострелять.

Я выпростал из-под полы МР-5 — прятал от влаги. На всякий случай вытер рукавом.

— Мы ждем движения на тропе, — ответил я.

— Вы называли меня ночью доктором Павловым, это что значит?

— Ну... знаменитый учёный доктор Павлов изучал условный рефлекс на примере выделения у собачек желудочного сока. Кормил собак и давал разные сигналы. Вот и вы...

Я не успел закончить, а Дитрих вдруг привстал, перехватил кисть с оружием второй рукой и начал палить по собакам. Первого самца он прикончил с одного выстрела, затем стая подняла гвалт, псы заматались в сером тумане... начали нарезать свои привычные круги...

— Вандемейер, вы сволочь! Теперь они нас точно видят!

— Это ничьего. Я все равно должен отключить прибор...

И этот тип преспокойно потянулся к ветвям ярусом выше, где вечером укрепил антенну. Собаки бесились и завывали внизу, а Вандемейер не спеша укладывал свои железки в футлярчики и сматывал провода аккуратными колечками. Конечно, ему нужно время, чтобы уложиться, — то есть рыжий должен был начать собираться раньше, чем по сталкерской тропе к нам подоспеет подкрепление... значит, рано или поздно стая все равно должна была нас обнаружить. Но меня-то можно было предупредить! В конце концов, я бы тоже подстрелил собачку. А теперь, когда они носятся, стрелять сложнее, и я не стал тратить патроны.

Считая щенков, достаточно подросших, чтобы кусаться, в стае было десятка три голов — слишком много, чтобы спускаться к ним, так что оставалось ждать, пока на тропе объявятся прохожие. Вандемейер выпустил оставшиеся патроны и, должно быть, был удовлетворен. Во всяком случае, он спокойно перезарядил «макаров» и неспешно снарядил обойму. Собакам тоже надоело кружить под деревом, они сообразили, что достать нас не смогут, и расположились в кустах поблизости. Время от времени кто-то из молодых псов деловито пробегал под деревом, со всех сторон неслись завывания... но свора насытилась за ночь и большой активности не проявляла.

Наконец мой ПДА писком известил: приближается кавалерия. Я глянул на экранчик: двое. Светящиеся точки выплыли из-за края дисплея, потом скорость их упала — парни, разумеется, слышали наших собачек. Сейчас они достали оружие и идут медленно, берут на прицел подозрительные заросли и страхуют друг друга. Собаки заинтересовались вновь прибывшими, стая снова забегала, но круги, которые описывали псы, постепенно уводили собачек к тропе. Самки с малышкой двигались, как обычно, в арьергарде, их-то мы и накрыли первым залпом. Наше показное бездействие усыпило бдительность сук, и мы подстрелили парочку, потом собаки сообразили и увели щенков в заросли. Но, прежде чем мы открыли огонь, выстрелы раздалась на тропе. Сперва скупые одиночные, потом гуще, более нервно. Вот загрохотал «Калашников», разом перекрывая треск пистолета... парень слишком спешит.

Я по себе знаю: когда слепые псы выписывают свои петли, подбираясь все ближе, — начинаешь волноваться. Мы скинули рюкзаки, спустились сами, по очереди подхватили ношу: первым я, пока мутанты не опомнились, потом Дитрих. Несколько молодых псов кинулись к нам, пока рыжий неуклюже вдевал в лямки руки, толстые из-за рукавов оранжевого

комбеза, по я встретил зверей короткими очередями. Не завалил ни одного, на парочку ранил — это остудило пыл молодняка.

Как только Дитрих был готов, мы кинулись к тропе. Я ещё несколько раз выстрелил — не надеясь, попасть, а чтобы дать знать ребятам на тропе, что мы приближаемся. Не то засадят, чего доброго, по зарослям навстречу шуму.

Когда мы выскочили из-за кустов, псы уже наседали на пару сталкеров. Бестии будто знали — едва у автоматчика вышли патроны, кинулись рыжей волной. Сухие щелчки «макарова» потонули в хриплом лае, на сталкера с калашом прыгнули два самца. Матерые, тяжёлые после ночной трапезы — с ног не сбили, но парень выронил рожок. Его напарник не растерялся — выпустил остаток обоймы в упор, сбил одного пса, тут и я длинно засадил под ноги ребятам — я же знал, что псы кинулся за жожаками. И верно — вся очередь хорошо легла в мешанину красно-коричневого визжащего мяса... Псы с визгом рванули прочь, рассыпаясь в разные стороны, автоматчик рванулся, стряхнул самца и даже успех садануть улепетывающего пса прикладом, Вандемейер выпустил вслед жожаку две пули, промазал. Вой стал удаляться и наконец стих. Должно быть, собаки разом вспомнили, что ещё кабан не доеден.

Мы оглядели друг друга. Я этих сталкеров не знал, оба — молодые. Должно быть, новички. Правда, экипировка у обоих не пижонская, правильная и сидит ладно. Автоматчик поспешно подобрал рожок, с щелчком вставил.

— Ну, вы вовремя! — покачал головой другой. — Я уж думал: все, сожрут сейчас... как налетели...

— Может, пойдем вместе? — предложил тот, что с «калашом». — Вы сейчас куда?

— Пока по тропе, — заметил я. — Меня Слепым зовут.

— А я Коржик! Это Мерзляк. Мы на Свалку хотели...

— Вандемейер, — назвал рыжий. И глянул на меня — он же не знал, по дороге нам или нет.

Я осмотрел дохлых псов, у обоих хвосты были куцые, изъеденные какими-то мутантскими болезнями. Вообще-то хвосты псов имеют кое-какую цену, но нам не повезло, эти выглядели очень уж паршиво.

— Пока можно вместе. — Я двинул по тропе. Остальные тоже потянулись, Коржик рядом со мной, за ним Мерзляк. Дитрих оказался последним. — Но мы до Свалки не дойдем, свернем к «Сундуку».

— Почему? — вдруг запротестовал Дитрих. — Я слышал, Свалка — интересное место.

— Потому что у нас первая ходка. Для начала вам хватит и собачек. К тому же в «Сундуке» у нас встреча, вы не забыли?

— Но Свалка...

— Там сейчас слишком людно, вам не удастся поэкспериментировать всласть. Дитрих, давайте не будем спорить. К Зоне нужно привыкать постепенно.

Ребята, которых мы отбили у своры, помалкивали. В общем-то картина была понятна. Учёный в оранжевом комбезе блажит и капризничает, опытный матерый сталкер — я то есть — его осторожно наставляет. Классика!

Мы миновали развалины с моим тайником, Угольщик с молчаливым Каляном уже свалили. Ещё бы, им-то чего ждать, их собаки не тревожили.

Потом тропа стала пожиже, отсюда сталкеры — те, кто пришел через блокпост — уже разбредались по своим маршрутам. Конечно, к Свалке тянулись многие, но здесь дорога стала опасней, аномалии встречались чаще, ПДА то и дело попискивали, предупреждая об опасности.

Разговор не ладился, молодые помалкивали, я урывками объяснял Вандемейеру, что на Свалке он не встретит своих ангелов, потому что место людное. Дело в том, что я не собирался заводить Дитриха далеко, решил ограничиться южными окраинами Свалки. Там безопасней, там многие пасутся.

Конечно, где люди, там и зверьё кормится, но больше тупые твари — слепые псы да псевдоплоти. И те, и другие на помойках рыться не брезгуют, да и мёртвечинку любят. А интересующие нас элитные мутанты чаще встречаются за Барьером или, к примеру, в Тёмной долине. Только в этот раз я к Барьеру не пойду. Пока наш первый выход, ограничимся «Сундуком».

Туман поднялся и рассеялся, но небо было затянуто тучами, это часто бывает в Зоне. Серое небо над серой землей — и никаких светофоров. Ветерок завывает в кронах тополей, будто насвистывает недобрую песню... Рай для настоящих мужчин, восемь процентов которых составляют дальтоники.

Наконец под стрекот детектора мы выбрались на асфальтовую дорогу. Растрескавшееся изломанное полотно заметно дышало — воздух дрожал, аномалии были хорошо видны, даже болтов кидать не надо. Обогнули опасный участок и вышли к перекрестку. Здесь Коржику с Мерзляком предстояло свернуть на грунтовую колею, которая вела к Свалке, а мы с Вандемейером могли с комфортом двигать по асфальту. «Сундук», заведение, принадлежащее Сорняку, находилось в заброшенном поселке, куда и вела старая дорога. Ребята трогательно поблагодарили нас за помощь с псами, а мы с Дитрихом скромно покивали. Не объяснять же парням, что это мы как раз и приманили собачек? Пожелали друг другу доброй Зоны и разошлись.

Когда мы остались вдвоем, я тут же приступил к расспросам. Меня до чертиков заинтересовал прибор рыжего. Если в самом деле удастся укрываться в таком слепом пятне от тварей Зоны, то деятельность Взыскующих может обернуться весьма любопытными достижениями. Кстати, это вполне объясняет интерес Гоши Карого к работе Дитриха. Но Вандемейер меня разочаровал:

— Увы, Слепой, пока что мне сказать нечего. Нужно обработать результаты, все серьёзно проанализировать.

— Погодите, но мы же укрывались на дереве, верно? И псы нами не интересовались?

— У меня нет статистики по сходным случаям. — Учёный пожал надутыми оранжевыми плечами комбеза. — Не исключено, обоняние псов устроено так, что они не чувствуют того, кто выше. Вы знаете случаи, когда кто-то переждал бы приближение стаи на дереве? Может, это нормальная ситуация?

Нет. Пожалуй, ни о чем подобном я не слышал.

— Но когда вы отключили машинку...

— Или когда мы отлили? Кстати, ветер под утро сменил направление, вы не обратили внимания? Возможно, все дело в ветре. Сытые псы не слишком принохивались, пока не подул нашими... э...

А ведь верно! Ветер в самом деле менялся.

— Понял, понял. Вандемейер, я разочарован!

— Такова жизнь. Далеко ещё до этого вашего «Сундука»?

Дитрих несколько преувеличил, «Сундук» — вовсе не мой, а Сорняка. А жалко, славное местечко. Я бы не возражал, чтобы оно принадлежало мне.

— Полчаса, час... смотря как будет выглядеть дорога.

Тут мой ПДА снова издал стрекот, предупреждая об очередной аномалии, разговор прервался. Я шел первым, поглядывая то на монитор ПДА, то по сторонам, Дитрих шагал следом. Ничего интересного нам не попало. Путь к «Сундуку» — битое место. Дорогой часто пользуются, здесь многие ходят и даже ездят. У обочины валяется грязное тряпье, рваные упаковки из-под галет, тронутые ржавчиной консервные банки. Кости тоже попадают. Зато зверей здесь не видно, мутантов давно распугали гости Сорняка.

Единственным моим трофеем стала обойма «макарова» с двумя патронами. Не знаю, почему её выкинули в кустах у обочины, возможно, патрон перекошен. На всякий случай я сунул находку в накладной кармашек над коленом — после разберусь.

А потом мы перевалили очередной бугор, и открылся вид на округу — впереди уже был поселок, где обосновался Сорняк. Тут наконец дымка над головой разошлась, сделалось светлей, но красок не прибавилось, пейзаж оставался тусклым и серым. Вечная осень...

Поселок давно лежал в руинах. Но большое административное здание сохранилось неплохо, его-то и занял Сорняк. Я уже бывал здесь и знал, что позади двухэтажного строения имеется двор с гаражами. Впустили нас без расспросов, «Сундук» для того и существует, чтоб гостей принимать. Я не знал, к кому следует обращаться по поводу Гошиных дел, но охранник сам вспомнил:

— Ты, что ли, Слепой? Химик скоро будет, заходите, располагайтесь.

Я его не помнил, но, оказалось, парня предупредили, что явится человек на пару с учёным в красивом комбезе. Прикид Вандемейера — достаточно хороший ориентир.

— Мне бы ещё с Бородой потолковать...

— Он в гараже, там должовцы с каким-то заказом... Мы с Дитрихом вышли во двор. Из должовцев здесь торчал лишь один, вытирал тряпьем стекла внедорожника. Я пошел в гараж, Вандемейер топал следом. Я бы велел ему идти в местный бар, но с чего-то решил не оставлять его без присмотра — как в воду глядел... Словом, учёный пошел за мной.

Гараж пустовал, только железки на грязном полу — ржавые и вымазанные маслом вперемежку. Борода сидел за массивным столом в углу, ярко освещенный несколькими лампами. Перед ним на столе громоздился всевозможный хлам — причудливые железяки, микросхемы, мотки проводов и какие-то пластиковые штучки, словом тот самый сор, из которого технический гений Бороды кует шедевры.

— Борода, привет! У меня спецзаказ. Я сделал открытие, но если возьмешь на себя грязную работу — патент заявим на двоих.

— Ладно, ладно! Анекдоты потом мне расскажешь.

— Это срочно, — неожиданно подал голос Вандемейер. — Нужно делать очень быстро.

— Да вот сейчас закончу... — Борода подхватил неопрятный комок грязи, с которого свисали разноцветные провода, и целеустремленно прошел мимо меня. Когда он в процессе, то делается неудержимым, поэтому я просто посторонился. — Сейчас, сейчас...

Мы с Дитрихом вышли следом, механик шагал к должовской машине. Парень, вытиравший стекла, обернулся к Бороде и промокнул руки.

— Держи, — Борода сунул ему прибор, — можешь попробовать поставить, но без меня не включай. Сейчас второй будет, оба сразу хочу испытать.

— Э, нyet! — вдруг заявил Дитрих. — У нас срочная работа!

— Ну и что? — Долговец обернулся к рыжему. Парень был крупный, массивный и из-за тяжелой амуниции казался ещё больше. Дитрих рядом с ним смотрелся несолидно.

— Сперва наш заказ! — прокукарекал Вандемейер. Долговец неторопливо передвинул автомат так, чтоб был под рукой, и смерил ученого насмешливым взглядом. Рыжий шагнул к нему и сжал кулаки.

Я растерялся. Долговец напрягся... Неприятности мчались к нам со скоростью урагана, так что думать было некогда, я действовал автоматически.левой рукой ухватил рыжего за оранжевые складки на спине и рывком отшвырнул от стелкера, а когда тот машинально двинул корпус вперед — уткнулся носом в мою «Гадюку».

Стало очень тихо, только Борода сопел, да Дитрих шурился комбинезоном в моем кулаке.

— Извини, — сказал я, стараясь, чтоб голос не дрожал, — конечно, ваш заказ первым, а мы подождём. Мой напарник не прав.

Долговец глядел на меня, и я чувствовал, что он сейчас мучительно размышляет, как поступить. Вандемейер сделал раз в десять больше того, за что следует мочить... я тоже оскорбил парня, наведя на него оружие... И где-то в «Сундуке» — его друзья, суровые парни из «Долга». С одной стороны, соратники — поддержка, с другой — неизвестно, видят ли должовцы нас, с третьей стороны — неизвестно, что лучше, если видят или нет? Сталкер потеряет лицо, если проглотит оскорбление, а ежели никто не знает, то как бы ничего не случилось и он может принять мои извинения... Кроме нас, во дворе были люди Сорняка, но в эту сторону никто не глядел. За воротами затарахтел двигатель, охранники налегли на створки. Из здания вышел ещё один долговец, увидел нашу живописную компанию и тут же взялся за кобуру.

Парень из «Долга» отвел взгляд от автоматного дула и посмотрел мне в глаза. В этот момент ворота распахнулись, и во двор, держа курс точно в нашу сторону, въехало чудо-юдо. Бронированный вездеход с колпаком тёмного стекла впереди и башенкой в кормовой части, длинный корпус покачивался на трех парах широких колес... Называлось чудо техники «Малышом», а принадлежало Химику и его напарнику Пригоршне — тем самым сталкерам, что должны были передать сборку для Карого. Мотор умолк, с лязгом отъехала дверца, из чрева броневики возник Пригоршня — крупный улыбчивый блондин.

— Здорово, Слепой! А у вас тут чего, веселуха какая-то?

В руках сталкера был «калаш», обратился он ко мне... в общем, долговец, которого я держал на мушке, принял правильное решение:

— Ладно. Бывает.

— Извини, — ещё раз повторил я, опуская МР-5. — В самом деле, мой учёный неправ. Новенький он, понимаешь... Конечно, сперва ваш заказ, а мы подождём... Привет, Никита!

Никитой зовут Пригоршня.

— Да я сейчас, я скоро... — забубнил Борода, пятась к своей берлоге. Он, как и я, не любит игр в крутых парней. — Всем сделаем, все в лучшем виде...

— Чего тут? — окликнул с крыльца второй долговец.

Первый направился к нему, показывая агрегат, который получил от Бороды. Не знаю, что он приятно расскажет о нас. Надеюсь, что конфликт все же исчерпан. Очень я не люблю всякого такого... Я же человек тихий, мирный. Знал бы, прихватил из тайничка у тропы не «Гадюку», а «Калашников», он куда лучше способствует мирному решению споров.

— Опасные мутанты, анархисты и бандиты не остановят «Долг», когда за «Долгом» гонится сталкер Петров, — прокомментировал ситуацию Пригоршня. В другой ситуации я бы обрадовался — этот слоган, пародирующий долговские речёвки, придумал я. Мои слова ушли в народ.

Только теперь из «Малыша» выглянул Химик. Осторожно выглянул, с «макаровым». Оглядел двор, удостоверился, что все тихо, и опустил ствол.

— Вы чего тут буяните? Пригоршня, ты-то чего лезешь?.. Привет, Слепой.

— Привет. Знаешь анекдот? Приболтали долговцы сталкера Петрова: вступай, мол, к нам. А чего у вас надо делать? Уничтожать мутантов. Вот, вступил Петров в «Долг», и первым делом зеркало в уборной расстрелял. Там, говорит, у вас очень страшный мутант.

Химик ухмыльнулся, но я видел, что краем глаза он наблюдает за бойцами «Долга».

— А долговцы ему что?

— Да, говорят, есть такое дело, сидит там один мудаковатый монстр. Но мы его терпим. Сборка готова?

— Ну, почти. Осталось проверить, и заберешь.

— Ладно. У меня ещё заказик для Бороды есть. Так что мы до завтра зависнем здесь, а потом — на большую землю. Вы с Никитой как?

— Да мы не торопимся... Слепой, ты попутный груз возмешь?

— Если немного, возьму.

— Слепой, не могли бы вы отпустить мой комбинезон? — наконец подал голос Дитрих.

Я только тут сообразил, что крепко стискиваю оранжевые складки на его спине.

— Вы сволочь, Вандемейер. Зона дери, какая вы сволочь...

Я поволок Дитриха в «Сундук», при этом поглядывал, чтобы не встретиться ненароком с долговцами. Сорняку было некогда, он велел нас накормить за счет заведения и предоставить комнату. Я выбрал помещение на втором этаже, с окнами, выходящими во двор, и не позволял Вандемейеру высовывать нос за дверь до тех пор, пока долговский джип не убрался. После этого мы спустились обедать. Химик уже сидел в зале, баюкал бутылку пива.

— Борода свободен, вас ждёт, — кивнул он.

Мой учёный помалкивал, видно, понимал, что виноват. Я даже не стал утруждать себя расспросами, какого рожна он затеял заваруху. Что бы рыжий ни наплел в ответ, я точно знал: разумного объяснения его выходке не существует. И существовать не может. Точка.

После обеда мы сходили в гараж, и я обрисовал свою идею Бороде. Гениальнейший механик Зоны в восторг не пришел, хотя я считал, что изобрел отличную штуку. Наверное, Борода мне просто завидовал. А может, не понимал, что за идею я подаю, — ему-то не приходится мотаться через Периметр.

К тому же механик упирал на то, что идеи мои замечательны, но воплощать-то ему. И тут есть определенные трудности... В общем, разговор плавно смещался к обсуждению цены, и я решил отвлечь собеседника.

— Есть такой анекдот, — завел я, — предлагают сталкеру Петрову американский штормовой комплекс с сервоприводами, лазерным прицелом, оптической системой, которая, знаешь, есть такие, с глазом совмещает... одних гранатометов три штуки! А Петров отвечает: баловство! Приклад хлипковат, тут и вдарить по-человечески нечем. Понял? Это я про тебя, Борода. Нужно идти в ногу с прогрессом! Хватит уже лупить прикладом, если с другой стороны имеется отличный огнестрельный ствол. Короче, коли ты сделаешь такой чемоданчик, как мне требуется, слава о тебе прогремит до самого Лиманска! Ну? Это же вызов твоему техническому гению.

Борода стал заводить глаза к тонущим во мраке перекрытиям гаража, потом полез ковыряться в дремучие джунгли на лице, которым был обязан прозвищем. В гараж заглянул Химик и показал мне туго набитый рюкзачок:

— Вот это нужно перебросить. Видишь, совсем ничего!

— Ого.

— Чего огокаешь? — В другой руке у Андрея была бутылка, и он отхлебнул пива. — Это же немного.

— На себе такое «немного» переть?

— Почему на себе? Мы вас подкинем на «Малыше». Вообще-то я именно на это и намекал. Очень уж не хотелось тащиться пешком, к тому же Вандемейер проявил нездоровую склонность к конфликтам, а присутствие Пригоршни, вот как накануне во дворе, могло помочь установлению мира. Никита парень крупный, к тому же в «Малыше» смонтирована пулеметная турель.

— Нет бы, сделали двойное дно, как все нормальные люди... — пробубнил Борода. Я так и думал, идея всё-таки его захватила, и механик уже размышлял, как бы половчей её воплотить.

— Двойное дно — само собой, — утешил я Бороду, — но и мое ноу-хау тоже нужно приделать. И, самое главное, эта штука должна быть легкой и выглядеть так, будто она относится к бараклу Вандемейера. Ну, солидный вид, блестящие бока, ровные грани... словом, чтобы ощущался налет цивилизации.

Борода покачал головой, побрел в темный угол, стал ковыряться в грязных железках... мы, все трое, заинтересованно

наблюдали за его манипуляциями.

— Вот! — Механик извлек на свет аккуратный алюминиевый кофр, в самом деле очень солидный на вид. Судя по тому, как механик его легко поднял, вес тоже в порядке.

— Ну, видели? — Я победоносно оглядел Вандемейера и Химика. — Я же знаю, как обращаться с эстонцами! Они славные парни. Просто думают долго, им нужно несколько раз хорошо объяснить.

— Какой я тебе эстонец, — обиделся механик.

— Ну как же... и фамилия у тебя типично эстонская — Бородаа.

Вандемейер не врубился, а Химик хохотал так, что даже пиво расплескал.

— Дурак ты, Слепой, — буркнул механик. — Что за язык у тебя!

— Да брось, просто у меня было тяжелое детство. Маленького меня все обижали, так что я выработал ну, как бы её назвать-то... реакцию ёжика. И большой я не могу избавиться от старых привычек. Реакция ёжика, понимаешь...

— Реакция скунса! — пробухтел Борода.

— Как скажешь, — кротко согласился я. — Хоть скунса, лишь бы работало. Моя реакция работает исправно. Вот ты сделаешь мне штучку, чтобы работала?

— Ладно... — Что мне нравится в Бороде, так это отходчивость. В некотором смысле это даже лучше, чем чувство юмора. Глядя на парней вроде Бороды, я и сочиняю байки о приключениях сталкера Петрова. — Попробую. Но день работы как минимум.

— Может, лучше ночь работы? — предложил я. И утром мы свалим.

— Не.

— Ему долговцы литр спирта привезли, — объяснил Андрей. — Ночной смены не будет.

Тут мне пришла в голову идея.

— Химик, а ты не мог бы завтра устроить господину Вандемейеру экскурсию на Свалку? Видишь, ему интересно. Наверное, на Западе о Свалке много говорят... Вообще, я считаю, нам в тех палестинах делать нечего, сейчас Свалка сделана как проходной двор... но на денек — чисто показать достопримечательности, а? Ты ж после нас все равно обещаешь к Периметру подкинуть? На «Малыше» как раз завтра туда-сюда обернёмся, а послезавтра заберу твой груз.

— У Никиты большие планы, — задумчиво протянул Химик. Возможно, он имел в виду размер груди Катерины и другой девчонки, которую я не знал, как звать. Я видел, что Пригоршня ушёл из бара с ними. В самом деле, планы маленькие... — Ладно, завтра сгоняем на Свалку. Но в «Малыше» не шалить...

— И руками ничего не трогать, — закончил я. — Заметано. Вандемейер, вы слышали?

Вечер прошел скучно, потому что водка у Сорняка паршивая... хотя он дегустирует её не меньше Карого, даже больше, пожалуй. Почему-то его товару дегустации не помогают. Мне пришла в голову мысль: мы ведь, как известно, не просто пьём, а выводим из организма радионуклиды. Верно? А здесь, в Зоне, это уже не шутка. Или как минимум не только шутка. Вот и воспринимается водка здесь как лекарство, а оно — что? Правильно, горькое. Я решил, что в следующий раз непременно затарюсь в «Звезде», а выпью здесь, в Зоне. Это будет хороший эксперимент.

Наутро мы снарядились, залили в термос кофе... Кстати, и кофе в «Сундуке» тоже паршивый. Наверное, поэтому сталкеры предпочитают «Non Stop».

Но я всё-таки из упрямства пью кофе. Мы уложили барахло и вышли во двор. Борода скорее всего ещё дрых, а Химик уже околачивался вокруг «Малыша» и задумчиво пинал здоровенные колеса вездехода. Я так понимаю, готовил машину к выезду — ну, как боксеру массируют плечи перед боем.

Увидел нас, улыбнулся:

— Слышь, Слепой, а почему нет никаких анекдотов, где сталкер Петров ехал бы в вездеходе? Или на джипе, или ещё что-то вроде?

Почему, почему... Потому что дальтонику сложно получить права, вот почему, а сталкер Петров — моё второе я, улучшенное и модернизированное. Сталкер Петров — это я без комплексов, он шагает по Зоне вдоль и поперёк, пинками расшвыривая мутантов, аккуратно переступая через долговцев и небрежно сплевывая при виде военных патрулей.

К тому же «Малыш» — штука уникальная. Машина, специально оборудованная для езды по Зоне. Я даже не загадываю, сколько бабок Химик с Пригоршней вбухали в свое детище.

Ехать в бронированном вездеходе — это оказалось совсем не то, что брести по Зоне пешком. Вообще странное ощущение... во-первых, потому что передвигаешься сидя. Во-вторых — ничего тебе самому делать не надо, ни на ПДА поглядывать, ни болтами швыряться.

Перед Химиком был пульт с какими-то блестящими штучками, назначения которых я не знал. Они подмигивали, играли огоньками, цвета которых я не мог определить наверняка... Конечно, там были и всякие датчики аномалий, да и сам вездеход представлял собой достаточную защиту от многих опасностей Зоны. Словом, мы катили, где по дороге, где чистым полем... никаких опасностей вроде слепых псов — минимум романтики! По-моему, Химик уже пожалел, что согласился нас прокатить. Когда мы загрузились, он с сожалением оглянулся и буркнул:

— Жалко, ремни безопасности у нас не предусмотрены. Пристегнул бы вас от греха подальше... по рукам и по ногам.

Но Вандемейер сидел тихо — отходил после вчерашнего. Мой принцип — не отказываться, если предлагают за удачу — Дитрих принял беспрекословно, так что, бледный и умиротворенный, хлебал энергетик и никого не беспокоил. Пока доехали, он более или менее отошел и из броневилика выбрался довольно бодро. Химик привез нас к кладбищу автотехники. Когда-то сюда свезли всевозможный транспорт для дезактивации, выстроили рядами внутри огороженного прямоугольного участка, да так и бросили ржаветь. Именно здесь сходятся несколько относительно безопасных трасс, так что в округе постоянно идет стрельба.

Между радиоактивных полей Свалки не так уж много найденных маршрутов, а места здесь достаточно богатые артефактами, и тот, кто контролирует перекресток, может иметь неплохой доход. Поэтому сталкеры, которые тусуются в районе кладбища, сбились в некое подобие сил самообороны и периодически проводят зачистку — выбивают из окрестности банды мародёров. Ну а те, понятное дело, стараются взять под контроль оживленные трассы.

В последнее время ситуация начала меняться, аномалии стали смещаться слишком часто, и часть старых маршрутов

пришлось забросить. Стало намного интересней.

Мы отправились в лагерь, Химик пошёл с нами, чтобы узнать новости. Поскольку время было рабочее, народу мы застали немного, сталкеры разбрелись по Свалке. Зато я заметил Угольщика. Парень сидел скучный, увидел меня, подошёл поздороваться.

— Пропал Сапог, — снова буркнул он, только теперь «пропал» прозвучало совсем с другой интонацией.

— То есть? Его нашли, Паша? Или?..

Угольщик вместо ответа протянул мне тускло поблёскивающий предмет, который перед тем нервно Крутил между пальцев. Я осмотрел — кусок ПДА, угол. Срезан или срублен, грани острые, ровные, без заусенцев.

Сапога мы похоронили... ну, всё, что осталось, похоронили...

Я кивнул. Если человек умирает на Свалке, собачки мигом сбегаются — чувствуют поживу. А после них немного остается для похорон. Вороны тоже могут...

— А из барахла только и осталось, что обрывки белья, да ПДА вот таким образом разделан, — грустно рассказывал Паша. — Ни снаряги какой, ни оружия. Он «беретту» на днях прикупил, хвастал, что точность невероятная. Пойду, ска- зал, на Свалке испытаю, патронов набрал и пошёл. На Свалке всегда пострелять можно, да, глядишь, и хабар перепадёт. Наверное, думал Сапог на псах потренироваться, а вышло — наоборот. И ничего нет, ни «беретты», ни патронов, ни барахла. Не нравится мне это.

— Ну, мародёров здесь всегда хватало...

— Это не здесь. Сапога случайно нашли, не на Свалке, а к северо-востоку отсюда. Там старого маршрута уже нет, потому что карта полностью сменилась. Так что ни троп там, да и вообще — ничего интересного. Зачем Сапог в те края поплёлся?..

Паша шмыгнул носом, я только теперь понял, что он крепко пьян. Отдал ему обломок ПДА и буркнул что то ободряющее, мол, что ж, будешь в наших краях заходи в «Звезду», помянем Сапога как полагается.

— Спасибо, Слепой, может, после... Сейчас здесь хочу покрутиться, вдруг узнаю, какого рожна Сапогу там понадобилось.

Химик остался в лагере, а я устроил Вандемейеру экскурсию по ближним окрестностям. Свалка имеет ту особенность, что места хоженные, битые, однако артефакт сыскать здесь можно — если повезёт, конечно. В холмах зарыто полно радиоактивного барахла, наверное, из-за этого склоны усеяны аномалиями, ну и время от времени что-то выскакивает. И снизу, из распадков, склоны просматриваются неплохо. Всё это я изложил Дитриху и даже продемонстрировал — на его глазах вытащил из кустов «каплю». «Жарки» в округе я не заметил, поэтому предположил, что аномалия — на вершине холма, куда никто не забирается из-за повышенного фона, а «капля», покувыркавшись по аномалиям на склоне, свалилась в кусты и благополучно пролежала, поджидая меня.

Картина была обычная — то есть давным-давно надоевшая мне и жутко занятная для новичка. Громадные терриконы всевозможного радиоактивного хлама высились вокруг, дышали и переливались там, где аномалии искажали пейзаж. Кое-где земля осыпалась, обнажая металлолом, брошенная дорожная техника облупившейся жёлтой краской живописно разнообразила склоны холмов, наши счётчики Гейгера потрескивали, создавая подходящий акустический ряд к этому унылому кино...

Мутантов поблизости не обнаружилось, Вандемейер понапрасну мучил свой ПДА и тот, другой, приборчик, названия которого я не знал, — пользы науке эта экскурсия не принесла. Я нарочно водил Дитриха по южным окраинам, не углубляясь в распадки между радиоактивными холмами.

Послonyaвшись между груд фонащего барахла, мы возвратились в лагерь. Я ещё потолковал немного с парнями — как обычно, нашлась парочка, готовых толкнуть артефакты задёшево. Кому лень искать перекупщика, кто успел рассориться с хозяином ближайшей точки, мало ли, какие причины бывают у людей. Ну а я рассчитался наличными из аванса, который мне вручил накануне Дитрих. Если удастся благополучно пересечь Периметр, навар выйдет вполне приличный. Вандемейеру эти гешефты были неинтересны, он забавлялся своими электронными игрушками. Когда я закончил, пошли грузиться в «Малыша».

— Поехали? — предложил Химик, едва завидев нас. Ему было скучно.

— Запрягай!

На обратном пути Вандемейер подал голос:

— Слепой, а что могло так разделать ПДА этого сталкера?

— Ну, мало ли... даже не знаю. Не собаки, конечно.

— Вандемейер, это Зона! — не оборачиваясь, бросил Химик. — У Зоны фантазия богаче, чем у вас и у меня вместе взятых!

И то верно. Аномалии вытворяют такое... к тому же время от времени возникают новые, с неизвестными свойствами — и уж кому-кому, а Химику о них известно побольше, чем любому другому.

Когда вернулись в «Сундук», я первым делом узнал, не появлялись ли долговцы, потом наведалься к Бороде в берлогу. Сияющий механик предъявил нам контейнер — именно таким я и представлял себе мой заказ.

— Ну? — победоносно осведомился Борода.

— Класс! Мне не терпится испытать его в деле! — в тон механику ответил я, хотя на самом деле предпочел бы, чтобы проверять этот чемодан в работе не пришлось.

Мы провели испытания, всё было замечательно... только теперь я сообразил, что отдал наличность на Свалке. А Борода как раз завел:

— Ну так это, Слепой... Насчёт моего гонорарчика...

— Да? — осторожно поддержал я разговор.

— Может, ты мне с той стороны кое-каких инструментов подкинешь? И будем в расчёте.

— Борода, я бы рад, но ничего сложней молотка и плоскогубцев я на ощупь не смогу определить. Я же Слепой. Как я смогу отыскать, что именно тебе требуется? Я же ни людей нужных не знаю, ни точек, где всякое такое можно найти...

— Да ты только через Периметр пронеси! Парень, которому передашь груз Химики, взамен свёрточек тебе даст,

только и делов! И в расчёте!

— Свёрточек на пару центнеров?

— Не-е! Там в основном платы, они же лёгенькие... я хочу ПДА усовершенствовать. Вот это будет дело, а не то, что твои игрушки. Слушай, а почему нет никакого анекдота, где бы у сталкера Петрова ПДА имелся?

Я пожал плечами. Я не очень-то люблю пользоваться КПК, там монитор цветной, а ещё — красные и зеленые кнопки.

— Так принесешь платы? А? Лады? Тогда я сейчас поставщику маляву сброшу.

Определенно не зря я пил за удачу! Осталось только вытребовать у Вандемейера ещё один заход в «Сундук», чтобы рассчитаться с Бородой. А механик предложил разделить с ним остатки долговского спирта. И верно — следовало принести удаче новую жертву, потому что хотя я и был доволен своим изобретением, но завтра на блокпосту благосклонность этой богини определенно потребуется! Если пройдет гладко — я, обладая таким Вандемейером, превращусь в популярного курьера... Да Зона свидетель, уже превращаюсь! Скоро курьеры-профи объявят на меня охоту!

* * *

Прощаясь поутру, Борода объявил:

— Гляди, я обо всем подумал. Видишь, ремешки? Можешь кофр за спину, как рюкзак, привесить. Руки свободны останутся.

Ну да, чтобы мне с комфортом надрываться и обпиваться потом, волоча эту штуку среди аномалий и стай мутантов... Вслух же я ответил:

— Я знал, что не прогадаю, обращаясь к тебе. Кто бы ещё подумал, как освободить мои руки! С другой стороны, профессионал на твоём месте снабдил бы эту штуку мотором и колесами. Так с кем я должен встретиться, кому груз-то отдать?

В самом деле, ни Химик, ни Борода не сообщили мне имени контактора.

— Я сам пока не знаю, — зевая, ответил Химик. — Мы сообщили покупателю, что груз у тебя, а он кого-то пришлёт к КПП, чтобы вас встретить.

Через какой КПП мы с Вандемейером будем выходить из Зоны, я сказал Андрею вчера, ему же предстояло подвезти нас на «Малыше», значит, маршрут заранее прикинуть надо.

— Ты запомни число: «триста семьдесят один», — объявил Химик. — Кто тебе скажет эту штуку, с тем и будешь иметь дело. Нет, в КПК не вбивай, просто запомни. Очень просто: «триста семьдесят один».

— Вандемейер должен быть наряжен в синюю тройку, а у меня в руках непременно будет букет алых роз, иначе твой человек не подойдёт к нам, правильно? Я угадал?

Химик криво улыбнулся.

— Просто наш покупатель не знает, кто из курьеров сегодня освободится. Кто сможет, тот и примет груз. Да ты не парься, кто скажет «триста семьдесят один», с тем и обменяешься хабаром. Грузитесь в «Малыша», поедem.

Из здания вышел Пригоршня, почесываясь и зевая. На крыльцо выглянула девушка, имени которой я не помнил. Улыбнулась и помахала на прощание Пригоршне. Хотя Никита не ездил на Свалку, подозреваю, что он спал меньше любого из нашей компании.

Я приподнял кофр — в самом деле, не слишком тяжело. Хотя, конечно, целый день с таким добром на плечах не пробегаешь...

Химик высадил нас в нескольких километрах от Периметра. Соваться ближе ему не с руки, здесь время от времени округу прочесывают армейские патрули.

Конечно, «Малыш» мог бы подобраться и поближе, но зачем лишний риск? К тому же мне предстояло перед выходом на большую землю спрятать снарягу. Я усадил Вандемейера под дерево на пригорке, попросил вести себя смирно и помчался к знакомым развалинам. Мне повезло, на тропе никого не было, я спокойно похоронил «Гадюку» и патроны, а также остатки пайковых консервов. Вообще всё, что можно, я оставил в тайнике, чтобы возвращаться с минимальным грузом. Без автомата мне сразу сделалось грустно, и я, не теряя времени, поспешил к ученому. ПДА просигналил: три яркие точки двигались к Вандемейеру. Скорее всего, военные — вряд ли мародёры станут так разгуливать поблизости от Периметра.

Если военные, значит, полбеда, но я заторопился, поскольку заметил за временным партнёром страсть к ссорам. Миротворцы нам, по всей видимости, ничего не сделают, но могут задержать, а Химик, конечно, просигналил своему партнёру на той стороне, что курьер уже получил пинка и мчится к блокпосту. Я ведь и так потерял время, пока снарягу прятал.

Вандемейер, как паинька, сидел смирно. Уже потом я понял, насколько мне повезло, что успел прежде военных. Они, конечно, засекли Дитриха и собирались проверить, кто это, такой хороший, сидит и не пытается смыться при их приближении, как поступил бы любой приличный человек. Я подскочил к ученому: «Подъём!» — и едва успел забросить за спину красивый блестящий кофр, как прозвучало:

— Оставаться на месте! Никаких резких движений! Стреляю без предупреждения!

К нам направлялся прапорщик, позади шагали двое бойцов. Эти держали нас на мушке. Они, разумеется, видели яркий комбез Вандемейера, но всё-таки переодеться может кто угодно, рисковать ребятам не хотелось. Парни в камуфляже были вполне типичные — рослые, широкие, лица в черных и зеленых полосах. Армейцы из миротворческого контингента обычно так и выглядят, похожи, как братья. Прапор тоже типичный — на голову ниже подчинённых, но кило на десять тяжелее. Весь квадратный такой, с квадратным, кирпичного цвета, лицом. Единственное круглое место — впереди, пониже грудной клетки. Этот не стал разрисовываться на манер индейцев — наверное, счёл, что чёрно-зелёный макияж не идёт к красным щекам.

Мне не раз приходило в голову: прапорщики — они ведь после срочной? Значит, они тоже были когда-то рослыми подтянутыми пацанами, вот как эти двое автоматчиков? Рядовые — здоровяки, спортсмены, как правило, под метр девяносто и вообще — косая сажень... А прапорщики как на подбор невысокие, пузатые, коренастые. Видимо, когда присва-

ивают звание прапорщика, над ними справляют какой-то языческий обряд. Скажем, сильно бьют по темени. От этого прапорщик-неофит становится на голову ниже, а то, что убыло в росте, начинает выпирать в талии.

И мозги проваливаются куда-то в желудок... то есть почему «куда-то»? Разве типичный прапор не желудком мыслит? Вон какие глаза-то голодные...

— Удостоверение личности, допуск на пребывание в карантинной зоне... — без выражения пробубнил прапор.

Я уже настроился на неторопливые переговоры, но влез Вандемейер.

— Вы должны были сперва представиться, — задиристо выкрикнул учёный. — Какая часть? Ваш личный номер, унтер-офицер? Я должен знать, на кого подавать жалобу!

Квадратное лицо прапорщика медленно наливалось тёмной кровью. «Вы сволочь, Вандемейер!» — подумал я, но на этот раз про себя. Моя задача поддерживать партнёра, если он не нарушает правил, как в «Сундуке» с должовцем. Сейчас формально мой спутник был прав. Но что формальная правота против двух автоматов? Я осторожно сдвинул руку — теперь я ощущал рукоять «макарова» сквозь тонкую ткань кармана. Медленно, медленно... пока пацаны плятятся на Дитриха... Одновременно я прикидывал, как сигану в кусты, предварительно отпихнув учёного за дерево... Конечно, устраивать стрельбу — последнее дело, самое последнее, Зона возьми, самое распоследнее паршивое дело, но если выбора не останется... Приняв решение, я сразу успокоился и только тут оглядел миротворцев повнимательней.

Странно, что армейцы застыли и не шевелятся. Может, мой учёный зачаровал их при помощи радиоволн? Он же у нас великий шаман.

Коснувшись рубчатой пластмассы пистолетной рукояти, я немного успокоился и тут поглядел на Вандемейера. Учёный держал перед собой пластиковую коробочку, палец в оранжевой перчатке дрожал на единственной кнопке — не сомневаюсь, что кнопка красная, но наверняка сказать не могу. Я же Слепой.

Ах вот что... Бойцы устали на коробочку, как кролики на удава. Я только теперь сообразил, чем грозит им Вандемейер. Так называемый «тревожный чемоданчик», такая штука входит в комплект снаряжения учёных. Плоский корпус с единственной кнопкой, которую следует придавить в случае смертельной опасности. Тогда прибор превращается в маячок, на сигнал которого устремятся все силы армии, авиации и флота. Это поможет бойцам отыскать клочья оранжевого комбинезона. В сущности, «треножный чемоданчик» имеет то же самое назначение, что и яркий цвет костюма учёного, он привлекает внимание, облегчает поиски после того, как помочь уже поздно. Оранжевое пятно заметят с вертолёт-а скорей, чем более практичный камуфляжный костюм.

То есть обычно «чемоданчик» полезен, как мёртвому припарки, но мы в полутора километрах от КПП. Ребята с блокпоста наверняка захотят проверить, кто тревожит их сон, находясь совсем рядом. Судя по нашивкам, этот патруль — российский. Если на сигнал прискачут украинцы, прапора «примут по полной», выражаясь их же жаргоном. Его и слушать не будут, вклатят по самое не балуйся за конфликт с уважаемым господином Вандемейером. Это же надо было так напугать бедного учёного, чтобы он пошел на крайние меры и воспользовался «тревожным чемоданчиком»!

Российские и украинские миротворцы — как кошка с собакой. Это больше, чем соперничество, обе стороны никогда не упустят случая подсидеть коллегу.

— Прапорщик Семаков, российский контингент.

Рослые гвардейцы неуверенно переглянулись и отвели автоматы.

— Личный номер? — Вандемейер продолжал напирать.

Красный Семаков пробормотал что-то неразборчивое. Если я не понял, что он произнес, то Дитрих — и подавно. Но самолюбие рыжего, похоже, было удовлетворено.

— Дитрих Вандемейер, — буркнул он, — если угодно, можете ознакомиться с моим допуском. — И вытащил бумаги в герметичном пластиковом конвертике — левой рукой. Правой он по-прежнему держал наготове свое оружие массового поражения прапорщиков.

Семаков, конечно, постарался сохранить лицо — приблизился как ни в чём не бывало, взял пакет, пробежал взглядом. Сопя, полез в планшет, вытащил прямоугольный черный прибор, за которым тянулся тонкий витой шнур... провел по вандемейеровскому пластику. Прибор пискнул, мигнул индикатором. Ручаюсь — зелёным. Прапорщик вернул документы учёному и посторонился. Семаков прекрасно понимал, что допуск у Дитриха в норме, но довёл процедуру до конца.

Дитрих опустил «тревожный чемоданчик», но палец с кнопки так и не убрал. С важным видом проследовал мимо Семакова, прошагал между рослых бойцов, я — следом. Наверняка Семаков сейчас свяжется с блокпостом и скажет, что документы у нас в порядке, а вот груз очень подозрительный. Удача, богиня моя, где ты?

Удача выставила на КПП украинский патруль и пожала плечами: мол, это всё, что я могу сделать, дальше сам, Слепой, разбирайся. Командовал украинскими миротворцами точно такой же прапорщик, разве что ростом немного побольше квадратного Семакова. Этот первым делом козырнул и представился:

— Прапорщик Усаченко. Документики у вас, конечно, в порядке... Допуск, полномочия...

Если ему жалобы коллеги и доставили удовольствие, то виду он не подал. Разве что заговорил сразу вежливо.

Едва ознакомившись с документами Дитриха, коротко кивнул:

— А теперь личный досмотр. Гриша, дай кормильца.

Гриша, здоровенный боец, побежал к вагончику. Каску он носил на поясном ремне, и она колотила бегущего парня по бедру, на голове у него была бандана, размалёванная камуфляжными пятнами. Я уже не первый раз замечаю подобное нарушение уставного вида, наверное, мода у миротворцев такая.

Вернулся Гриша мигом, да оно и понятно — искомое у вояк на КПП всегда под рукой. Кормильцами они называют дозиметры. Артефакты и прочее барахло, вынесенное из Зоны, можно прятать как угодно, устраивать двойное дно или ещё как, но кормилец безошибочно укажет, где что плохо лежит. Прапорщик поводит вокруг Дитриха кормильцем, потом повторил процедуру со мной. Разумеется, дозиметр исправно облял обоих. Громче всего трещал над контейнером.

— У вас радиоактивный груз, — укоризненно заявил Усаченко. Обращался он к учёному, как будто меня и нет вовсе. Оно и понятно, кто я такой? Да никто, в общем-то. Хожу за Вандемейером, нагруженный его барахлом. С меня прапорщику и взять нечего.

— Разумеется, радиоактивный. Это результат исследований, — четко отбарабанил Дитрих, вытаскивая «тревожный чемоданчик». — Я уверен, вы не станете задерживать мое снаряжение, которое необходимо как можно скорее доставить в лабораторию. Более того, я рассчитываю на ваше содействие.

Сразу видно — иностранец, ничего не понимает. Наверное, Усаченко подумал то же, что и я.

— Придется досмотреть. Открывайте коробку. Вандемейер поглядел на меня, я пожал плечами — все было спланировано заранее, по дороге, трясясь в «Малыше», я под смех Пригоршни несколько раз объяснил Вандемейеру его роль.

— Это опасно.

— Наша служба — штука опасная. И опасна, и трудна... — пожал крутыми плечами прапор. — Открывайте, открывайте, не будем терять времени.

— Вам придётся составить протокол и внести туда следующее: доктор Вандемейер предупреждает о том, что вскрытие кофра в полевых условиях чревато смертельным риском. Вы подвергаете опасности себя, владельца груза, сопровождающего, а также личный состав... э... ваших подчинённых.

Немного сбился, но в целом нормально излагает. Почти слово в слово, как я талдычил по пути.

— И протокол составим, — спокойно кивнул прапор. Развернул на бетонном блоке планшет, выдвинул клавиатуру... пощелкал, отыскивая нужную форму... — младший сержант Перметко! Вбейте протест доктора.

Парень ловко отщелкал несколько слов. Усаченко умиротворённо наблюдал, он уже предвкушал, должно быть, как станет торговаться и сколько запросит с наивного иностранца.

— Нам бы копию, — решился я вставить слово.

— Не вопрос! — Прапор отщёл от планшета подкованного в электронике бойца и сам отщёлкал вывод на печать — это он умел.

Планшет изрыгнул листок. Я поглядел, отдал протокол Вандемейеру.

— Я повторяю, это большой риск, — напоследок повторил рыжий.

Усаченко был уверен, что его берут на понт, и сохранил спокойную уверенность.

— Как угодно, — буркнул Вандемейер, — однако я отказываюсь подвергать свою жизнь и жизнь ассистента опасности. Мы отойдём на безопасное расстояние.

Это, наверное, обрадовало прапора особо — он получал возможность шмонать кофр в наше отсутствие. Мы с Вандемейером прошагали за вагончик в сопровождении компьютерного гения младшего сержанта Перметко. Здесь, в закутке между стенкой кунга и разогретой на солнце броней бэтэра было тихо и уютно.

Дитрих бормотал: «Какая дикость! Просто вандализм!» О том, что прапорщик приступил к акту вандализма, нас известила сирена. Звук врзал по ушам так, что я думал — оглохну. Во время испытаний Борода предупредил, что дает половинную мощность, все было впечатляюще, но я не ожидал, что теперь будет так сильно гудеть. Второй уровень защиты — из открытого кофра повалил густой вонючий дым (мы мигом определили это по запаху, прежде чем клубы поднялись к голубым небесам), и наконец, с полуторасекундной задержкой, стали рваться петарды, расшвыривая мерзкого вида грязь. Я изо всех сил сдерживался, чтобы не заржать, а Дитрих качал головой и бранил варваров, наносящих науке невосполнимый ущерб. Ах, ах, эти вандалы губят образцы... Его причитания урывками всплывали в паузах между завываниями сирены.

Бедняга Перметко стоял ни жив, ни мёртв, вздрагивал при всяком новом звуке и строил жуткие догадки — ему командир велел не спускать с нас глаз.

Клац — и все стихло. Прапорщик сообразил захлопнуть кофр. Потом срывающимся голосом велел младшему сержанту подать нас. Он старательно делал вид, будто всё нормально, но заляпало его вонючими хлопьями капитально — с ног до головы. И смрад стоял такой, что мама дорогая. Вандемейер снова завёл о том, что результаты его труда пострадали от грубого обращения, и неизвестно, чем закончится реакция в запертом кофре, как бы не разорвало хрупкое снаряжение. Прапор высморкался в пожухлую траву, потом утер глаза — в одном из баллончиков, которые смонтировал по моему заказу Борода, был газ раздражающего действия.

— Вы свободны, — пропыхтел унтер.

Смеяться мы начали, только отойдя от КПП метров на тридцать. Я ржал так, что даже запыхался, хотя кофр был не очень тяжёлый...

Очень тяжёлый или не очень — но, отойдя на сотню метров от КПП, я начал с тревогой задумываться, не слишком ли дорого обходится мне ноу-хау. То есть в финансовом смысле игра определенно стоила свеч, но солнце поднялось, стало жарковато, плоское твёрдое дно металлического чемодана давило на спину все сильнее...

Вандемейеру-то хоть бы что, он шагал налегке, у него всего-то груза было — два наших тощих рюкзака. Учёный то и дело хихикал — припоминал беднягу Усаченку в испорченном мундире. Ничего, будет знать, как связываться со знаменитыми учёными... Боюсь только, мне с прапором теперь лучше не встречаться... но кофр-то — кажется, с каждым шагом все тяжёлее становится...

Долго маяться мне не пришлось — в полукилометре от блокпоста в кустах стояла серебристая «Мазда». Водитель выставил ноги в открытую дверь и курил. Заметив нас на дороге, вылез из машины и сделал пару шагов навстречу. Я его знал — Грач, бывший сталкер, теперь занимается бизнесом. Я имею в виду: занимается легально. Кажется, у него две автоматизированные прачечные и, как водится, десятка три служащих: сторожа, наладчики стиральных машин, курьеры, технички... то есть все те, кто кормится от Зоны, но числится сотрудником предприятия в посёлке у Периметра. Ну а работодателю за легализацию отстёгивают, конечно. Прачечные Грача отмывают деньги.

Грач был едва ли не единственным, кто успешно соскочил и бросил сталкерить. Вложил хабар в дело и стал преуспевающим членом общества по эту сторону Периметра. Даже растолстел, вон как сало на боках висит. Между пухлыми небритыми щеками торчит длинный жёлтый нос — должно быть, из-за носа сталкер и прозвище когда-то заработал, теперь-то он больше смахивает на поросенка, но какая-то резкость в движениях осталась, и я вполне могу представить его тощим, жилистым шустрым малым с дергаными движениями — в самом деле похож на птицу.

— Привет, Грач!

— Здорово, Слепой. Добрый день, господин?..

— Вандемейер, — представил я. — Ты мне хочешь что-то сказать?

Я намекал, что можно говорить, не стесняясь Дитриха. Все равно рыжий в курсе дела. Грач бросил окурок под ноги, растоптал. Почесал в затылке. Задумчиво сплюнул. Исполнив этот ритуал, полез в карман и вытащил клочок бумаги, сложенный вчетверо:

— Вот. Химик маляву скинул.

Я развернул листок и прочел «371».

— Ага. А я думал, будет курьер.

— Мои все в разъезде, кто где, так что пришлось самому задницу от кресла оторвать. Сидел тут, ждал эту дурацкую цифру.

Вот как придумали... Значит, Грачу сказали: сиди у КПП, жди гонца, а пароль получишь в последний момент. Казаки-разбойники.

— Ну ничего, зато теперь я знаю, кто на этой стороне Периметра связан с Химиком.

Грач поморщился.

— Не с Химиком, у Химика здесь нет партнёров, он сам по себе. Это сложилось так... случайно.

Значит, у него дела с Сорняком. Но этого я не стал говорить вслух. Меньше знаешь — крепче спишь. Вслух я сказал:

— Ну что, поехали?

Договорённости, что нас с Вандемейером подвезут, не было, но какая Грачу разница? Он всё равно заберёт груз в посёлок, так пусть нас заодно подкинет. Чего бы не помочь двум усталым путникам на этой вечной дороге жизни?

— Валяйте, грузитесь, — кивнул толстяк.

Грач распахнул багажник, небрежно сгрёб в сторону кульки и пакеты, освобождая местечко для нашего груза. Я опустил кофр, отключил систему безопасности и откинул крышку.

— Фу, воняет. — Грач отвернулся.

Вандемейер тем временем расположился на заднем сиденье «Мазды», демонстрируя, что ему наши дела параллельны.

— Ага, воняет. Зато бойцы ящик не стали шмонать.

— Знаешь анекдот? Приходит сталкер Петров к дантисту, поглядите, говорит, доктор, дупло в зубе. Тот лезет в дупло, вытаскивает «каплю». Ух, говорит доктор, фигассе... Ну, сталкер Петров объясняет, это я через кордон военный пронёс. Доктор: давайте, я дупло зацементирую. А Петров: нет, доктор, вы чего? Мне это дупло очень нужно, и вообще мне некогда, нужно ещё на приём к проктологу, потому что «слюда» и «бенгальский огонь» в зуб не помещались.

— Жизненно... — Этот анекдот не мой, не я придумал. — Значит, так... Это от Химика. Мне Борода сказал, что будет встречный груз.

— Держи. — Бывший сталкер вручил мне небольшой пакетик в непрозрачном пластике. — И поехали. Нечего у Периметра зря торчать.

По дороге Грач рассказывал новости, он не знал, что мы всего пару дней, как в Зоне, обычно там дольше бродят. Я не перебивал, всегда интересно, как видят события люди, занятые другим делом. Грачу представлялось значимым совсем не то, что мне. Я вижу людей, он — цифры, потоки товаров, перемещения воинских частей, смену армейского руководства и прочее такое.

Грач объяснил, что ПДА дорожают, поэтому Бороде и нужны запчасти — он восстанавливает старые компы, потому что новые не каждому по карману, а новички появляются регулярно. Я заметил, что раньше соблюдался баланс — КПК тех, кто оттоптал свое по Зоне, переходили к новичкам, опять же многие являются со своим барахлом. Но Грач летает высоко и видит далеко. Он пояснил, что на моем уровне так и есть, а он наблюдает за мелким оптом и отслеживает колебания цены на рынке. Раз дорожают ПДА — значит есть в них нужда. Несколько процентов... ну, около трёх, если грубо. Три процента — это немного, понятно, что с моей колокольни не видать.

В поселке мы расстались, Грач сказал, что к Карому ему являться не с руки, и пожелал нам доброй Зоны. Хорошо иметь дело с понимающим человеком, все слова правильные скажет, лишнего не спросит. Итак, мы с Дитрихом двинули в «Звезду». Приятно всё-таки... как будто домой вернулся. До вечера было далеко, и я шагал не спеша, кофр, крепко облегчённый после встречи с Грачом, оттягивал плечо, светило солнце, все вокруг казалось ярким и добрым...

Не то что в Зоне, где куда ни глянь — всевозможные оттенки серого. У дверей гостиницы скучали Ликбез и Костик. Я быстро подсчитал дни — вроде сегодня Костик должен был отдыхать.

— У Дрона маты захворила, — пояснил вышибала, — в ликарню поклали. Попрохав Дрон, щоб я тут побув заместь нього. Добы тры-чотыры, казав.

— Ты доложи Гоше, что я вернулся. Есть разговор, он знает.

Костик пошел доложить шефу, а я повёл Дитриха в бар — пройти первичную дезактивацию.

Карман, как обычно, дремал за стойкой. При нашем появлении встрепенулся и тут же полез за бутылкой. Мы с Дитрихом ударили по нуклидам. В углу прозвенела гитара. Только теперь я заметил в темном закутке Николку. Обычно он является позже.

— Привет, Слепой. Как сходил?

— Нормально вроде. Слушай:

*Посты он проиёл тёмной ночью,
Брёл в дождь, непогоду и хмарь...
Идти дальше нет больше мочи,
Пред ним расстился Янтарь...*

— О, то, что надо! — Певец оживился.

Карман вопросительно глянул на меня и выразительно качнул бутылкой.

— У меня помидорчики есть маринованные, а?

Я бы не отказался, но тут притопал Костик, и я оставил Дитриха решать вопрос с помидорчиками самостоятельно. Я был уверен, что не прогадаю. И верно, едва я вошёл, Карый кивнул на стул напротив. Водка, стопочки и бутерброды — всё уже было наготове.

— Здорово, Слепой! Ты быстро обернулся.

— Привет. Как только собрался да затарился, так и бегом сюда.

— А что это за гроб у тебя?

— Мое изобретение. Неплохо действует на миротворцев, сегодня проверял.

Пока я отпирали кофр, Карый наполнил стаканы. Я думаю, он очень хотел скорей заполучить изготовленную Химиком сборку, но выказывать поспешность — не к лицу крутому перцу. Я Гошины повадки давно изучил и постарался сократить процедуру, хотя водка у Карого была, как обычно, качественная, и после ходки я был бы не прочь снять напряжение... однако видел, что он сейчас будет спешить, и если и зависну надолго, это Карого огорчит. Виду он не подаст, конечно, но зачем понапрасну его расстраивать?

— У меня ещё кое-что... — намекнул я, расправившись с бутербродом, — личное. Но, наверное, лучше вечером?

— Как скажешь, — кивнул Гоша. — Вечером так вечером. Ты же знаешь, я тебя всегда приму без задержки. Давай-ка ещё за удачу!

Пока я оставался в кабинете, Карый делал вид, что не торопится, но едва я ступил в коридор, раздалось тоненькое треньканье — Гоша уже названивал кому-то. Не сомневаюсь, что насчет сборки. Я возвратился в зал и обнаружил, что Дитрих уже готов. Можно паковать и транспортировать. Ох, не похоже, что он с нашими в Африке контактил.

— Николка, ты мне поможешь?

Я бы и сам управился, но кофр тоже нужно было унести, так что в этот раз в моей бригаде грузчиков оказался гитарист. В номер мы учёного внесли вдвоём, потом Николка утопал, а я стащил с Дитриха оранжевый комбез и заставил его для начала умыться.

Когда Вандемейер слегка оклемался, велел ему принять душ. Водка хорошо дезактивирует изнутри, но и наружной обработкой пренебрегать не стоит. Дитрих поклялся, что он в норме и сейчас же отправляется в ванную, после этого мы с кофром удалились. Нас обоих тоже ждали водные процедуры.

После душа я завалился спать и в зал явился уже под вечер. Дитрих остался в номере, а мне скинул сообщение на ПДА: *«Слепой, я немного нездоров. Тайм-аут до завтра. Буду в номере»*. Что ж, одной проблемой меньше.

Я едва успел заметить в баре несколько знакомых лиц и обменяться кивками со «звёздными десантниками», как меня окликнул Костик:

— Паша казав, що чекає на тэбэ. Як забажаеш, йды до нього.

— Бажаю зараз.

— То йдемо.

Прежде чем отправится за Костиком, я кивнул нашему бармену:

— Карман, готовь поднос!

Карый пребывал в прекрасном расположении духа — должно быть, сбыл сборку и срубил на ней прилично.

— Ну, так что у тебя личное?

Я вытащил контейнер с «капляй» и тем, что прикупил на Свалке. Гоша едва глянул на мою мелочевку, благодушно усмехнулся и, не задумываясь, назвал цену — мои дела ему кажутся мелкими, а между тем за двухдневный рейс с Вандемейером я заработал как в среднем за месяц. Нечасто удастся сработать так успешно.

— Ну что, Слепой? А ты подвохов боялся, помнишь? Я тебе сразу сказал, иностранчик — первый сорт.

— Ну, ты же понимаешь, показалось странным, что он ищет проводника в твоём заведении.

— Тебе не нравится мое заведение? Другие просто лучше рекламируют.

— Вот именно. У твоей «Звезды» качество превосходит рекламу. У других наоборот. Странно, что Вандемейер сделал правильный выбор и не поверил рекламе.

Гоша с минуту переваривал мой комплимент, наконец до него дошло, Карый расплылся в улыбке.

— А зачем нам реклама? Мы люди скромные. А немец твой... ну, прикинь, явился бы он к крутым пацанам со своей хворобой... А ты человек понимающий насчет болячек, ты отнёсся нормально. Хороший ведь партнёр, этот Вандемейер, а?

— Пока я с ним справляюсь...

— А что не так?

— За неполные два дня в Зоне он успел испортить отношения с «Долгом» и российскими миротворцами.

— Миротворцы — ладно, сегодня они здесь, завтра — по ту сторону за Янтарём, а через неделю — вовсе за тридцать земель. Но «Долг»?

— Из-за него я долговцу ствол показал.

— Опа. Я думал, ты человек тихий, мирный. Никому стволы не тычешь...

— Так и есть.

— Значит, пришлось, — кивнул Карый. — Ну, брат, в Зоне я ничем не могу пособить. Тем более с «Долгом»! У них здесь свои партнёры, я вне игры.

— Да я не к тому. Дитрих — вроде человек как человек, а потом словно вожжа под хвост — и как «жарка» вспыхивает! Что-то с ним не то.

Гоша отвернулся и задумчиво притянул к себе ноутбук. Ткнул пару клавиш. Я молчал.

— М-да? — наконец буркнул воротила гостиничного бизнеса. — Не замечал... Я подумаю, поспрашиваю людей. Может, и с «Долгом» как-то удастся разругать.

Вообще-то я думал, что Карый сейчас перейдет к делу — начнет расспрашивать о работе Вандемейера. Однако Дитриховы опыты босса не интересовали.

— С «Долгом», возможно, само уляжется. Ну подумаешь, пуганули их бойца. И потом, я извинился.

— Слабак.

— Знаю.

— Ладно, Слепой. Сейчас тебе выпить не предлагаю, тебя, наверное, в баре ждут.

Если не считать мелочей, Карый понимает жизнь правильно. Удача, моя капризная богиня, жаждёт возлияний в собственную честь, и Карман уже протирает стопки, уже расставляет их на том самом подносе.

Я распрощался с Карым и отправился в бар.

— За удачу, «звёздный десант»! Доброй нам Зоны! Карман быстро наполнил стопки, парни собрались у стойки и восславили божество.

— Шашлычок? — тут же предложил Карман. — Фирменный? Две порции? Немец-то твой появится?

— Утомился немец. И меня притомил. Я думаю, завтра мы ещё у тебя появимся. А пока что подсчитай, сколько с меня набежало? Пришла пора ответить за всё.

Разумеется, Карман обсуживает нашего брата в кредит. Я не знаю, ведёт он записи, или память такая феноменальная... мне ни разу не приходило в голову проверить цифры, которые называет бармен. И никто другой на моей памяти не пытался уличить Кармана. Разве что Демьян, да и тот не всерьёз, а так, ворчал. Впрочем, он всегда ворчит в последнее время. И зря, удача ворчунов не любит. Карман объявил приговор, я рассчитался и добавил ещё столько же — в счёт будущих расходов. Конечно, будь на моем месте деловой человек, не стал бы расставаться с наличкой, а попытался бы в Зоне выкупить у встреченных сталкеров побольше — как вчера на Свалке... но нет у меня этой самой практической жилки, не открыть мне своих прачечных, как Грачу. Ну, за удачу! За мою бесполезную удачу!

Наутро Дитрих завтракать не вышел. Я по-быстрому проглотил свой кофе, взял у заспанного Кармана две банки «Non Stop» отправился проводить Вандемейера. Поднялся, постучал и объявил:

— Служба спасения! За счёт заведения! Прошлепали босые ноги, щёлкнул выключатель.

Дитрих отпер дверь и посторонился, пропуская меня. В руках учёного были узкие полоски бумаги, густо испещрённые, насколько я успел заметить, графиками и столбцами цифр — распечатки с походного ноутбука. Дитрих не отрывал взгляда от записей, впуская меня. Только протянул:

— Входите, Слепой...

Я прошёл в комнату, Вандемейер, шурша бумажками, следом. Тут только он взглянул в мою сторону, увидел баночки энергетика.

— Угощайтесь.

— О, Слепой! Благодарю.

Дитрих тут же отшвырнул листки на стол, будто они его совершенно не интересуют и будто не эти записи он жадно пожирал пламенными очами. Я окинул взглядом столешницу. В центре расположился ноут, к которому Вандемейер подключил ПДА, знакомую мне чёрную коробочку, портативный принтер и ещё какие-то приборы, назначения которых я не знал и знать не хотел. Всё было перевито проводами, из-под многослойных залежей исписанной и испечатанной бумаги торчали футляры и чехлы — похоже, Дитрих извлекал и подключал приборы по мере надобности и в лихорадочной спешке. Опытный археолог, послойно разбирая груды бумаг и электроники, сумел бы проследить ход мысли Вандемейера.

После того как рыжий сделал несколько солидных глотков энергетика, его взгляд приобрёл осмысленность.

— Я вчера думал, что быстро оценю результат, но все оказалось сложнее.

Ещё бы, когда начинаешь ковыряться всерьёз, все непременно окажется сложнее. Судя по количеству бумаги, которую извёл Дитрих, работал он часов пять-шесть, не меньше. И судя по тому, как он дёргается, — учёный не думает прекращать.

— То есть однозначного результата нет? — рискнул спросить я.

— Окончательные выводы можно сделать только имея гораздо более полную статистику... — Дитрих снова припал к синенькой банке «Non Stop». — И не с таким оборудованием... Это так, предварительно. Но если бы замеры по стае слепых собак позволили сделать отрицательный вывод... Понимаете, Слепой, отрицательный результат был бы виден мгновенно. Однако он не отрицательный, нет.

— Но и не положительный, конечно? — несложно было угадать.

— Однозначно интерпретировать как положительный... Нет, нет, ещё рано делать выводы! Понимаете, Слепой... — Дитрих инстинктивно понизил голос, — я ведь подражал к фанатикам, клерикалам. Думал, соберу для них... э...

— Лажу?

— Простите?

— Ну, соберёте, что попадётся. Любые данные, какие получатся. Даже неправильные, лишь бы что-то было.

— У меня есть программа, которой я придерживаюсь, — поправил Дитрих. — Собираясь сюда, я был уверен, что идея божественной природы Зоны лишена смысла, и, значит, лишены смысла любые... э... любые идеи, исходящие от Взыскующих.

— И что же?

— Вам правда интересно? — Дитрих обрадовался. — Садитесь, садитесь! Сбросьте это на пол!

Учёный смахнул грудой распечаток со стула, я пожал плечами и сел. А Дитрих принялся расхаживать взад и вперед, размахивая банкой энергетика, уже почти опустевшей.

— Помните, я рассказывал о том, что пресловутые пси-воздействия могут оказаться фикцией? А на самом деле всё объясняется радиосигналами определённой частоты? Помните? Так вот, мой прибор зафиксировал колебания, которые... ну, скажем, не противоречат лабораторным данным, предоставленным мне Взыскующими. Поведение слепых псов укладывается в теорию! Полностью! Электромагнитные возмущения, которые зафиксировал мой прибор в непосредственной близости от стаи...

Судя по тому, как усилился акцент, Дитрих порядком разволновался.

— Извините, а что не так?

Учёный одним глотом выдул остатки «Non Stop» и швырнул пустую банку в мусорную корзину через полкомнаты. Попал.

— Не так?.. Ну, видите ли, учёные из института Взыскующих ставили опыты на обычных животных, не мутантах. Девиации имеют место, но...

Я протянул Дитриху вторую банку энергетика.

— Э... да, благодарю. То есть сигналы, зафиксированные в стае слепых псов, они сильные, много мощнее лабораторных. Они отличаются интенсивностью, но в целом похоже.

— И что же это означает?

— Всё что угодно. Если в каждой живой твари имеется частица Божьего, условно выражаясь, дыхания, то в Зоне это становится более явственным. Очень похоже, но сигнал мощнее, его характеристики легче определить.

— Но вы полагаете... — Этим учёным нужно только намекнуть, а дальше все пойдёт само собой. Я решил, что, поддавая и задавая неопределённые вопросы, помогу Дитриху излагать.

— Я полагаю, — рыжий вскрыл вторую банку, отхлебнул и заговорил спокойней, — что наблюдаемый феномен имеет сугубо материальное объяснение. Но мы не исследовали элитных, как вы выразились, мутантов. Особенно меня интересуют контролёры.

— Вот уж кого бы я предпочел не встречать.

Я дважды оказывался под влиянием контролёра и оба раза убежал, едва почуяв это самое пси-воздействие. Просто мчался прочь. Не разбирая дороги, рискуя угодить в аномалию или нарваться на какого-нибудь другого мутанта... лишь бы не контролёр.

— Или так называемые кровососы, — продолжал Вандемейер. — За счет чего они становятся невидимыми? Эффект слепого пятна, о котором мы говорили, здесь вполне уместен. По крайней мере, эта теория заслуживает проверки.

— Кровососы встречаются в Тёмной Долине, — вслух подумал я. Лучше уж кровосос, тот по крайней мере сходится лицом к лицу, его можно одолеть, и я знаю, как это сделать. — Но туда вдвоём слишком опасно соваться. К тому же дороге я знаю плохо. Последние Выбросы существенно изменили маршруты. Радиация, аномальные поля...

— Допустим, вдвоём опасно, — кивнул Вандемейер, — а сколько человек требуется?

— Нужен человек, который проведёт в Тёмную долину, это как минимум. А для страховки хорошо бы троих опытных стalkerов.

— Троих помимо вас, Слепой?

Как бы помягче объяснить, что я вообще не в счёт? Я не боец и не следопыт. У меня и стаж-то стalkerский солидный потому, что я не лезу в опасные авантюры...

— Ну ладно, включая меня. Но это очень рискованная затея. Скажите, Вандемейер, а ваш прибор можно использовать таким образом, чтобы мы стали невидимы? То самое слепое пятно, а? Чтобы мы, как кровосос?

— Нет.

— Как вы уверенно отвечаете...

— Я же говорю: с оговорками идут лишь положительные ответы. Любое новое утверждение, любое смелое предположение сопровождается кучей условий. Но «нет» — это всегда «нет». Впрочем, если вы хотите, я могу объяснить подробнее. Вот здесь у меня графики колебаний...

Дитрих выцепил из бесформенной груды бумаг распечатку и протянул мне. Лист, разворачиваясь, потянулся за учёным, его длина стремительно росла...

— Нет, нет, Вандемейер, не надо! Во всяком случае, такие вещи следует объяснять не под энергетик. Вы обедать собираетесь?

— Слепой... я ведь очень больной человек. Алкоголь для меня... э-э-э... кстати, вы мне напомнили...

Вандемейер наугад сунул руку в ворох распечаток, пошуршал там и вытащил плоскую пёстренькую упаковочку. Лекарства какие-то. Я в этом не разбираюсь, я, хвала Зоне, кроме дальтонизма, ничем не страдаю, так что не пришлось с лекарствами плотно знакомиться. Учёный, шевеля губами (наверное, дозу высчитывал), прижал упаковку несколько раз — на ладонь выпали пилюльки. Вандемейер поднес руку ко рту, сглотнул таблетки и быстро запил энергетиком. Я только теперь обратил внимание, какой он бледный.

— Вандемейер... скажите, Вандемейер, зачем вам все это? Зона, опасности?

— Ну... — Учёный опустил голову и стал вертеть лекарства, будто они его вдруг сильно заинтересовали. — Понимаете, я не знаю, сколько мне ещё суждено... Эта зараза сидит внутри меня и ждёт. Рано или поздно сработает. Мне осталось совсем мало времени, Слепой.

— Насколько я знаю, вы могли бы лечь в больницу, там, наверное...

— Да, но никто не гарантирует мне успешного лечения! Они могут законсервировать организм больного, и только. Это значит — оградят от потрясений, от стрессов, которые могут сработать... э... запустить механизм, понимаете? Точно, правильно! Как бомба с часовым механизмом. Да, в больнице выше вероятность, что я протяну на год-два дольше. Или даже пять лет! Пять лет лежать в консервной банке. А здесь — настоящие приключения. Загадки, научные открытия. В наше скучное время так мало открытий и приключений, а здесь... и потом, у меня семья. Восемьдесят процентов моего оклада получает семья, а если я погибну в этой вашей Зоне, страховка обеспечит сыну безбедное существование до тех пор, пока...

— Вы сволочь, Вандемейер. Зона вас дерит, какая же вы сволочь!

Я выскочил из номера и напоследок хлопнул дверью. Что я за болван! Только теперь до меня дошло, почему этот яйцеголовый непрерывно заигрывал со смертью. Если бы его растоптал кабанчик, загрызли собаки, если бы ему отбил башку вспыльчивый долговец или продырявил из «Абакана» чересчур нервный боец миротворческого корпуса... страховка! Его семья получит страховку! А рыжий, хотя и уговаривает себя, что жить осталось недолго и что СПИД рано или поздно прикончит его в цвете лет, — но всё-таки смерти он боится. Он хочет, чтобы всё вышло как бы само собой... и готов утунуть меня следом! Зона возьми, какая сволочь...

Сидеть в «Звезде» не хотелось, а хотелось мне как-то отвлечься, забыть о Вандемейере с его болячками, физическими и умственными, забыть о Зоне и прочем. Я выскочил из гостиницы и зашагал по улице прочь. Кажется, Костик, исполнявший нынче роль швейцара, поглядел мне вслед удивленно. Все привыкли: Слепой никогда не спешит. Слепой никуда

не спешит. А я и теперь не спешил, между прочим. Мне просто захотелось оказаться подальше...

Днём в посёлке тихо — даже и не скажешь, что здесь зарегистрировано около двух десятков частных предприятий, которые процветают, приносят доход и где на службе состоят сотни людей, мужчин и женщин, но мужчин раз в двадцать больше. И то ведь — большая часть этих работников сейчас топчет Зону. У кого неоплачиваемый отпуск, у кого отгул, у кого командировка — в общем, числятся, но сейчас отсутствуют по уважительной причине.

А вообще посёлок невелик, податься здесь особо некуда, двадцать минут в любую сторону — и ты у околицы. Поэтому я не стал шагать двадцать минут в любую сторону, свернул к почте. Почтовое отделение — одноэтажный домик, разделенный фанерной перегородкой. Верней, перегородка только обшита фанерой, а так-то она в два кирпича, как положено. Здесь же и отделение Сбербанка — вон, соседнее окошечко.

Меня ожидало письмо — до востребования. Троюродная сестрица, конечно. Последний человек планеты, пользующийся бумажной почтой. Ну, может, ещё африканские приятели Вандемейера пользуются бумагой. Впрочем, нет — у них есть тамтамы. Я слышал, что в джунглях продвинутые туземцы передают новости стуком барабанов. Но и они не пишут от руки. Лариса — живой анахронизм, её в музей бы сдать...

Я сел на лавку у окна, в здании почтамта было душно и пыльно, пахло чем-то специфически почтовым. Может, сургучом, может, клеем... В столбе света, падающем сквозь мутные стёкла на грязный пол, плясали пылинки. Светлый прямоугольник на полу четко делили тени решеток... Как грустно. И сиденье, обшито потертым дерматином, уныло скрипнуло подо мной — ему тоже было грустно...

Лариса звала перебраться к ней, на их фабрике есть вакансии счетовода, а я парень грамотный, ну и... Конечно, любой человек, способный обращаться с компьютером, кажется ей грамотным. А так вообще все здоровы, все у них по-прежнему, цены растут... Письмо вторую неделю ожидало, пока адресат соизволит заглянуть на почту. Могло бы и дольше проваляться, если бы Вандемейер меня нынче не расстроил.

Я дочитал и возвратился к почтовому окошку. Отбил телеграмму: «Ларик, если бы ты послала вместо письма мейл, я бы прочел его две недели назад». Сотрудница почты, молодая некрасивая девчонка в крашено-жёлтых завитушках над розовым гладким лобиком, хихикнула. Новенькая. Пока ещё не умеет тени накладывать... и, кстати, я затрудняюсь определить, какого цвета макияз у этой пигалицы? Это мой дальтонизм шутики шутит или мода такая? Я старательно улыбнулся пигалице в ответ, но заводить знакомство не стал. Подумал, перешел к соседнему окошку и оформил перевод — отправил Ларику почти все, что принесла последняя ходка. Не бывает мне успешным бизнесменом, нет, не бывает... Нет у меня нужной хватки.

Когда кассирша — дама несколькими годами постарше пигалицы — приняла мои трудовые сбережения, сразу стало легче. Я же хороший родственник, помог Ларику и старикам. В конце концов, подумалось мне, а что такого? Вандемейер тоже старается для семьи. Я припомнил, как он с пьяной слезой в голосе рассказывал о сынишке... В самом деле, если его не подпускают к ребенку, остается разве что заработать для мальчика побольше. Самый простой способ — обеспечить страховку. В конце концов, Дитрих не заставлял меня подписываться за него в историях с должником и российским прапором. Может, он, морда евросоюзовская, думал, что я спокойно пережду на заднем плане? А потом дам свидетельские показания инспектору из страховой компании, если придется? И красочно опишу, как из-за нелепой случайности трагически сгинул в Зоне отважный исследователь, любящий муж и отец Дитрих Вандемейер? Хм... интересно, как бы он поступил, если бы я ввязался в какую-то заваруху? Ведь не бросил бы меня, сто пудов бы не бросил! Или всё-таки?..

— Что-что? — Я вынырнул из пучины сомнений, когда меня окликнула кассирша.

— Квитанцию возьмите, — томным голосом протянула дама.

— А... да, спасибо.

Эта тоже глядела призывно, хотя ведь наверняка каждый вечер ходит в «Волну» или в «Киевский». Ишь как хлопает глазами! Тут до меня дошло — даме понравилась сумма, которую я отослал Ларке. Какая меркантильная особа! Однажды сталкер Петров познакомился с девушкой... Нет, таких анекдотов почему-то нет. Равно как и о Петрове, управляющем джипом, или о Петрове, который работает с ПДА. Не соответствует образу.

Потом я отправился нарезать круги по посёлку. Когда начало вечереть и стали загораться вывески, повернул к «Звезде».

Прогулка по улицам привела меня в умиротворенное состояние. Я уже почти жалел, что так сорвался в номере Дитриха. Ну, сидели, разговаривали... счисление ангелов, как же. У входа переминался с ноги на ногу Дрон. Я поздоровался и спросил, как дела у мамы.

В зале было пока что тихо, народ только начал собираться. Кутяк снова ухмылялся — похоже, у парня полоса удач, хапнул что-то приличное — и тут же вернулся. Чуть позже вошёл Моня, у этого тоже настроение было хорошее. Но Моня на прием к Гоше не просился. У него свои обстоятельства — он собирает, выменивает и выкупает у других сталкеров «капли», «кровь камня» и «пёрышки». Беда у человека — дочь больна, в интернате живет, он тайком пользуется девочку артефактами. Обычно Моня пьёт мало, но как-то перебрал и рассказал мне, что врачи давно сказали: ребенок — не жилец, однако с помощью артефактов Моня её вытащил с того света. Зона — она такая, кого губит, а кому жизнь спасает.

Судя по сияющему лицу, дела у Мони нынче хороши. Сталкер с порога кивнул Карману и широко развел руки: мол, вот такой поднос давай! Бармен кивнул, а Моня направился ко мне.

— Слепой, вы знаете анекдот: приходит прапорщик-миротворец домой, в красном углу снимает со стены икону и вешает дозиметр, да наказывает жене и детям: Молитесь, дескать, — хлеб наш насущный даждь нам днесь...

— Удачно прошло?

— Слава Зоне, даже не шмонали толком. Я на Янтарь к учёным вертолётотом мотался. Взял интервью у доктора наук... как его... На букву «Г» фамилия... не важно, у меня всё записано. Таки хорошее интервью, в самом деле хорошее.

— Хорошее, говорите?

— Чтоб я так жил! — Моня убежденно сверкнул очками. — Мой доктор приоткрывает завесу, окутывающую загадочные тайны Зоны. В рамках дозволенного, разумеется. Ещё он жалуется, что военные ставят палки в колеса. Когда опубликуют, я принесу газету.

— Почитаем, почитаем, мне тоже интересно, что же там такое на самом деле, в Зоне-то. Так много о ней слышал...

Лекарствами разжиться удалось?

Я имел в виду артефакты для дочки.

— В лучшем виде. Учёные — народ обходительный, с ними так можно делать гешефт.

Я улыбнулся, глядя, как он взволнованно протирает очки и оглядывается, чтобы проверить, как там дела у Кармана.

С Моней у меня отношения очень тёплые. Его фамилия Петров, но внешне он — полная противоположность моему непутевому детищу, заскорузлому герою анекдотов. Моня маленький, шуплый, в больших очках и иногда принимается разговаривать как персонаж Бабеля: «Ой, ви знайти! Шо ви мене такое говорите!»

Бармен уже выставил стопки и картинным жестом занес бутылку над рядами своих стеклянных солдат. Моня кивнул и, вытянув руку, опустил большой палец, будто цезарь, обрекающий гладиатора на смерть.

— Господа, Моня предлагает всем за удачу! — объявил Карман.

Тут вошёл хмурый Демьян. Похоже, его-то удача по-прежнему не жаловала. Демьян, не скидывая рюкзака, протопал через зал, схватил с подноса стакан и выдул разом, даже не дожидаясь, пока Моня договорит обычное «ну, доброй Зоны всем нам».

— Дождешься её, доброй... — буркнул Демьян и обернулся к бармену. — Карман, мне бы с шефом потолковать.

Карман кивнул и вытащил мобильник. Мы тоже выпили и разошлись к своим столам. Видно было, что Демьян не в духе, и повел он себя так, что ни у кого не возникло желания поддержать его или каким-то образом утешить, что ли. Хочет изображать сурового сталкера — пусть его. Мы здесь одиночки, в чужие дела не суёмся.

Потом пришел Буза, у этого дела сладились, вероятно, средне. За удачу заказывать не стал, но и не хмурился, как Демьян. Николка в своем углу завёл песню... я уже настроился на привычный тихий вечерок в тёплой компании, и тут явился Вандемейер. Доктор застегнул рубашку на все пуговицы, до самого горла, и вид имел донельзя официальный.

— Господин Слепой, — напряжённым тоном произнёс Дитрих. — Вы позволите?

— Я сейчас, сейчас... — Моня засуетился и стал сгребать рюкзак, сложенный комбез и прочее барахло, которое свалил на пол, присаживаясь за мой стол.

Я кивнул Вандемейеру и остановил приятеля:

— Моня, не уходите. Вы нам не помешаете. Вандемейер... прошу прощения. Я сегодня вспылил.

Моня осторожно опустился на краешек стула, не выпуская рюкзака. Он становится очень нерешительным по эту сторону Периметра, но в Зоне ведёт себя совершенно по-другому.

— Э... я нѐ совсем понял причину...

— Просто я вдруг сообразил, зачем вы ходите в Зону.

— Нѐт, не понимаю. Что значит зачѐм? Я вам описал свои задачи, эти гипотезы и...

— Я о другом. Вандемейер, вы ищете верной смерти. С кабаном, с миротворцами... в «Сундуке», когда вы ни с того ни с сего наехали на парня из «Долга». Особенно в «Сундуке», уж там — точно. Вы хотите, чтобы ваша смерть была естественной и легкообъяснимой, тогда страховка будет оформлена без вопросов.

— Слепой, но всё не так! Я не хочу страховки! Я жить хочу! Я собираюсь жить, да, да!

— Вандемейер, зачем вы затеяли ссору со сталкером из «Долга»? Он первым заказал работу Бороде. Он был кругом прав, а вы нет. Зачем вы?..

— Извините... — Дитрих уже не выглядел официальным и напряженным. Теперь, когда все упрёки были высказаны, ему, наверное, стало легче. Небось, мучился, ломал голову, что именно меня вывело из равновесия. — Я, в самом деле, наверное... виноват. Да, виноват. Понимаете...

— Нет, не понимаю. Моня, сидите!

Сталкер, который уже приподнялся, послушно выпустил рюкзак.

— Вандемейер, я вас слушаю.

Дитрих уже оправился, теперь он заговорил спокойно, акцент почти не ощущался:

— Я виноват перед вами, Слепой. Но я не хотел! Иногда сам не понимаю, что со мной. Вдруг возникает мысль: вдруг я завтра слягу, тогда две-три недели — и всё. А так много не успел! Ни разу не застрелил кабана-мутанта, ни разу не...

— Ни разу не получали по башке на территории Зоны? Ни разу не поймали пулю из «Абакана»? А вы не подумали, что миротворцы попросту хлопнули бы меня рядом с вами? Чтобы не осталось свидетелей?

— Слепой, я не подумал, я в самом деле не подумал, что подвергаю вас риску. Честное слово, этого больше не повторится. Конечно, если вы откажетесь от сотрудничества, я вполне пойму. Совершенно пойму. Тогда аванс можете оставить...

— Я не откажусь. С вами интересно, Вандемейер. Но — никаких авантюр!

— Да, да...

— А теперь, Моня, посмотрите — вот сидит учёный, проводящий альтернативные исследования, он может рассказать вам такое, чего никто на Янтаре не произнесёт под страхом смертной казни. Если вы хорошенько расспросите господина Вандемейера, сможете узнать о божественной сущности Зоны и счислении ангелов...

Тут в бар вошёл незнакомый парень. Сразу видно — новичок, даже Вандемейер в его европейском прикиде не производил столь мощного впечатления наивности и... пожалуй, даже какой-то невинности. Многие из нашей братии впервые явились к Периметру такими же любопытными пацанами.

Я услышал, как наши задвигали стульями, разворачиваясь. Николка убавил звук и запел вполголоса — ему тоже не хотелось пропустить ни слова из предстоящего спектакля. Молодцы вроде этого — всегда развлечение, а нам, суровым усталым мужчинам, так хочется развлечений!

Паренек к нам явился — что картинка! Блондин с короткой спортивной стрижечкой, щѐки розовые, весь такой подтянутый, в аккуратной новой кожаной курточке, а на плечах — полоски меха псевдопса. Какой славный юноша, с первого взгляда видно, что шкуры с мутантов не он спускал. Курточка не кустарѐм на привале сшита — видна хорошая дорогая работа. Парень оглядел зал и внятно произнес:

— Поздорову, бродяги!

Подождал ответа — напрасно. Негостеприимный у нас народ, грубый. В зале один только Вандемейер не врубался,

что началось представление, этот эгоист думал лишь о себе. Учёный заявил мне:

— Слепой, я знаю, что в здешних традициях — выпить за примирение... здесь вообще много пьют. Я надеюсь, вы меня ещё раз извините, но пить я не буду. Завтра мне хотелось бы отправиться в Зону.

Я молча протянул руку. После рукопожатия Дитрих сказал, что ему нужно подготовить снаряжение, и покинул нас, а я обернулся к стойке, чтобы больше ничего не пропустить.

Блондин тем временем положил на стойку локоть, так что шикарная кожанка слегка распахнулась, открывая рукоятку «беретты» в кобуре под мышкой.

— На три пальца прозрачного! — объявил парень.

Карман спокойно подвинул стакан и налил. Насколько я понял, минералки. Новенький аккуратно поднял стопарик, и красиво хлопнул свое «на три пальца», картинно запрокинув голову. Несколько секунд он прислушивался к собственным ощущениям, потом удивленно уставился на Кармана.

— Ещё? — с готовностью вызвался бармен, приподнимая полуторалитровую пластиковую бутылку «Новой Баварской».

К этому парень оказался не готов.

— Я вижу, вы здесь недавно, — проникновенно завел Карман. — Позвольте, я кое-что объясню. Здесь нет бродяг. Наши клиенты — люди серьёзные, сотрудники различных предприятий, бизнесмены, журналисты... Но не бродяги, нет. И воду пьют очень редко.

— А я думал... Ну, то есть не воду, нет, конечно... Мне говорили — «звёздный десант»...

Конечно, о нас такого порасскажут!

— Над вами подшутили, наверное, — сочувственно кивнул Карман. — У нас здесь тихо, солидно... можно сказать, скучно. Кстати, я вижу, у вас при себе оружие.

Дрон, который тихо приблизился к стойке за спиной блондина, теперь нарочито откашлялся.

— Да, молодой человек, я надеюсь, разрешение у вас в порядке? Здесь карантинная зона, с оружием весьма строго.

Блондин удивленно поглядел на охранника — снизу вверх. Дрон очень большой. Демьян злорадно усмехнулся.

— Если разрешения нет, — продолжил Дрон, — то моя обязанность — изъять ствол... ну и провести прочие неприятные процедуры. Известить органы, принять участие в составлении протокола... и всё такое прочее. Есть у вас разрешение? Этот, как его, «дозвол» из «Вийсковой управы»?

— Да я подал заявление в райотдел... но пока что не...

Блондин взялся за рукоятку, Дрон слегка напрягся, и парень не закончил движения. Конечно, ничего плохого он не хотел, но мало ли.

— Давайте сделаем так. Я приму ваш пистолет на хранение, а уходя вы его получите, и я забуду, что видел этот ствол. Так всем будет спокойнее. Пусть до вашего ухода полежит под замком. — Дрон аккуратно взял из рук парня «беретту», щелкнул предохранителем. — Если случится проверка, у вас при себе не будет незаконного оружия, а я буду уверен, что в нашем заведении никому не придёт в голову пострелять.

— Да... только я думал здесь номер снять... Ведь это гостиница?

Карман тут же бухнул на стойку амбарную книгу.

— Да, пожалуйста. Попрошу ваш паспорт и документ, на основании которого вы собираетесь оставаться в карантинной зоне. Командировочное удостоверение или что-то ещё?

— Но я просто...

— Просто турист? Тогда должен предупредить, я не имею права селить больше чем на двое суток, если у постояльца нет такой бумаги. Извините.

Ещё бы, гостиничный бизнес Карого держится не на плате за жильё. А паренёк, конечно, побывал в Чернобыле-4, посетил знаменитые «Шти», однако с жильём устроиться пока что не смог. Новички вроде него, случается, месяцами кружат вокруг Зоны, перебираются из посёлка в посёлок и нигде не могут задержаться дольше чем на двое суток. Ничего, это нормально — естественный отбор. Кто умеет приспособиться, найти свое место, тот устроится рано или поздно. Бывают и такие артисты, что сразу уходят в Зону — возможностей-то на самом деле немало! Если не собираешься возвращаться.

Правда, артисты долго не живут. К Зоне привыкать лучше постепенно, я же поэтому и сократил нашу с Вандемейером первую ходку...

Тем временем у Кармана подоспел привычный рацион «звёздного десанта» — сосиски и китайская лапша. И водка, само собой, — лекарство от радиации.

Блондин посторонился, чтобы не мешать парням принимать миски. Мы с Мoneй тоже встали в очередь. Наш скромный ужин впечатления на новичка, конечно не произвёл. Или — произвел совершенно неожиданное впечатление, можно и так сказать. Парень стоял в сторонке и наблюдал.

— Вам ещё минералочки? — спокойным тоном предложил Карман, когда освободился. — А может, поужинаете? Чем, как говорится, богаты... Ну а насчет ночлега — пожалуйста, но не больше чем на двое суток.

Парень кивнул, взял, как все, сосиску с лапшой, да ещё чекушку и стакан. Он выбрал соседний столик — должно быть, наша внешность, моя и Мони, располагала к общению.

— Ну что, Мoneя, за удачу? Мы выпили.

— Молодой человек, несомненно, был в «Штях». — Мoneя подмигнул нашему соседу. — Шикарное заведение, ай, шикарное! Какие там девочки...

— Мoneя, вы слышали анекдот? — Я решил тоже включиться в разговор. — Заходит сталкер Петров в бар «Шти», там свет выключают, девки пляшут со светящейся татуировкой, все мужики давай ногами топать, орать, а Петров антирад горстями жрёт, видит — радиация, бабы аж светятся!.. Ну, доброй нам Зоны!

Парень настороженно наблюдал за нами. Он не понимал, что происходит. Мы с Мoneй тоже пока что не вполне понимали, мы импровизировали.

Мой приятель протёр очки, посмотрел, как отражаются в стекляшках тусклые лампы, и снова водрузил очки на место.

— Молодой человек, как вас величать?

— Вальтер, — назвался блондин. Гордо так произнес — видно, что кликуху себе недавно придумал, ещё не успел на-
радоваться.

— Моня. Это Слепой.

— Вальтер — хорошее имя, звучное, — одобрил я, — а по паспорту?

— Валера.

— Так вот, Валера, — подхватил Моня, — вам, может быть, показалось, что мы подтруниваем над вашими знакомы-
ми из «Штей»? На самом деле мы им просто завидуем.

— Да, — горько кивнул я. — Именно такова печальная правда. Они — героические личности, легенды Зоны, титаны
и полубоги местного пантеона. Для них танцуют прекрасные девушки, и рекой льётся спиртное... то есть, извините, про-
зрачное. А здесь, в баре «Звёзды», — кто?

— Да в общем-то никто, доходяги, — подхватил Моня, — люди, ничего не ждущие от жизни, потерявшие, так ска-
зать, нить...

— Мы просто пытаемся выжить, — перебил я, — нам уже не подняться выше, но и падать больше некуда.

— Дно! Слепой, ты давай не тормози.

— Застрял я тут, понимаешь... — буркнул я сакраментальную фразу, приподнимаясь, чтобы налить водки Моне.

— Это, если вдуматься, самое дно, — тянул наш журналист. — Последняя остановка перед...

Звякнула ложка, Демьян вскочил и бросился из бара. Ого, как его разобрало! Новичок проводил сталкера удивленным
взглядом, он ничего не понимал... Догадывался только, что смеются здесь не над ним. Я, признаться, тоже не сообразил,
что это с Демьяном случилось. Уж он-то, ветеран «звёздного десанта», мог бы и привыкнуть к нашим невинным развле-
чениям.

— Значит, так, — снова заговорил Моня. — Валера, вы очень молодой, и у вас всё впереди... и я таки не знаю, инте-
ресно ли вам, шо за пару слов может сказать старый больной человек... но я скажу: устройтесь на работу. Я не шучу,
найдите работодателя из местных, который поставит вам штампик в трудовой книжке. После этого живите, где хотите,
мироворцы не спросят, шо вы здесь забыли, у самого Периметра. Хотя они таки любят спрашивать.

— А я слышал, можно устроиться у вас в «Звезде».

— Можно. Однако у нас вам будет скучно. И потом, это дорого стоит...

— Бабки есть! — Гонор у парня не иссякал.

— Ну, попробуйте поговорить с хозяином. Так или иначе, нужно место работы или постоянная прописка. Это первое.
Не самое трудное, но начинать нужно с этого. Когда обоснуетесь в наших палестинах, можно думать дальше.

— Меня обещали провести... туда, — понизив голос, осторожно заявил Валера.

— Обещали? В «Штях», разумеется, — понимающе кивнул Моня. — Вам предложили походить с кем-то из старич-
ков, поучиться ремеслу, конечно, конечно... Им постоянно требуется приток свежей крови, да, да.

— Свежего мяса, — буркнул из-за соседнего стола Кутяк. Он уже успел принять грамм триста и впал в тоску. — А
молодые все идут и идут... Гвозди бы делать из этих людей!

— А после — отмычки из этих гвоздей, — закончил я в рифму.

Отмычками в «Штях» прозвали молодых ребят, которых матёрые старички берут с собой, чтобы совать первыми в
опасных местах. Система отработана, но претендентов на роль отмычки не убывает — всем охота поучиться у ветера-
нов... а уж поучиться там получается быстро — заходят ребята из «Штей» в такие глухие места, о которых я только анек-
доты сочиняю. Пацаны гибнут частенько, но зато кто выживет — Зону поглядит так, что и мне бы в пору позавидовать.
Однако я не завидую.

— Я знаю про отмычек, — заявил Валера. — Я не боюсь.

— Голова твоя, — пожал я плечами. — Куда её совать — твоё дело. Но начать всё же лучше с легализации, а не с пи-
столетика. Не то так и будешь, как наши крутые герои, от патрулей бегать. Это, конечно, по-своему очень романтично...
но только поначалу. Потом надоедает, проверено на людях.

Слово за слово, Валера перебрался за наш стол, мы взяли ещё половинку, много я себе решил не позволять, потому
что завтра нам с Дитрихом предстоял рейс. Вернулся Демьян. Ни на кого не глядя, сел за свой стол... К нему не лезли с
утешениями — не маленький, сам должен с нервами справляться.

Последним явился Дима Пустовар. Он не постоялец, просто хороший знакомый, частенько тусуется в «Звезде». Хо-
дил в Зону, иногда очень успешно, но с полгода назад сломался. Это бывает... как правило, какая-то физическая травма,
большой страх, стресс — и человека как подменили. Дима больше не ходит за Периметр, но и наш мирок он не покинул.
Общается со сталкерами, много пьёт. Вон какой сделался — одутловатый, пухлый, лицо широкое, тонкие усики смотрят-
ся сиротинushками на розовых просторах Диминого лица. А глаза печальные. Он не алкоголик, это другое. Мы привыкли
выводить радионуклиды водкой, Дима тоже приучал организм довольно долго, и теперь телу нужна привычная компо-
нента. Как в анекдоте, когда Ватсон отучал Холмса курить, а теперь сам не может без трубки. Вот и Пустовар — уже не
облучается, а если не получит привычного лекарства от радиации, ему не по себе.

Вне Зоны Дима себя не нашёл, крутится у Периметра, всё грезит о рюкзаке с последним хабаром, который пришлось
бросить. Рассказывает ребятам, ему наливают, поддакивают — жалеют своего брата сталкера. С любым может случиться.

Дима пошёл между столов, здоровался. Он не просит, все и без просьб видят — человеку бы налить... Присел к Де-
мьяну, тот без разговоров наполнил стакан, Пустовар завёл своё привычное:

— Демьяныч, ты же свой, ты всё понимаешь... Напала стая, видно, шла следом, выжидала. Чернобылец их вёл, матё-
рый, чёрный такой, шкура как антрацит блестящая...

Николка затянул старую эмигрантскую песню, удачно переложенную на наш материал: «За Кордон, за Кордон, за
Кордон...» — теперь это история сталкера, который вернулся из Зоны, а старый друг остался на бессрочной прописке, по
ту сторону Периметра.

— ...И я чувствую, — нудил Пустовар, — если начну вставать, псина эта чёрная кинется, и самки, и молодняк. Вот
только опущу ствол, сразу бросятся волной, захлестнут. И я лежу, автомат наготове, а рюкзак отлетел за «электру». Как

назло, широкая такая аномалия, разлеглась, сука, по бетону. Я краем глаза вижу свой хабар, но слежу-то за псами. И чернобылец этот чёрный — вожак...

А Валера оказался вполне вменяемым парнем. Романтик, конечно, но это проходит. Говорю же, все мы когда-то явились сюда, по уши накачанные сказочками о рискованной шикарной жизни сталкеров. Под конец блондин так разоткровенничался, что порывался рассказать, где можно недорого взять оружие и подержанную снарягу. Парню хотелось произвести впечатление.

— Есть такой прапор в украинском контингенте, Усаченко фамилия, — прошептал он, склонившись ко мне. — Меня уже познакомили. В самом деле недорого берёт! И «беретту» мне...

*Счётчик снова поднимет трезвон;
Ветер злится, листву обрывает.
И уходит мой друг за Кордон.
За Кордон друг мой близкий шагает.*

— Эй, эй, Валерочка, почему вы рассказываете про этот вариант ему, а не мне? — возмутился Моня. — Это же я добрый следователь, а не он! Он злой! Слепой, стыдись, ты провалил роль злого следователя!

У меня промелькнуло смутное ощущение, что я упускаю нечто важное... но вспомнилось, что с Усаченко мы уже знакомы... какой забавный вид был у прапора, как он пытался выглядеть пристойно, когда его с ног до головы обляпало вонючей грязью! Короче говоря, тогда вечером я так и не поймал за хвост ускользающую идею.

*Не зайти нам вдвоем в ресторан,
Друг мой в Зоне, стал мой друг другим,
Я сижу один, без водки пьян,
К потолку пускаю горький дым...*

— Остался хабар, ах, Демьянушка, какой хабар, какой, скажу я тебе, хабарище... Собаки ногу порвали, с тех пор еле хожу, а тогда и вовсе... И я не попытался! Оставил хабар! А рюкзак — битком, и чего там только не было, я как знал, три контейнера с собой брал. Все три набил, так и лежит хабарище мой! До сих пор там лежит, точно говорю, Демьянушка, потому что местечко-то гиблое, туда никто не сунется, и я бы не сунулся, да псы загнали, чернобылец этот чёрный...

*За Периметром он навсегда,
Старый друг не вернётся из Зоны,
Я ж не смог, мне ещё не пора,
Не пора уходить за Кордоны...*

— Выпей, Дима, выпей. — В руке Демьяна звякает стекло. — Я понимаю. Всех нас ждёт такое, каждого когда-нибудь судьба подстережёт.

— Ох, спасибо, брат. Давай-ка я тебе координаты скину, где хабар бросил. Мне туда уж не дойти, а ты сильный, ты сможешь...

А потом пришло время отправляться на боковую, чтобы завтра не подвести Вандемейера. Я распрощался и повалил к себе — спать. В спину мне несло на мотив «Ванинского порта»:

*Ты помнишь, как шли мы и шли,
Стараясь сдержат злые стоны,
И Припять лежала вдали,
Столица отравленной Зоны...*

Я выставил будильник в ПДА на половину седьмого, но разбудил меня не зуммер, а стук в дверь. Стучал Костик. Я бы его обложил как следует, но морда у охранника была такая серьёзная, что я даже начал просыпаться.

— Слипый, ты той... ничего такого в ночи не чув?

— А что случилось? — Соображал я с трудом, потому что всё-таки не успел толком проснуться.

— Выйды в залу, там уси збыраються. И той, профэсора поклычь, а? Кассу нашу хтось вкрав. В зал йды, ага? Зараз усих збыру и також там буду. Карого вже повидомыв...

Я по-быстрому ополоснулся, оделся. Надевая на руку ПДА, отключил будильник — часы показывали четверть седьмого. Постепенно в голове начала складываться картинка произошедшего. То, что Костик называл «кассой», на самом деле что-то наподобие склада или камеры хранения при гостинице. Стены толстые, замки надежные, там хранилось оружие и ценности постояльцев. Наши с Вандемейером казенные «макаровы», в частности. Я всегда полагал, что без взрывчатки в кладовую не забраться... Значит, так: Костик должен был явиться на дежурство к шести — наверное, он и обнаружил пропажу. Ночная смена ничего не видела и не слышала. Или их предварительно вырубили?

Я заглянул к Вандемейеру — тот миглом вскочил, едва я стукнул в дверь. Он, естественно, не знал об ограблении и первым делом кинулся влезать в снаряжение, чтобы выдвигаться к Периметру... пришлось и его огорчить. Мы спустились в бар, там уже собрались наши, мы с Дитрихом явились едва не последними.

Дрон просил не волноваться и ждать Гошу — хозяин уже едет, Джексон, другой охранник ночной смены, глядел в пол и помалкивал, а Кутяк тем временем громко вещал:

— И вовсе не артефакт, нет такого артефакта, чтобы бесшумно дверь выжег!

Остальные помалкивали, уставившись в пол. Как-то неловко ощущать себя под подозрением, тем более дельце гнилое — ограбить своих.

— Расплавилась обшивка, — буркнул Дрон, — и замок тоже спалили на хрен. А я не слыхал, Джексон тоже. Температура там какая была? Полторы тысячи градусов? Или больше? Точно артефакт. Вы, сталкеры, из Зоны какого только дерьма не носите!

На Моню было жалко глядеть — он набрал, сколько требовалось, лечебных артефактов и уже собирался ехать к дочке. Мы даже попрощались вчера — мол, я свалю рано, мы не увидимся, а Моня исчезнет на месяц или около того. С ребенком побудет.

— Не артефакт это был, а сборка, — возразил Кутяк. — Я слыхал о таких штуках. Сам ни разу не пробовал, но слышал.

Вошли Костик с новичком Валерой-Вальтером.

— Здається, уси, — буркнул Костик. — Бо я в уси двери постукав. Ну, хто що чув? Хто що знає? Кажить скоріше... Викна та двери уси цили, це хтось из наших мог буты.

— Демьяна нет, — заметил Карман. — Остальные здесь.

— Демьян — мужик толковый, — заметил Кутяк, — в сборках он больше моего сечёт. Мог бы что-то соорудить. Костик, ты стучал к Демьяну?

— Я зараз, — кивнул Костик и тут же исчез.

Минутой позже появился Гоша. Видно, что спешил — явился в тренировочных штанах и кожанке поверх майки, кожанка — чтобы кобуры не было видно.

— Ну, что? — Карый окинул нас взглядом. — Кто падлой оказался?

— Демьяна нет, — снова заявил Карман. — Костик пошел проверить.

— Подождём, — решил хозяин. — Извините, парни, но пока не выясним, кто крысятничает, все посидите здесь. Я знаю, что кое-кому в рейс, но обстоятельства форс-мажорные.

— Мне нельзя опаздывать, — неохотно пробубнил Валера. — К одиннадцати нужно в Чернобыль-4. И «беретта» моя...

— Оружие на месте, — заверил Дрон. — Я же его отдельно запираю, в шкафчик.

Шкафчик, конечно, железный, центнеров на несколько. Вор не стал возиться, да и какое оружие здесь, в «Звезде»? Только дешёвка — то, что можно хранить законно. Зато приметно и тяжело, если с оружием-то бежать. Конечно, вор взял наличку и артефакты.

— Значит, получишь ствол в целости, — твердо произнес Гоша. — И на стрелку я тебя сам подкину.

Объясню, если придется, что я задержал. Извини, парень, сам видишь, какие дела. Притопап Костик.

— Демьян, сто пудов. Виконце не зачинено, майна немає. Це вин. Через виконце втик.

— Он в Зону ушёл, — буркнул Кутяк. — Больше некуда.

Гоша нахмурился.

— Собирается на постоянную прописку? Ничего не говорил? Я ж его, суку, и там достану...

Кто пожал плечами, кто просто смолчал. Друзей у Демьяна не было, потому что его тяжёлый характер никто бы долго не выдержал. Я, помнится, ещё удивлялся, что он вчера с Пустоваром поладил.

— Артефакты он продаст, — печально протянул Моня.

— Продаст, точно. Снаряги крутой купит, нашего после не вернём, — вставил Кутяк. — Его быстрее найти надо, пока не реализовал.

— Значит, так... — медленно, задумчиво произнес Гоша. — Вариант такой. Слепой, господин Вандемейер! Вы же по-любому в рейс собрались? Сможете в Зоне Демьяна накрыть?

— Демьян — толковый сталкер, — заметил Кутяк. — Ну, найдет его Слепой, а дальше? Нет, Слепой, ты сможешь найти, у Демьяна хабар, Демьян нагружен, он не резво побежит... Но после-то что?

— Костик с ними пойдет. — Это Гоша. И поглядел на охранника.

Тот кивнул. Все уставились на меня. Ох, не люблю я быть центром внимания... а что делать? Семь бед — один ответ. Откажусь — подведу всех. Соглашусь — значит, отправлюсь на охоту, Демьяна мочить. После такого, что он учинил, миром дело не закончится как пить дать... Да ещё Костик — он-то парень крепкий, но Зона требует другого опыта.

— Вам через кордон — прямая дорога, — добавил Гоша, — учёного не задержат, вы быстро пройдёте. Демьян время потерял небось, пока Периметр миновал, а вы — сразу.

— Костика с нами пропустят?

— Не турбуйся, Слипый, я пройду.

— Вандемейер, вы не против? Если можно, я заброшу вас в «Сундук», там переждёте, а потом... ну, когда все кончится... тогда за вами вернусь.

Дитрих понял почти всё. То ли ему было неудобно отказывать после вчерашнего, то ли рыжий в самом деле проникся нашими проблемами, но сейчас он торопливо кивнул:

— Я согласен, только условие: я иду с вами. Я постараюсь не стать обузой.

Я бы ещё поспорил... но Карый резко махнул рукой:

— Тогда доброй вам Зоны. Я вас к самому КПП подвезу. Ну, в путь, что ли?

Все глядели нам вслед, пока мы шагали через зал. Я выскочил первым, мне же ещё барахло нужно было взять. В дверях Вандемейер потянул Костика за рукав и, когда тот притормозил, пошептал на ухо. Костик встал на пороге, окинул взглядом остающихся и хмурым тоном объявил:

— Ай-л би бэк.

Значительно так сказал, веско. Неторопливо развернулся и вышел. Прошло с полминуты, только потом в баре грохнул хохот. Шутку оценили все — ещё бы, начиная с седьмой, каждая серия «Терминатора» заканчивается этой фразой. В финале, перед тем, как исчезнуть, железный малый произносит такие слова — и Костик вполне мог бы заменить любого из артистов, исполнявших главную роль в цикле. Я тоже хохотал, поднимаясь по лестнице. Такая шутка — именно то, что нужно. Именно то самое.

В дороге мы молчали. Я зевал, Вандемейер задумчиво листал текстовые файлы в своем навороченном КПК... Гоша

сидел хмурый, должно быть, обдумывал планы мести — больше ничто не могло поддержать пошатнувшийся престиж «Звезды», только образцово-показательное возмездие. Если нельзя быть уверенным в безопасности гостиничной кассы, то и весь бизнес под угрозой, и Гошин статус потерян. А статус для людей вроде Карого — это всё.

— Карый, — окликнул я.

— Мгм?

— Гоша, послушай, помоги Моне. Он сегодня к дочке собирался... Ему бы хоть пару артефактов. Одолжи ему, что ли? Чтобы он купил где-то.

Конечно, при других обстоятельствах Гоше не понравилось бы, что постояльцы ведут дела на стороне, но Моне сейчас кровь из носу необходимо раздобыть хотя бы пару «пёрышек» для ребенка. Вопрос жизни и смерти, без преувеличения.

— Ладно.

Подкатил Гоша к самому блокпосту, затормозил в двадцати метрах от бетонных плит, уложенных поперёк дороги. Мы, трое, выгрузились и двинулись к КПП. Самым сложным мне сейчас представлялось провести Костика через Периметр. Когда я увидел миротворцев, едва не выругался. Российские эмблемы — ну, сейчас Костик к ним подвалит, заговорит на мове... и пиши пропало. Я уже начал мысленно прокручивать варианты — нас пропустят, Костику откажут... тогда Гоша сделает допуск, воспользовавшись своими каналами, а мы тем временем возьмем след...

Сегодня миротворцев было больше, чем обычно, и командовал ими старший лейтенант — такой же рослый и подтянутый, как и подчинённые. Ещё я обратил внимание на экипировку — миротворцы были снаряжены по полной программе, в защитных костюмах, в касках. Никакого пижонства, бандану никто не стал повязывать.

— Старший лейтенант Костромин, — козырнул офицер, — прошу ваши документы.

Я и слова не успел сказать, Костик выступил вперед, назвался: «Костиков!» — и протянул старлею какие-то корочки. Тот зыркнул, кивнул — и они с охранником, не глядя в нашу сторону, быстро отошли. Разговор продолжался несколько минут. Когда Костик с Костроминым возвратились, офицер улыбался.

— Да, помню, слышал насчет мундира Усаченко. Те самые, значит? Ну, доброй вам Зоны!

Я едва не сел.

— Благодарю, господин старший лейтенант! — бодро откликнулся Костик. Потом обернулся к нам. — Ну що, йдемо?

Когда блокпост остался позади, я поинтересовался:

— Костик, у тебя хороший русский. А чего ж ты всегда по-украински разговариваешь?

— Росийську я добре вивчив, бо в російській армії служив по контракту. Тепер я в Україні живу, як цивільний мешканець, и державною мовою розмовляю.

Этот тип людей мне хорошо знаком, я и сам такой отчасти — люблю делать наоборот, не соблюдать общепринятых правил. В русскоязычной компании говорить только по-украински, но при этом презирать все «хохлячье»... забавно. Я слишком ленив, чтобы так щепетильно нарушать правила, но Тараса Костикова понимаю отлично.

— Вы знакомы с этим лейтенантом? — подал голос Вандемейер. Иностранца тоже заинтересовали причины доброжелательности старлея.

— Ни, не знайом. Слипый, як будемо робыты? Яким чином Демьяна вполюваты збыраєшся?

— А! — Я вспомнил о своих обязанностях проводника. — Сейчас... Сперва заглянем к моему тайничку, оружие возьмем. Тайник мой... ну, это... Много говорить не буду, только секрет...

— Не турбуйся, сбережу твой секрет. Кажы дали.

— По Зоне идем аккуратно, я первым, за мной Костик. Дитрих, вы замыкающий. Смотреть внимательно, что увидите необычного, говорить мне. Руками ничего не трогать, ногами никуда не прыгать. Это первое.

Мы на ходу перестроились и дальше шли гуськом. Я по дороге свернул к полянке с давно знакомыми аномалиями, продемонстрировал Костику их действие — кинул пару болтов в «электры» и с безопасного расстояния зашвырнул гнилушку в «мясорубку». На новичков эти примеры не всегда действуют, но лучше выполнить все процедуры, чтобы после не жалеть.

Потом вернулись на тропу, я привёл спутников в разрушенный домик и велел ждать, а сам наведалься за угол — к тайничку. Всё было на месте, в целости и сохранности. Я взял АКМ для Костика, два рожка в запас; себе — привычную МР-5, прихватил пару походных аптечек... потом подумал и взял ещё пару. Демьян — парень ловкий, мало ли как дело обернётся. Ещё взял казённых консервов из того, что припрятал в прошлую ходку. Сейчас мы собирались второпях, о продовольствии я не подумал, вспомнил лишь за Периметром, а ведь нас теперь трое.

— Я годав, що ты до витру... — Костик оглядел мой арсенал.

— Примерно так и было, — согласился я. — Сходил по-большому.

— Дывовыжний организм! Тоби б на оборонному иидпрьемстви працювати...

— Меня в оборонку не взяли по зрению. Ладно, хватит шутить. Держи вот... будешь нашим главным калибром.

Костик придиричливо оглядел АКМ, провел пальцем по казённой части...

— Не поважаєш ты зброю, Слипый, не слидкуєш за нею. То й вона тэбэ не поважатымэ.

— Да ладно, твой палец не стал грязней, не притворяйся.

— Ты що, не служыв? Хіба так за зброєю пыльнуюють? Эх, Слипый...

— Я, Костик, служил в понтонном полку. Нам оружия не давали.

— А як же?

— А мы противника больше на понт брали. Потому и войска наши так назывались — понтонные. Ладно, хватит об этом. Насчёт Демьяна. Я пока не знаю, где он сейчас и куда направляется. Но у каждого из нас имеется в Зоне местечко... ну, любимое, что ли. Свои поля аномалий, свои найденные тропки, маршруты. И Демьян не исключение. Я несколько раз поглядывал на ПДА, пока мы сюда шли. Шесть человек движутся там, где мог бы объявиться наш голубь, то есть от Периметра к местам, где обычно Демьян пасётся. Мы сейчас двинем туда же, по дороге заглянем в «Сундук», я узнаю новости. Демьян вполне мог часть груза там скинуть, потому что ему нужен крупный покупатель, Сорняк вполне подходит. Пока что ясно? Вопросы есть?

Вандемейер кивнул, а Костик несмело протянул мне зажатый в горсти предмет:

— Слипый, а це не артэфакт? Я только вздохнул.

— Нет, Костик, это не артефакт, а лампочка накаливания, которую кто-то зашвырнул в костёр и хорошенько прогрел. — Беда с этими новичками. Им кажется, что артефакт можно найти прямо под ногами, да ещё в домишке, где едва не каждую ночь кто-то останавливается на привал. — И вообще, я же сказал, руками ничего незнакомого не брать! Большинство артефактов сами по себе опасны, ты сколько раз видел, что мы их в защитных контейнерах носим!

Наш терминатор, наш железный малый Костик оказался романтиком! Артефакт ему подавай! Как дитя, ей-богу. Попал в Зону, дорвался.

— Ну, в путь...

По дороге я ещё несколько раз проверял по ПДА, сколько человек движется так, как мог бы шагать Демьян. Число подозреваемых сократилось до пяти — но я не обольщался. Во-первых, моя машинка слабовата и я мог попросту прозевать чей-то сигнал, во-вторых, я включался в сеть очень редко. Дело в том, что наши компьютеры не безличны, но Демьян наверняка сменил машинку, если решился кинуть товарищей. Поступить иначе — всё равно что на спине мишень намалевать. Зато мой ПДА — прежний, то есть Демьян узнает о моем приближении заранее. Поэтому я и не рисковал торчать в сетке подолгу. Если Демьян включается, как и я, урывками, мы вполне могли разминуться во времени. Собственно, за этим-то я и шел к Бороде, мне требовалась квалифицированная помощь.

Темп я взял не слишком резвый, чтобы Костик постепенно привыкал, а Дитрих — чтобы не вымотался. Я считал, что рыжий неплохой ходок, но человек-то он больной, мало ли как его хворь может проявляться. Когда идешь так медленно, опасностей минимум. Дважды я замечал на ПДА группы сигналов, движущихся поперек нашего маршрута, и придерживал спутников, чтобы не встречаться. Если это крутой стalker с отмычками, ничего; но если группа мародёров, то лучше не сталкиваться. Несколько раз за кустами слышалось знакомое «о-хо-хо», но слепые псы к дороге не выходили. Видимо, не считали нас подходящей закуской. По дороге Костик меня ещё пару раз спрашивал, не является ли артефактом пододбанный у обочины мусор — какие-то железки, грязная пластмасса. Одно слово — романтик.

Зато Вандемейер помалкивал. Я даже удивился и спросил, о чем это он так молчит. Оказалось — Дитрих молчит о своём. Его по-настоящему заинтересовало поведение псов той ночью, когда мы с ним торчали на дереве. Мне тоже стало интересно, но сейчас было не до расспросов, тем более что один из моих подозреваемых явно побывал в «Сундуке». Момент, когда точка на ПДА совместилась с отметкой, соответствующей «Сундуку», я прозевал, но пауза между выходами в эфир получилась тогда около часа, Демьян вполне мог сладить дела с Сорняком и двинуть дальше.

А вокруг была Зона — тишина, серая спокойная тишина. Небо хмурилось, иногда срывался мелкий дождик, и тогда шорох капель был особенно явственным. Снаружи, по ту сторону Периметра, не замечаешь, как громко стучит дождь по листьям и траве. Там много других звуков, всевозможные шумы, созданные цивилизацией, а здесь — тишина. Серое плотно асфальтовой дороги, растресканное, проросшее серым жестким бурьяном, серые полуразрушенные строения справа и слева, серые бетонные павильончики автобусных остановок, закопченные из-за того, что в них stalkerы иногда разводят костры, если придется сделать привал... Кое-где — брошенная техника различной степени сохранности. Некоторые аномалии действуют странным образом и словно консервируют старые автомобили и трактора. Случается, целенькая блестящая машинка соседствует с проржавевшими насквозь развалюхами. В кинохронике и документальных передачах это все видели, но совсем иначе, острее воспринимаешь воочию, когда постапокалиптический пейзаж сопровождается заунывным свистом ветра и непривычно громким стуком дождя. Ветер вообще способен создавать удивительные звуки, которых не заметишь на большой земле. Хлопает полуоторванный лист кровельного железа, шуршит на сквозняке свалившаяся в трубу ветка... Скребёт по кирпичам корявыми сучьями деревце, проросшее сквозь стену, — это только в Зоне бывает. И впечатление выходит странное, зловещее.

Постепенно мои подопечные привыкли к странным звукам и дикому пейзажу, стали заводить разговоры.

Вандемейер заинтересовался, как это Костика пропустили на блокпосту. Тарас ответил уклончиво:

— Маю богатый досвид, вмию с вийсковыми порозумитися. Я в особливий частыни служыв, нас уси поважають.

— Нет, но всё-таки!

— Профэсор, не берить у голову, и мэнэ не турбуйте, зайве це. Я йим збрехав, що зараз выконую специальну задачу, шпыгуна помогаю контролювати. Спивробытныки тиейи службы, де я був, майбутними не бувають. Це цилком можливо, що бийця запасу шов выкорыстали. Ну от и зараз такой выпадок, шпыгун, тобто.

— Опа, — вот тут я удивился по-настоящему, — а кто у нас шпион? Демьян, что ли?

— Кто, хто... Пан Вандемейер — евросоюзивський шпыгун. Пид маскою вчэного. А я з ним — найнятий хлопчик, немов бы ничего нэ знаю, а сам стэжу, дэ мин якусь каверзу повинэн зробыты нашый велький держави.

Вандемейер многозначительно хмыкнул, и я тоже был ошарашен. Как-то по-детски звучит: шпион, боец спецслужб в отставке — с иностранцем под видом нанятого работника... хотя я могу с ходу припомнить десяток приключенческих фильмов с похожим сюжетом. По российским каналам такие постоянно крутят. Если в кино эту лажу все глотают, не задумываясь, почему бы и теперь не сработало? Я-то фильмы смотрю редко, а старлей — парень молодой...

— Ни фига себе. Вот это фантазия, Зона её возьми! А я кто? — Я быстро перебрал в памяти немногочисленные амплуа в патриотических кинострелянках. — Запроданец или невинная жертва коварной интриги?

— Усэ може буты... Слипый, ты не пэрэймайся. Скажи краще, чи цэ нэ артэфакт?

— Нет, Костик, это просто железяка. Из нее артефакт, как из Вандемейера шпион. Все, stalkerы, привал!

Мы расположились у дороги, перекусили казенными харчами. Костик разобрал и вычистил мой АКМ, при этом бурчал — прикидывал, что именно нужно оторвать понтонеру за такое обращение с оружием. Фигня, зачем понтонеру автомат? Когда такое чудовище, гусеничный самоходный паром, прет, не разбирая дороги, ему автомат — что слону дробина, даже не заметит.

Вандемейер молчал — то ли переживал, что его шпионскую сущность раскололи, то ли заново пересчитывал своих ангелов. Я так понял, что рыжий поначалу собирался втулить своим клерикальным работодателям более или менее лажовые результаты, но обнаружил что-то стоящее и теперь сам заинтересовался исследованиями. Сейчас Дитриху страсть как хочется снова включить приборчик, но он сдерживается.

После отдыха я повёл бойцов дальше. Поскольку при мне было двое неопытных подопечных, места я выбирал открытые, более или менее спокойные. Из-за этого пришлось идти дольше, так что к «Сундуку» мы вышли только под вечер.

Тучи разошлись, красноватое раздувшееся солнце показалось напоследок, потом кануло за руины. Небо сделалось прозрачно-синим, ясным и особенно чистым. Такое чистое небо я видел только в Зоне — здесь не дымят заводы, не извергают выхлопных газов автомобили... даже курильщиков мало. После того, как солнце скрылось, стало быстро темнеть, но мы уже подходили к «Сундуку».

Борода моему появлению обрадовался.

— Ну? Принес?

— Держи свои микросхемы.

— О, вот это дело! Спасибо, Слепой!

— Спасибо не отделаешься. Демьян у вас был?

— Был, но недолго. Скинул Сорняку товар и свалил. Вроде пофартило ему наконец, хабара мешок притащил!.. А то ходил смурной, мрачный.

— Пофартило, ага. Товар его гнилой, краденый.

— Опа... Во дела, Зона их возьми! Тебе с Сорняком об этом перетереть придется.

— Костик, поговоришь с Сорняком? Охранник кивнул. Он доверенное лицо Карого, так что пусть заводит с Сорняком дипломатические переговоры. Беседа выйдет неприятная — Сорняк, разумеется, не захочет возвращать товар, за который заплатил, Демьян спешил, наверняка отдал дёшево, и хозяин «Берлоги» небось рад и счастлив, что сорвал неплохой куш... а тут такой облом! Скверное дельце, как ни крути. Поэтому я решил свалить его на Костика.

— А мы не торопимся? — уточнил Вандемейер.

— Ночуем здесь. Ночью я вас по Зоне не поведу. К тому же мне кое-что необходимо сделать... Борода, есть спешный заказ.

Механик моему заказу не обрадовался, потому что понимал: много с такого ценного курьера драть не годится, а заниматься дешёвкой ему сейчас не хотелось. Я принес микросхемы, и Борода, конечно, собрался взяться за ремонт ПДА... но только вздохнул, отказываться не стал.

— Чего у тебя?

— Во-первых, мне нужен совет, как выследить Демьяна. Во-вторых, мне нужно, чтобы он меня не приметил, когда мы сблизимся. Сделай что-нибудь с моим ПДА, чтобы он стал неузнаваем в сетке, а? Только цветовых настроек не трогай, я и так еле отладил под своё зрение.

— Слепой, а сам не можешь? — Борода скривился. — Это же совсем просто. Или возьми у своего учёного машинку, я видел — у него сильная вещь.

Это точно, у Вандемейера КПК — суперский. Всем шпионам такие дают, ага.

— Ну да, да, я чайник, я сам не могу. И КПК Вандемейера мне не подойдет, мне нужна моя информация и настройка под мои больные глазки. Сделай, а? Если это так просто, то времени много не займёт.

Механик скривился и стал бубнить, что занят... Конечно! Когда «сделай сам», то совсем просто, а как Бороде возиться — работа оказалась куда сложнее. Все электронщики таковы, Борода не исключение. Но, поворчав, всё-таки взял мой ПДА и велел ждать в баре. Мы с Вандемейером отправились ужинать, заодно я обратился к бармену насчет патронов к «H&K MP-5». Попутно выслушал новый анекдот: наведалься сталкер Петров за Периметр, на большую землю. Возвращается, рассказывает: там, братцы, тоже мутантов полно! Иду ночью, никого не трогаю, вдруг подлетают. Мелкие, проворные такие, как снарки, но без противогазов. И хлипкие совсем, положил всех вмиг. Новые какие-то мутанты, незнакомые, а говорят по-человечески даже лучше контролёра. Знают, правда, всего одну фразу: «Дядя, дай закурить!» Ну, друзья Петрова спрашивают: а как ты понял, что это мутанты? Тот в ответ: ну как же, они в ПДА не выделялись — значит мутанты. Я, чтобы не обижать бармена, сделал вид, что мне смешно, рассчитался за обед, купил полсотни патронов... ПДА! Это первый анекдот про сталкера Петрова, в котором фигурирует ПДА. И придумал его не я. Даже немного обидно, хотя анекдот — так себе, фиговый анекдот. Ничуть не смешной. Мои куда лучше!

Позже к нам присоединился Костик.

— Ну, как прошли переговоры?

— Та нияк... Вин свое каже, Сорняк цей. Купыв, грошы виддав... А я що? Нехай с Карым справы мае. Ты щось вызнав, Слипый?

— Пока ничего. Да найдём Демьяна, куда он денется! Говоришь, «грошы» он взял, не снарягу? Значит, не в самые опасные места собрался. Снаряга у него паршивая, он сам жаловался. В крутые места с его барахлом не сунешься.

— Наличкою Демьян узяв. Слипый, послухай, що я надумав. Мени Дрон казав, воны учора довго розмовляли, Демьян с Димкою тым товстым, с Пустоваром.

— Ну да, я тоже удивился... Зона возьми, ты прав! Точно! Теперь я знаю, куда он идёт! Утром двинем напрямую.

Я быстро изложил свои новые соображения спутникам. До сих пор я просто шёл за Демьяном — даже не за ним, а тем маршрутом шёл, каким, мне представлялось, должен улепётывать наш вор. Не было времени задуматься, попытаться прикинуть его собственные планы. Ведь на что-то же он рассчитывает? И тут вспоминается его разговор с Пустоваром. Если толстяк скинул нашему приятелю маршрут от Свалки на восток... Пройти там до недавнего времени было просто, но сейчас к востоку от Свалки возникли странные вещи, по непонятной причине прежние маршруты стали непроходимы. Из-за этой новой напасти сместились поля аномалий и радиоактивные зоны. Прежде, имея серьёзное снаряжение и запас антирада, можно было пройти коротким путем, теперь от старых маршрутов отказались, а новых, насколько я знаю, пока не протоптали. Значит, может рассуждать Демьян, если проскользнуть по наводке Пустовара безопасным маршрутом со Свалки в Тёмную долину, то все преследователи вмиг отстанут, беглец получит приличную фору. Плюс ему достанется хабар Пустовара и его снаряга, которую тот бросил... Всё это я торопливо изложил партнёрам.

Костик только пожал плечами — ему географические названия мало что говорили. Вандемейер потер лоб и неуверенно произнёс:

— Этот человек, Пустовар, не производит впечатления опытного сталкера.

— Це вин зараз салом покритый, як свиня... — объяснил Костик. — А ранише був ничего соби такий хлопчик, справный.

— Дима — толковый, — вставил и я слово, — работал в каком-то НИИ, в технике шарит. Не Борода, конечно, но тоже грамотный парень. Может, он Демьяну и с КПК помог, чтобы в сетке его не узнать.

— Но если он обманул, как это здесь называют... сбrehал? Что, если нет никакого маршрута?

— Он же не знал, что Демьян кассу «Звезды» вскрое. Насчет хабара мог и приврать, а с маршрутом — вряд ли. Это же легко проверяется... Завтра идем на Свалку, спрашиваем, не являлся ли там наш герой. После этого я сличу данные всех сталкеров, которых пометил вчера в своем ПДА. Их осталось пять. Кто свернёт со Свалки на восток — тот и будет Демьян. Других вариантов я не вижу.

— Гоша, звисно, повидомыв усих, — заметил наш терминатор, — але ж тильки в нашому кутку. Якщо Демьян з во-стоку из Зоны выслызне, то я не знаю... Слипый, ты повидомлення Карому скинь.

Тут явился Борода, сунул мне КПК.

— Все твои данные в сохранности, можешь убедиться. Но узнать тебя Демьян не сможет.

— Точно?

Механик пожал плечами.

— Да, Борода, а ты не в курсе, Демьян не покупал антирад у Сорняка?

— Я в курси, — ответил Костик. — Купував, хоч и небогато. Узав грошы, а из знаряддя — тильки набойив до «Калашникова» та антираду того килька пачок. Нам бы також антираду з собою не заважає узяти.

Антирад — это, конечно, не улика, но лучше, чем ничего. А поскольку других планов у нас не образовалось, я объявил отбой — завтра шагать на Свалку. Поднялись мы до рассвета, быстро перекусили и двинулись в путь. Поутру было прохладно, ветерок шевелил густую траву... Тишина...

В прошлый раз мы с Дитрихом проезжали сегодняшним маршрутом на «Малыше» Химики, так что можно сказать, что учёный здесь впервые.

Эти места были более дикие, чем те, что мы пересекли вчера. Вандемейер вертел головой, высматривая мутантов. Костик, подозревая, искал в траве по обочинам артефакты... Вдали залаяли псы, а на моем ПДА возникли яркие точки — такие бываю у военных. Их оборудование мощней и сигнал дает более четкий. Я остановился, Дитрих с Костиком послушно замерли. Лай стал удаляться... затем мы услышали выстрелы. Автоматы били уверенно, короткими очередями.

— Свернём, — решил я, — миротворцы отобьются без чужой помощи, а нам с ними встречаться незачем.

Активность военных мне не понравилась. Раньше они на Свалку редко забредали, с чего бы теперь? Да и охрана блокпоста вчера была усилена. Ведь не Демьяна же они ловят!

Мы обогнули место стычки миротворцев с мутантами, звуки выстрелов теперь были едва слышны, и я вытащил ПДА. Вошёл в сеть и проверил своих подозреваемых. К Свалке двигались трое, и самый резвый уже почти добрался. Почему-то я решил, что это и есть Демьян. Очень уж мне хотелось, чтобы всё закончилось поскорей, да и было бы приятно, если я такой великий сыщик и так ловко вычислил замысел беглеца. Спутникам я пока не стал ничего говорить, мало ли — а вдруг я ошибаюсь? Настигнем какого-нибудь ничего не подозревающего сталкера...

Взошло солнце, сразу стало веселее.

— Слипый, — подал голос Костик, — и ти собаки — тож слипи?

— Слепые псы. — Мне почему-то стало неприятно, что Тарас связал мою кликуху с этими мутантами. — На всякий случай скажу о них два слова. Плодятся быстро, держатся стаями, набрасываются скопом. Сперва бегают кругами у тебя перед носом, скачут, мечутся... если не выдержат нервы — можно все патроны расстрелять, а потом они навалятся кучей. Шкура красно-коричневая, их легко узнать. Но когда поодиночке, довольно пугливые.

Совсем рядом протарахтел вертолёт — военные, больше некому. Какую-то особенную активность нынче миротворцы проявляют, странно, странно... Мы остановились, выжидая, но вертолёт так и не показался из-за деревьев, звук стал стихать...

— Ага, — сказал Костик.

Я двинул дальше и по пути продолжил лекцию.

— Иногда встречаются псевдопсы, эти темней, морды как у обезьян, что ли... даже не знаю, с чем сравнить. Они более массивные, и повадка у них другая — не кружат, а сразу бросаются, прыгают на грудь, сбивают с ног. Иногда держатся рядом со слепыми псами, бывает, псевдопёс возглавляет стаю, но это редко происходит. А вот чернобыльская собака — это уже серьезней случай. Эти твари телепаты, с ними хуже всего. Они умеют подчинить стаю слепых псов... умеют наводить иллюзию.

— Мне бы очень хотелось понаблюдать за чернобыльской собакой, — вздохнул Вандемейер, — и особенно если она ведёт стаю. Это могло бы существенно продвинуть мою работу.

И потом всякий раз, когда в отдалении слышались характерные завывания слепых псов, Дитрих тяжело вздыхал. Даже Костик обратил внимание:

— Та шо вы усэ зитхаєтэ, профэсор? Я також постриляв бы залюбки, але ж мовчу.

— Я не профессор. Если вам так хочется обращаться ко мне официально, говорите «доктор Вандемейер».

— Не ображайтесь, — примирительно сказал Костик, — це в мене вже звичка, якщо вчений, то звемо «профэсор». Це як призывсько.

— Кличка, — на всякий случай перевел я. — Мы привыкли всех учёных называть профессорами, Вандемейер. И друг друга зовем не именами, а кличками. Вот я, к примеру, Слепой — потому что проблемы со зрением. А Костика зовут Тарасом, а фамилия Костиков. Или вот Гоша... ну, Карчалин, хозяин «Звезды», — его все зовут Карым. Так что не обижайтесь на «профессора», в Зоне всех учёных так величают.

Вандемейер снова вздохнул — наверное, мечтал о чернобыльской собаке. Мне тоже в детстве хотелось иметь собаку... но это было давно, пора и Дитриху повзростеть.

Надо сказать, курс я держал несколько южнее, чем направление на Свалку, и, пока мы шагали, поглядывал на ПДА. Как раз во время разговора о кличках тот сигнал, который я считал принадлежащим компьютеру Демьяна, покинул стал-

керскую стоянку и двинулся к юго-востоку. Отлично! Я так и намеревался — перехватить обладателя этого ПДА юго-восточней Свалки.

Спутники обратили внимание на мой довольный вид.

— Що? Демьяна впизнав?

— Узнать я его не могу по-любому, — сдерживая гордость, объяснил я, — но некий сталкер держит путь именно туда, где Пустовар обещал короткий проход от Свалки к Тёмной долине. Вполне возможно... вполне... Сейчас мы уйдем с трассы, поэтому давайте-ка оставим разговоры. Дорога станет потрудней, я хочу перехватить Демьяна, или кто это окажется, прежде чем он углубится в опасный район. У нас-то антирада немного, если тыкаться наобум — надолго не хватит... да и не дело это — наобум соваться. Опять же и здоровью вред.

На всякий случай я стал отмечать в ПДА траекторию подозреваемого — если опоздаем, придется идти, повторяя его маршрут... хотя мне бы этого не хотелось. Мы ушли с асфальтовой трассы, теперь продвигались по грунтовкам, иногда я делал короткие переходы без дорог, но старался не рисковать. С такими подопечными любое может выйти, лучше не давать им возможности проявить богатую фантазию. Кстати, Костик снова стал искать «артэфакты» и несколько раз показывал мне всякий мусор.

Для меня этот поход обернулся большой морокой, приходилось то и дело поглядывать назад, как там наш евросоюзковский шпион и его персональный контрразведчик, ещё я отслеживал маршрут — мы немного запаздывали, к точке вероятного randevu с Демьяном преследуемый должен был выйти полчасом раньше нас. Я подумал: если это и впрямь Демьян, то он не мог не заметить, что его преследуют... заставил Дитриха отключить прибор, и свернул ещё круче к востоку. Демьян — если это был он — прибавил шагу... Речь шла уже не о том, чтобы устроить на его пути засаду, как я предполагал вначале — теперь бы вовсе не упустить...

Пришлось и нам пойти быстрее, Вандемейер вскоре начал выдыхаться, и Костик, не говоря ни слова, отобрал у Дитриха рюкзак... Всё зря — преследуемый успел углубиться в опасный район прежде нас.

Теперь мы шагали между холмов, счётчики Гейгера то и дело подавали голос, реагируя на растущую радиоактивность, приходилось лавировать, огибая наиболее заражённые участки, эти манёвры тоже сдерживали наше продвижение.

Я сказал, что мы отстаем, а места здесь мне плохо знакомы — мол, глядите в оба. Напрасное предупреждение, исключительно для очистки совести — и тут чужой сигнал исчез с ПДА. Нас с преследуемым разделяло меньше километра. Что ж, логично... если это Демьян, то вполне логично, что он устроит засаду. Груз он тащит тяжёлый, вчера спал мало, теперь вымотался и не может выдерживать темп. И, разумеется, ему охота поглядеть, кто топает по его следам... На его ПДА отображался только один сигнал — мой, значит, он не боится. Засел теперь в удобном местечке, отключил компьютер и ждёт...

Что ж, в таком случае охота вступает в завершающую стадию.

— То й що ж робытымено? — поинтересовался Костик.

— Так это ты у нас военный эксперт, ты и скажи что?

— Якщо б не в ций Зони, то вам бы сказав туточки зачекаты, а я б його сам, Демьяна того прихопив... так Зона же! Потрапиш тут у якусь халепу, у аномалію... Ни, я рызыкувати не хочу, зайве це.

— Логично. Хорошо, что ты это понимаешь, насчет аномалий. Значит, так, излагаю свои соображения. Если это Демьян, он сейчас отключил свой ПДА, сместился в сторонку, нашёл позицию, с которой простреливается точка, где он вырубил прибор. Ну и ждёт нас.

Железобетонные рассуждения. Я высказал само собой разумеющиеся вещи. Дальше к востоку, там, где потерялся сигнал чужого ПДА, начинались холмы. Бугры голые, заросшие серым бурьяном. Не знаю, что под холмами зарыто, но фон там повышенный, проверено. Долинки между ними почти совсем «чистые», счетчик едва потрескивает, долины заросли лесом — совершенно обычным хвойным лесом. Значит, Демьян — если это, конечно, он — сидит невысоко на склоне, там, где ещё не очень опасный радиоактивный фон и где есть деревья, чтобы укрыться. Но возможны варианты. В любом случае он наверняка ждёт, что тот, кто движется по следу, непременно выйдет на место, где исчез сигнал ПДА беглеца.

Костик потребовал бинокль и минут десять внимательно изучал ложину перед нами. Потом сказал:

— Гадаю, можно йти. Демьян дали чекае. Ну що, тепер я перший?

— Ещё чего. Иди за мной и страхуй. Если со мной что-то произойдет, выходите по моему ПДА, наш маршрут там отмечен. И подайте сигнал о помощи. Не спорь, Костик, здесь я лучше знаю.

«Если что-то произойдет» — это на случай, если я не смогу вести. Потом я обернулся к Дитриху:

— Вандемейер, вы замыкающий, от вас требуется только одно: запоминайте дорогу, запоминайте визуально, ПДА не включать.

Учёный кивнул.

— Ну, гаразд. — Костик отступил на шаг. — Тільки не швидко йди и мэнэ слухай, я буду спостеригаты, чи немає дз засідки попереду.

Мы двинулись к ближнему распадку, когда миновали узкий проход между радиоактивными холмами, я убавил шаг и двинул дальше медленней, чтобы Костик успевал разглядеть заросли.

— Здесь много костей, — подал голос Вандемейер.

Я тоже обратил внимание, вокруг стали попадаться останки различной степени свежести, не целые скелеты, а разрозненные кости, частенько изломанные и расколотые. Зловещее местечко. Как и обычно в районе Свалки, аномалии расположились на склонах голых бугров, в долинах иногда попадались «карусели» и «электры», но редко, так что мой датчик их четко фиксировал заранее. Кому принадлежали косточки, я не приглядывался, может, и человеческие... но растащили их наверняка собаки. Или крысы? Крысы вряд ли, они предпочитают руины, да и не смогли бы так расколоть крупные кости...

Вдруг сигнал на моём ПДА исчез. Только что была вполне разборчивая картинка, хотя и с помехами, но помехи — это нормально среди таких холмов, здесь под толщей земли наверняка скрываются какие-то захоронения, а возможно — и сеть подземных коммуникаций с кучей старого оборудования, так что сбой сигнала со спутника вполне объясним. Но

чтобы совсем пропал?. Я собирался сообщить об этом, но не успел.

— Стоп! — вполголоса бросил сзади Костик.

Я послушно замер и всмотрелся в заросли впереди, мы уже подходили к той самой точке посреди котловины, где потерялся чужой ПДА.

— Слипый, дывы ливише, — тихо сказал Костик. — Бачиш, у трави?

Вот что значит хорошее зрение. Теперь и я увидел за кустами распростертого в траве человека.

— Мой ПДА отрубился, — сообщил я. — То есть он работает, но спутниковый сигнал потерян. Вандемейер, попробуйте свой комп.

Дитрихов аппарат тоже не ловил сигнал, хотя прочие системы исправно функционировали. Я шёпотом сообщил, что никаких аномалий впереди не было, во всяком случае, ПДА их не фиксирует. Принимается карта местности со спутника или нет, но на аномалии прибор должен реагировать. Костик шёпотом сказал, что придется рискнуть: раз аномалий нет, он пойдет первым. И двинулся в заросли, окружающие полянку с неподвижным телом.

Удивительное дело — когда Тарас вошёл в кусты (он двинул в обход, отклоняясь от нашего маршрута), ветки медленно и плавно раздались, пропуская плотную Костикову фигуру, потом так же плавно сошлись, не издав ни звука. Ловко!

Мы с Вандемейером приблизились к границе зарослей и остановились. Несколько раз я замечал, как что-то смещается в тени под деревьями, окружающими поляну. Потом Костик, не скрываясь, вышел на середину открытого пространства и окликнул нас.

Полянка оказалась интересная — здесь разрозненные косточки и фрагменты скелетов валялись едва ли не сплошным ковром, попадались и свежие, с багровыми лохмотьями гниющего мяса, Костик склонился над человеком в центре поляны, а на полпути между Костиком и нами валялась, неестественно выгнув спину, слепая собака — наверняка дохлая. Но свежая, не тронутая ничьими зубами.

— Слипый, профэсор, йдить сюды. Дывиться. Костик отступил на шаг и больше не глядел на тело — ощупывал взглядом заросли. Ствол АКМ в его руках плавно ходил из стороны в сторону.

Мы с Дитрихом склонились над лежащим. Демьян. Беглец был жив, но в бессознательном состоянии — и раздет, ни снаряжения, ни оружия, только рубаха да брюки — то и другое изодрано в лохмотья, залито кровью. Сталкера жестоко искушали псы, но потом их, похоже, кто-то спугнул. И этот кто-то прикончил одну собаку — остальные разбежались. Не похоже на слепых псов, эти твари настолько тупы, что не бросают кровавую добычу, разве что противник очень уж страшный. Кто ж их прогнал?

— Дитрих, что с ним?

— Жив. Странно. Этот человек словно в каком-то трансе. В ступоре.

Демьян не издавал ни звука, раны на нем оказались неглубокие, кровь уже почти не текла, взгляд был застывший, бессмысленный. Однако это не было похоже на потерю сознания, глаза не закатились, а вот руки одеревенели, как будто сведены судорогой, вытянуты перед грудью.

— Болевой шок?

— Н-нет... — Голос ученого звучал неуверенно. — Не думаю. А ведь он не сопротивлялся, когда его рвали собаки. У того пса сломан хребет и раздавлена гортань. Нет ран, нанесенных оружием. И оружия нет.

— Вообще ничего нет, — я поднялся, — пропал наш хабар... Вандемейер, пожалуйста, займитесь раненым. Возможно, он придет в себя и что-то нам...

— Слипый, там якась людынка була.

— Какая ещё «людынка»?

— Чоловик, нибы... Здоровый такой, сутулый. Пройшов за кущамы, а потим знык.

— Где?!

Я вскинул «Гадюку» и тут увидел, как колыхнется, идет мелкими волнами воздух. Как известно, дальтоники путают цвета, зато лучше различают оттенки, поэтому кровосос для меня не совсем невидим, даже когда переходит в режим «стелс». Я уже видел, как он приближается, раскачиваясь из стороны в сторону, — готовится к последнему рывку.

— Когда увидишь его, бей в голову! — крикнул я. — Только в голову!

И дал очередь, почти не целясь. Я попал не совсем удачно, несколько пуль легли поперек широченной груди кровососа, это не могло его остановить, зато тварь выдала себя — от боли монстр потерял контроль над функцией невидимости и с воем ринулся на меня, на бегу разводя длинные когтистые лапы. Я выстрелил — но в этот раз промазал, Костик локтем отпихнул меня в сторону, я свалился, подо мной хрустнули сухие косточки... Короткая очередь АКМ... Из груди кровососа выплеснулись тёмные фонтанчики.

— В голову его! — заорал я, выпуская очередь едва ли не наугад. — В голову!

И снова я не совладал с эмоциями — сдуру выпустил весь магазин. Кровососа я задел, но пули угодили в корпус, не в башку.

Костик отпрянул, пригибаясь, над его головой промелькнула длинная ручища кровососа, отлетел Вандемейер, так и не успевший выхватить пистолет. Кровосос навис надо мной, склонился — широченный, страшный, глазки горят красным, щупальца в стороны...

Ещё одна очередь — свод черепа твари разлетелся багровыми осколками, я едва успел откатиться в сторону, и кровосос свалился, придавив мою ногу.

Я выполз из-под тела и первым делом перезарядил автомат. Только потом поднялся.

— Що це було?

Костик, похоже, не слишком переволновался. Он встал над неподвижной тушей и разглядывал монстра. Кровосос — интересное создание, на него поглядеть любопытно... если он уже не в состоянии причинить вам вред. Когда он стоит, то сильно сутулится, у него непропорционально длинные руки с мощными когтями, но лёжа сразу становится похож на атлетически сложенного человека — широченные плечи, узкие бёдра. Кое-где жесткая коричневая шкура покрыта черными морщинистыми наслоениями — регенерировавшие ткани, не успевшие отшелушиться.

— Кровососа, Костик, нужно бить только в голову, иначе не остановить.

— Так це той кровосос... — разочарованно протянул наш терминатор. — А я стилькы чув про нього, що це така бестия, така бестия...

Костик пошевелил ботинком коричневое тело.

— А чога тильки в голову?

— Демьян умер, — сообщил Вандемейер. Потом присоединился к нам и тоже поглядел на мёртвого мутанта. — Этот блютзаугер... э... вампир, кровосос. Он поглощает жидкости тела добычи...

— Прежде чем добыча откинёт коньки, — вставил я, — Довольно паршивый способ питания.

Мне стало обидно, что Костик так легко воспринимает победу над одной из опаснейших тварей Зоны.

— Это возможно, — кивнул Дитрих. — Не исключено, что добыча жива, когда кровосос уже питается ею. Так вот, у него упрощенный пищеварительный тракт, за счёт этого усилены другие функции организма. Необычайно развиты способности к регенерации тканей, поглядите на пулевые отверстия, они уже затягиваются. А меня больше интересует его способность к... э... делать унзихтбар... э... инвизибл... к невидимости. Поразительно. Очень жаль, что его мозг уни-чтожен, было бы интересно исследовать. Крайне интересно.

— Кроме как пулей в голову, его ничем не свалить. — Я пожал плечами. — Да и зачем вам мёртвый мозг?

— Он не вполне мёртвый, — отрезал учёный. — Дайте ваш нож. Вот смотрите.

Дитрих склонился над кровососом, с минуту изучал развороченную черепную коробку мутанта, потом осторожно ткнул острием ножа в кроваво-склизкое месиво. По коричневому телу пробежали судороги, длинные ноги вздрогнули, под грубой шкурой проступили узловатые мышцы.

— Видите, — Вандемейер будто лекцию студентам читал, — в этом теле чрезвычайно тонко выстроена система управления. Мозг распоряжается всем! Я мог бы тыкать в грудь, в живот, в это... в жопа, да. Но реакция лишь на раздражение, идущее от мозга. Вероятно, с этим как-то связана возможность его маскировки, его пресловутой невидимости. От корпуса требуется невероятно слаженная работа по малейшей команде мозга. Поэтому даже незначительное повреждение черепа приводит к тому, что все функции разлажены, он почти не регенерирует, он не движется... Хотя в медицинском смысле это тело живо.

— Погодите, Вандемейер! Я думал, все дело в электромагнитных колебаниях, вы же сами говорили! Ну, для невидимости. А тут получается, что он что-то делает с телом?

— Слепой, у меня нет единого ответа. Помните? «Нет» — это всегда нет. А «да» подразумевает массу вариантов. Скажем, если блютзаугер — телепат и посылает вам определенный сигнал о том, что в объеме, занимаемом его телом, есть пустота, это означает, что он должен очень точно владеть своим телом, очень верно представлять свою... э... позицию в пространстве. Тотальный контроль над телом!

— Це все дуже цікаво, — буркнул Костик, — але що з Демьяном? Майно ж зникло!

— М-да, барахло исчезло... Вандемейер, а кровосос умеет обездвиживать жертвы? Может он, как паук, что-то впрыснуть, яд какой-то? Что говорит нам наука на этот счет?

— Наука говорит много разного. Есть несколько версий...

Оба спутника устали на меня. Это же я великий сыщик, я вывел их к Демьяну...

— Ладно, — я решил изложить свою версию событий, — слушайте, Ватсоны. Дело было так. Демьян почему-то оцепенел, впал в беспамятство. Появились псы. Похоже, стая здесь кормится постоянно, вокруг много костей. Собаки напали на сталкера, но загрызть насмерть не успели, их спугнул кровосос, одного пса убил, остальные разбежались. Я бы даже предположил, что этот же кровосос и Демьяна сперва каким-то образом обездвижил. Не знаю как — яд, пси-воздействие это самое... но есть одна вещь, которая не укладывается в эту версию.

— Хабар, — подсказал Костик.

— Именно. Кровосос не стал бы брать хабар, особенно — деньги. Здесь кто-то был... кто-то, хорошо знающий местность. Он и раздел Демьяна, даже куртки нет. Собаки пришли потом, начали рвать бесчувственного человека, затем их прогнал кровосос. Однако и человек здесь побывал, да явно раньше собак. Но преследовать этого человека без сигнала на ПДА я не возьмусь. Костик, ты же у нас следопыт...

— Собаки усэ затопталы, затолочили... Ничего не поробыш.

— Демьяна похоронить надо, хотя он и гнида, — решил я. — Костик, сделаешь, а? Вандемейер, поглядите кости — это человеческие или здесь какие-то ещё?

Сам я занялся кровососом. Его челюсти с щупальцами — отличная добыча и стоят немало. Закончив с трофеем, я присоединился к Костику. Мы похоронили останки, завалили тело камнями, какие нашлись покрупней... поставили крест из сухих палок... напоследок я побрызгал из баллончика, чтобы собаки не разрыли могилу.

А Вандемейера изучение косточек увлекло, мы с трудом заставили его отвлечься.

— Здесь много разного, — начал Дитрих издали.

— Для такого вывода не нужно быть учёным, — заметил я.

— Если говорить коротко, я вижу останки по меньшей мере десятка человек. Скорее, их здесь больше. Присутствуют собачьи кости — их тоже порядочно, многие фрагменты я затрудняюсь классифицировать.

— Це ж мутанты, профэсор! — завил Костик, будто это слово что-то объясняет. — Пиду тепер я, пошукаю чоґось цікавого.

И утопал за артефактами. Неисправимый романтик!

— Вандемейер, какой вывод можете сделать?

— Как обычно — однозначно исчерпывающей версии у меня нет... Здесь нет сигнала спутника, мёртвая зона...

— Слепое пятно, — подсказал я.

— Не знаю, почему так. Во всяком случае, сюда забредали сталкеры... возможно, теряли ориентацию, их атаковали хищники, потом звери дрались над добычей. Такие места всегда привлекают много падальщиков. Поэтому и собачьих костей много, их с боем прогоняли более сильные мутанты.

— Вандемейер, по моим наблюдениям, звери Зоны не делятся на хищников и падальщиков. Впрочем, это не важно.

Значит, сюда забредали непременно одиночки и всякий раз настолько неопытные, что не могли выбраться без сигнала со спутника? Странно, не находите? А что вырубил Демьяна?

Из кустов бесшумно возник Костик.

— Слипый, подывись, чи це не артэфакт?

Я взял поблескивающий металлическими гранями обломок КПК, свежий скол приоткрывал напичканное микросхемами и проводками нутро. На тыльной алюминиевой части сохранились нанесенные маркером буквы: «Дем...» Маркер был то ли красный, то ли зеленый — мне, дальтонику, не понять.

— Ни? Я так и выришив, бо дуже на зруйнованый ПДА схоже... Там такого добра навалом, за кущамы. Штук сто, мабуть, компьютерчыкив тых розтрощылы. Цикаве мисце.

«О-хо-хо...» донеслось издали.

— Собаки возвращаются. Вандемейер, вы можете врубить свой прибор, чтобы псы нас не почуяли?

— Всего лишь собаки... А что, если с ними черныбылец? Было бы неплохо...

— Вандемейер, вы сволочь! Мне не до шуток! Непонятно, что здесь творится, вы что, не видите? Здесь погибают люди. «О-хо-хо...» — уже несколько ближе.

— Ну, ладно... — Вандемейер неохотно вытащил прибор и переключил тумблер.

Стая ответила взрывом воплей. По крайней мере они ощутили воздействие нового фактора.

— Нужно уходить, — неуверенно предложил я. — Отступаем.

— Гоша zostanie незадоволений.

Я прислушался, собаки, похоже, в самом деле растерялись, но лай и завывания делались громче.

— У меня есть координаты этого места, мы сможем вернуться.

За кустами послышался отрывистый лай — какой-то шустрый песик, меньше родичей доверяющий радиоволнам, уже учуял нас. Теперь на его визг собирались другие псы.

— Поздно, — решил я, — будем отбиваться здесь. Положим, сколько удастся, потом пойдем на запад. Задерживаться тоже нельзя. Ночью здесь опасно.

Красно-коричневые морды уже мелькали в кустах, окружающих поляну. Вандемейер выстрелил. Собака взвизгнула, подпрыгнула на месте и скрылась. Стая отозвалась дружным воём. После этого все пошло по заведённому сценарию — псы вылетали из кустов, мчались к нам, казалось, что вот-вот подскочат вплотную... но всякий раз пес сворачивал, опиывая круг, а к нам мчался другой или сразу пара.

— Этих тоже лучше в голову, — посоветовал я. — У них и череп слабей...

Простучал автомат Костика, собака хрюкнула и осела. Я полоснул очередью другого пса, в голову не попал, но пули перебили позвоночник, и животное поползло в кусты, истекая кровью.

— Медленно отходим, — скомандовал я. — Иду первым. Костик, ты прикрываешь... — Ещё одна очередь, тонкий визг. — Только не отставай. Вандемейер, держитесь между нами, не увлекайтесь стрельбой. Вам — бить только в упор, если автоматы какую-то скотину не остановят. Пошли!

Опасный момент — преодолеть кусты, окружающие поляну. Я прошелся длинно по зарослям перед собой и кинулся, на ходу меняя магазин. Дитрих сопел следом. Костик слегка отстал, и грохот очередей его «Калашникова» заглушал прочие звуки. Я миновал кусты, магазин с щелчком встал на место, Вандемейер остановился рядом, водя стволом. Потом — короткая очередь из АКМ, Костик выскочил из зарослей, следом из переплетения дрожащих ветвей прянули две собаки, одну подстрелил Вандемейер, другую я. Это вышло удачно.

— За мной, — бросил я, переходя на бег, — теперь быстрее. Может, отстанут.

И точно, хотя я не люблю бегать по незнакомым местам, но здесь игра стоила свеч. Стая не стала нас преследовать — едва мы удалились от полянки, псы отстали. Кровосос жестковат для слепых собак, его мясо — почти как дерево. Конечно, голодные псы могут сгрызть и эту твердую плоть, но сейчас предпочли бы чего помягче. Несколько мёртвых сородичей должны были их отвлечь, для этого мы и приняли первый бой на полянке.

Вандемейер снова встал рядом и сменил обойму, в которой, по-моему, ещё оставалось два или три патрона, на полную. Последним к нам присоединился Костик, он по-прежнему тащил два рюкзака — свой и ученого.

Только я собирался сказать, что, мол, все, отбились, как из кустов ринулась размазанная серая тень, ударила Дитриха в грудь и сбила с ног. Обычно псевдопсы предвеляют атаку устрашающим хрипом, они не лают, а хрипят, — но этот зверь атаковал молча.

Костик среагировал мгновенно — ударом приклада смахнул мутанта с оранжевого комбинезона, пес перекатился, вскочил на лапы — тут его настигла очередь из «Гадюки». В голову я не попал, но несколько пуль вошли в поджарое мускулистое тело зверя, псевдопёс снова покатился по земле, взметнув тучу ржавой палой хвои. Костик вскинул автомат, но тут я уже не сплеховал — следующим выстрелом разнес зверю башку.

— Вандемейер, вы как?

— Кажется, в порьядке... Он не прокусил комбынбизон. — Акцент Дитриха сделался сильнее, чем прежде. Оно и понятно, рыжий был на волосок от смерти.

Я задержался на минуту, чтобы отчеккрыжить мутанту хвост — мой трофей! Кровососа-то завалил Костик, щупальца ему причитаются...

— А теперь скорей уходим! Что-то не по себе здесь делается...

Мы ускоренным шагом двинулись на запад. Минут через двадцать мой ПДА писком известил: спутниковый сигнал найден. Я заново сориентировался и взял курс северней — в направлении сталкерского лагеря у края Свалки...

После того, как нашёлся спутниковый сигнал, я сразу приободрился. Вроде ничего такого, но, вероятно, любому человеку приятно ощутить принадлежность к великой цивилизации, прикоснуться к глобальной сети и все такое. Я не стал делиться этими соображениями со спутниками, сказал только Вандемейеру, что теперь он может смело врубать свой ПДА. И ещё ляпнул ни к селу ни к городу:

— Сталкер Петров не любил слепых собак. Сволочи они, говорил, даже в глаза не смотрят.

Небо затянуло тучами, где-то рядом, невидимый, протарахтел вертолёт.

Костик, склонив голову набок, прислушался, как меняется тембр звука, и объявил:

— Десант высадив. Може, зустринемось. Старый солдат, военная косточка. Я никогда так, на слух, не определил бы. И сталкер Петров, ручаюсь, тоже не стал бы определять. Тем не менее, когда мы прошли с полкилометра, я обнаружил россыпи ярких точек в ПДА — миротворцы. Или, скорей, военные сталкеры. Два созвездия целенаправленно двинулись в нашу сторону.

Я показал Костику красивую картинку на мониторе КПК и скомандовал привал. Военные наверняка заинтересовались нами и движутся наперехват. Облегчим им задачу, все равно ведь не уйти, а мы в Зоне легально, чего бояться?

Мы сбросили рюкзаки, попили водички... Вандемейер наглотался своих пилюль. Военные неторопливо приближались, две группы действовали согласованно, судя по тому, как дружно берут нас в клещи. Наконец они добрались к нам.

— Оставаться на месте! Не делать резких движений!

— Мы уже полчаса остаёмся на месте и не делаем резких движений, заждались уже, — ответил я. — Ребята, вас отлично видно на ПДА. Выходите, что ли, потолкуем и разбежимся.

Из кустарника поднялся военстал, ствол его автомата глядел на меня. Неприятно как-то.

— Давайте, давайте, — поощрил я смельчака. — Проверьте документы, и мы пойдем.

Но военсталы меня не послушались, наверное, им было не к спеху. Они сплясали все положенные танцы, я время от времени поглядывал на сложные манёвры, которые исполняли яркие точки на мониторе моего КПК. Бойцы завершили перемещение, они двигались так, чтобы парень, идущий к нам, не перекрывал линию огня никому из товарищей. Наконец смельчак добрался к нам и объявил:

— Второй отряд военных сталкеров. Ваши документы? Удостоверения, допуски?

— Почему вы не представились? — начал рыжий в своей привычной манере. — Фамилия, звание, личный номер?

Я счел, что сейчас не время для развлечений, и велел:

— Вандемейер, давайте ускорим процедуру. Покажите ему свои верительные грамоты и двинем дальше. Это военные сталкеры, у них особые полномочия.

— Беззаконие, — буркнул учёный, но подчинился.

Я опасался, что у Костика возникнут осложнения, но его корочки сработали и здесь. Военстал связался со своими и отрапортовал:

— Порядок! Учёный с парой сопровождающих. Бойцы поднялись из кустов и двинулись к нам — ещё трое, а пара осталась на позициях. Мне смысл этих перемещений был непонятен, но я и не собирался понимать.

— Не скажете, чего такой шум? — обратился я к тому, что проверял наши документы. — На блокпосту сегодня людно, миротворцы с полной выкладкой, в боевой раскраске. Вас вот сюда перебросили... Почему откопаны томагавки?

Парень обернулся и поглядел на рослого сослуживца — командир, наверное. У военсталов нет армейских знаков различия, а в их нашивках я не разбираюсь.

— Миграции мутантов, — пояснил старший. — Вы тоже столкнулись?

Он кивнул на хвост псевдособаки, который болтался у меня на ремне.

— Да, было дело. Поэтому пришлось прервать исследования, хотим засветло к Свалке выйти.

— Валяйте, — кивнул старший военстал, и парни двинулись прочь — на восток, туда, откуда мы пришли. Те двое, что оставались в укрытии, нам не показались. Ну, значит, так надо...

— Щось тут е... — протянул Костик. — Миграции ти. Та й ця полянка з кистками... Е якийсь зв'язок.

Чрезвычайно мудрая мысль. Но додумывать её я не стал.

— Ладно, подъем! Выдвигаемся в направлении лагеря на кладбище автотехники. Вандемейер, вы там уже были.

— О да, я опытный сталкер. А эти военные — они кто? Они не подчиняются правительству?

— Подчиняются, но посредством очень сложного механизма. Не нужно их задирать, эти ещё хуже, чем сталкеры из «Долга».

— Я понял, понял... Но неужели никак нельзя им указать, чтоб знали свое место?

Я смолчал. Солнце уже клонилось к закату, так что мы двинули быстрее, благо отдохнули, поджидая военсталов.

Однажды сталкера Петрова остановили военные сталкеры и велели показать документы. Отлично, патронами разживусь на шару, решил Петров, снимая с плеча АКМ. Вот это — единственная месть военсталам, которую я могу себе позволить. Сочинить о них анекдот...

По дороге Дитрих продолжал бурчать, ему не нравились здешние порядки. А кому они нравятся? На словах — никому, и это правильно. Недовольство порядками — двигатель прогресса. Но дело даже не в этом, на деле-то ситуация всех устраивает. Правила игры никто не зачитывал вслух, однако они принимаются всеми. Молча. Без комментариев.

— Та заспокойтесь вже, профэсор, — не выдержал Костик. — Якщо б урядовці хотили, цих сталкерів не було б у Зони. Ти ж военсталы б їх прыбралы. Але ж сталкеры е. Навить якщо якісь отморозки вийськових постріляють, и в такому випадку урядовці терплять. Вынних, звисно, ліквідують, але ж тыхенько.

— Ну и почему так?

— Сталкеры потрібни. Боны збирають новыны, выконують ризни доручення, яки неможливо офіційним чином вирішты. Якщо в Зони щось новэ з'являється, хто першый дизнається? То-то й воно... Це так Гоша казав. Його бизнес також залежить від сталкерів, він знає, дэ яки подробиці.

— Да ваших сталкеров держат, как подопытных животных! — выкрикнул Дитрих. — Кого задрал кровосос, кого собаки растерзали, а для ваших «урядовцев» — новый опыт поставлен.

— И это верно, — согласился я. — Однако ничего лучшего никто не предложил. Военсталы при всех их полномочиях, при всем оборудовании, при всей официальной и, что важнее, при всей неофициальной поддержке — всё-таки не в состоянии заменить частных предпринимателей.

— Таких, как вы, Слепой?

— Я — человек маленький, выжить пытаюсь, иногда удается денег срубить, я их родичам отправляю. Сестра у меня троюродная, родители её. Им сейчас тяжело.

— Им станет легче, если вас покалечит Зона?

— Вандемейер, вы сволочь, — уже привычно констатировал я.

— Хиба можливо так казати? — с укоризной молвил Костик. — Зона усє чує. Якби це наша людина сказала, я за такі слова по пиди б вже дав... Мовчить, пан Вандемейер, краще мовчить...

Я уже смирился с тем, что Вандемейер постоянно комплексует — наверное, из-за болезни, поэтому он всегда на взводе и ищет только повода, чтоб дать волю раздражению. Я ведь потому и согласился с ним работать, что это у нас общее — недовольство вселенской несправедливостью. Скажем, Дитрих — работал в горячих точках, там русские и украинские наемники, там злобные дикари. Носороги, опять же. Всё прошел, всё перенес — и вот на тебе, подцепил болезнь, которая у нас считается позорной. Я о больных СПИДом столько анекдотов знаю... Вот и у меня случаются приступы мизантропии. За что мне такая хворь? Это и не болезнь вроде, ерунда, и все равно я — словно неполноценный в мире людей с трихроматическим зрением!

С веселыми разговорами время пролетело незаметно, и мы благополучно вышли к лагерю у края Свалки. Перед входом на кладбище автотехники я вручил Костику его законный трофей, челюсти кровососа с поникшими щупальцами, и велел подвесить к поясу. Меня уже многие знают, с меня хватит и псевдособачьего хвостика, а у Тараса, можно сказать, выход в общество, первый бал гимназистки. Такая добыча на поясе сразу создает определенное отношение, новичку это полезно и убережет от кое-каких недоразумений. Костик отказываться не стал. В конце концов, ему же хотелось романтики? Ну а победа над мутантом, если подумать, ничуть не хуже найденного артефакта, даже покруче. Я перекинулся парой слов со знакомыми, тут же запустил новую присказку насчет Петрова и военсталов. На душе стало легче, и мы развели костерок. Костик попросил «скинуты маляву Карому», я сочинил краткий доклад о наших подвигах. Конечно, Гоша будет недоволен...

Костик изъявил желание покрутиться в здешних краях — вдруг удастся что выяснить, — я добавил это к докладу. Мол, боец Костикив идет по следу.

Не мог же хабар исчезнуть бесследно! Денег-то в кассе было немного, на ночь там ничего крупного не оставляют, но покойный Демьян потянул имущество постояльцев, Гоша объявил, что он гарант и возместит в полном объеме. Престиж дороже — кто поселится в гостинице, если там воруют?

Кроме того, мне пришло письмо — Ларик осваивает сетку! Чудо... Вандемейер тоже получил послание — от некоего профессора Головина из лагеря на Янтаре. Ученому сообщили о нас военсталы, и господин Головин изъявил желание пообщаться с коллегой Вандемейером, обещал поделиться результатами исследований. Дитрих, ругаясь, отбил вежливое согласие — мол, да, благодарствуйте, при случае непременно загляну. Я догадался, что случая скорей всего не представится. Спрашивать почему не стал, зачем мне? Может, таковы инструкции, полученные от клерикалов? А может — обычная мизантропия Вандемейера распространяется и на отношения с коллегами. Мало ли...

Я уже собирался на боковую, когда у нашего костра объявился Паша Угольщик. Заросший, не выспавшийся, злой. Паша тут же перешел к делу.

— Вы, говорят, были в тех местах, где Сапог сгинул?

Откуда он узнал? Понятия не имею. Я попросил Костика продемонстрировать обломок компа с подписью «Дем...» и рассказал, в каком виде мы застали беднягу Демьяна.

— Значит, помер, пока вы с кровососом разбирались?

— Точно. Но укусы были не смертельными, верно, Вандемейер?

Тот пожал плечами.

— Может, ему кровосос что-то впрыснул, яд какой-то, или ещё что. Или болевой шок...

Вообще в этой истории было слишком много загадок.

— Нет, парни, если хабар исчез, значит, был человек, Зона его дери, — твердо заключил Угольщик. — Найду его — в «мясорубку» засуну. По кускам. А где эта полянка со скелетами?

Я показал на ПДА.

— И Сапогов комп там же нашёлся, поблизости... верней, фрагмент компа, — кивнул Угольщик.

— Там, ну, среди холмов — там спутник не достаёт, — заметил я, — слепое пятно.

— Как, говоришь? Слепое пятно? Хорошее название. Верно, есть там такая фигня, меня предупредили. Однако собираюсь сам сходить проверить. Поищу проход к Тёмной долине, наверняка есть там! И кровосос оттуда перебрался, и псевдособак в Тёмной долине много. Раньше они на Свалке не попадались, а теперь — полно. Пришли из Тёмной долины, ясное дело. Проход есть, а сигнала нет...

— Я задал вопрос профессору Головину, — вставил Дитрих, — насчет этого феномена. Может, он что-то объяснит.

— Слушай, Паша, — мне пришла в голову занятная мысль, — а у «беретты» Сапога какой номер был?

Дурацкий вопрос. Стал бы Угольщик запоминать номер на оружии приятеля! Но все же...

— Какой, какой... Стесан номер был, ясное дело. Слепой, если что узнаешь...

— Тебе сообщу, не забуду, — заверил я. Угольщик — странный малый. Никогда бы не подумал, что он способен так завестись, Сапогом-то он помыкал, всегда держал в подчинении, я же помню! Хотя, возможно, именно поэтому он так переживает, что при жизни не успел другу доброе сделать. Мы, люди, — вообще странные существа.

— Хлопци, — заявил Костик, когда Паша покинул наш костер, — а чего мы спаты не лягаємо? Цилый день туды й сюды гонялы...

И Костик, железный человек, терминатор и убийца кровососов, лег спать. А я принялся настукивать послания: Валере-Вальтеру — насчет номера его «беретты», и Ларику — похвальную песнь. Тягу девушки к прогрессу нужно отметить, не то ей быстро надоест.

Под утро пошел дождь. Костик, у которого не было толкового снаряжения, полез в брошенный автобус, бормоча, что «на такому у дытынстви йиздыв и контрольорив також боявся», там он пристроился на драном сиденье и снова задремал. Мы с Вандемейером тоже перебрались в автобус, но спать не стали. Единение с человечеством чревато последствиями — мы с рыжим стали разбирать утреннюю корреспонденцию, то есть сообщения, упавшие за ночь. Мне пришло короткое письмо от Гоши:

«Ищите. Нашедшему — премия. Костику передай: он в недельном отпуске с двойным окладом. Если через неделю не

будет результата, пусть возвращается, он мне здесь нужен».

Было сообщение от Валеры — он сегодня будет на Свалке, примерно в час или два. Его шеф идет от Кордона на север, пройдет через кладбище техники, но задерживаться не станут. Номер на «беретте» стёсан, но, если нужно, Валера покажет ствол.

Дитрих получил какую-то длинную телегу (я не удержался, глянул ему через плечо) и углубился в чтение, причем я заметил: он пару раз открывал в КПК словарик. Дождь уныло барабанил по ржавой крыше, шелестел облупившейся краской, мне стало скучно, я отправился прогуляться по лагерю. На автокладбище сейчас собралось десятка четыре сталкеров, но я знал, что вскоре народ разойдется по маршрутам. Ребята ютились под самодельными навесами, кое-кто, как и мы, устроился в брошенном транспорте.

Я выменял на собачий хвост вполне приличный плащ с капюшоном для Костика, плащ был сильно разодран на боку, так что мне в придачу удалось выторговать два десятка патронов к «Гадюке». Я ещё немного побродил по лагерю, обдумывал наше положение. Я на роль Холмса не вызывался, у меня и опыта соответствующего нет, так что нужно посоветоваться и выработать план действий. К тому же неизвестно, что скажет Вандемейер — у рыжего собственные исследования, ему наши проблемы могут оказаться совершенно пофиг...

Угольщика я нашёл уже готовым к походу.

— Паша, есть предложение: задержись до обеда, здесь пройдет парень, у которого «беретта» с затёртым номером, купил на днях, совсем недавно.

Угольщик молча кивнул. А что говорить? Мало ли «беретт» на свете? Мало ли их в Зоне? И номера спилены едва ли не у каждой...

Когда я вернулся, Костик уже проснулся. Я вручил ему обновку и зачитал ответ Гоши.

— Це добре... — протянул Тарас, примеряя плащ, — дякую, Слипый.

Я выдал Костику иглу и суровую нитку, чтобы прорехи на боку заштопал. Вандемейер объявил:

— Профессор Головин ответил мне. Он пишет, что старая дорога к Тёмной долине закрыта из-за пространственных пузырей... не слышали? Интересный феномен, пока что практически не изученный. В письме содержится весьма остроумное объяснение исчезновению спутникового сигнала. Говоря упрощенно, пузыри хотя и не занимают места в пространстве, но оказывают вполне материальное воздействие. Например, частично отражают сигнал спутника. Это место, поляна с костями, находится в точке между... э... это сложно...

— Та кажить як е, — предложил Костик, ловко орудуя иглой, — мабуть мы не дурни, щось зрозуміємо.

— Я сам не вполне «розумию», — признался Дитрих, — это не мой профиль. В общем, долина с полевой костей расположена между точками привязки двух пространственных пузырей, причем расположена так, что там провал, выпадение сигнала. Отраженные сигналы накладываются на оригинальный, идущий с орбиты. Возникает интерференция, в долине сигнал гасится.

— Слепое пятно. — Я с удовольствием повторил собственное определение, оно мне нравилось.

— Интересное явление, — продолжал Вандемейер, — накладываются волны, возникающие по разным причинам, и отраженные склонами холмов, и точками привязки пузырей. Уникальная в некотором роде долина. Головин советует держаться оттуда подальше.

— Чому це? — Костик закончил шить и откусил нитку. — Чому вин так радить? И що там робили ти военстали, яки йому про нас доповіли?

Дитрих пожал плечами. Мол, не говорит Головин ничего. Может, не знает, а может, знает, но не рассказывает.

— Чуешь, Слипый, ты того — видбый телеграмму Гоше. Нехай вин знайде того Пустовара, щоб нам маршрут скинув. Це ж можливо?

Я сел сочинять письмо Карому, тем временем закончился дождь. Костик открыл консервы, я отправил Гоше «телеграмму», и мы сели завтракать. Когда поели, Тарас занялся оружием, заодно отобрал у нас с Дитрихом пистолеты и почистил. Я наконец решил задать вопрос:

— Вандемейер, а что вы думаете о наших приключениях?

— Не знаю, как ответить. Много непонятного, но Костик высказал верную мысль, нужно найти маршрут, который Пустовар передал Демьяну. Хотя эти данные устарели из-за, как вы выражаетесь, слепого пятна, но следует их изучить.

— Я спросил, потому что официально работаю на вас. Ну и...

— Один день ничего не решает, — махнул рукой рыжий. — И мне стало интересно. В конце концов, это тоже исследования, проводимые в Зоне.

— Гоша, то есть господин Карчалин, дает Костику неделю оплаченного отпуска. Можно сказать, командировка.

— Я слышал. Хорошо, Слепой, считайте, что неделя у вас есть. Можете располагать мной.

— Це добре! Це справжня допомога, як воно й е у доброму товаристві! — оживился Костик, прислушавшийся к нашей беседе. — Вы, пан Вандемейер, наша «крыша», якщо вы мене розумієте.

— Я понимаю, — скривился рыжий. — Но если будет возможность заполучить не поврежденный мозг кровососа...

Пискнул ПДА — это избавило меня от необходимости объяснять Дитриху, что ценой неповрежденному мозгу мутанта скорей всего окажется существенное повреждение наших мозгов. Причиной сигнала было сообщение Валеры — он на подходе, через полчаса будет в лагере. Я отправился разыскивать Угольщика.

В самом деле получасом позже в лагерь явилась группа, в хвосте которой плелся наш знакомый. У меня возникло подозрение, что замыкающий он только на хоженной тропе, а в опасном месте идет, наоборот, первым — такова работа отмычек. Но не мое дело, парень знал, на что подписывается... Экипированы сталкеры были как на войну. Ну, на третью мировую — старший в противорадиационном комбинезоне армейском, ведомые тоже в комбезах, легких брониках, с серьезными стволами. Наш юный приятель был снаряжен как и прочие, разве что его снаряга выглядела более поношенной.

Валера мне обрадовался, побежал здороваться.

— Валерий, это Паша Угольщик, — представил я. — Будь добр, покажи ему свою «беретту».

— Вот. А что? Со стволом что-то не так? Паша взял оружие, пару минут разглядывал.

— Вроде Сапога волына, — кивнул наконец. — Вот царапину помню. Наверняка та самая.

— Я ствол купил, — с вызовом объявил блондин. — По-честному!

— Да все в порядке, держи. — Угольщик возвратил оружие. — Я не в претензии, купил так купил... С этой «береттой» мой кореш ходил. Пока не отходился.

— Валера, ты говорил, у прапора купил, верно? — напомнил я. — Прапорщик Усаченко.

— Да, Усаченко, — парнишка перевел дух, он уже собирался отстаивать свои права на пистолет, — прапорщик, украинский контингент. Это такой мужик... средних лет...

— Познакомился с твоим Усаченко на днях, — кивнул я, — если что, смогу описать.

Тут блондина окликнул ведущий:

— Валенок, ты долго там? Хорошо ночевать! Валенок, значит... Вот так разбиваются мечты, милый юноша Вальтер!

— Бегу... Ну, доброй Зоны! — Пожелание парень выкрикнул, уже удаляясь. Спешил за своими, те шагали через кладбище между ржавых остовов автомобилей — суровые решительные парни с большими автоматами.

— Удачи, Валера!.. Что скажешь, Паша?

— Сейчас наведуясь в распадок, где Демьяна вы похоронили. Покручусь там немного... Может, сыщу чего. Ну и остается прапор этот украинский.

— В одиночку не ходи! — выкрикнул я в спину Паше. — Да и поздно уже! Может, завтра вместе?!

Угольщик обернулся и с бледной улыбкой махнул мне рукой.

Когда я возвратился в наш автобус, Дитрих увлеченно орудовал клавишами, согнувшись в три погибели над КПК. На продавленном изодранном сиденье перед ним расположились электронные устройства, рыжий уже успел распечатать какие-то списки — насколько я понял, перечень файлов — и даже что-то отметить в столбцах красным маркером. Или зеленым. Нам, дальтоникам, всё едино.

— Что, Вандемейер? Коллега Головин поделился интересной информацией?

— Э... не совсем.

— А я как увидел ваш энтузиазм... ну, думаю, сейчас наука сделает гигантский шаг вперед. Как-то сталкера Петрова спросили, зачем нужны учёные. Он ответил: чтобы менять артефакты на снарягу с минимумом жертв. Военные — те сперва сопротивляются, а уж потом патронами делятся.

— М-м?..

— Я говорю, вам попало что-то интересное?

— Ладно, скажу! Я не хотел говорить, прежде чем сам не разберусь, но, видно, это надолго. Я запросил информацию из нашего архива. Я имею в виду, из архива Взыскующих. У них очень много разрозненного материала, в залежах никто не разбирается как следует. Иногда им делают пожертвования информацией...

— Здорово! Религиозные жертвования информацией. Как интересно жить в двадцать первом веке!

— Это специфика Взыскующих Слова. Они ищут Всевышнего в информационных потоках. Но скорость поступления файлов намного опережает пропускную способность их архива. Есть какие-то люди... в основном волонтеры, добровольцы, они работают с библиотекой... Пф, работают!

Дитрих махнул рукой, от этого движения по груде распечаток пробежал ветерок, гофрированные складки тончайшей бумаги тревожно зашуршали.

— Жертвования информацией Взыскующие поощряют, такова их политика. И я вижу: если там, в архивах, покопаться, можно отыскать любопытные вещи. Так вот, я отправил запрос, и мне только что скинули пароль для доступа к несортированным файлам. Это... это... это Клондайк! Эльдорадо! Слепой, вы знаете, что такое Эльдорадо?

Знаю. Что-то вроде Исполнителя Желаний для сталкеров — но я не стал говорить вслух. Однажды сталкер Петров нашёл Исполнителя Желаний и неделю не просыхал. Рыжий снова впился взглядом в экранчик КПК.

— Вандемейер, а где Костик? — Я только теперь заметил отсутствие нашего терминатора. Тарас всегда тихий, незаметный — что он есть, что его нет... пока молчит — незаметен.

— Он... э... — Вандемейер отвечал медленно, не отрываясь от монитора. — Отправился на прогулку.

— На прогулку? Это куда? По Свалке, что ли?

— Слепой, он же мне не рассказывает... — Дитрих говорил медленно, одновременно он разглядывал в крошечном экране КПК что-то ужасно интересное.

— Вандемейер, ради всех святых Взыскующих, хотя бы вы сидите здесь! Никуда не ходите! И никого не задирайте! Не ссорьтесь с местными! Слышите? Никуда и никого!

— Да я и не собирался... О! — Дитрих, похоже, наткнулся на новую золотую россыпь.

— Ладно, ладно. Сидите здесь, я иду за Кости́ком! Я, признаться, струхнул по-настоящему. Свалка — такое место, где днем всегдалюдно, сталкеры ходят туда и сюда, поэтому может показаться, что здесь довольно безопасно. А на деле в этом сумрачном краю хватает ловушек, не говоря уж о радиации на холмах. Костик, храни тебя Зона! Воображение уже рисовало мне страшные картины — вот Костик лезет за какой-нибудь блестящей безделушкой, которую счел «артэфектом», его затягивает «мясорубка», разрывает на куски «карусель»... и с радиоактивного бугра, кувыркаясь, летит оторванная рука, все ещё сжимающая какую-то пластмассовую дрянь... Эх, романтик, романтик... Зона, хоть бы он не полез куда-то...

Я помчался по опустевшему лагерю — время сейчас рабочее, местные бродят в распадках, ищут, не вывалилось ли что из аномалий на склонах...

На противоположном конце автокладбища навстречу попались несколько человек, один из них видел Тараса. Мои страшные догадки подтверждались — Костик выменял на челюсти кровососа старенький ПДА и ушёл на экскурсию, осматривать достопримечательности. Снова пошел дождь, видимость сразу ухудшилась... Серые струи прикрыли полупрозрачной пеленой бурые склоны и торчащие из глинистого грунта ржавые стальные конструкции...

Я накинул капюшон и едва не бегом припустил в сторону, которую мне указали. Минут через пятнадцать отыскал Тараса. Наш охранник спокойно прогуливался между холмов, останавливался, тыкал в кнопки ПДА, внимательно оглядывал склоны... словом, вел себя совершенно спокойно и рассудительно — его, в отличие от Вандемейера, золотая лихорадка как будто не сразила. Я перевел дух и окликнул:

— Костик! Костик!

Тот обернулся и махнул рукой.

Я догнал Костика, тот показал обновку:

— Дывы, яку машинку я соби прыдбав. Як тоби? Подобається?

— Машинка... нормальная. — В самом деле вполне приличный агрегат, даже лучше моей старушки. — Это тебе за шупальца отдали?

— Готивкою додав, але ж небагато.

— Наличкой? И сколько?

Костик назвал сумму — что ж, вполне приличная стоимость. Я ограничился кивком — похоже, Костику не требовалось моего одобрения, он и так в ценах разбирался.

— Ну и как тебе Свалка?

— Та я не дуже роздывлявся. Я зараз поривнюю, яка аномалія цими зирочками у комп'ютери відображена. На майбутнє, щоб потім розумити.

— Логично... но я же просил без меня не ходить никуда.

— Та ни, ты ничего такого не казав.

Зона возьми, верно. Я был уверен, что это само собой разумеется, но... Сталкер Петров всегда входит в двери, над которыми написано «Посторонним вход воспрещен!».

— Та не хвилюйся, я дуже обережно гуляю. Як воно застрикоче, я задкую, якщо якийсь вогник тут з'явиться, я — миттю назад. И пыльно дывлюсь, немов у розвідки по минному полю.

— Так и есть. — Я уже окончательно успокоился. — По минному полю. Ты ещё долго гулять собираешься?

— А що? Е якісь новини?

— Здесь нынче Валера проходил. Помнишь, пацан такой у нас в «Звезде» ночевал? «Беретту» у него Дрон забрал.

— Билявый хлопчисько? Пам'ятаю.

— Паша Угольщик «беретту» признал, говорит — она была у его приятеля, который пропал там же, где и Демьян наш. Кстати, его КПК тоже был на куски разломан.

— От жеж бисова сыла! — Когда Тарас начинал так выражаться, как крестьянин в исторической книге, мне казалось, что он нарочно изображает наивного селяка. — Не розумію, до чого тут комп'ютерчики ти розстроєні... Слипый, а покажеш мені, як на цій техніці малявы робити? Я спробую Карому листа заслати, а?

Мы отправились к лагерю, по дороге я стал объяснять Тарасу насчет мейлов, но выяснилось, что он отлично работает с электронной почтой, просто привык к другим моделям компьютеров. Вандемейер встретил нас торжествующей улыбкой:

— Нашёл! Слепой, я нашёл карту с участком местности, как раз тем, что нас интересует. Составлена по данным спутниковой съёмки, ещё до второй аварии! Вот смотрите!

Я, конечно, парень грамотный... во всяком случае, Лариса так думает, то есть, конечно, да, по сравнению с троюродной сестрёнкой и её кавалерами я технически подкован о-го-го как... Но это скопление пятен, полосочек и кружочков мне ровным счетом ничего не говорило. И дело не в дальтонизме, план, который подsunул нам Вандемейер, был чёрно-белым. Зато Костик уверенно объявил:

— Вийськовий об'єкт! Якийсь радіопристрій типу РЛС або ж щось схоже. Чи підсилююча станція... я не впевнений.

— А может, здесь это, глушилка? — сделал я смелое предположение. — Ну, которые забивали сигнал «Радио Свобода»? Вот она и создает слепое пятно! Отражает спутник!

— Не смишы мэнэ, Слипый, — махнул рукой Костик. — Яка там глушилка! Кажу ж, вийськовий об'єкт, та ще й не самостійний, там якийсь пристрій був розташований, який лише допоміжний. Частина системи.

Я поглядел на Вандемейера. В конце концов, Костик назначил его эсовским шпионом, значит, Дитрих должен меня поддержать — насчёт антидемократической радиоглушилки. Но учёный покачал головой.

— Нет, это маловероятно, Слепой. Верней, невозможно. Такие примитивные устройства не способны помешать работе спутника. Я скорей согласен с объяснением Головина. Интерференция — по-настоящему красивая версия.

Понятно. Это заговор учёных, они будут поддерживать друг друга в любой ситуации.

— А чего он, этот профессор Головин, не рассказал нам об объекте?

— Он мог и не знать. — Вандемейер поглядел на меня снисходительно как на малограмотного. — Мог счесть несущественным. А вообще, ему подобные факты разглашать запрещено. Он наверняка дал подписку, когда получил допуск на работу в Зоне.

— Тож можливо, — вставил Костик. Он в наш спор не вмешивался, заинтересованно изучал план. — Мене інше зацікавило. Ось, дивитися!

— А что это за полосочки?

— Подземные коммуникации, — пробормотал Дитрих, — я тоже обратил внимание. Наш таинственный визави может прятаться под землей, выходить ненадолго, собирать добычу — оружие, хабарр, снарягу.

Последние слова рыжий произнес с сильным акцентом, он старательно учился сталкерскому жаргону, но пока ещё не овладел в совершенстве. Интересно будет послушать, как он матерится.

— ...А потом снова укрываться в этой радио... как это, Костик?

— РЛС, можливо. Та звідки мені знаті? На поверхні антена була, чи локатор, чи щось таке, туточки ось, — Тарас ткнул пальцем в кружочек, — и приміщення для обслуговування під землею. От я й кажу: радіопристрій, тому що схоже. А як воно було насправді... хто зна? Краще дивитися, куди цей хид виводить. Тягнеться собі и тягнеться...

Светлая полосочка уходила к обрезу распечатки.

— Можно попробовать отыскать соседний квадрат... правда, я не знаю, сколько времени потребует.

— Сегодня мы все равно никуда уже не попадем, дело-то к вечеру, — решил я, — займитесь этой картой, Вандемейер, а?

— Там уже демонтировано уже, — заметил Костик, — самый бетон залитый, мабуть, та проводка. Колы вийськови роблять, то проводка сториччями сбережеться. А от підземни комуникації — це значно цікавише за радіопристрій. Напевне тими ходами і зараз можна скористатися. І це важлива обставина!

Я ничего не понимал в этой бумажке с линиями и кружочками, мне стало обидно, я заявил:

— Когда сталкеру Петрову дали карту, он сказал: всё бы ничего, да слишком жёсткая бумага, долго мять придётся перед употреблением.

Костик хмыкнул, а Вандемейер попросил объяснить, в чём здесь суть. Зачем карту следует перед употреблением мять? Ещё бы, у него с собой несколько пачек гигиенических салфеток, где ему понять великого Петрова!

На этом разговор окончился. Костик сел набивать, как он выразился, «маляву» Карому, Дитрих занялся Клондайком в архивах Взыскующих, а я отправился пройтись по лагерю. Дело шло к вечеру, и сталкеры уже начали возвращаться. Самое время собрать новости. В сущности, разговоры у наших костров одни и те же — анекдоты, байки, преуменьшенные рассказы о том, какой случился хабар, и очень преувеличенные — о том, кто что видел между радиоактивных холмов. Когда сталкер берётся описывать, что попало на глаза за день, нужно правильно понимать: приврёт. Иначе неинтересно.

Но если сделать поправку на преувеличение, новости сводились к следующему: на востоке, именно там, где сгинул Демьян, видели большую стаю собак, а на западе, немного южнее направления на Агропром, заметили дымок, там же зафиксированы перемещения чужих ПДА. Незнакомцы держались кучно, так что мой комп фиксировал скопление сигналов — без подробностей. У кого ПДА помощней, различали: там крутятся семь человек. Или шесть, тут мнения расходились. Сходить проверить ни у кого желания не возникло, в той стороне лежали поля аномалий, причем старожилы утверждали, что расположение изменилось с последними Выбросами, так что старые планы местности уже не годятся. Среди аномального фронта, разумеется, есть проходы, есть и безопасные пяталки, к которым ведут запутанные маршруты. Там бывают неплохие артефакты, но ходить за хабаром охотников не находится, слишком опасно. Зато мародёры — или, как их здесь именовали на суржике, «бандюки» — там промышляли. А верней сказать — укрывались после налётов.

Раньше мародёров здесь было куда больше, они допекли местную братию так, что сталкеры-одиночки собрались кучей (что вообще случается редко) и зачистили территорию. Месяца два здесь бандюков не видели, и вот — похоже, снова какая-то бригада объявилась. Теперь сталкеры сравнивали показания ПДА и готовили оружие — возможно, ночью будет стычка. На всякий случай стоворились пометить свои КПК, чтобы ночью хоть сигналы своих не путать. Для меня подобные ситуации — мука, я боюсь ошибиться, красный или зелёный...

Начальства в лагере на автокладбище нет, все решения принимаются вот так — стихийно... кто не хочет, может не участвовать, но пусть потом пеняет на себя, если ночью по ошибке свои подстрелят. Последним, уже довольно поздно, вернулся Угольщик. Не послушал меня, ходил в одиночку. Принес на пояс три свежих хвоста и пожаловался, что собак слишком много, не удалось толком разведать. Мне он сказал: «Вроде видел там человека, небольшой такой, плотный, мелькнул в кустах... но не уверен. Я туда, а его нет. Словно не человек, а кровосос, невидимка какой-то, Зона его дерит». Потом Угольщику рассказали о мародёрах, и Паша занялся КПК, стал подстраивать сигнал, а я вернулся к своим — предупредить насчет возможной ночной заварухи.

Мы поужинали, и я сел разбирать почту. Гоша мне написал всего два слова — мол, Моню к дочке отправили, все в порядке. С одной стороны, мне было приятно узнать, что Карый не забыл о моей просьбе, с другой — теперь все деловые переговоры пойдут не через меня. У Костика свой КПК, Гоша будет с ним обмениваться посланиями. Я покосился на терминатора — Костик, сопя, медленно набивал текст. Отчет Карому, разумеется. Зато пришло второе письмо от Ларисы. Девушка научилась пользоваться смайликами, и теперь каждую строку завершало двоеточие и закрытые скобки. Чаще — по три, четыре или пять скобок. Ларик злоупотребляла обретенными знаниями. Но я, конечно, не стал смеяться, наоборот — похвалил, мол, молодец, сестренка, самое главное ты уже умеешь. И тоже смайлик поставил. Потом мне пришло в голову, что Лариска так пытается отблагодарить меня за перевод, купила комп и подключение к сетке оплатила — мол, вот так она мои деньги тратит. Умница, мне и впрямь понравилось. Вот закончится виза у Вандемейера, свалит он в свои европы — надо будет Ларика проведать. Сто лет её не видел и тетю Веру с дядей Сережей...

Дитрих объявил:

— Я задал вопрос коллеге Головину, что он знает насчет военных объектов.

— Ну и що той колэга? — Костик поднял голову и крепко зажмурился. Похоже, набор текста оказался для него непривычно тяжёлым делом, я-то знаю, что от работы с нашими ПДА поначалу глаза болят.

— Обещал разузнать. Кроме того, я задал ему вопрос о миграциях мутантов... Слепой, а что, если мы ночью выйдем из лагеря?

— Вандемейер...

— Да недалеко, только по окрестностям побродить, у самого лагеря. — Рыжий поднял свой таинственный прибор. — Я поставлю на запись, только на запись. Недолго, часа два? Обещаю к аномалиям близко не подходить.

Конечно, ему аномалии не нужны, наоборот, его интересуют исключительно лишь кровожадные мутанты, которые зачастую чувствуют аномалии и не лезут в опасные места. Мутантам артефакты не нужны, им нужны вкусные питательные учёные. Ночью зверьё активизируется... не говоря уж о бандюках.

— Вандемейер, вы меня хорошо понимаете? Ночью ожидается нападение шайки мародёров. Кстати, вы сигнал ПДА перестроили?

— Да, разумеется, перестроил. Мародёры... а мы отправимся к востоку от лагеря. Ваши бандиты появятся с запада, так что нам ничего не грозит.

— С востока пришла стая слепых псов. Тут к нам в автобус заглянул Угольщик:

— Слепой, ты предлагал вместе сходить в эту долину. Как насчет завтра?

Глаза у Паши были пустые, невыразительные. И разговаривал он без выражения, и спрашивал, и отвечал с одинаковыми интонациями. Как отмороженный.

Дитрих взял меня за локоть, чтобы привлечь внимание, и указал собачьи хвосты, подвешенные к Пашиному ремню.

— Слепой, обратите внимание на трофеи этого господина. Вы по-прежнему собираетесь пугать меня собаками?

— Ни, вин не буде лякаты собаками, — спокойно бросил Костик. — Слипый, погоджуйся. Пидемо разом.

Все против меня, да? Не повезло, выходит, мне с Ватсонами. Вообще Вандемейер имел право тянуть меня на прогулку, он же для того и нанял проводника! Хорошо, он проникся нашими проблемами, участвует и расследовании, но вообще-то рыжий здесь, в Зоне, по делу.

— Ладно, — кивнул я. — Ваша взяла. Ночью выйдем, но только на часок, потому что выспаться нужно успеть. А завтра в долинку наведемся. Кстати, Паша, там есть заброшенный военный объект, построен до второго взрыва на ЧАЭС. Бункер, подземный ход. Интересно, верно?

Угольщик пожевал серыми губами — как старик. Я снова удивился, как крепко на него подействовала смерть друга. Наконец Паша ответил:

— Да. Интересно. Найду сволочь, которая Сапога сгубила, в «мясорубку» засуну.

— Ты уже говорил.

— По частям засуну.

— И это говорил. Паша, мы же...

— А начну с ног, — заключил Угольщик. — Я нынче ночью тоже с вами пройдуся, ладно?

Ночью Свалка выглядит очень интересно, даже в дождь. Вернее, так: в дождь — особенно интересно. Причудливые очертания бугров с там и тут торчащими из грунта металлическими конструкциями слабо выделяются на фоне тёмно-синего неба, а вертикально падающие струи дождя смазывают контуры, зато время от времени от летящей с неба воды срабатывают аномалии, подсвечивают серые окрестности разноцветными огоньками и искрами, «жарка» поминутно пробуждается к жизни и исторгает клубы пара — будто на вершине радиоактивной сопки проснулся вулкан. Звуки тоже таинственные — треск аномалий, шорох влажного грунта, сползающего по склонам, шелест и стук, отдаленное завывание псов. Шёпот дождя прикрывает звуки, превращает в равномерный гул...

Мы вышли на прогулку около половины первого. Дитрих то и дело принимался шуршать ремнями амуниции, он был увешан приборами, как новогодняя ёлка — игрушками. Я чувствовал, что он возбужден. Отчасти на учёного действовал фантастический пейзаж, отчасти Вандемейера заинтересовало очередное письмо Головина. Профессор сообщал, что они регистрируют возросшую активность миграции мутантов к Свалке. Существует постоянный поток с северо-востока Зоны, от Чернобыльской АЭС, где они плодятся особенно энергично, — на юго-запад, в обход мёртвого города, дальше на юг. Потом поток рассеивается — часть к Лиманску, часть через Рыжий лес... Зверей постепенно отстреливают сталкеры, к югу Зоны добираются жалкие остатки потока, так что новички едва лишь компенсируют убыль местных тварей.

Сейчас отмечается некоторое усиление миграционного потока в восточной части Зоны, однако в Тёмной долине поголовье мутантов не увеличивается.

— Что значит «усиление потока»? — Я решил уточнить. — И почему они послали военсталов?

— Незначительное усиление, порядка трех процентов, так пишет Головин. Это мелочи, в сущности, ничего серьезного. Однако учёные обратились к военным с просьбой провести разведку. Пока что военные сталкеры ничего не обнаружили. Я сообщу Головину, что в Тёмной долине мутанты не задерживаются, просачиваются сюда, и здесь их останавливают сталкеры. Ваши друзья с автокладбища жаловались, что мутантов стало больше, верно?

— Вандемейер, лучше бы они отозвали своих бойцов, а? Не хотелось бы подставлять местных ребят.

— Я передам ваше пожелание Головину, однако боюсь, профессор уже не сможет остановить этих бандитов.

Это верно. Военные сталкеры никому, в общем-то, не подчиняются. Ну, за исключением своих непосредственных начальников — эти могут военным сталкерам приказывать... хотя нет гарантии, что приказ будет исполнен в точности. Во всяком случае, так рассказывают. То есть даже если вояк подняли по просьбе учёных, дальше профессора никакого влияния на события не могут оказать.

Костик и Угольщик помалкивали, я не знаю, прислушивались ли они к нашей беседе.

Наконец сталкерская стоянка скрылась за холмами, перед нами громоздились развороченные остатки каких-то бетонных конструкций, дальше виднелись пологие бугры. Ложбины между холмов заросли хвойным лесом, там тихо и спокойно... Сейчас, конечно, ничего не было видать, только вспышки аномалий мерцали сквозь тяжёлую пелену дождя. Мы пересекли асфальтовую трассу, и Вандемейер объявил:

— Включаю на прием. — Щелчок тумблера. — Не беспокойтесь, Слепой, только на прием...

— Ну, що там? — поинтересовался Костик.

— Стая собак, похоже. Почти не двигаются. Никаких возмущений, никаких интересных мутантов.

— Есть там стая, в холмах обосновалась, — вставил Паша, — мелкие, трусливые. И верно, они облюбовали старый сухой дуб, собираются вокруг него кружком и сидят. Я несколько раз видел.

— Якщо цей потик с пивночи не прыпынеться, нови собаки мелких місцевих проженуть, — заявил Костик. — Так завжди буває, мутанти чи звичайни хьжаки, а я впевнений, що проженуть.

Никто не ответил. Паша погрузился в прежнюю апатию, Вандемейер крутил прибор, а мне пришло в голову: странное совпадение. Грач, партнёр Сорняка, тот, что передал микросхемы для Бороды, твердил о трехпроцентном росте спроса на КПК, профессор Головин с базы на Янтаре — о трехпроцентном увеличении миграции мутантов по восточному пути. Странное совпадение. Вообще мир полон странных совпадений, и мы живем, не замечая их. А потом вдруг как падет на глаза и не идет из головы, зудит, крутится и требует объяснения...

Додумать эту потрясающе мудрую мысль я не успел — из-за холмов, за которыми остался лагерь, донеслись звуки стрельбы. Костик с Пашей сделали стойку, как хорошие охотничьи псы, — я уверен, в этой какофонии они улавливали массу закономерностей. А я — нет. Насчет Вандемейера ничего не скажу, он тоже сделал стойку, но по-своему, развернулся и выставил антенну загадочного приемника на звук. Пальба продолжалась минуты две, пожалуй, — вряд ли больше.

— Отбились, — констатировал Угольщик. — Как-то очень легко получилось.

— Ага, щось дуже швидко. — Костик, старый солдат, наверное, желал продолжения банкета.

А Вандемейер ляпнул, разглядывая свой приборчик:

— Люди ведут себя куда более хаотично и неорганизованно, чем псы. Никаких закономерностей.

— Это потому, что мы — существа более индивидуальные, — важно возразил я, — и меньше следуем инстинктам. Отсюда хаотичность, которая на самом деле есть высшая форма порядка.

Потом мой взгляд упал на экран ПДА.

— Внимание, у нас гости! Пять... шесть персон! Шесть сигналов приближались к нам с запада — все чистые, без маркеров, которыми нынче по договоренности пометили свои компы сталкеры в лагере. Чужакам предстояло преодолеть узкий проход между бугров, и они будут перед нами. Первым отреагировал Костик:

— То ж я дывлюсь, замало стреляныны було... Слипый, ты с вченым давай у ти бетони руины, схойайтесь там и сидить тыхенько. Паша, ты як?

— Я здесь.

— Та ни, краше назад видтягнись трошки. Нехай воны не лякаючись сюды йдуть. Слипый, я що казав? Бери Вандемейера и чеши у руины! Ну!

Ночной бой в Зоне — то ещё развлечение. Причудливая подсветка, ограниченные возможности манёвра, да ещё такая интересная особенность, как сигналы на ПДА. Ты не видишь ни своих, ни чужих, но на мониторе расположение определяется легко. Я решил, что для нас самый лучший вариант — встретить мародёров, расположившись перед узкой ложиной, бандитам непременно придется сгрудиться, чтобы не угодить в радиоактивные зоны да аномалии справа и слева на склонах, — тут-то мы бы их и приняли... Я и собирался это предложить, но Костик рывкнул так строго, что у меня все мысли вмиг будто ветром сдуло. Я ухватил Дитриха за оранжевый рукав комбинезона и поволок к руинам, не слушая его протестов. Я целиком доверял боевому опыту нашего терминатора и решил в точности исполнять его приказы. Паша вскоре догнал нас, на бегу бросил:

— Глядите меня не подстрелите, я засяду впереди, вы — справа и слева по ту сторону.

Он имел в виду, что мы расположимся в два эшелона. Посреди руин среди развороченного бетона притаились аномалии, так что позиции можно было организовать либо с восточной стороны нагромождения раздолбанных блоков, либо с западной — откуда надвигались чужаки. Угольщик вызвался прикрывать нас и принять на себя основной удар. Я не возражал, у Паши и оружие было посерьёзней нашего.

Вандемейер рвался в бой, но я, едва ли насильно, затащил рыжего в укрытие, с его «макаровым» только на большой дистанции воевать, конечно...

— Не будьте сволочью, Вандемейер, — велел я, — сидите и не высовывайтесь. Ваша задача — уцелеть.

— Но я...

— Вы обещали слушаться! Все, я буду слева! — И убежал искать лежбище.

Сквозь шорох дождя уже доносились громкие голоса — бандюки вступали в ложину и подбадривали себя воинственными криками, которые сводились примерно к следующему: «А ну давай! Щас мы их!» На самом деле каждая фраза была в три-четыре раза длинней, но состояла из таких слов, за которые мамаша мне, маленькому, уши бы открутила. Я присмотрел наклонную бетонную плиту, взбежал по ней и плюхнулся за низеньким бруствером, образованным остатками стены. Располагался я теперь повыше соратников, справа подо мной ритмично вспыхивали лиловые огоньки — струи дождевой воды, стекая по бетону, то и дело заставляли аномалию срабатывать.

Выбрав позицию, я глянул на ПДА — сигнал Костики исчез. Ни один сталкер, даже самый зелёный, не стал бы отключать свой комп — без навигатора слишком велика опасность угодить в аномалию или подстрелить своего. Оставалось надеяться, что Тарас понимает, что делает...

Первыми огонь открыли бандиты — они догадывались о нашем расположении по сигналам на ПДА и стали палить наугад, ориентируясь по показаниям компьютеров. Я поздравил себя с удачно выбранной позицией, несколько пуль ударили в бетон подо мной — мародёрам не приходило в голову, что я расположился в нескольких метрах над уровнем грунта, ПДА отображает лишь распределение сигналов по горизонтали. Дитриху с Угольщиком пришлось похуже, вокруг них наверняка грохотали заряды, тем более что у одного или двоих бандюков оказались дробовики. На таком расстоянии дробь не слишком смертоносна, зато, разлетаясь, покрывает большую площадь.

Коротко загрохотал Пашин «Калашников», потом ещё, хлопнули пистолетные выстрелы с правой стороны — оттуда, где залег Дитрих. Я не хотел обнаруживать свою позицию раньше времени, наблюдал за продвижением противника по точкам на ПДА. Вот они преодолели узкую ложину, разворачиваются цепью — не слишком ловко, правый фланг выдвинулся вперед. Мне показалось, что я различаю в отсветах аномалий движение, — и я дал длинную очередь, выпустил почти половину магазина. Меня тут же обнаружили — вспышки выстрелов на верхотуре были отлично видны отовсюду, — и пули затрещали по бетонной стене, за которой я укрывался. С визгом полетели осколки. Я чуть отполз и торопливо спустился — превращаться во всеобщую мишень мне не хотелось.

Сквозь треск и грохот я различил крики, что, дескать, «Чингачгук ранен», — и мне сделалось настолько смешно, что я, скатываясь по мокрому бетону, едва сдерживался, чтобы не заржать в голос. Оказывается, наш форт атакован этими, как их, команчами... Отыскав новую позицию, я бросил взгляд на ПДА и снова дал очередь. От сдерживаемого смеха «Гадюка» дрогнула в руках — и, видимо, исключительно благодаря этому я снова попал! Ответом на мою стрельбу стал отчаянный крик, я дал новую очередь, на этот раз, наверное, неудачно, — и снова присел за бетонным бруствером, чтобы сменить магазин... Тут в дело вступил Костик. Трижды коротко ударил АКМ, потом, после секундной паузы, — ещё раз. И стало тихо. В наступившей тишине сиротливо прозвучал одиночный выстрел «макарова» — оттуда, где я оставил Вандемейера... И снова стало слышно лишь шорох дождя да треск аномалий внизу, под нагромождением балок.

Я разглядывал экранчик ПДА, протирал рукавом и снова присматривался — не маркированные точки, обозначающие «индейцев», оставались неподвижны. Замерли, образовав неровную дугу с центром где-то позади нашего убежища. Спеклись, ирокезы? Потом позади дуги зажглась звездочка Костики.

— Ну, що! — выкрикнул Тарас. — Нибы, усэ! Выходьте, хлопци.

Дождь, будто только и дожидался победы над делаваками, хлынул с новой силой... Мы выбрались из руин и пошли к Костику. Тот пока что оставался невидимым за дождевыми струями и, судя по показаниям ПДА, обходил мёртвых мародёров. Его сигнал смещался вдоль цепочки, ненадолго задерживаясь у каждого немаркированного сигнала.

— О, дывы, а цей ще живый! — донеслось из потоков дождя.

Мы сгрудились над телом, Паша включил фонарик. Человек лежал на боку.

— А, знаю его, — буркнул Угольщик. — Это Вася Чингачгук. Падла известная.

— Чингачгук? А я думал, мне послышалось. Идиотская кликуха.

Хотя, если вдуматься, у половины наших «погонял» такие, что хоть стой, хоть падай. Нормальные прозвища разве что у stalkера Петрова да у меня.

Костик перевернул мародёра, расстегнул куртку.

— Ну, що? Збережемо це життя, а?

Я протянул аптечку, Паша стал светить, и Костик занялся ранами. Мародёр получил несколько незначительных дырок, пули прошли навылет. Вандемейер придержал обмякшего Васю Чингачгука в сидячем положении, Костик сноровисто распахнул одежду (между прочим, я заметил, что тоненькая пачка банкнот перекочевала из внутреннего кармана бандита к Костику), вколол сыворотку и стал бинтовать, приговаривая:

— Це не моя работа, Слипий, це ты його пидбыв. Мої уси лежать тихенько, як належить...

— Раз моя работа, отдай бабки.

— Яки бабки? — На меня Костик не глядел, ловко накладывал бинты.

— Яки? Таки. Я все видел.

— Ты, Слипий, не повинен бачити, бо ты Слипий, — наставительно заметил Костик. — Гаразд, гроши навпил. Пополам, як вы, москалі, кажете. Тоби за влучний постріл, мени за медичинське обслуговування.

— Сам ты москаль.

Тарас закончил бинтовать, и Вандемейер выпустил Васю, тот снова повалился на землю.

— Я свяжусь, с нашими в лагере, — сказал Угольщик, — сообщу Корейцу насчет Чингачгука.

Кореец — это прозвище stalkера, который сейчас верховодил в лагере на автокладбище. Корейцем его прозвали потому, что он съел слепую собаку. Переживал Выброс в каких-то подвалах, его завалило, поблизости никого не оказалось, а у парня, как назло, консервы закончились. Он и съел пса, которого угораздило свалиться к нему в подвал. Подобные истории происходят сплошь и рядом, надо будет придумать что-нибудь и про Петрова в таком духе. Ну а что Угольщик занялся сообщением — это означало, что устранился от поиска трофеев, молчаливо предоставляя добычу нам. Зато и тела стаскивать тоже нам выпало. Между stalkерами существует довольно условный и страшно запутанный кодекс поведения. Мы — не без помощи Вандемейера, кстати, — сволокли тела и сбросили в яму под бетонными плитами. Обобрали, конечно, сперва, конфисковали ценности... Впрочем, хабар вышел грошовый. Банда Чингачгука явно не процветала. Разве что у самого Васи в кармане куртки нашлась «капля». Вещица недорогая, но все же... Да ещё автомат Чингачгука Костику понравился, он его взял себе, а мой решил вернуть. Мне сейчас АКМ был не с руки, я всегда предпочитаю МР-5, он легенький и отдача не жесткая, как раз по мне. Неожиданно «Калашников» попросил Вандемейер, мол, он умеет с ним обращаться. Я согласился.

— Мы часто контактировали с Н'Гвамой, — к чему-то вспомнил рыжий. — Мощный человек, его род контролировал около ста шестидесяти квадратных километров в Центральноафриканской Республике. Так он собственноручно убил старого шамана и сам стал и шаманом, и вождём. Следил, чтобы все ритуалы соблюдались. Расстрелял несколько человек за то, что пропустили богослужения. Вообще это выглядело как танец. Мужчины племени становились в круг и плясали.

— З «калашами»? — уточнил Костик. Он раньше меня раскусил причудливую ассоциативную цепочку Вандемейера.

— Именно так. С акэмами было две молитвы: танец войны и танец дождя. Это мужские танцы, потому с оружием. Взрослые с автоматами, молодежь, которые до инициации, — с ассегаями.

Мы закончили с телами и навалились на бетонную плиту, чтобы прикрыть братскую могилу. Угольщик присоединился к нашей троице, и общими усилиями мы завершили работу.

— А почему именно войны и дождя? — отдышавшись, спросил Паша.

Дитрих закашлялся, полез за пазуху за таблетками, проглотил горсть, запил из фляги. Потом объяснил:

— Потому что у них больше ничего не случалось, всегда сухо и жарко. Разнообразие — дождь либо война, поэтому они в честь войны и дождя танцуют с автоматами Калашникова. Выказывают почтение таким образом. Это тоже Н'Гвама придумал...

Я не стал уточнять, уважение по отношению к чему? К автомату? Или к войне с дождем? Помолчали. Паша сказал Костику:

— Ну, ты гигант. Я сперва не понял, что ты делать собрался.

— Ничего такого я не робыв. Посыдив тихесенько, поки воны на вас не пишли, роздывився, хто де... а потім швыденько усих поклав.

Это я понял, Костик нашёл укромное местечко, пересидел, пока бандюки прошли мимо, по звукам и вспышкам выстрелов разобрался, кто где, а потом — четыре короткие очереди, и все. Терминатор, точно.

— А почему ты не захотел встретить их у выхода из долины?

— Ты що, Слипий?

И Дитрих встрял:

— Слепой, если бы мы встретили их в узком месте, они бы остановились, а потом пошли справа и слева в обход холмов, нам пришлось бы вести два боя, а нас мало.

— Тоди я усих не поклав бы разом, — согласился Костик.

Ага, конечно. Все стратеги, все тактики. Один Слепой ничего не понимает... однако Чингачгука подстрелил ковбой Слепой, знаменитый ганфайтер.

Дождь прекратился так же внезапно, как и начался. Здесь это обычное дело. Некоторые аномалии разогревают воздух, теплые потоки поднимаются над сопками, вызывают стремительные порывы ветра, способные мигом разогнать тучи или, напротив, пригнать теплый, насыщенный влагой воздух туда, где он, быстро охлаждаясь, рождает сильный дождь. Благодаря этим восходящим потокам, там и тут бьющим в небеса, в Зоне не бывает толковой зимы. Снежные заряды, вторгаясь через Периметр, несут метели и холод, но источники аномальной активности мигом останавливают зиму на пороге Зоны, не дают продвинуться внутрь. И лето здесь дождливое, серое. Вечная осень, печная осень... все серое, куда

ни глянть. Самое подходящее место для дальтоника — если он не слишком дорожит жизнью, разумеется.

С телами бандитов мы провозились часа два и, когда прекратился ливень, как раз сели передохнуть в закутке под бетонной плитой, с которой я стрелял в начале боя.

Небо очистилось, показались звезды — я с удивлением обнаружил, что на востоке изрядно посветлело. Вот и сходили на часок... Часы на ПДА показывали начало пятого, уже практически утро. Да, сорвались ночные исследования. Вандемейеру сейчас было не до науки — он совсем упарился, тяжело, с хрипом, выдыхал сырой воздух, его надсадные вздохи заглушали треск аномалий внизу.

— Вандемейер, на што вы себе так терзаете? — благодушно бросил Костик. — Спокойно б зачекалы, поки мы мертвякив поховаем.

— Я... ничего... — отозвался учёный. — Я сейчас... лекарства.

Он расстегнул оранжевый комбинезон и полез за пилюлями. Выжрал порцию, запил из фляги — и разразился новым приступом кашля.

— Кепськи справи, — покачал головой Костик, — Чую, никуды сьогодни не пидемо. Выбач, Паша, наш Вандемейер — того, хворый.

Угольщик встал, по его комбинезону сбежали струйки дождевой воды, собиравшейся в складках, пока сталкер сидел.

— Ладно, — кивнул. Я уже хорошо видел Пашин силуэт на фоне быстро светлеющего неба. — До лагеря пойдём?

— Якщо допоможеш цього доволокты. — Костик имел в виду пленного Чингачгука. — Слипый, зберы добыч.

Я нагрузился трофейным оружием, набил рюкзак невеликим хабаром, который обнаружился в карманах убитых мародёров, Паша с Костиком подхватили бесчувственное тело Чингачгука — и мы выступили в обратный путь. Позади плелся Вандемейер, перхал, отхаркивался и, ручаюсь, сплевывал только в салфеточку.

У входа в лагерь нас ожидал комитет по встрече во главе с Корейцем. Ребятам, конечно, было неловко. Когда к северу от лагеря показались бандюки (их заметили по сигналам ПДА), парни встретили пришельцев пальбой, те дали несколько залпов, потом Вася увел их в обход.

Наши, на автокладбище, поздравили друг друга с победой, а ирокезам вовсе не нужен был лагерь, они с самого начала нацелились атаковать нашу группу. Непонятно, чем мы им так не заправились? Потом у нас вспыхнула перестрелка, и Кореец виновато объяснил, что он-де хотел двинуться на подмогу, но «разве этих поднимешь?..» Мы ответили в том смысле, что не в претензии, раз нам и хабар достался. На подъём наши тяжёлы, это точно, — потому что в лагере собрались одиночки, никакой дисциплины. Защищаться сообща — это да, это ещё получается, а вот в поход нашу братию вывести нелегко.

Кореец оглядел пленного.

— О, Чингачгук... А зачем вы его сюда волокли? Там бы и шлёпнули.

Мы переглянулись. В самом деле зачем? Как-то никому в голову не приходило рационального объяснения, на кой нам сдался этот бандит. Что касается меня, то у меня просто рука не поднялась на незащитного человека. В схватке — другое дело, а когда он не может защищаться, как-то не выходит у меня. Чингачгук выжил, потому что в нашей группе было два новичка, у которых другие привычки, а мне просто пофиг.

— Это не гуманно, — буркнул Дитрих. И зашелся кашлем, тяжело ему ночка далась.

— Расстреливать два раза уставы не велят, — процитировал Костик.

Тут наш Вася стал приходить в себя. Приподнялся на локте, оглядел по очереди всех... уставился на Пашу.

— А, Угольщик, сука. Жалко, не достал я тебя, сволочь...

Паша сплюнул и молча потащил из кармана сигареты.

— Я за Колю б тебе глотку зубами рвал, я бы тебя на куски нашинковал... — не унимался Чингачгук, — я б тебя...

— Можешь меня в задницу до смерти зацеловать, — спокойно ответил Угольщик, прикуривая. — Не знаю, что за Коля, но если такая же гнида, как ты... то, может, и я его когда пришил. Я вас, паразитов, всегда бью, где б ни попались. А имена не спрашиваю, хоть Коля, хоть ещё какой хрен.

Паша выпустил дым и закончил:

— Я вас, козлов, не различаю. Многих положил, точно... может, и Коля среди них был.

— Коля Черт, кореш мой, — прошипел наш могикинин, — не знаю, что ты с ним сделал...

— И я не знаю. А что с ним такое?

— Рассказывай, Вася, — предложил Кореец, — облегчи душу, раз уж так вышло, что ты по ошибке живой остался. Только если будешь ругаться, Зоной клянусь, зубы выбью. Не люблю я, когда ругаются. Что там с твоим Колей?

— Коля пошел собак пострелять, есть тут долина рядом... Вернулся, говорит: хорошее место, собаки обожравшиеся, ленивые. Взял с собой Шалого, и урыли. День прошел, их нет. Я с пацанами туда, в долинку...

— Там поляна костями усыпана, — вырвалось у меня.

— Точно, — кивнул Чингачгук. — Угольщик, дай, что ли, закурить, морда, поскольку сразу не шлепнул.

Костик подал пленному пачку, которую у него же, бесчувственного, и отобрал, я сам видел.

— На, пали, твои ж цибарки, — пояснил, — я теж ту галявыну бачив. Пали и кажы дали.

Чингачгук закурил, покашлял, держась за перебинтованную грудь, и продолжил:

— А чего казать? Взял пацанов, пошли мы... Полянка, да. Посреди полянки стоит мой Коля. Стоит, не движется, в одной рубаше. Куртка у него была с кольчужкой, с подкладкой, значит, кольчужной, он месяц шил, помню... Так нет куртки на нем... Стоит Коля и молчит. Я ему — Коля, Коля, что ты? Взял его за плечо, а оно каменное, мышцы все свело. Как судорога...

Вася сделал несколько быстрых затяжек, мы ждали. Вокруг уже собралась толпа, лагерь просыпался, сталкеры сходились отовсюду.

— Я ему: Коля, друг, скажи, что с тобой? Поворачиваю к себе, а он как стоял — так и завалился, деревянные прямо ноги, не гнутся. Тут и Шалого увидел, тот холодный лежит, в небо глядит. И Черт свалился так же рядом — и в небо глядит, а глаза пустые. Пульс слабый, еле бьется, но часто-часто. Коленька, говорю, что с тобой...

Бандит всхлипнул, рука с сигаретой дрожала... но никто не смеялся. Очень страшно мне вдруг стало, я вспомнил по-

ляну, усеянную костями...

— И ведь целый он, целый! — пробормотал Чингачгук. — Ни пуля его не тронула, ни зверь. А в себя не приходит... и сердце колотится, как птаха в кулаке. На другой день помер. Тихо так, я и не заметил. Мы его принесли, я водкой растер, антирада двойную дозу вколол... внутримышечно... хотя счетчик не слишком на него тявкал, но я вколол, мало ли... Не знаю... а он номер.

— И компьютер його вщент розтолочен був? — спросил Костик.

— Не было при нем ПДА, ни у него, ни у Шалого, я же говорю — раздели до рубахи обоих.

— Ты бы за кусты глянул, — буркнул я, — там кладбище мёртвых ПДА. Расчленёнка в полный рост.

— Я глядел. — Чингачгук отбросил сигарету и с ненавистью уставился на Угольщика. — Я туда часто стал наведываться. И тебя, Паша, видел не раз. Видел, ходишь ты, вынюхиваешь, высматриваешь. Ты и Колю моего... не знаю, чем и как, а ты, падла, в ответе за Колю.

— Сам ты падла, — ответил Костик. — В нього також друг там загинув, Паша тому й ходив на полянку с кистками. Як и ты.

— Брешет!

Паша подал плечами.

— Брешет! — убежденно объявил Чингачгук. — Так что ты меня лучше сейчас шлепни, Угольщик. Слышишь? Лучше сразу. Потому что я оклемаюсь и снова за тобой приду. Я за Колю...

— Заткнись, — велел Кореец, и бандит, как ни странно, послушался. — А правда, парни, что с ним делать теперь?

— Пусть живет, — буркнул Паша.

— Его можно сдать военным, — заявил Вандемейер, — я могу. Я здесь легально, вполне могу.

— Ага, — снова завелся Вася, — давай. Давай! Что мне пришьют? Незаконное пребывание в Зоне? Три года. Ну, четыре. Мне плевать, я в авторитете. Отсижу с комфортом полтора максимум, потом — условно-досрочно за отличное поведение. Так что я тебе, Пашка, обещаю, жди — вернусь! И уж тогда... Слышишь, я до тебя доберусь, если сам к тому времени не загнёшься...

— Та що ти верескливый такий, як та бабка торговка базарна, — с досадой буркнул Костик, — в мене аж вуха заклоло. Рокив висим тобі ломитися, або ж билыше. Тероризм, це важкий злочин.

— Терроризм? — Чингачгук удивился.

— Мижнародный. Бо ты спокусывся на иноземного вченого, — пояснил Тарас. — Абу-Шакил — це теперь терорист номер один, чув? А ты за тысячного номера зийдеш. Бо ты сопля проты Абу-Шакила.

Зрители оживились. Это в нашем мирке что-то новенькое...

— Ребята, вы серьезно? — не без тревоги осведомился Кореец. — Сюда военных не надо.

— Ясен пень, — ответил Паша. — Слепой, ты ж понимаешь?

— Все понимают. Конечно, сюда не надо военных. Устроим все по-умному.

Я вообще не знал, как быть с Чингачгуком, обычно таких не оставляли живыми, но если Костик с Вандемейером так решили... в самом деле, отдать этого урода военным, пусть дальше у них голова болит. Только, разумеется, акт передачи могиканина в руки правосудия должен состояться подальше от лагеря. Тут Вандемейер снова зашелся кашлем, полез за таблетками, выронил пакетик... Я подхватил ученого под локоть и, невзирая на его протесты и уверения, что он способен идти сам, поволок прочь от толпы. Усадил в обжитом нами автобусе и велел отдыхать. А сам отправился искать кипяток. Как обычно по утрам, кое-кто уже развел костер. Вода здесь паршивая, её кипятят по несколько раз, кидают армейские таблетки-дезинфекторы. В лагере на автокладбище несколько раз собирались поставить перегонный куб, чтобы солить воду, потом выпаривать. Соль, как известно, уничтожает кое-какие виды микробов и осаждает некоторые соли тяжёлых металлов — уже хоть что-то. Ну и кипячение тоже... Но, как и всегда, сталкеры-одиночки так и не довели начатое до конца. Дальше шуток насчет самогона дело не пошло. Когда я вернулся с кипятком, Вандемейер уже оклемался, распаковал оргтехнику и всю колотил по кнопкам раскладной клавиатуры, прихлебывая энергетик из банки. Маньяк. Трудоголик.

— Как дела?

— Мне уже лучше, Слепой! — бодро отрапортовал Дитрих.

— Вижу, вижу. Я хочу вас накормить горячим и не желаю слышать возражения.

— И не услышите! Я голоден, как зверь!

— Водочки тоже предложу. За победу.

— Э, я не...

— Чисто символически. От радиации.

Кроме прочей добычи, нам досталось несколько бутылок дешёвой водки, наверняка паршивой. Мародёры любят хмельное не больше иных сталкеров, просто зачастую у них не случается более качественного средства против радиации, вот и глушат всякую дрянь. Им просто-напросто приходится употреблять — поскольку они то и дело вынуждены укрываться в таких местах, куда честный сталкер не полезет. А такие места, само собой, зачастую «фонят». Не уверен, что правда, но слыхал такое: у блатных появилось жаргонное выражение: «сквозняк», это значит — повышенный радиационный фон. Мол, не стой на сквозняке, простудишься. Или так: простыл на сквозняке — выпей водочки.

Словом, я залил кипятком брикеты лапши и вытащил из поклажи пакетики растворимого кофе. Гадость, конечно, этому пойлу далеко до настоящего кофе, да и традиционный энергетик в баночках тоже получше будет, но кофе — моя слабость. Чуть позже явились Костик с Пашей, им тоже выдал по порции. Водки выпили вместе — как я и ожидал, оказалась дешевка, фуфло. Но градусы в порядке, а в нашем деле это важный момент. Смерть радионуклидам!

— Я не его видел в распадке, где кости, — задумчиво проговорил Угольщик, перемешивая лапшу. — Тот был роста небольшого, но плотный, кругленький такой, я точно разглядел. И плечи широкие. А Чингачгук долгоязыый, тощий. Нет, не он.

— А где вы оставили нашего Васю?

— Кореец обещал постеречь, пока мы решим, куда его девать, — объяснил Паша. — Шлепнуть, конечно, было бы

проще... но я его понимаю, Васю-то. Я бы тоже так — если бы кого заподозрил, что из-за него Сапог помер, я бы его в «мясорубку»...

Паша стал есть, а у Вандемейера пискнул КПК.

— Сообщение Головина, — с набитым ртом пояснил рыжий, — сейчас прочту... угу... угу... йа... Объект в долине Костей брошен.

— Долина Костей? Хорошее название. — Мне в самом деле понравилось. Атмосферно звучит. Как проспект Тракторостроителей — сказал, и сразу ясно, о каком месте идет речь, воображение мгновенно рисует пейзаж.

— Надо же как-то назвать это место. Очень долго говорить — «та самая долинка, в которой...». Долина Костей — короче. Там была... э... радиостанция, предназначенная для усиления сигнала. Такая вполне могла быть использована как «глушилка», да, Слепой, да, но оборудовали её совсем недавно, в конце прошлого века. Против спутникового сигнала не годится в любом случае. Сейчас оборудование демонтировано, объект не считается законсервированным, его списали. Так что ничего интересного. И ещё профессор снова зовет в гости, предлагает прислать вертолёт.

— Зачем вы ему, Вандемейер? Что-то он очень уж назойливо вас зовет.

— Наверное, хочет подобней узнать, чем именно я занимаюсь.

— А разве вы скрываете? — Странно. Мне-то Дитрих ничего не говорил насчет конфиденциальности.

— Нет, конечно, не скрываю... Просто нормальному человеку моя работа у Взыскующих представляется... ну, скажем, несерьезной. Не верит Головин, что я занят счислением ангелов.

— Бо нормальному вченому яноглив личыты западлю, — вставил с набитым ртом Костик.

— А, это я понимаю. Действительно, глупо как-то звучит. Да вы ешьте, Вандемейер, ешьте. Что-то вы плохо выглядите.

— У меня сложилось впечатление, что профессор Головин — отъявленный скептик и полагает, что счисление ангелов — ширма, прикрытие, а на самом деле у меня другая миссия. Будет расспрашивать, выведывать.

— Ага, поэтому вы не хотите на Янтарь!

— Ну, в общем, да... — промямлил Вандемейер. — Но придется принять его предложение. У меня заканчиваются медикаменты, он обещает помочь. Мне в самом деле стало хуже... Не рассчитал, взял маловато... придется воспользоваться лекарствами, которые предлагает Головин.

Я догадался: Дитриху страшно не хочется показываться на глаза коллегам и объяснять, что нанялся к религиозным фантикам на туфтовую работу. Как дитя милое. Ему же платят! Так чего здесь заторного?

Ничего, Вандемейер! Вы отправьте сообщение, что на ваш лагерь напали уголовники и вы взяли пленного. Вот и Чингачгука сбудем с рук, а? Они вам про исследования, а вы в ответ — про беззаконие в нашей дикой стране, а? Ну, чтобы разговор поддержать. Так и отобьётесь.

— Хорошо, Слепой. — Вандемейер выдал бледную улыбку. — Это остроумно.

После этого учёный принялся за лапшу, а я глядел на него, как заботливая мамаша на непослушного сынишку, который промочил ноги и только теперь согласился сменить обувь. А ещё я подумал, что мне придется слетать на пару с Дитрихом — выручать его, когда рыжий по своей дурацкой привычке сцепится с учёными или военными сталкерами... Не подумайте, что этот задира был мне дорог, просто он ведь ценный работодатель, так? Я ведь логично излагаю, да?

Рандеву назначили на двенадцать ноль-ноль. Шагать на своих двоих Вася был не в состоянии, и Кореец взялся лично тащить носилки с пленным вождем краснокожих. Сталкер, по-моему, чувствовал неловкость из-за того, что мы управились с бандой без его помощи, так что всячески старался оказаться полезным. Костик, по всеобщему согласию, остался в лагере, чтобы реализовать наши трофеи — оружие, ПДА и снаряжение убитых бандюков. Имелось ещё одно соображение: хотя мы с Вандемейером пребывали на территории Зоны легально, но мое оружие всё-таки оставалось незаконным, так что встречать вертолёт мы пошли с казенными «макаровыми», да я ещё прихватил самый плохонький обрез — чтобы не возникало лишних вопросов, с чем на нас напали индейцы. Ствол подлежит сдаче органам — бонус к Чингачкуку.

Все, разумеется, понимают, что трофеев у нас должно быть больше, но приличия мы соблюдем. Вот вам бандит, вот его оружие. Кроме того, на Свалке с пистолетиком довольно неуютно, а ведь неизвестно, сколько придется ждать вертолёта. Ну а остальное снаряжение мы сбросили Костику, чтобы лишнее реализовал, а за нашим кровным присматривал. В нашей социальной страте не принято воровать у своих, но тем не менее лучше, когда вещички под присмотром.

Словом, к одиннадцати мы с ребятами из лагеря притащили носилки на ровную площадку, распрошались и стали ждать.

Я с дробовиком взобрался на бетонные плиты, складированные неведь в какие времена для неведь какого строительства. Среди таких плит мы играли в детстве... Бегали с деревянными автоматами, петляли среди штабелей и страшно радовались, когда удавалось высмотреть «врага» сквозь цилиндрические отверстия в бетоне.

Вышло солнце, сразу стало тепло, я расстегнул комбинезон и распахнул рубаху на груди. Хорошо, спокойно... Точно как в детстве.

В отдалении возвышаются терриконы Свалки, торчащие из-под бурого грунта трубы, сварные конструкции и прочий хлам, их очертания дрожат и переливаются — и аномалии на склонах искажают картину, и парит после ночного ливня...

Вандемейер расположился у подножия бетонной груды и занялся своим ПДА, похоже, набивал какое-то пространное послание — здесь учёный не рисковал расчехлять оборудование и раскладывать электронику, как в автобусе, но и времени не терял. Вася помалкивал. Не знаю, думал ли он о чём-то. А может, заснул... По дороге он пожаловался, что от тряски ноют раны, и я на всякий случай вколол ему вместе с обезболивающим успокоительное. Неудивительно, если его разморило, крови-то он потерял порядочно, вот и ослабел.

Около половины двенадцатого вдаль затарахтел вертолёт. Вандемейер стал сворачиваться, быстренько доколотил текст и убрал складную клавиатуру в чехол. Вася, приподнявшийся было на носилках, снова расслабился и со знанием дела бросил Дитриху:

— Не кипешуй, проф. Который час-то?

Я бросил взгляд на ПДА.

— Одиннадцать тридцать.

— Ну вот и ждите себе до двенадцати. Вертухаи прибудут по расписанию, а до тех пор будут над нами отсвечивать, засаду искать. Эх, ещё полчаса у меня до кичи...

Это само собой, конечно, сперва вертолёт окружит в окрестностях, на нем установлено оборудование куда мощней наших мобильных компов, и военные тщательно просканируют местность, прежде чем выйти на цель, то есть прежде чем явиться за нами.

Машины мы не видели, но гул вертолётных винтов то и дело становился сильнее, потом опять удалялся... Ну, я подозревал, что у военных имеются свои маленькие причуды... пусть развлекаются. Кстати, судя по помехам на мониторе ПДА, вертолётов было два. Вот это я и называю: серьёзный подход.

Десятью минутами позже я обнаружил, что у нас гости на земле. Три группы сигналов сходились к нашей площадке — три пары и одна тройка ярких точек. Вертолёты высадили десант. Сигналы медленно сходились к нам по довольно замысловатым траекториям. Потом на ПДА Дитриха упало сообщение: «Доктор Вандемейер, оставайтесь на месте. Ст. л-т Сивушов». Каждый развлекается по-своему, я-то думал, вертолёт опустится и возьмёт нас на борт... Дитрих отвел: «Ждём».

Без пяти двенадцать военные вышли к нам. Одновременно с трех сторон, и тут же гул вертолёта стал явственней — машина также приближалась. Я спустился с бетонных плит, Вандемейер поднял руку и несколько раз махнул военным. Его оранжевый комбинезон отлично выделялся на сером фоне.

Военные были экипированы по всем правилам, в броне, массивных шлемах и масках. Маски, впрочем, болтались под подбородками на ремешках. Более массивную снаряду я наблюдал разве что у должговцев. Оружия у военсталов было столько, что моему жалкому дробовику, ручаясь, стало стыдно за неказистый собственный вид. И держали они автоматы обращенными к нам, только стволы опустили. Суровые ребята, просто загляденье.

Офицер, рослый парень, представился:

— Старший лейтенант Сивушов, первый отряд военных сталкеров. Доктор Вандемейер? Кто с вами?

К моей радости, Дитрих не набросился на военного и не стал требовать отдать честь и назвать личный номер.

— Я Дитрих Вандемейер, — потом кивок в мою сторону, — мой ассистент. Документы?..

Рыжий полез за пакетом с верительными грамотами, но Сивушов только рукой махнул — мол, не надо, все в порядке. Я протянул дробовик бойцу. Зачем мне оружие? Мы под охраной доблестных вооруженных сил.

— А это пленный? Знакомая морда.

Старлей потыкал пальцем в ПДА, подключаясь к базе данных... наконец объявил:

— Чингаев Василий Георгиевич. Ого!

Офицер улыбнулся. Впрочем, лицо, наполовину скрытое маской, от этого не стало приветливей.

— Дорогой Василий Георгиевич... Слышишь, Чингачгук? Ты дорогой. За Василия Георгиевича нам положена премия. Доктор, вы сделали за нас работу, спасибо. Если могу чем-то отблагодарить, скажите.

Вообще-то я бы предпочёл, если бы военные не стали пускать дело на самотёк, мол, «если могу чем-то отблагодарить»... Что значит «если»? Премияльные пополам — без всяких «если», это было бы по-товарищески. Но я помалкивал, да на меня никто и не глядел. Военные отлично понимали, кто я такой, и, если бы нам выпало встретиться в иных обстоятельствах, мне бы туго пришлось. Хотя за меня премии не назначено, конечно... я же не вождь краснокожих.

— Можете меня отблагодарить, если соберете информацию по заброшенному объекту к востоку отсюда, — не растерялся Дитрих. Рационально мыслит! — Я скину вам координаты.

— Нет вопросов! — кивнул Сивушов. — Если объект не секретный, постараюсь разузнать.

Последние слова старлея потонули в нарастающем гуле — приближался вертолёт. Эта машина приняла на борт нас с Дитрихом да двоих бойцов. Остальные с Сивушовым и пленным остались на месте. Сквозь шум винтов я не слышал, приближается ли второй вертолёт, но, вероятно, тот уже был на подлёте.

Сперва мы взяли курс на север, только потом вертолёт стал забирать к западу — в направлении Янтара. Не знаю, почему такой маршрут, видимо, какие-то из образований Зоны затрудняют полет, и потому вертолётчики выбирают не прямой маршрут.

Интересное ощущение — глядеть сверху, как стремительно проносятся знакомые пейзажи, узнавать исхоженные вдоль да поперек места: развалины, приметные деревья, пустоши, усеянные проплешинами аномалий... По земле-то приходится идти медленно, с оглядкой, останавливаться, сверяться с показаниями приборов, иногда и болты кидать в подозрительные места. Этот полёт показался мне ещё более странным, чем поездка в «Малыше» с Химиком. Сверху все выглядит иначе... как-то обманчиво мирно, что ли. С одной стороны, никаких загадочных завываний ветра, никаких тресков аномалий... только мощный внушительный гул винтов. Даже стадо кабанов, пробирающееся по редколесью, кажется игрушечным и вовсе не опасным. Сверху все спокойно, но и теперь не покидает постоянное ощущение отложенной беды, которое не отпускает ни на миг, пока крадёшься по Зоне пешим порядком.

Вдали стали подниматься высокие строения, но гуда мы не полетели, пилот наконец свернул круче к западу, машина качнулась, ложась в пологий вираж... Потом показался новый лагерь учёных, укрепленный по всем правилам военного искусства. Старая-то база погибла, теперь учёных охраняют военные, и внешне все выглядит как армейский объект: бруствер, забор, вынесенные наружу ряды колючей проволоки... И ещё — сверху очень хорошо видны туши мутантов вокруг границ лагеря — как по мне, довольно далеко от периметра. То ли там минные поля, и звери на минах подорвались, то ли часовые так развлекаются, но мёртвых тел очень много, кое-где громоздятся друг на дружку... Ещё бы, бойцы не покупают патроны на свои кровные. Это нашему брату приходится задумываться о стоимости боеприпасов.

Вертолёт пошел на посадку в сотне метров от границы базы. Мы спрыгнули в рыжую траву и, пригибаясь, побежали в сторону. Сопровождавшие нас бойцы держались справа и слева, то ли охраняли от Зоны, то ли нас самих стерегли, чтоб мы чего не выкинули. Меня это положение заставляло нервничать. Но это уже мое личное — неловко себя чувствую в Зоне, когда рядом военные.

Высадив нас, машина поднялась и стала набирать высоту — освобождала площадку для второго вертолёта, а мы двинулись по хорошо утоптанной и наезженной грунтовой дороге к воротам. Колёи описывали широкие дуги, петляли вправо и влево, и мы не отклонялись ни на шаг в сторону, наверняка обочины заминированы. Впрочем, Яantarь — уже доста-

точно опасная территория, здесь никакие предосторожности не лишние.

Профессор Головин оказался седым коренастым мужчиной, одет он был в халат, явно претендующий на звание белого. Явно, но безуспешно.

Учёные — странные люди, Вандемейер ещё ничего — близок к народу, так сказать, во всяком случае, одевается прилично. А Головину бы лучше носить тёмное, раз уж он одежду не стирает. Но вслух я этого говорить не стал, чтобы не портить торжественности момента. Головин кивнул бойцам, те испарились, а профессор обернулся к нам и торжественно объявил:

— Доктор Вандемейер? Добро пожаловать! Милости прошу, так сказать, к нашему шалашу...

Не знаю, догадывался ли Вандемейер, а я сразу понял — наши затеяли торжественное застолье, чтобы не ударить в грязь лицом перед иностранным гостем. Сейчас будет традиционная пьянка. Головин тем временем обратил внимание на меня.

— Ваш ассистент? Он говорит по-русски? Прикидывается, что ли, дурачком? Или сталкеров никогда не видел? Я до сей минуты был совершенно уверен: на мне разборчиво написано, что я прекрасно говорю по-русски и не брезгую ненормативной лексикой. Вот прямо поверх грязного комбинезона и написано. Такенными буквами, пламенными письменами. Однако Головин вроде не шутил. Я тоже ответил серьезно:

— Гораздо лучше у меня получается по-русски молчать. Профессор, я, как лицо, ответственное за состояние здоровья господина Вандемейера, предупреждаю заранее: пить ему противопоказано.

— Учтём! — засмеялся Головин. — Но ведь сталкеры не пьют, а с радиацией борются, верно?

Улыбка у чудака была вполне располагающая, да и потом, подумалось, чего я так негативно настроен? Пригласили в гости, угощают... Похоже, мизантропия Вандемейера меня заразила. Профессор повёл нас по лагерю. Вообще-то мне здесь понравилось, военных почти не видно, да и те, что встретились, вели себя примерно. Наверное, учёные всё-таки пользуются кое-каким авторитетом. Мы прошли между сборных металлических ангаров. Я такие штуки видел не раз — по идее, светлые металлические поверхности должны сиять, к тому же оборудование здесь наверняка новое, лагерь же совсем недавно перенесли. Однако агрессивная атмосфера и ядовитые дожди сделали свое дело — округлые скаты потемнели и покрылись неопрытными пятнами. За лабораторными отсеками был установлен другой ангар, бытового назначения, туда нас и привел Головин. Внутри уже накрыли стол — шикарный, по местным условиям. Больше, конечно, консервированных продуктов, но всё качественное, баночки аккуратно открыты, а хлеб свежий, не галеты. И, разумеется, водка. Головин представил своих коллег: маленького азиата Галиева, тощего долговязого Коновлева и румяного седого толстяка по фамилии Серчев. Возможно, балканец, но по-русски болтал не хуже меня, как я убедился, когда после первых торжественных тостов началась беседа.

Вообще всё было здорово, Вандемейера не пытались навязчиво потчевать водкой, как я опасался. И разгар застолья явился молодой парень в белом халате, гораздо более чистом, чем у шефа. Наверное, лаборант, ему ещё халат пачкать и пачкать до профессорского звания. Этот принес пакет и отдал Головину. Тот вручил пакет Дитриху, мол, лекарства. Вандемейер поблагодарил.

А парень, который принес подарок, грустно оглядел стол и убрался. Лаборантов к обеду не приглашали, и я понял, что мне повезло, могли ведь и не усаживать с начальством. Впрочем, я вел себя скромно и помалкивал — как и обещал. Постепенно разговор зашёл о работе, тут я и вовсе заткнулся, потому что мне не то что сказать было нечего, я попросту не понимал, о чём они трещат. А учёные после нескольких рюмок раскраснелись, взбодрились и тархтели наперебой, всем хотелось высказаться. Большую часть слов, которыми они изъяснялись, я слышал впервые в жизни и о содержании реплик догадывался больше по интонациям.

К счастью, опасения Вандемейера не подтвердились — разговор пошёл не о вопросах биологии, а коснулся проблем «слепого пятна». Головин, руководитель здешней группы учёных, как раз специализировался на этой теме, он и овладел инициативой. Вообще, насколько я понял, экспедиция в Зоне занята в большей степени сбором материала и несложными экспериментами, а уж на основе собранной здесь информации выводы делают в столичных институтах. Ещё в Новосибирске, кажется, есть ряд учреждений... не интересовался я этими вопросами.

Пока раскрасневшийся Головин излагал свою теорию возникновения «слепого пятна», Дитрих слушал, кивал и подкивал. Из этого трогательного согласия я заключил, что Головин скорее всего прав. Будь малейшая зацепка — Вандемейер непременно кинулся бы в бой, уж настолько-то я его успел изучить. Потом тема себя исчерпала, и постепенно всех забил Коновлев — самый молодой из четверки местных. И самый нестойкий, по-моему, его алкоголь одолел. Во всяком случае, паренек расплился и стал ругать Дитриховых работодателей, усомнившихся в священном пси-воздействии. Вандемейера мне упрекнуть было не в чем — рыжий стойко выдержал три, а то и четыре реплики по поводу «безграмотных попов», но уж потом тоже стал закипать и вступился за Взыскующих... Коновлев высказывался о работодателях Вандемейера примерно в тех же выражениях, что и сам Дитрих, — когда излагал мне свою задачу. Но одно дело, когда ты сам критикуешь начальство, и совсем иное — если критикует представитель, так сказать, конкурирующей фирмы. Вандемейер принялся отвечать на наскоки Коновлева в том духе, что предварительные результаты, которые удалось получить в первые дни экспедиции, вовсе не опровергают Взыскующих, а ругань — это признак бессилия, мол, юный коллега ругает Взыскующих потому что слишком похож на них, такой же фанатик, только религия другая. Коновлев и впрямь был несколькими годами моложе Дитриха, почему-то упоминание возраста его задело. Учёный вскочил — красный, всклокоченный, стал орать, брызгая слюной... Дитрих тоже поднялся... Оба тощие, сутулые — умора, да и только.

Я подумал: «Ну вот, началось...» и начал подниматься — но тут между спорщиками вклинился Галеев. Маленький, невозмутимый, развел короткие ручки, отпихнул петушащихся задохликов и примирительно забубнил, что, мол, коллеги, коллеги, не будем уподобляться... Его поддержал и Головин. Когда все немного успокоились, Галеев предложил пройти в лабораторию и ознакомить коллегу Вандемейера с кое-какими результатами их скромных исследований. Мол, коллега Коновлев не прав в том смысле, что не нужно голословно, а нужно доказательно, что не нужно горячиться, а нужно хладнокровно. И вообще нужно то, не нужно это.

Словом, вместо десерта нас повели в соседний ангар, отведенный под лабораторные отсеки. Там Дитриху предъявили препарированных мутантов, части тел, подвешенные в прозрачных банках с физраствором, и всё такое прочее — всё, чем

меня стращали в школьном кабинете биологии, только раз в двадцать больше и отвратительней. Ох уж эти профессора... неужели нельзя было показать нам же самое тошнотворное достояние науки, но до обеда? Зато вся четверка гостеприимных хозяев пришла в восторг от собственных достижений, и местные наперебой принялись демонстрировать Дитриху, чего им удалось добиться. Тот кивал, слушал, иногда задавал короткие вопросы... и поминутно потирал лицо рукой — будто бы лаборатория повергла его в задумчивость. Тогда-то у меня и закрались первые подозрения, но я смолчал.

Гвоздем программы стал труп молодого кровососа в ванне. Грудная клетка и череп были вскрыты, к внутренним органам и участкам мозга тянулись тоненькие проводки, заканчивающиеся иглами и крючками. Над ванной был подвешен сложный агрегат, способный передвигаться по блестящим рельсам в двух направлениях. Снизу он заканчивался несколькими черными трубками, каждая с телескопическим удлинителем. Микроскопы... и ещё что-то. Тут меня осенило.

— Лазеры?

— Да, — охотно подхватил Серчев, который до сих пор больше помалкивал. Должно быть, мы вторглись в его епархию, — точечные воздействия высокой точности. А вы разбираетесь в подобной аппаратуре?

— Очень поверхностно.

Просто я видел похожую установку в офтальмологическом кабинете. Тоже мне большое дело.

Дальше нам стали демонстрировать реакции тела в ванне. Установку с лазером сместили к башке мутанта и, воздействуя на определенные участки коры головного мозга, заставляли бездыханный труп шевелить конечностями, напрягать щупальца и под конец — гвоздь программы — имитировать невидимость, тот самый режим «стелс». Имитация вышла не слишком успешной, тело в ванне начало словно вибрировать, мерцать — местами оно на долю секунды делалось полупрозрачным... Меня не слишком впечатлило, я был готов к подобному, Дитрих нам с Костику демонстрировал такую штуку с подстреленным кровососом при помощи обычного ножа, просто здесь издевательства над телом были поставлены на научную основу. А Вандемейер охал, ахал, качал головой и снова поминутно утирал лоб.

— Как видите, никаких радиоволн! — торжественно заявил Коновлев.

— И никакого пси-воздействия, — подхватил Дитрих.

— Мы только начали работу по пси-фактору, — пожал плечами Головин. — К сожалению, для опытов необходим живой и, по возможности, невредимый контролёр... но это маловероятно.

Ещё бы — живой контролёр, это слишком опасно. Да и как его захватить? Замкнутый круг: для разработки защиты от контролёра нужны опыты над живым монстром, а для того, чтобы заполучить такого, необходимо иметь защиту. Мы, сталкеры, под настроение частенько терли на эту тему.

Наконец всем надоело. Я под шумок поймал лаборанта и предложил купить «каплю». Мы отошли в сторонку, и я быстро сладил сделку. «Капля» — не редкость, цена на нее давно установилась, и мелкая сошка, состоящая при учёных, этим регулярно подрабатывает, так что парень быстро притащил требуемую сумму, у него все было под рукой. Когда я снова присоединился к учёным, дело уже шло к прощанию.

Дитрих поблагодарил за экскурсию и предложил в качестве ответной любезности собственные результаты, которые, разумеется, будут выглядеть более чем скромно по сравнению с достижениями уважаемых хозяев. Головин сказал, что был бы признателен за информацию, но считает не этичным и нелогичным знакомиться с результатами, когда уважаемый господин Вандемейер только приступил к сбору материала. Дитрих заверил, что если наткнется на что-то любопытное, то непременно поделится.

Потом нас оставили в покое, Головин отправился к военным — требовать вертолёт для отправки делегации в обратный путь, я отбил сообщение Костику. Мы сговорились, что Тарас встретит нас с оружием. Высадят-то нас снова в глуши, далеко от лагеря, все с теми же казенными пукалками.

Костик ответил почти сразу: «Чекатиму». Вернулся Головин, сказал, что машину вот-вот подадут к подъезду. Но прошло полчаса... ожидание затягивалось. Учёные снова завели свои диспуты, мне уже надоело прислушиваться, напоследок никто не хотел ссориться и спорить, профессура благодушно обменивалась какими-то репликами, в которых я уж вовсе ничего не понимал. Я маялся. От нечего делать набил новое сообщение Костику, но отправлять не стал, это я уж просто заранее, чтобы скинуть мейл с готовым текстом, когда будем на подлете.

Наконец вдали загудел вертолёт. Учёные стали церемонно прощаться... они рассыпались в любезностях и заверяли во взаимном уважении. Вежливая публика — когда между собой. С лаборантами и бойцами охраны они, между прочим, разговаривали совсем иначе. И со мной бы иначе говорили, если бы не статус ассистента дорожного гостя, бесценного доктора Вандемейера. Наконец мы распрощались, и двое бойцов вывели нас за ворота. Мы снова прошли по дороге, старательно следуя изгибам и не пытаясь срезать путь. У машины нас поджидал старший лейтенант Сивушов. Офицер сунул мне пакет, упакованный в темный пластик:

— Держи, там карта. Ничего секретного, объект списан вчистую.

Мы погрузились в вертолёт, машина взревела, отрываясь от земли... Я спросил старлея, перекикивая грохот:

— Почему не глушите звук?

— А зачем?..

Ну да, тоже верно... кого им бояться, от кого скрываться? Наоборот, этот звук — сигнал всем, кто внизу: прячьтесь!

Пилот взял курс на восток, возвращались мы прежним маршрутом, огибая опасные участки. Я отправил Костику сообщение, что мы прибываем, ответа не последовало, да и когда вертолёт стал снижаться у знакомых бетонных плит, мой ПДА не фиксировал ничего, сигнала поблизости не было.

Старлея по внутренней связи вызвал пилот, офицер спросил меня:

— Вас должны встречать? Я кивнул.

— Там поблизости биологический объект. Может, и человек, но ПДА отключен, — потом подключил микрофон и спросил: — Ёжик?..

Выслушал ответ. Я не удержался, стало интересно.

— Что значит «ёжик»?

— Значит, вооружен. Ну, ёжик, он с иголками. А этот не ёжик, нет оружия. Может, мутант?

Я пожал плечами, перекикивать шум винтов не хотелось. Мы с Вандемейером на всякий случай приготовили писто-

леты. Костик не стесняется отключать ПДА, но оружие при нем должно быть.

— Мы покружим поблизости, — сказал старлей. — Если что, пусть док жмёт ПСЧС, примчимся.

ПСЧС — «подача сигнала в чрезвычайной ситуации», это официальное название «тревожного чемоданчика». Мы выгрузились, вертолёт взмыл, шум стал стихать, но не исчез совсем, военные, как и обещал Сивушов, держались рядом.

Я позвал:

— Костик! Костик!

На ПДА всплыл сигнал, и через несколько минут возник наш терминатор. Оружие было при нем.

— Где ты прятался? И зачем КПК отключил?

— Та навищо? Нехай вийськови гадають, що мене немає. Я сховався, и на вас чекав.

— А почему они решили, что при вас нет оружия, Костик? — заинтересовался Вандемейер.

— Зброю я поклав поряд, метрах у трьох. Їхня апаратура фіксує окремо мене, окремо — зброю, нібито я «чистий».

— А если бы они приняли тебя за мутанта и шмальнули?

— Та я ж під бетоном чекав, — пожал плечами Костик, — тут хіба ракетою мене б узяли... Тримай свою зализяку, я вычистыв. Эх, казав я: не поважаеш ты зброю...

Костик вручил мне «Гадюку», а мой «калаш» — Вандемейеру.

— Йдемо, хлопці, — и зевнул.

Тут и я почувствовал, что спать охота, ведь ночью выспаться не удалось, едва пару часов перекемарил. Покосившись на Вандемейера, я сразу сообразил: нынче никуда не пойдём. Дитрих зевал так, что кажется, вот-вот вывихнет челюсть.

* * *

Поскольку Дитрих выглядел сонным и расслабленным, я счел, что момент для расспросов подходящий.

— Ну, как, Вандемейер, — как можно более равнодушным тоном поинтересовался я, — удалось заснять лабораторию?

Дитрих тут же стряхнул апатию и насторожился.

— Что вы имеете в виду?

— А то я не видел, как вы лоб утираете только перед самыми интересными экспонатами? Небось камеру включили и все снимали, а?

Хе-хе, я же дальтоник, а не идиот. Зато профессора в лагере — явно не дальтоники! Хе-хе.

— А что здесь такого? Я не делал ничего предосудительного!

— Про що вы тут кажете? — встрял Костик. — Яка камера?

— Костик, хватай шпиона! Наш Вандемейер включил видеозапись, когда ему щедрые хлебосольные профессора демонстрировали успехи отечественной науки. Или не только видео? Не отпирайтесь, я все видел!

— Ну и что здесь такого? — Рыжий пожал плечами. — Зато теперь у меня достаточно данных, чтобы отчитаться перед руководством. Они все равно ничего не понимают, а материал я предоставляю, что называется, броский, хоть сейчас в бульварный журнал. Взыскующим понравится. Конечно, это вовсе не то, за чем меня командировали... это даже лучше! Так что отныне я могу спокойно заниматься собственными исследованиями... и, кстати, заодно удовлетворю любопытство профессора Головина. Ну и вам помогу в розысках. Вы тоже заинтересованы в том, чтобы у меня были развязаны руки.

И учёный, расправив узкие плечи, победоносно поглядел на меня сверху вниз. Уел, ничего не скажешь.

— Вы сволочь, Вандемейер, — в который раз повторил я. Впрочем, на этот раз моя фраза выражала скорей восхищение.

— Я ж казав, що вин шпигун. — Я думаю, Костику тоже понравилась предприимчивость Вандемейера. В этом смысле они — одного поля ягоды.

— Надеюсь, вы не станете меня хватать за шпионаж? — уточнил Дитрих. — Понимаете, мне же не демонстрировали ничего серьезного. Это была именно что показуха, работа на публику. По-настоящему интересна работа с пси, но мне совали красивые картинки, чтобы отвлечь от важного.

— Зато вы включали свой приборчик и сделали записи... Не спорьте, не надо. Я не настолько патриот, чтобы протестовать и возмущаться... А что это было — насчет удовлетворения любопытства профессора Головина?

— Как, Слепой, вы не обратили внимания? Ах да, вы как раз отлучались с этим молодым господином...

— С лаборантом. Угу. Так что у вас с профессором?

— Он занимается исчезновением спутникового сигнала. Вообще его тема — пространственные пузыри, и Головин особо заинтересован в определении «точек привязки». Жалуются, что есть сталкеры, имеющие практический опыт, но он не вправе ссылаться на них в серьезной работе. Ну и кроме того... Видите ли, для вас все, что связано с артефактами, имеет налет мистики. Сталкеры, умеющие обращаться с этими образованиями Зоны, так называемыми артефактами, напоминают средневековых алхимиков. То есть для них важен ритуал, имеют значение даже слова, которые произносятся при составлении «сборки», как заклинания, творимые магами.

— Ну, не все так страшно. «Сборки»-то работают.

— Да, накоплен практический материал. Но нет ни малейшего теоретического обоснования.

— Верно, мы практики. А почему вы сказали «так называемые»? Чем плохо слово «артефакт»?

— Ну-у-у... Слепой, если вы заглянете в словари, там будет сказано, что «артефакт» — это нечто, изготовленное искусственно, нечто сделанное. Тогда как эти самые образования, которые именуются артефактами, скорей естественного происхождения.

— А как же теория о божественной природе Зоны? Бог создал...

— Тогда и человек — артефакт. По образу и подобию. Слепой, вы артефакт?

— Разумеется. Я создан Зоной.

— Пф!

— Та облыш вже, Слипый, к словам чиплятыся. Що вид вас, Вандемейер, тому профэсору треба?

— Так вот, возвращаясь к теме — Головина интересуют замеры электромагнитных возмущений в зоне «слепого пятна». Здесь как раз никакой мистики и числения ангелов — чистая арифметика. Определение координат «точек привязки» по данным моей аппаратуры... ну, вы меня понимаете? Однако официального разрешения на эти эксперименты профессор не имеет, попросил меня. Я не сталкер, у меня есть официальный статус, ученая степень, на меня можно сослаться.

— Неужто Головин не может провести собственные замеры? А я думал, он помыкает там всеми...

— Интриги... за ним тоже следят, как ни странно. Тот же Серчев — как вы полагаете, в чем его функции? Чем он занимается при Головине?

— Ну, вам-то он снимать не помешал.

— Он пытался, вы просто не заметили.

— Ну, ладно, ладно...

— Головин мне объяснил: он отправлял сотрудника под охраной двух военнослужащих в этот район, все трое исчезли без следа. Это было ещё до разгрома старого лагеря, вы слышали о той истории?

— Насчет лагеря? Конечно, громкая история.

— Ну, так вот, тогда факт пропажи лаборанта и охраны замяли, поскольку история с разгромом базы была очень уж... э... серьезная... но Головину запретили заниматься замерами в районе заброшенной радиостанции. Если я правильно понимаю, новую экспедицию готовили, но...

— А, — я теперь сообразил, — поэтому у военсталов карты были под рукой. Это потому что они готовились. Мне старлей пакетик дал... где он тут...

— Да-да, покажите этот пакет. Зелёный такой, я видел.

Чёрт. Зелёный. Я был уверен, что пакет упакован в тёмно-красный пластик. Зона возьми мою хворь!.. В пакете Сивушова оказались планы — обширные коммуникации в разрезе, довольно сложные. Бумага свежая, оборотная сторона ослепительно белая, но чертежи выглядели как очень старые — значит копия с подлинников многолетней давности. Готовились, значит, военные заранее, в архивах старё раскопали. Дитрих с Костилом не стали изучать документы на ходу, поскольку там, по словам Тараса, были планы обширного комплекса, а наша заброшенная РЛС — на периферии, её ещё искать надо. Насколько я понял, документы подбирали армейцы из регулярных частей, это было ещё до создания службы военных сталкеров.

— Ну ладно, а здесь-то что, в лагере? — обратился я к Костику. — Как успехи? Как коммерция?

— Та що... Зброю я пристроив, инше також... З компьютерчиками лыше не одразу грошы отримаемо, цей Кореець допомиг, с хлопцями к Сорняку ви дислав, той, нибыто, закикалвений. Хлопци у «Сундук» пишли, через добу чи дви повернутися. Ты мейл Бороди кинь.

— А, это все через Бороду пойдет... — Гениальный механик сперва поковыряется в памяти этих ПДА на предмет интересной инфы, потом подчистит данные и продаст. Они же там, в «Сундуке», сейчас компьютерами стали приторговывать, раз спрос образовался.

— Бандиты больше не появлялись?

— Та ни.

— А Паша как?

Тут Костик погрустнел.

— Звидсы починаються погани новыны... Павлык знов у той распадок наладывся, де кистки... ну, у той самый.

— Вот чёрт! Один пошёл?

— Одын... — Костик отвернулся. — А я що? Я вас повинен був зустріти. Зи зброєю, як и казалы. Павлык той... ну, пропаща людына. Я таких вже бачив, та й не раз... таких, з пустыми очима.

Мы умолкли. Я, пожалуй, тоже встречал таких ребят, каким теперь сделался Угольщик. Зона ведаёт, что у него с Сапогом вышло. Может, поссорились, может, Паша обидел друга чем, тот и ушёл один на Свалку — а теперь Паша себя казнит: если бы тогда уступил, если бы поладил с Сапогом, не ушёл бы друг проветриться и теперь живым был. Не знаю, как оно там у ребят вышло, но Угольщик теперь покоя не найдёт, его удерживать бессмысленно. Он будет снова и снова возвращаться в долину Костей.

Тут Дитрих зевнул особенно душераздирающе... Разговор оборвался... и мы помалкивали до самого лагеря на Свалке. Там я пошел поболтать с Корейцем, рассказал об успешной передаче дорогого Василия Георгиевича в руки правосудия. Когда я притопаю в наш автобус, Дитрих уже дрых без задних ног, так что и я завалился спать.

Плохо, конечно, что Паша в одиночку пошел в долину Костей... но он сам за себя отвечает. И к тому же он не раз туда ходил, может, и в этот раз всё обойдется. С этой успокоительной мыслью я уснул — и благополучно проспал до утра.

Проснулся я последним, Дитрих с Костилом развернули распечатки из пакета старшего лейтенанта Сивушова, препирались и тыкали пальцами в крючки и загогулины, которых на бумаге имелось огромное количество. О кофе, конечно, никто не позаботился. Если не сделает добрая мамочка Слепой, так никому и дела нет до кофе насущного.

Я сел и почесался — это минимальный утренний туалет, которым я стараюсь не пренебрегать. Однажды сталкера Петрова спросили, почему он никогда не умывается. Сталкер Петров вопроса не понял.

— Угольщик не вернулся?

— Не бачили, — буркнул Тарас, не поднимая головы от карты.

Я врубил КПК и поискал Пашин сигнал — глухо.

— Вандемейер, вы не могли бы?..

У Дитриха прибор намного мощней, может, ему больше повезет.

— Пробовал полчаса назад, ничего, — отрезал учёный. — И потом, если он в «слепом пятне», то закрыт для нас.

— Ну ладно. Раз все страшно заняты, пойду собирать сплетни.

Прошелся по лагерю — ничего интересного. Кореец уже ушёл, я встретил пару знакомых, но парни тоже собирались

в рейд. В самом деле, чего терять время. В нашем автобусе совещание закончилось, Костик, расположившись в тени под ржавым бортом, сосредоточенно чистил автомат, а Дитрих снова разложил на драном сиденье аппаратуру и вовсю трудился. Выходило, что я один бездельник. Впрочем, меня это ничуть не смущало. Я проверил свой почтовый ящик — конечно, письмо от Ларисы с немислимым количеством смайликов. Похоже, сестренка будет теперь слать мне электрические улыбки каждый вечер. Я представил себе, как Ларик сидит, уткнувшись в экран, и тычет пальцами, старательно набирая текст. Небось и губу прикусила... Всё-таки приятно, если о тебе кто-то помнит.

— Вандемейер, а вы со своими переписываетесь? С семьей?

— Конечно, по четвергам я отправляю им письма.

— Каждый четверг? Строго по расписанию? А чтоб в пятницу или в среду — ни-ни?

Дитрих поднял глаза от приборов и устало потер переносицу.

— Мы договорились по четвергам. Это удобно. Жена отвечает в воскресенье вечером, у нее есть два дня, чтобы продумать ответное письмо. Извините, Слепой, мне нужно часа два, чтобы упорядочить данные.

— Наш шпигун готуе шифровку у розвидцентр, — бросил снаружи Костик. — Не заважай. Йды краще до мене, я та-кож телеграму одержав.

— Телеграмму?

— Ну, пам'ятаеш, мы пытали Гошу, с ким ще Пустовар розмовляв? Шоб маршрут знайти?

— А, да... — В последние сутки было столько со-бытий, что я и забыл об этой просьбе. Как-то все перемешалось. — Ну и что Карый?

— Так що... вин не може цим подиям багато уваги придилити, бо люды ж усе бачать...

Это понятно. Если Гоша станет вплотную заниматься ограблением, люди подумают, будто его круто обнесли. Серьезные люди так подумают. Нет, это Гоше запахло — все должны знать, что у Карого дела в порядке, а если мелкие неприятности и происходят, то Гоше плевать. Ерунда, мол, не стоит внимания. Выходит, Гоша может выяснять потихоньку, исподволь, чтобы в глаза не бросалось.

— Но кое-что он выяснил, верно? Говори уже, что в «телеграмме»?

— Хомячина цей товстий, Пустовар, вин по кабакам ходив, то в одному місци на сто грамив сшыбає, то в іншому. Буцимто не лыше Демьяну щось с ПДА скинув, булы ще хлопци. Почав цей Дима с серйозних місць, зи «Штей» його на пидсрачныках вынеслы, у «Чарци», вин с якись новеньким бухал, крапли свои капав...

«Шти» — крутое заведение, понтовое, «Чарка» в Чернобыле-шесть тоже крутизна, из тамошних с Пустоваром никто не захотел за стол садиться, но какого-то новичка он подцепил, значит... и за соточку, за две втюхал ему координаты брошенного хабара.

— А где ещё Дима лицом торговал?

— Та шо я тобі буду переказувати? Бери та читай!

Костик отстегнул с запястья ПДА и протянул мне. Правда, на мониторе высветился не ящик с Гошиным мейлом, а текстовый файл, часть письма. Я, конечно, был не в претензии, если сообщение Карого содержало нечто, не предназначенное для дальтоникиков, значит, так надо. Я углубился в чтение. Там перечислялся десяток кабаков в поселках около Периметра. Интересно, что Дима двигался по наклонной — от самых дорогих заведений — до нашей «Звезды». Наша-то база из скромных, чего уж там... Кроме названий, стояли даты и — иногда — собеседники. Из трех сталкеров, упомянутых в Гошином мейле, я был знаком только с одним, Лёхой Лысым. Не то чтобы близко знаком, но пару раз встречались, и его сетевые координаты у меня остались. Двух других я не знал. Конечно, общался Пустовар не только с упомянутыми парнями, но Гоша раскопал информацию об этих.

Я вернул ПДА Костику, подумал немного... и быстренько набил сообщение Лысому: «Лёха, привет! Ты с Пустоваром бухал? Учти, он скинул координаты хабара Демьяну, и Демьян там накрылся. Слепой». Это так, чтобы хоть с чего-то начать.

Тут из автобуса выбрался Дитрих.

— Слепой, у вас воды нет? Моя фляга пуста, а мне бы запить... что-то мне немного... э... нехорошо.

В руках Вандемейера была уже хорошо мне знакомая упаковка таблеток, и выглядел рыжий в самом деле паршиво. Я встревожился, полез в рюкзак доставать запасную флягу...

— Чуешь, Слипый, мени щось тоже якто не той, — неуверенно заметил Костик. — Нибы тыск пидвыщений, чи шо. Так-то я николи не хворюю, а тут щось...

Я прислушался к собственным ощущениям — и теперь только почувствовал. Я к этому делу не очень чувствителен, но хватать здесь нечем — наоборот, опытный сталкер должен заранее предчувствовать Выброс. А мне пофиг, почти до самого начала светопредставления ничего не ощущаю, я же артефакт.

— Так, быстренько собираемся. Нужно уходить. Вандемейер, таблетки принимайте и бегом сворачивайте свою багательню.

— Э?..

— Я говорю, собирайте манатки, будем уходить. Ну, аппаратуру пакуйте, понимаете? Костик, возьми рюкзак Вандемейера?

— А шо? Чому це?

— Выброс будет. Смотрите, лагерь уже снимается. Нужно укрыться где-нибудь.

И в самом деле, не будь я увлечен дедуктивными изысками, давно бы заметил, что сталкеры возвращаются в лагерь, укладывают хабар и готовятся в путь. Выброс, как известно, нужно переждать в бункере или каком-нибудь подземном убежище, и чем глубже в грунт, тем лучше.

— А куды пидемо?

— Я думаю, в «Сундук»... ты ж туда отправил наши ПДА? Заодно бабки получим с Бороды.

— А встыгнемо? Доктор наш зовсим блидый. «Сундук» далеченько.

Вандемейер быстренько упаковался и уже вышел из автобуса. В самом деле, таблетки не помогали, выглядел Дитрих паршиво.

— Точно, ты прав... Ладно, взяли шмотки, и вперед. Есть ещё кое-какие места поближе. Куда успеем добраться, там и привал.

Я заметил, что рыжий снова нащупывает в кармане лекарства, пришлось его одернуть:

— Вандемейер! Отставить колеса! Вы на моих глазах превращаетесь в наркомана. Рюкзак отдайте Костику, и двигаем.

Дитрих поднял на меня мутные глаза.

— Я... сейчас... — А сам теребит пачку лекарств.

— Вандемейер, вы упрямая сволочь, это не ваша болезнь, просто скоро Выброс, а вы чувствительней меня. Костика вон тоже крутит, это нормально. Лекарства не помогут, нужно в убежище. Давайте, давайте...

Кое-как удалось распределить поклажу, и мы пристроились к колонне сталкеров, покидающих лагерь. Колонна — это я условно выразился, на самом деле ребята расходились в разные стороны, причем большая часть сворачивала на север, но к северу начиналась территория, контролируемая «Долгом», и нам туда благодаря Дитриху с его взрывным темпераментом путь заказан. Так что пришлось двигать в восточном направлении. Совсем неподалеку старая ферма — наверное, можно будет укрыться в подвале. Небо начало темнеть, не в том смысле, что набежали тучи, нет — пространство над головой стало наливаясь ощутимой тяжестью, приобретать странную плотность, будто боги Зоны гигантскими пипетками капают багровые чернила в промокашку над нашими головами. В голове загудело, ноги налились тяжестью, вот теперь и меня проняло...

Костик ухватил Дитриха под локоть, тот уже не сопротивлялся, я едва ли не насильно стащил с плеча Тараса рюкзак ученого, забросил за спину и, насколько можно было, ускорил шаг, чтобы оказаться первым. Выброс или нет, а аномалии никуда не пропали, так что приходилось шагать осторожно, сверяясь с датчиком и поглядывая на растресканное полотно шоссе.

Я шел первым, позади пыхтящий Тарас волок пыхтящего Дитриха...

Перед нами уже никого не было — кто отправился к долговцам, свернули на развилке, а кто шел на восток, обогнали нас настолько, что пропали из виду. Донесся отдаленный гул, странное ощущение, нигде, кроме Зоны, я не встречал подобного. Звук шел не снаружи, а словно рождался внутри черепа, заставлял вибрировать кости, так что пробивала мелкая дрожь.

— Что это? — пролепетал Вандемейер.

— Это Зона. Ничего, ничего... Зато после расскажете Взыскующим, что слышали голос бога. Не спешите, мы успеваем.

Последнее замечание мне пришлось сделать, потому что Костик, железный человек, так рванул, увлекая Дитриха, что стал обгонять меня, а это не годилось — я отлично помнил, что впереди на шоссе поджидает парочка «гравиконцентраторов». Да, два как минимум, а сейчас, перед Выбросом, все сделалось и вовсе непредсказуемым, аномалии могли смещаться совершенно удивительным образом, могли исчезнуть, но могли и возникнуть новые...

В нескольких десятках шагов перед нами на дорогу выскочил громадный кабан, рыкнул и ломанулся в кусты на противоположной стороне. Следом, хрюкая, рыча и пронзительно вереща, поскакало стадо — десятка полтора голов, если считать визгливую малышку. Кустарник по обочинам вмиг перестал существовать, развалился, изодранный клыками, вбитый в грунт тяжёленными копытами.

Мы замерли, сжимая оружие, — но звери не глядели в нашу сторону, они неслись не разбирая дороги, среди них я заметил нелепо взбрыкивающую тонкими паучьими ногами небольшую псевдоплоть... Интернациональная бригада скотов.

— Вперед! — бросил я, когда стадо прогрохотало через шоссе и скрылось в ложине. — Это может быть началом гона. Скорей...

Я рванул из последних сил... Удача, богиня моя, где ты? Готовишь ли верному почитателю уютный подвальчик?

За спиной раздавалось отрывистое тявканье — похоже, за стадом неслась свора слепых псов, но мы не отвлекались на эти мелочи, тяжкое небо опускалось все ниже, грозило навалиться на плечи, прижать к асфальту, раздавить, размазать...

Впереди уже показались провалившиеся шиферные крыши, налетел порыв ветра, сорвал с мелко дрожащих тополей несколько пригоршней листьев, взметнул к налитому кровью небу, швырнул нам навстречу, несколько штук угодили в аномалию, прилипли к серому асфальту, распластались, вжались в трещины... Кричать я уже не мог, поэтому ухватил Костику за рукав, потянул в обход.

А за тополями, выстроившимися вдоль обочины, уже показались шиферные кровли. Вот и ферма. Мы свернули с шоссе, протопали сквозь растрепанные кусты к зданиям, я первым протиснулся в дверную коробку, зацепился предплечьем за вывернутую ржаную петлю... После открытого пространства внутри показалось темно, хотя Зона слепо паялилась сквозь прорехи в кровле тяжёлыми небесами. Я вытянул из нагрудного кармана несколько болтов, швырнул, не целясь, наугад... вроде чисто. Это может быть плохим признаком — говорят, перед тем, как накроет Выброс, аномалии исчезают. Странно, конечно... кто может это знать, насчет аномалий? Кто видел начало Выброса и остался в живых? Но так рассказывают, и я почему-то верю.

— Ищите, нам нужен подвал, — прохрипел я, с трудом выдыхая стремительно густеющий воздух. — Здесь обязательно должен быть...

Костик выпустил руку Вандемейера, и тот плюхнулся на пол. Я вытащил несколько болтов и двинулся в глубину, переступая через обрушенные стропила и шпалы всевозможного сора. Позади шуршал шифером Костик — разыскивал спуск в подвал под листами обвалившейся кровли. Но я помнил, что вроде где-то дальше... точно, вот он! И болтов не понадобилось, все чисто. Я узнал самодельный люк, здесь бандюки когда-то пытались обустроить схрон, но их давно вышибли, а подвал остался.

— Эй, сюда! Костик, волокни профа ко мне!

Я сбросил с крышки трухлявые обломки и взялся за импровизированную ручку — кусок доски, прибитый к люку дюймовыми гвоздями. Поднатужился и откинул — внизу валялась лестница, семь или восемь дощечек, прибитых к следам. Лестницу уронили, придется прыгать. Я скинул вниз рюкзак и прислушался — как будто тихо. В таком погребке мо-

жет завестись что угодно.

Костик подтащил Вандемейера и спросил:

— Слипый, а чому нѣбо таке червоне?

— Красное? Мне пофиг, я дальтоник. Смотри, я сейчас спрыгну, и сразу вправо, а ты с «калашом» страхуй.

— А що там?

— Если повезет, совсем ничего.

О том, что может встретиться, если нам не повезет, я не стал говорить. Зачем? Я напоследок глянул вверх — небо в прорехах кровли выглядело как открытая рана, почему-то возникли мысли о сочащихся крови и гное... Тьфу, гадость. В голове стучало, руки ощутимо подрагивали — Выброс приближался. Уже вот-вот. Ну, удача... на тебя уповаю. Я перекинул «Гадюку» за спину, присел над люком, спустил ноги, взялся за трухлявую окантовку... и спрыгнул. Упал на левый бок, перекатился, хватая автомат, и сместился вправо. Тишина. Запах гнили — здесь влияние надвигающегося Выброса ощущалось несколько меньше, так что я различал запахи. И, к счастью, я не различал звуков. Любой звук мог означать опасность.

Фонарик я не включал, потому что все, что окажется за пределами светового пятна, будет невидимо. Лучше так... Наконец глаза привыкли настолько, что я стал замечать, как колеблется освещенность от движений Костики над люком. Тихо и спокойно! Спасибо, добрая богиня. Я оставил автомат в покое и взялся за лестницу, поднатужился и приподнял, просунул концы слег в люк. Понятно, почему лестницу убрали, иначе бы крышка не опустилась. Когда я, устанавливая лестницу, глянул вверх, глазам стало больно — темное небо, словно густая жирная масса, сочилось сквозь дырявый шифер, лезло в развалины... Костик подал мне рюкзак, потом автомат Дитриха, наконец, самого ученого. Где-то в вышине начал нарастать глухой вой, вибрирующий на низких частотах. Я принял едва шевелящего конечностями Вандемейера, волоком стащил его по ступеням... потом посторонился, пропуская Костику. Тот, опускаясь, приподнял крышку люка, опер о торчащие деревянные. Дитрих включил фонарик, укрепленный на жестком каркасе капюшона. Широкий луч осветил груды гниющего сора, раздолбанные ящики, россыпи консервных банок, изломанную пластиковую посуду и прочие приметы цивилизации.

Пока Вандемейер оглядывался, мы с Костиком аккуратно опустили лестницу, так, что крышка захлопнулась. И сразу стало легче.

Потребовалось не меньше пятнадцати минут, чтобы осознать, что над головой буйствует Выброс, и нам всё-таки чертовски плохо — до того полегчало, едва над головой не стало этого жирно трясущегося кровавого студня... Мы повалились на пол, в груды трухлявого податливого сора, и блаженствовали. Лично я не чувствовал ни рук, ни ног, я растекся, вжался в сырую массу, превратился в часть перегоя, смешался с прохладной грязью и радовался этому. Чтобы понять мое состояние как следует, нужно хоть разочек оказаться под воздействием Выброса.

Потом стали возвращаться ощущения — я снова почувствовал свое тело и понял, как ему, бедному, тяжело. Кровь колотилась в висках, сердце, похоже, пропускало удары и билось не в такт, пальцы дрожали. Спутники наверняка ощущали то же самое, во всяком случае, Вандемейер заговорил по-немецки, и я не понимал ни слова. Зато Костик вдруг объявил без малейшего акцента:

— У нас есть две бутылки.

— Чего?

— Я говорю, водку, которая у бандюков была, я не стал толкать, оставил. Она у меня в рюкзаке. Как чувствовал...

— Давай!

— Сейчас... рюкзак, где он? — Костик заворочался в темноте, звякнуло стекло.

Вандемейер был совсем плох, пришлось вливать ему водку в рот насильно — впрочем, он не сопротивлялся, просто не мог удержать пластиковый стаканчик. Мы с Костиком тут же накатили по второй... Водка не помогла, но ощущения начали смазываться, стало казаться, что мутит от некачественного пойла, а не из-за Выброса. Согласитесь, это совсем другое, когда от паршивой сивухи — это привычное недомогание, можно сказать, родное и близкое.

— Как-то сталкера Петрова спросили, чем отличается бандюк от военного. — Я с удивлением обнаружил, что язык заплетается. — Он отвечает: у военных водка качественная, и вообще хабар богаче с них выходит... А так — никакой разницы.

— Не смешно, — заметил Костик.

— Зато правда.

Дитрих порывисто вздохнул. Луч его фонаря качнулся и заскользил по подвалу.

— Как вы, Вандемейер?

— Что это за гадость вы мне дали? Заговорил! По-русски! Хороший признак.

— А что?

— Сперва мне казалось, что Зона давит на меня снаружи, а теперь и внутри то же самое... О готт, какое дерьмо... Дайте воды, Слепой. Не то я умру.

Свет фонаря обратился в мою сторону. Я налил в стаканчик, дрожащий в протянутой из мрака руке.

— Пейте и живите.

Дитрих шумно выхлебал и задумчиво протянул:

— Хотя, возможно, лучше бы я умер.

Где-то над нами бушевал Выброс, но в чем Дитрих был прав — паршивая водка придавила организм изнутри, и давление выравнилось. До нас доносились раскаты грома, но я не мог сказать наверняка, есть ли физический звук, или это мое тело отзывается на Выброс, трансформируя непривычные ощущения в образ звука, который подсознательно связан с потрясением, угрозой, разрушением.

Костик, похоже, как и я, не то чтобы пришел в норму, но как-то свыкся, притерпелся. Во всяком случае, он перешел на украинский.

— Слипый, чуешь, я цю клятву горилку колы видкоркував, то крышку загубив...

— Да и Зона с ней. Потерял, и ладно.

— А решетки? Допыты треба.

— Давай. Я думаю, хуже, чем есть, уже не будет.

И верно — хуже было просто некуда. Столько поганой сивухи натошак мой организм не смог бы принять без эксцессов, но теперь бедному организму было не до мелочей. В голове зашумело, перед глазами все плыло... помню, мне стало смешно, что Вандемейер так прыгает, поскольку луч его фонарика раскачивается, потом сообразил, что это я головой качаю, а вовсе не Дитрих... но это показалось ещё более смешным. Я хихикнул, никто не обратил внимания...

Когда именно в голове начало проясняться, не помню — я несколько раз пытался взять себя в руки, потом снова впадал в забытие. Мне будто что-то снилось — люди, цифры, формы и объёмы. Когда я наконец почувствовал, что соображаю, в убежище стояла тишина. Костик спал, мерно посапывая, — вот железный организм. Вандемейер бодрствовал, шуршал в темноте плотной тканью комбеза. Фонарик он выключил. Было темно, сыро, пахло гнилью. Кое-где, будто огни святого Витта, светились пятна плесени.

Вместе с ощущением реальности происходящего пришли все признаки похмельного синдрома. Я нащупал в рюкзаке банку энергетика и выдул залпом.

— Слепой, вы пришли в себя?

— Да я и не вырубался. Кажется.

Когда сидишь под Выбросом, не имеет большого значения, в сознании ты или нет, и тем более нет значения, что ты сам об этом думаешь. Выброс растворяет все: мысли, чувства, память, ощущение времени...

Дитрих помолчал, пошуршал комбинезоном... потом заявил:

— Я думаю, Выброс закончился. Во всяком случае, мне уже не так плохо.

— Жизнь прекрасна, Вандемейер. Несмотря ни на что, она прекрасна!

— Вы говорите неискренне. Что тут ответишь?

— Вы учёный, вам положено быть скептиком. Но просто поверьте мне на слово.

— Может, нам лучше выбраться на поверхность?

— Костик спит. Может, и вы передохнете?

— Я бы предпочел отдыхать на поверхности.

— Опасно. Выход из схрона — опасное дело. После Выброса с севера Зоны движутся мутанты, иногда у них случается гон, когда стаи перемещаются, и мчатся не разбирая дороги, все породы вместе. И потом сейчас могут сместиться аномалии, нужно быть предельно осторожным. Неизвестно, что где выскочит.

— Интересно. Значит, аномалия возникает там, где её не было до Выброса?

— Ну... да. Наверное.

— А здесь, в подземелье? Здесь тоже может возникнуть? А прямо в том месте, где я сижу?

— Теоретически рассуждая, это возможно. Но практически — не знаю. Если кому-то выпало оказаться в точке, где возникла новая аномалия, он не расскажет.

— Мой ПДА снова ловит четкий сигнал. Во время Выброса были сильные помехи, искажения просто невероятные. А что творилось с магнитным фоном...

— Вы занимались работой, что ли? — Ни фига себе. — Вы трудоголик.

— Ну, я только поставил аппаратуру на запись, Взыскующие сами могут искать в голосе Зоны свое Слово, сколько им заблагорассудится. В каком-то смысле для моей миссии весьма удачно, что мы попали под Выброс... но теперь, я думаю, нужно выходить на поверхность.

— Но Костик спит...

— Я не сплю. Треба выходыты, мабуть. Це прымищення мен и не подобається.

— А я думал, тебе понравится. На нашу «Звезду» немного похоже. Хотя у Гоши водка получше, конечно.

— А хто тобі казав, що мени «Звезда» подобається? Давайте, Вандемейер, присвистить, мы спробуємо ляду видчыныты.

Дитрих включил фонарик, мы вдвоем подняли лестницу и стали тыкать в закрытый люк. Не получалось, крышка не подавалась, слегка опасно трещали и гнулись в руках.

— Нет, так не пойдет, Дитрих, поглядите кругом, нет ли ящиков или ещё чего-то такого, объёмного.

Мы с Костилом тоже взяли фонарики и стали обходить подземелье и стаскивать под люк все, что могло послужить материалом для пирамиды. Костик прикатил пустую бочку, это сильно продвинуло строительство. Ещё Тарас принялся что-то рассказывать про «Давний Египет, як там рабы будували пирамиды». Мол, нам бы сюда тоже неплохо десятка два работающих негров...

Сооружение, которое мы выстроили, конечно, не могло соперничать с достижением древнеегипетских зодчих, но, взобравшись на него, мы с Костилом дотянулись к крышке люка. Попытались поднять — крышка слегка пошевелилась, но дело продвигалось туго, как будто кто-то сверху навалился на ляду и мешал нам. Дитрих приплясывал у подножия пирамиды и помогал советами. Я с трудом сдержался и не сказал ему, что он сволочь и чтобы заткнулся. Раздражают советы.

Постепенно мы приспособились — рывками приподнимали люк, и то, что лежало поверх досок, постепенно сползало. Я запыхался и обливался потом, Костик тихо ругался...

Но дело шло. Чем дальше — тем больше становился просвет, я почувствовал вонь. Что-то лежало поверх люка и смердело. Похоже, я исчерпал отпущенный мне лимит благосклонности удачи. Впрочем, грех жаловаться — моя богиня обо мне до сих пор неплохо заботилась.

— Та що ж воно таке смеряче?! — рывкнул Костик и рванул крышку вверх так прытко, что я едва успел присоединиться. — Ну! Вандемейер, драбину!

Ляда приподнялась, и Дитрих, кряхтя, сунул в просвет лестницу. Костик, одной рукой удерживая люк, другой направил конец лестницы, подпер, и мы наконец смогли перевести дух. Дальше пошло веселей, и в конце концов мы стряхнули с крышки люка тяжесть. Я на всякий случай вцепился в лестницу, чтоб не так тряслась, и Костик полез наружу. Сперва выставил ствол автомата, поводит из стороны в сторону...

— Ну, что там?

— Та що... воняє тут, от що.

Костик рванулся, лестница затрещала под ним, наш терминатор взлетел, как пробка из бутылки шампанского, метнулся в сторону, припадая набок. Я поспешил следом, но, конечно, не так ловко. Костик уже поднялся и отряхнул полы плаща. В полутемном чреве барака было тихо и спокойно, только потрескивала «Электра» в нескольких шагах по другую сторону люка. Раздутая туша псевдоплоти, наполовину высунувшись из аномалии, конвульсивно содрогалась, желтоватая шерсть на боках тихонько тлела и на глазах обугливалась. В общем, картина была ясная. Животное влетело в аномалию, его подбросило. В полёте псевдоплоть обгадилась и рухнула точнёхонько на люк, а сейчас мы спихнули уродливое тело обратно — в «электру»... Моя богиня лукаво подмигнула верному аденту — мол, гляди, а ведь это могло случиться с тобой!.. Спасибо, добрая фортуна.

А какое небо было видать сквозь дырявую крышу! Ах, какое чистое небо, ярко-синее, ясное... Но любоваться было некогда, мы вытащили рюкзаки, помогли подняться Вандемейеру.

— Що робытимемо?

Хороший вопрос. Дело-то к вечеру...

— Я бы сказал, что лучше всего заночевать здесь, но...

Псевдоплоть нам сильно подгадила. Кажется, половина сарая оказалась забрызгана жидкими экскрементами, и вонь стояла такая, что мысль о ночлеге прямо здесь скоропостижно скончалась.

— Может, возвратимся на Свалку? — предложил Вандемейер.

— Сперва уйдем отсюда, это будет мудро, — решил я.

Снаружи воздух был чистый, насыщенный озоном, как после грозы, а уж небо-то, небо... кажется, этой ослепительной синевой можно любоваться вечно. Я принялся объяснять: к Свалке мы дотемна успеем, но там вряд ли будетлюдно, а местечко открытое, к тому же после Выброса может объявиться толпа мутантов. Лагерь на автокладбище используется не потому, что это стратегически удобная позиция, обороняться там не слишком хорошо. Просто местечко облюбовали давно, народ собирается постоянно, а толпой можно отбиться от любой стаи. Но не сейчас — потому что на Свалке мы скорей всего окажемся одни, зато мутантов будет полно.

Вандемейер усомнился — мол, сейчас-то никого нет, никаких мутантов. Пришлось снова пуститься в объяснения, что, дескать, волна только двинулась с севера от ЧАЭС, Свалки она достигнет ночью, а то и под утро...

— Та що мы гадаємо? — встрял Костик. — Переверимо другу споруду.

Второе сооружение? И впрямь. Метрах в двадцати от руин, в которых мы переждали Выброс, стояло другое здание, поменьше и гораздо хуже сохранившееся. Мы двинули туда. Стены были порядком разрушены, но часть свода ещё держалась. От двускатной кровли остались лишь изломанные куски стропил, но горизонтальные перекрытия выглядели довольно надежными. Костик сбегал к погребу за лестницей, и мы вскарабкались на площадку. Отличное местечко, жаль только, костер не выйдет развести. Но всё-таки неплохо.

Костик, смущаясь, показал мне смятую и перекрученную латунную скобу:

— И це, звисно, також не артэфакт? Я покачал головой.

— А ще кажуть, новачкам везе... Ну а ця дрибныця?

«Дрибныця» оказалась самым настоящим «бенгальским огнем», о чем я торжественно поведал Костику. Тот расцвел:

— Ну, нарешти!

Да, я тоже подумал: наконец-то! Может, теперь Тарас успокоится и перестанет таскать мне всякую дрянь?

Как обычно после Выброса, поначалу всё было спокойно — ни намека на буйство Зоны, случившееся часом раньше. Мы сидели на серых досках перекрытия и молчали. Тишина стояла невероятная — даже ветерок стих, и облака застыли в дочи́ста отмытом небе.

Есть не хотелось, пожевали галеты, потом занялись делами — каждый своим. Костик разобрал автомат и бренчал железяками, при этом он мурлыкал тягучую мелодию — кажется, по-украински, но я не разбирал слов. Вандемейер вертел верньеры и щелкал рубильниками приборов. Насколько я понимаю, он время от времени архивирует свои записи (возможно, и шифрует при этом), а потом отправляет по сетке. Дело не быстрое, материала много. Интересно, сколько запасных аккумуляторов он с собой взял?

Впрочем, трудолюбие Вандемейера напомнило мне о собственных делах. Я включил свой КПК и проверил почтовый ящик — Лысый не отозвался. Ну, мало ли, что с ним. Может, просто не вспомнил меня и решил смолчать. А может, верит Пустовару и считает, что я хочу отпугнуть конкурента. Угольщик тоже молчал. Я набил ему письмецо — мол, где ты, как ты? Договаривались же вместе, так чего ж?

Потом я занялся спамом. В ящик ежедневно падает несколько писем рекламного характера (вроде стандартного приглашения в бар «100 рентген») либо просто бесполезных. Кроме того, в последнее время у нас развелись весельчаки, занимающиеся рассылкой всякого хлама, который им кажется смешным. А мне не кажется, и я эту муру тру, не читая.

Единственное заслуживающее внимания письмо было от Бороды. Он подробно — слишком подробно — расписывал стоимость бандитских компов, мол, они и старенькие, и плохонькие... и никакой полезной инфы там не случилось... и цена, соответственно, будет вот такая. Спорить с Бородой? Я не видел в этом ни малейшего смысла, поэтому совершенно механически увеличил предложенную им цену на пятнадцать процентов и отправил лаконичный ответ: столько-то рублей — и ты счастливый обладатель трофейных ПДА и всей обнаруженной там инфы, особенно с того компа, у которого царапина на боку, мол, не держи меня за полного ламера, информация, хоть и не Зона вещь что, однако и не совсем бросовая.

Разумеется, никакой полезной инфы я не видел (да попросту не искал), а исцарапанные бока были у любого из наших трофеев... да что там, если взять мой персональный компьютер, несложно убедиться, что характеристика «тот, у которого царапина на боку» вполне применима и к нему. Равно как и к любому другому сталкерскому ПДА со стажем. Я резонно счел, что Борода шарит в электронике и в ценах куда больше меня, поэтому сам сообразит, что именно в памяти бандитских машинок стоит моей цены. Он толковый, он найдёт.

Пока я высчитывал пятнадцатипроцентную ставку, упало ещё одно письмо — от Ларисы. Сестренка, похоже, в самом

деле будет писать каждый вечер. Число смайликов стало меньше — прогресс! Да и само письмо ничего такого не содержало: у нас все нормально, то се, приезжай в гости. Ах, как уютно, по семейному — каждый вечер обменяться ничего не значащими весточками.

— Костик, проверь свой ящик, может, Гоша чего нового написал?

— Трохи пизнише перевирю, я ще не закінчив.

А, ну да, старый солдат, военная косточка. Пока не вычистит автомат, ничего делать не станет. Когда-то в детстве у меня была книга сказок, там отставной вояка, неизменно положительный персонаж, ловкий пройдоха, частенько говаривал о себе: «Я старый солдат, военная косточка». Тарас почему-то напоминал этого героя сказок.

Я улегся на спину, закинул руки за голову и уставился в бездонную синь. Мелкие облачка сейчас сделались двухцветными — с западной стороны розовые, подсвеченные садящимся солнышком, а с востока — серые, темные. Восточная часть горизонта уже погружалась во мрак, скоро ночь. Как тихо...

— Зона — болезнь планеты, — объявил я. — Не знаю, злокачественное это образование или нет. Иногда оно воспаляется, тогда происходит Выброс. После того, как гнойник прорвало, все спокойно. Может, это у планеты возрастное? Тогда само пройдет.

С этой благой мыслью я заснул. Разбудил меня многоголосый шум. Завывали и заходились плачем слепые собаки, боевито взрыкивали кабаны, крепкий ветер трепал кроны тополей у дороги, странные хриплые вздохи и заунывные рулады неслись отовсюду. Дитрих азартно вертелся рядом, направлял прибор в разные стороны, доски скрипели под ним, вниз сыпалась труха. Дело шло к утру, силуэт Вандемейера отчетливо выделялся на фоне серого неба. Значит, поток мутантов докатился сюда с севера, от ЧАЭС.

— Ну, как Дитрих? Изобилие, а?

— О да... — В голосе ученого я не услышал торжества. А ведь он мечтал о мутантах, хотел понаблюдать их в ассортименте.

— Что-то не так?

— Их слишком много. Сигналы сливаются, забивают друг друга, — Вандемейер едва не плакал, — эфир переполнен!

— Ничего, где-то с полсуток — и все устанутся. Потерпите. До тех пор посидим на крыше, потом мутанты перебесятся, перераспределят зоны влияния, поделят территории. И все это произойдет на ваших глазах!

— Воды в нас замало, — подал голос Костик, — щоб тут сидити. Як сонце пидійметься, буде жарко.

— Ну, значит, будем пробиваться к «Сундуку» или к Свалке. Сейчас поток идет, потом станет поспокойней. Не будем дергаться!

И я твердо решил поспать ещё маленько. Сон, правда, получился тот ещё — зверьё мешало. Возможно, участок у дороги с развалинами фермы приглянулся стае псов, потому что визгливое тьяканье я слышал поминутно — видимо, свора отстаивала местечко и гнала вновь прибывших. Хриплый рёв кабанов отдалился, но не стих — наверное, молодые самцы выясняли отношения, формируя новое стадо.

Я, то забывался тревожным сном, то просыпался под аккомпанемент диких воплей, доносящихся отовсюду. Наконец, когда я в очередной раз открыл глаза и вздрогнул, хватаясь за автомат, оказалось, что солнце встает из-за кромки леса. Кабаны пропали — во всяком случае, их было не слышать, только время от времени где-то поблизости лениво тьякали псы.

Дитрих замер в напряженной позе, он держал перед собой прибор и медленно-медленно вел антенну по кругу, отслеживая нечто, невидимое за кустами.

— Вандемейер, вы поймали ангела?

— Или он нас.

— Так включите прибор так, чтобы он нас не видел. Помните, как тогда — на дереве?

— Я не уверен... ну, хорошо.

Дитрих щелкнул тумблером, и мне послышалось, что в ответ в кустах неподалеку хрипло зарычала тварь — похоже на псевдопса, но у того рычание более низкое, как запаленное дыхание курильщика, пробежавшего стометровку, а тут — ноты повыше. Но уверенности не было, уж очень негромкий звук.

— Дывиться! — Костик, до того спокойно сидевший с «Калашниковым» на коленях, привстал и поднял оружие.

Из кустов вылетел мохнатый зверь размером раза в три больше среднего слепого пса, лохматый, крепко сбитый, с тупой обезьяньей мордой. Шерсть в белых пятнах, будто седина. Длинными скачками зверь промчался под стеной и снова пропал в зарослях. Затявкили псы, в кустах началось активное шебуршение...

Костик сместился к краю нашего помоста и вскинул автомат, ствол двинулся вдоль шевелящегося кустарника.

Снова вылетел седой пес, поскакал между кустами и стеной, коротко простучал автомат, пули ударили в кусты, взметая ворох изодранной листвы. Костик выругался. Я тоже сместился к краю площадки.

— Вандемейер, что говорит ваш прибор?

— Очень странно, этот пес — невидимка. Я фиксирую один очень яркий сигнал, но он не смещается, он неподвижен, к нам вообще никто не приближа...

Окончание фразы потонуло в грохоте — в этот раз Костик дал очередь длинней, но невинный пес ускорился в истерзанные кусты.

— Що ж воно швидко таке?..

— Погоди, не стреляй.

— Та я його зараз! Ну!

— Не стреляй!

Я вытащил из кармана пригоршню болтов и запустил в седую тварь, снова вылетевшую к стене нашего здания. Железки ударили в траву, причем пара точно пролетела сквозь тела пса.

— Привид, чи шо?

— Иллюзия. В кустах сидит чернобыльский пес и морочит нам голову. Он будет запускать иллюзию до тех пор, пока у тебя не выйдут патроны.

— От жеж... а де вин?

— Вандемейер, где яркий сигнал?

Дитрих повел антенной прибора вправо и влево, потом указал рукой направление. По-моему, не вполне уверенно.

— Видстань? — деловито уточнил Костик.

— Метров двадцать... пять.

Я и слова не успел сказать, как Костик крикнул «Ложись!» — и взмахнул рукой. Мы с Дитрихом послушно прижались к доскам... в кустах громынуло. Моя граната! Моя счастливая эргэдэшка! Я постоянно таскал её, как амулет, как залог того, что со мной ничего не случится... Эх, Костик, Костик... но вслух я ничего не сказал, потому что смешно же — взрослый человек, а с гранатой этой носится, как дитя с любимой игрушкой.

Костик вскочил и дал несколько коротких очередей — в кустах с визгом носились слепые псы, каждый выстрел «калаша» они встречали новым взрывом воплей, но хриплого рычания черныбыльца я не слышал.

— Прорываться треба! — крикнул Костик, меняя магазин. — Слипый, прикрый!

Словно терминатор в фильме, Тарас прыгнул навстречу опасности. С полдесятка рыжих тел метнулись к нему, Костик встретил их длинной очередью, отскочил, выстрелил снова. Я больше всего боялся, что ненароком задену товарища, поэтому бил очень осторожно — из-за этого мазал чаще, чем обычно... но пару тварей и мне удалось подстрелить. Вандемейер тоже присоединился к нам, но палил по кустам, мои и его выстрелы тонули в грохоте АКМ. Вот у Костики вышли патроны в магазине, и крупный темно-коричневый пес прыгнул на грудь. Тарас встретил ударом приклада, угодил в распахнутую пасть, клацнули зубы, смыкаясь на деревяшке... Тум! Тум! Тум! — Вандемейер всадил три пули в коричневый бок. Из кустов вылетели твари помельче — то ли самки, то ли молодняк... Этих уж я встретил как следует, мутанты покатились по траве, заходясь жалобным визгом. Один пёс вскочил и бросился в кусты, двое других катались, извиваясь, и, кажется, пытались вцепиться в собственные кровоточащие бока. Я не смотрел, менял магазин.

Когда я снова бросил взгляд на поле боя, Костики уже никто не пытался атаковать. Наш терминатор размеренно и методично взмахивал автоматом, который держал за ствол. Пес, впившийся клыками в приклад, болтался, сучил лапами — и не разжимал челюстей, Костик лупил собакой о стену так, что под ногами ощутимо вздрагивали доски, трескали собачьи ребра, на каждый удар пес отзывался хриплым визгом, из ран, оставленных пулями «макарова», хлестала кровь... Костик бил и бил — он, похоже, растерялся, поскольку нормальное животное свалилось бы после первого же знакомства со стеной... К счастью, стоя не пыталась больше атаковать, и Тарас, бешено ругаясь, снова и снова взмахивал живучей собакой...

Я спустил лестницу и торопливо полез с насеста. Когда я оказался на земле, Костик перевернул автомат, заноса над плечом, и врезал так, что череп упрямого мутанта оказался между стенкой и прикладом. Звонко хрустнуло...

Я огляделся — кусты не шевелились, не было видно ни псов, ни иллюзий, только подстреленные мной мелкие твари все ещё вертелись в кровавой траве, но их движения делались все более медленными и вялыми...

Дитрих подал мне рюкзаки и слез. Костик наконец стряхнул злосчастную собаку с исцарапанного приклада, но пес все ещё умирал — дергался, дрыгал лапами, дрожал изломанными челюстями... это выглядело совершенно жутко, потому что череп мутанта был разбит в кашу и мозг вперемежку с окровавленными обломками костей вылезал мерзкой массой при всяком движении...

Костик, тихо матерясь, вытер забрызганный дрянью приклад о траву и сменил магазин. Теперь, когда мы взяли автоматы наизготовку, Дитрих снова ухватился за прибор.

— Странный сигнал! Этот зверь, смотрите — он получает сигнал.

Учёный указывал конвульсивно содрогающегося пса.

— Откуда сигнал? Дитрих указал рукой.

— Вот там, сигнал удаляется. Медленно, прибор почти не фиксирует изменения дистанции.

— А ну, йдемо! — Костик разозлился всерьёз. — Вандемейер, облыште свою цяцку! Автомат берить, не «макарова»! Зараз мы их...

Мы расступились и двинулись в кусты, настороженно водя перед собой стволами. За кустами были рыжие заросли травы. А может, они были зелеными, и только мне казалось, что рыжие? В траве валялись иссеченные осколками тела двух псов, кровавый след уводил к дороге. Датчик аномалий помалкивал, и мы двинулись по следу. Навстречу из-за топей метнулись рыже-коричневые тела, мы встретили их прыжок залпом, два пса опрокинулись, сбитые пулями... Костик рванул быстрее, я заорал, чтобы он не спешил, и кинулся следом...

Черныбыльца мы застали на шоссе, тот совсем немного не успел, чтобы спрятаться в кустарнике за обочиной. У пса был перебит осколками хребет и передние лапы, так что его волокли на спинах три небольшие рыжие псины, а ещё два — мелкие, совсем молоденькие — скакали следом. Теперь они, повинаясь мысленному приказу вожака, бросились на Костики, тот дал очередь, сбил одного в полете, другого отшвырнул сапогом, и едва собака отлетела в сторону, Вандемейер прошел её длинной очередью. Я подбежал к Костику, и мы, вскинув автоматы, дружно ударили по уползающей гряде тел. Пули пробивали поджарое мускулистое тело черныбыльского пса, покрытые седыми пятнами бока взрывались кровавыми ошметками, под вожаком визжали суки, визжали, но старательно волокли повелителя прочь... Вандемейер что-то орал, но за выстрелами мы не слышали... И визга умирающих тварей мы тоже не слышали.

Я бил, пока не опустошил магазин, Костик закончил без меня — группа тел, связанных общей волей в единый ком, завалилась на обочине. Рыжие были мёртвы, черныбылец мелко дрожал...

— ...Не надо голову... — провопил в наступившей тишине Вандемейер. И сам, похоже, растерялся от собственного крика. — Я говорю, мне нужна голова...

— А вам повезло, — заметил я. — Голова как раз уцелела.

— Нибыто щось мени заважало в голову поцилыты... — протянул Костик.

— Ангел, чисто ангел, — добавил я, разглядывая издыхающего мутанта. — Смотрите, он умеет делать иллюзии и даже воздействовал на нас, не дал стрелять в башку. Вот ваш ангел, Вандемейер!

Ангел выглядел жутковато, зубастая пасть в соседстве с высоким лбом делали тварь похожей одновременно на пса и на обезьяну. Но какая злоба в желтых круглых глазёнках... Шерсть на боках пепельная, с седыми пятнами, попадаются

проплешины, затянутые облезлой розовой пленкой, то ли язвы какие-то, то ли чернобылец регенерирует, наращивает шкуру на месте старых ран. Даже у кровососов это выглядит не так омерзительно. Но Вандемейер, похоже, был в восторге. Он, не обращая внимания на нас с Костином, опустился в смятую окровавленную траву на колени, расстегнул рюкзак и стал вытаскивать фуляры, чехлы, коробочки и баллоны. Вид у него был донельзя серьезный и отрешенный — ни дать ни взять шаман, который готовится к особо ответственному камланию.

Дитрих развернул чехольчик — гибкую ленту черного пластика с кармашками, в которых покоились странные инструменты. Учёный задумчиво потянулся к железкам, пошевелил пальцами... выбрал блестящую штучку, напоминающую рукоять оружия какого-нибудь марсианина в фантастическом фильме. Рука в оранжевой перчатке обхватила рукоять, Дитрих щелкнул фиксатором, из гнезда выскочило зубчатое полотно. Потом Вандемейер опустил прозрачное забрало комбинезона.

Учёный щелкнул инструментом, железка, зажатая в оранжевой перчатке, завизжала — звук вышел неприятный, до зуда в зубах. Дитрих навалился на жертву науки и стал отпиливать голову. Пила визжала, мохнатое тело «ангела» содрогалось, капельки крови, частички мяса, хрящей и жил летели в стороны...

— Тю, — сказал Костик, — яке варварство. Я гадав, на Заходи уси — гуманисты и друзи прыроды.

— Так и есть, — кивнул я. — Гляди, как он гуманно башку собаке отрезает. Я, вот, к примеру, с хвоста бы начал. Вандемейер, вам хвост не нужен? Тогда я заберу.

— А тоби навищо? — Костик тут же заинтересовался. — Хиба вин щось коштуе?

Я назвал примерную стоимость.

— Йо-о-о-о... Чого ж ты ранише не казав? Гроши пополам!

Тем временем Вандемейер отпилил башку мутанту. Не обращая на нас внимания, он взял сверточек, тоже черного цвета — вообще в его снаряжении преобладали штучки черные либо серебристые, — стал разворачивать странный шелковистый материал слой за слоем; вот в его руках оказалась довольно вместительная торба.

— Чего это пополам? — возразил я Костику, продолжая наблюдать за действиями Вандемейера. — Тебе Гоша комдивочные платит.

— А тоби — Вандемейер зарплатню.

— Ладно, ты можешь собрать хвосты слепых псов, они тоже дорогие.

Вандемейер встряхнул черным кульком, так что складки расправились.

— Я так гадаю, що ты, Слипый, мене дурыш. Скильки коштуе хвостык звычайного собацюр? — Но Костик задумался. Возможно, припомнил Угольщика, увешанного хвостами слепых псов.

— А ты прикинь, сколько стоит курточка, расшитая этими хвостиками. Минус работа, материал, фурнитура и прочее.

Костик прикинул. И кивнул:

— Гаразд. То вы тут личить своих янголив, а я пиду по хвостыки.

Тарас скрылся за кустами, а Вандемейер сосредоточенно запеленал отпиленную голову чернобыльской собаки в пластиковую торбу, потом ещё раз пошпикал внутрь из баллончика. Черный пластик вздулся пузырем, и учёный быстро соединил края. Обрез черного кулька склеился, потом раздутые пластиковые бока стали опадать, стягиваться, и в конце концов у Дитриха осталась голова «ангела», туго облепленная черным пластиком, рельефная, будто выкрашенная масляной краской. Вандемейер откинул заляпанное кровью забрало, полюбовался собственным произведением и торжественно опустил его в рюкзак. Тут и Костик возвратился. Пришло время принимать решение — что делать дальше?

— Що тепер робытимемо? — с энтузиазмом осведомился Костик. — Я так гадаю, зараз артэфактив усюды повно. Збырай, не хочу.

— Как что делаем? — Дитрих накинул лямки потяжёлевшего рюкзака и всем своим видом демонстрировал готовность к подвигам. — Наведаемся в долину Костей.

Я вздохнул. Конечно, Вандемейер начальство, он имеет право приказывать. Мы условились, что в Тёмную долину я его не веду, но сейчас, после Выброса, его вожделенных «ангелов» легко встретить и здесь. А если через нашу лошину можно проникнуть в Тёмную долину, то и опасных мутантов скорей всего удастся встретить именно там... С другой стороны, после Выброса особенно густо появляются артефакты, словно аномалии заряжаются энергией заново и сбрасывают излишек, клепая эти странные образования. Кто первым попадет на Свалку, вполне может собрать богатый урожай.

— Воды маловато, — напомнил я. — Придется завернуть на автокладбище, там есть тайничок. Может, кто-то, убегая от Выброса, излишек воды оставил.

— А, общак, — подсказал Костик.

— Ну, вроде того, да. Похоже.

Когда-то наши в припадке трудового энтузиазма вырыли что-то вроде погребка под будкой сторожа... или чем является металлический домик у входа, перекрытого ржавым шлагбаумом. Туда запихнули оружейные контейнеры и теперь складывают всевозможное барахло вроде драных комбезов, дешевых консервов... ну и прочее в таком духе. Всякую всячину, которую жалко выкинуть, но тащить перекупщику бессмысленно.

Существует неписаное правило: взял что-то из кладовочки, положи взамен хоть какую-то мелочь, которая хотя бы теоретически может оказаться полезной. Поэтому кладовочка никогда не опустеет.

Мы двинули прежним путем — по старому шоссе — к Свалке. Асфальтовое полотно дороги удобно тем, что на нем аномалии выделяются лучше, их можно разглядеть, особенно если внимательно слушаешь датчик и вовремя заметишь его стрекот. Мутанты нас не беспокоили, хотя иногда доносилось сытое кабанье порывивание и завывания слепых псов. Гон уже давно ушёл на юг, а зверьё, оставшееся здесь, успело распределить охотничьи угодья, и победители сжирали неудачливых конкурентов. Набегались во время Выброса, теперь набили брюхи и отдыхают.

Лагерь на автокладбище мы достигли без приключений, я даже прикинул, что вообще-то это неплохая идея — первым прогуляться по Свалке и собрать урожай. Проблема только в том, где ночевать. Наш лагерь хорош вовсе не тем, что его удобно оборонять, скорей наоборот — в тесных закоулках между ржавых автомобилей сложно отбиться от зверья, просто местечко обжитое, здесь всегда толпится народ, а в людном месте ночевать безопасно... то есть безопасно настолько, насколько вообще в Зоне можно говорить о безопасности.

Сейчас в лагере не было ни души, ПДА помалкивал, не фиксировал ни единого сигнала в округе. Даже удивительно, какое впечатление может производить опустевшее местечко, которое привык видеть людным и оживленным. Между ржавых остовов брошенной техники валялись клочья промасленной бумаги, грязное тряпье, горы пластиковой посуды... Обычно кое-какое подобие порядка у нас поддерживают, но сейчас лагерь остался таким, каким его покидали сталкеры, в спешке побросавшие ненужное барахло.

— Вандемейер, — попросил я, — ваш ПДА мощней, поглядите, нет ли кого поблизости. Если наши не возвратятся в лагерь, ночевать здесь будет слишком опасно.

— Пока ничего, — сообщил рыжий, — но я буду поглядывать время от времени.

Вандемейер с Костиком пошли осмотреться, а я полез в кладовочку. Поднял доски и занялся содержимым верхних ящиков. В нижний ряд лезть смысла не было, если там и найдется вода, то наверняка протухшая. Но мне повезло, я наткнулся на канистру, в которой булькало. Похоже, питьевая вода, вполне пригодная.

— Слипый! — позвал Костик. — Дывы, що це?

Я поспешно заполнил флягу, сунул в ящик банку казенной тушенки из нашего с Дитрихом пайка, опустил доски на место и поспешил к спутникам.

Костика удивило поведение автомобилей на кладбище. Подальше от входа техника стала «оживать».

Старая пожарная машина, ржавая, покрытая облупившейся выцветшей краской, подмигивала левой фарой. Правая была разбита, и там сквозь изъеденный коррозией металл проросла черная скрюченная травка. Грузовик с наполовину вросшими в землю ступицами колес пытался включить «дворники». Лобовое стекло давно высыпалось, даже осколков не видно, но прогнившие насквозь ржавые железки упорно пытались провернуться вдоль несуществующих стекол. После Выбросов это бывает. Вообще в Зоне старая техника может вести себя совершенно удивительным образом...

Автобус, такой же, как и тот, в котором мы ночевали накануне, издал гудок. Я невольно оглянулся и едва удержался, чтобы не крикнуть — на водительском месте из-за черного пластмассового обода рулевого колеса понималась мохнатая макушка. Показались торчащие острые уши, напоминающие рога, взъерошенная шевелюра, горящие желтые глазки... приоткрылась пасть, полная острых треугольных зубов... Псевдопёс вскочил передними лапами на руль и заставил старую рухлядь снова подать звуковой сигнал. Только теперь я стряхнул наваждение и вскинул «Гадюку». Хитрая тварь словно почувствовала мое намерение и молниеносно метнулась в сторону, пропала в тени между ржавыми бортами автомобилей. Теперь знакомое хриплое рычание неслось отовсюду, темные тени с горбами мышц над лопатками показывались в просветах между машин то тут, то там. Довольно большая стая псевдопсов оккупировала лагерь и теперь собиралась, подтягивалась к нам.

— Назад! Медленно! — бросил я спутникам. — Не поворачиваться спиной, не бежать.

Вандемейер с Костиком послушно встали плечом к плечу и попятись, настороженно водя стволами «калашей». Я поспешил к ним навстречу, пристроился слева от Вандемейера, Костик оказался нашим правым флангом. Его атаковали первым. Три мутанта метнулись из тени, Костик встретил их очередь, сбил переднюю тварь в полете, две другие устремились к нему, в прыжке они вытянулись, будто сделались длинней, тоньше, как распрямляющиеся пружины. Что было дальше, я не глядел, потому что ко мне тоже поскакал пес. Я выстрелил, всадил две или три пули в мускулистый горб, это не могло свалить тварь, но псевдопёс передумал прыгать, взвизгнул и метнулся в тень под грузовик, рядом ударил автомат Дитриха, заглушая брань Костика и хриплый рык пса.

Я бросил быстрый взгляд вправо, все в порядке, оба моих спутника устояли на ногах, псы убрались под прикрытие техники.

Мы воспользовались передышкой и отступили на широкую площадку у входа. Псевдопсы больше не атаковали, показывались из-за машин, рычали, скалились — и снова укрывались в тени. Эти твари поумней слепых собак, они умеют отказаться от драки, если игра не стоит свеч. Да скорей всего они не считали нас подходящей добычей, просто хотели выгнать из лагеря. Не знаю, чем их привлекло кладбище техники, то ли понравились запахи человеческой стоянки, то ли пришлось по душе разогретые на солнышке ржавые бока автобусов... во всяком случае, за шлагбаумом мы перевели дух, нас никто не преследовал.

— От шкода, — пробурчал Костик, — хвостык загубився. Одного собацюру я точно поклав, а хвостыка не узаты...

Вот жадный хохол.

— Был сигнал, — странно спокойным тоном сообщил Дитрих.

— Какой сигнал? — У меня из головы не шли псевдопсы с их зубастыми улыбками.

— На ПДА, — пояснил учёный, — одиночный сигнал. Человек вошёл в долину Костей, потом пропал. Сейчас я его не вижу, но если он в зоне «слепого пятна», то это нормально, его компьютер недоступен.

— Може, то Павлык повернувся? Ну, той, Угольщик?

— Может, и Угольщик... а что теперь делать будем? Никого нет, а одни мы лагерь не сможем у псевдопсов отбить.

Я посмотрел на спутников. Вандемейеру хотелось в долину Костей, Тарас, разумеется, мечтал пройти по Свалке и собрать артефакты... мне бы тоже хотелось набить контейнер хабаром, но беспокоил предстоящий ночлег.

— Слепой, я настоятельно прошу вас проводить меня к «слепому пятну». В конце концов, это ваша работа. Вы нашли воду, верно?

Ну да, верно... моя работа...

— Вода плохая, но дело не в воде. Нам нужно местечко, в котором можно переночевать. А здесь поблизости ничего подходящего, кроме базы «Долга», но вы успели с «долговцами» поругаться. Помните?

— Я гадаю, що мы можемо на вийськовому об'єкті ночь провесты, — предложил Костик. — Той, що на карти, радиоточка. Якщо його покинуто, то він видчинений стоить.

— «Видчинений»... — передразнил я. — А если «зачинений»?

— То видкриємо, — пожал плечами Костик. — Але ж поперше непогано було бы по тим буграм пройтись, мабуть щось коштовне знайдемо.

— Я сейчас отправлю сообщение Корейцу, — решил я. — Пусть собирает бригаду охотников и займётся псевдопсами на кладбище техники. Мы тем временем пройдемся по Свалке... там будет видно.

Это решение устроило всех, я отступал сообщение Корейцу, и мы отправились к терриконам Свалки. По пути я прочел спутникам лекцию по технике безопасности. Конечно, сбор артефактов после Выброса — это все равно что рыбалка после дождя, дело хорошее... однако от жадности голову терять не надо. В глубь Свалки я нашу группу не повел, там после гона любая тварь может встретиться. Мы прошлись по краю, внимательно прислушиваясь к стрекоту датчика аномалий и дозиметра. Вскоре пришел ответ Корейца: *«Принято. Займусь»*.

Кореец толковый парень, достаточно крепкий, жесткий, и задатки лидера у него есть, так что в лагере на Свалке его слушают... однако лидером группировки ему, думаю, не бывать. Не хватает подлинной твердости. Для того чтобы сколотить собственную постоянную группу, необходимы связи за Периметром, постоянный канал доставки снаряги с хабаром — такой, чтобы действовал в обе стороны. Ну а за Периметром все зоны влияния определились, все, что можно поделить, — поделено. Чтобы влезть в бизнес на большой земле, нужно иметь куда большую твердость. Ребята вроде Гоши Карого — это не псевдопсы, это куда страшней. С ними Корейцу не совладать. Зато порядок он в лагере наведёт — тут я уверен, соберет ребят, организует операцию по зачистке... вопрос только, когда он управится.

Дитрих, который поминутно глядел в монитор КПК, сообщил, что на периферии территории, доступной его прибору, возникли три точки. Пришли с севера и остановились.

Возможно, наши, собирались на автокладбище, но получили рассылку Корейца и притормозили. А ещё вероятней — это дозор «Долга». Они держат постоянный лагерь к северо-востоку от Свалки, что-то вроде блокпоста. Эта группировка претендует на контроль над территориями между военными складами и Свалкой, так что старается держать под присмотром основные маршруты.

А Свалка выглядела как обычно. Терриконы, под которыми зарыты радиоактивные железяки, «дышали» и переливались, торчащие из грунта ржавые металлоконструкции будто шевелились, такое впечатление создавали аномалии, расположившиеся на выгоревших бурых склонах. Мы исправно держались у подошвы холмов, в опасные места не лезли, да без специального защитного снаряжения туда и не сунешься из-за одной только радиации, не говоря уж об аномалиях. Но мы и у подножия собрали неплохой урожай — «гравы», «выверты», парочка «каменных цветков»... Не слишком редкие штучки, но и они имеют цену. Костик сдерживал охотничий азарт, хотя я видел, что его разобрало. На всякий случай пришлось преподать ему урок.

Тарас заинтересовался «вывертом», который поблескивал в заманчивой близости к подножию холма. Артефакт лежал в зарослях жесткого черного бурьяна — единственное растение, способное подняться на этих глинистых склонах.

Система у нас была отработана: если датчик аномалий подает голос — без моего позволения ни шагу.

Я проследил взгляд Тараса и поинтересовался:

— Хочешь взять?

— А як же!

— Посмотри.

Я вытащил из нагрудного кармашка пригоршню болтов и нарочито аккуратно швырнул один за другим — так, что мои маркеры легли в те места, где намеревался пройти Костик. Потом — правой и левой тоже. «Карусели», совсем маленькие, а потому незаметные, надежно стерегли добычу.

Костик проследил полет болта, раскрученного каруселью, потом другого — который впечатался в суглинок, притянутый гравиконцентратом... мрачно посопел и спросил:

— Так що, нияк не узяты? От шкода...

— Ладно, стой где стоишь и внимательно следи за моими пальцами! — велел я.

А сам двинулся в обход, туда, где обнаружил безопасный проход между аномалий. Поравнялся с застрявшим в кустике «вывертом», продвинулся ещё немного выше... Дозиметр недовольно защелкал, и я решил дальше не продвигаться — ракурс открылся уже вполне приличный.

— Ловкость рук против зоркости глаз!

Прицелившись, я швырнул болт — мимо. Тонкость заключалась в том, что между мной и хабаром имелся свободный коридор, слишком узкий, чтоб я рискнул туда сунуться, но достаточный, чтобы пролетел болт. Вторая попытка — удачно! Болт ударил в основание ветки, согнувшейся под весом артефакта, упругий стебель распрямился, «выверт» взлетел, угодил в периферию «карусели», его крутануло, и артефакт, описав красивую дугу, спикировал в пыль к ногам Костики. Даже лучше, чем я рассчитывал.

— Ты чаклун! — убежденно заявил Тарас.

— Колдун? Хм... ну да. Да, я колдун! И не забывай об этом никогда! — гордо объявил я, осторожно спускаясь к подножию бугра.

Вообще-то особой необходимости в таком представлении не имелось. Костик был вполне дисциплинированным подопечным, но не мешает время от времени напоминать, что он всего лишь новичок и должен доверять словам ветерана больше, чем собственным догадкам.

Потом бродить стало скучно, я спросил:

— Вандемейер, а как вы объясните такой факт — если где-то допекут всех собаки или, скажем, кабаны... ну, вот соберемся мы, зачистим это место, то не проходит и недели, как там новая стая — вдвое злей прежней. Почему так?

Дитрих в поисках артефактов не участвовал, держался позади и поминутно останавливался, что-то переключал, вертел свои приборы. Должно быть, искал сигналы чужих ПДА, а может, пытался проследить за стаей псевдопсов на стоянке. Меня это вполне устраивало — во всяком случае, мутанты не подкрадутся незамеченными, пока я разыгрываю представление перед Костиком. Мой вопрос его заинтересовал, он даже оставил в покое этот свой хитрый приёмник.

— Ну... это, конечно, не мой профиль, Слепой... Я могу только предположить. Дело в том, что в каждой стае имеется некоторое количество молодых самцов, которые хотят подняться в иерархии, получить доступ к самкам, иметь большую долю в добыче и так далее. Однако старшие им не позволяют, так что, едва где-то появляются ничейные охотничьи угодья, этот молодняк устремляется туда. Потом они дерутся, выясняют отношения, формируют новую иерархию. Ну а дальше начинают набеги на соседей, им нужны самки, они отбивают их у соседних кланов.

— Да, логично. Но почему они на людей бросаются злее? Между собой или с соседями из-за самок — это понятно.

— Тому що без баб вони звіриють, — встрял Костик. — Зрозумів? От ти, Сліпий, ти чому не придумав анекдота про того Петрова і баб?

— Сталкер Петров на баб не глядит, — отрезал я. — Он сказал: если и женюсь, то лишь на самке кровососа.

— Як це? Вона ж страшна!

— С лица воду не пить. — Я пожал плечами. — Зато как сосет!

Пока Костик давился смехом, я снова обратился к ученому:

— И все же почему новая стая более агрессивна?

— Причина та же. Агрессия — признак силы. Кто активней атакует чужаков, тот и альфа-самец. Тому и добыча, и самки.

— Все как у людей, — заметил я.

— Ни, у людей все приковано. Подывышся на якусь людянку, тихенький такий, а сам — о-го-го!

— Но суть та же, верно?

Не прошло и двух часов, как контейнеры были полнехоньки. Никто в поле зрения наших ПДА не появлялся, даже мощный агрегат Дитриха показывал лишь троицу к северу. Я уже окончательно уверился, что это «долговцы», а стало быть, никто не примчится на автокладбище выбивать мутантов. До вечера было далеко, однако здравый смысл советовал задуматься о ночлеге. И Дитрих все чаще посматривал на меня со значением. Я прекрасно понимал его безмолвные намеки.

— Вандемейер, а если мы не сумеем укрыться на военном объекте? Или если нас там обложат мутанты? Сколько мы продержимся?

— Вы же нашли воду, Слепой?

— Да, но пить её будем только в крайнем случае, я не уверен, что она вполне подходящая. Мало ли, что с водой бывает после Выброса? И еда...

Я уже ругал себя, что оставил в кладовочке консервы.

— У меня есть армейские пищевые концентраты, подарок профессора Головина. Сухие, их хватит надолго. И ещё в моем рюкзаке осталось шесть банок энергетика, он отлично утоляет жажду. — Дитрих разглагольствовал с совершенно непроницаемым лицом. — При известной экономии шесть банок — на двое суток всем нам. Вашей водой можно залить концентраты, в их составе содержатся обеззараживающие добавки.

И я сдался. Все равно решилось без меня, от моего согласия ничего не зависит. Что бы ни ждало нас в ложине «слепого пятна», а ночевать поблизости от стоянки, захваченной псевдопсами, пожалуй, не менее опасно.

Тут и Костик встрял:

— Вид того вийськового объекта йде підземний хід. Мы зможемо йим скорыстатись, щоб потим втекти.

Ну да, воспользоваться подземным ходом. А если он завален? А если там завелись крысы или ещё какая нечисть? И куда он нас выведёт, этот ход? В Тёмную долину, где после Выброса мутанты кишмя кишат?

Но спорить было бесполезно, я уже отчетливо видел, что парочка сговорила за моей спиной. Да и в конце концов, почему я привык все видеть в мрачном свете? Может, заброшенная радиоточка — это тихий уютный подвальчик, комфортабельный и надежный... Словом, мне ничего не оставалось, кроме как махнуть рукой и согласиться.

Я шел, поглядывая в ПДА и думал, что глупо все вышло. Пока дойдем в эту проклятую долину, пока облазим её, а лазить придется медленно, потому что после Выброса там можно встретить всякое, и нам следует быть предельно внимательными... ну а в Зоне внимательный — это очень, очень медленный. Словом, закончим к вечеру — и что? В лагерь на автокладбище не сунешься, там псевдопсы; к ближайшему подходящему ночлегу до темноты не поспеть... Три точки на экране ПДА к северу — это, конечно, «долговцы», но туда с Вандемейером не пойдешь. И где ночевать?.. Хорошо бы Кореец успел собрать войско и управился дотемна, а если нет? Здесь не тихая окраина, просто на дереве сидеть всю ночь страшновато... но вслух я ничего не сказал — как всегда. Мы же крутые парни, мужественные сталкеры, нам не годится испытывать сомнения.

Вот такие невеселые мысли клубились в моей голове, пока мы шагали к знакомому распадку между холмов. Потом стало не до мыслей — датчик аномалий и дозиметр застрекотали одновременно. Значит, начинается работа, и лишние мысли могут проваливаться на все четыре стороны. Потому что мешают. Я пощупал карман с болтами — маловато. На автокладбище всевозможного металлического барахла полно, там всегда можно набить карман заново, я и привык так поступать, однако сегодня не удалось пополнить запасец.

Перед входом в ложину я велел перестроиться — дальше мы двинули гуськом. Как обычно, верхушки холмов были заражены сильнее, там и аномалии встречались чаще. Несомненно, есть какая-то связь между радиоактивным фоном и появлением аномалий, точно есть. Здесь, внизу, фон был приемлемый, но ловушки после недавнего Выброса все же возникли — справа пара «каруселей», слева «лифт», совсем слабенький, как я убедился, когда угостил аномалию болтом. В общем, ничего особенного, но проход узковат. Горловина долины Костей тоже слегка приподнята, и здесь деревья не могут вырасти толком — то ли радиация помехой, то ли периодически возникающие аномалии, так что путь в ложину лежал через невысокую седловину, абсолютно голую, ни травы, ни кустарника. Под ногами — рыжая глинистая почва, ровная, смытая потоками дождевой воды, бегущей с холмов.

Я объяснил, что нам предстоит, и велел держаться левой, потому что лифт, в сущности, штука почти безобидная. Лишь бы не отшвырнул вправо. О том, чем грозит подобная перспектива, свидетельствовали кровавые клочья — похоже, несколько псов угодили в объятия «каруселей». Даже странно, что так мало... если здесь прошел гон, трупов могло бы оказаться куда больше. Возможно, основной поток мутантов миновал долину прежде, чем Выброс сформировал аномалии на седловине.

Очень мне не понравилось вести пару неопытных новичков, то и дело тянуло оглянуться, а ведущему-то положено смотреть вперед! Пока шли, у меня в голове сложилось начало нового анекдота: ну, значит, так... подрядился сталкер Петров провести по зоне богатого туриста. Продолжения я с ходу не придумал, отложил на потом. Наверное, Петров туриста сперва оглушит, потом возьмет на плечо, да и пронесет по маршруту — это ведь лучше, чем если его аномалией прихлопнет, а потом все едино на себе тащить. В общем, было над чем подумать, пока я вертел головой то вперед, то под

ноги, то назад, как там мои голуби? Но, Зона милостива, миновали коридор без потерь.

Вот мы прошли узкую горловину, и склоны холмов расступились, перед нами лежал хвойный лесок. Я проверил ПДА, теперь он в любой момент может потерять спутниковый сигнал, и хотелось напоследок посмотреть план местности. Дитрих с Костилом благополучно миновали ловушки и встали позади, Вандемейер заглянул мне через плечо — и тоже занялся ПДА, это я увидел, покосившись в его сторону. Я осмотрел карту долины, предложенную спутником, — вроде запомнил. А когда опустил глаза, заметил под ногами металлически блестящую безделушку. Конечно... я ничуть не удивился, подняв из травы обломок КПК. Свежий скол, будто топором рубанули, стекло мониторчика высыпалось, обнажив замысловатое нутро электронного прибора. Сколько я здесь похожего барахла видел, а до сих пор не понимаю, зачем нужно калечить ни в чем не повинные машинки. Даже если пропадет сигнал спутника...

Я подкинул обломок КПК на ладони и машинально сунул в нагрудный карман — к болтам. Аномалий по курсу мой прибор не регистрировал, никаких звуков с поляны не доносилось, разве что запах — тяжёлый, приторно-солончатый... я осторожно двинулся вперед, раздвигая стволом «Гадюки» густой лапник перед собой. Миновал заросли по краю поляны, выступил на открытое место — и замер. Костик, сунувшийся следом, сопя поравнялся со мной... вышел из-за елочек — и длинно свистнул. Его тоже впечатлило зрелище.

Поляна перед нами была завалена изодранными телами мутантов. Разорванными в клочья, располосованными, вскрытыми вдоль — от горла до паха. Вывалившиеся внутренности, раскрытые черепа, оторванные конечности. Посреди рыжей груды слепых псов громоздятся кабаньи туши, дальше видна разорванная на части псевдоплоть, её несоразмерно длинные конечности разбросаны довольно далеко от истерзанной округлой туши. Среди мохнатых кабаньих загривков, на которых багровыми сосульками засохли слеplенные кровью пряди шерсти, нелепо торчит мускулистая нога псевдогиганта, а самого уродца не видно под кучей мутантов помельче... вакханалия убийства... Кровавые груды неподвижны — ничто не нарушает смертельного покоя в долине Костей.

— Вы заметили, что снаружи нет тел? — удивительно спокойно осведомился Вандемейер. — Поток мутантов из Тёмной долины не покинул этого распада, они все погибли здесь, растерзали друг дружку.

Я промолчал. Ничего говорить не хотелось. Да и что добавить к рассуждению Дитриха? Он прав. Если из Тёмной долины ведёт узкий труднопроходимый коридор, то мутанты во время гона скачут по нему плотным потоком... Они не дерутся между собой, когда Выброс гонит их от ЧАЭС на юг. Ну, то есть иногда огрызаются, когда сталкиваются на бегу, а если кому-то захочется схлестнуться, бегущие следом сметут и затопчут. Во всяком случае, так рассказывают — хотя вряд ли кому выпадала возможность наблюдать гон во время буйства Зоны. Как бы там ни было, но картины, подобной этой, я не наблюдал никогда — и никогда не слышал о чём-то таком.

Значит, на границе Тёмной долины от общего потока отделилась толпа мутантов, помчалась к Свалке... А в этой лощинке им приспичило устроить побоище — всем сразу, одновременно... так что ли? И, вероятно, подобный приступ охватывает зверей в долине Костей регулярно, иначе откуда бы взялись груды останков на поляне?

Мне страшно захотелось предложить Костику с Вандемейером свалить отсюда побыстрее. Куда угодно, хоть на автокладбище к псевдопсам, лишь бы подальше, лишь бы не находиться здесь, среди нескольких тонн окровавленной истерзанной плоти. И будь я один — точно бы смылся. Ей-богу, Зоной клянусь, вот прямо тотчас бы убежал. Едва увидел бы это месиво — смылся бы. Я же не герой, не сталкер Петров... Но я был не один. Выказать страх перед спутниками как-то не хотелось.

— Что робытимемо? — осведомился Костик. Я пожал плечами.

— Я видел сигнал чужого ПДА, — напомнил Дитрих. — Сюда вошёл человек. Животные мёртвы уже несколько часов, верно? Человеку они повредить не могли. Значит, он здесь.

— Либо ушёл в Тёмную долину. — Я снова пожал плечами. — Вандемейер, вам что-нибудь нужно в этом месте? Я имею в виду, для исследований?

— Разве что пара снимков. — Учёный засуетился с ПДА, должно быть — переводил в режим видеозаписи. Потом он заговорил медленней, урывками, начал фотографировать, значит. — Только зафиксировать... странный феномен... Как они его терзали, а?.. Но вообще это кладбище... привлечет... О готтхен... Шрекхих... шрекхихес блютбад...

Дитрих двинулся между мёртвых тел, обходя кабаньи туши, — он подбирался к лапе псевдогиганта, воздетой к небесам. Этим тварей учёный пока ещё не встречал, естественно, ему стало интересно поглядеть хотя бы на разделанную тушку цыпленка-переростка.

— Привлечет... — бормотал Вандемейер, снимая картины бойни, — новых зверей. И было бы неплохо... О готт, глядите, какой удар! Ехтес блютбад...

— Вандемейер, мы не поминаем «готта», мы больше Зону призываем. О Зона, какой удар. — Я изо всех сил старался оставаться прежним насмешником, но, боюсь, выходило не слишком натурально. Боюсь-боюсь. — Так что там, говорите, привлечет кровавая баня?

— Я говорю, привлечет новых зверей, и вот за ними было бы неплохо понаблюдать... О, мой ПДА потерял сигнал! — Как он буднично об этом сообщил. Ведь мог бы поступить по-человечески, возопить, скажем, не своим голосом: «О готт! Сигнал потерян! О, какой ужасный шрек!..» Так нет же — сигнал потерян, едва ли не радостно этак бормочет, мол, все идет по плану...

— В мене також спутник загубився, — бросил Костик с края полянки. Он обогнул горы мяса, держась на периферии «блютбада».

Дитрих обошел вокруг могучей лапы, я шел следом, на всякий случай держа наготове автомат. Нет, заснять тушу псевдогиганта не вышло, не бывать ему в главной роли, тело оказалось полностью погребено под кровавым месивом — умирая, наша несостоявшаяся звезда экрана колотила конечностями и сбивала вокруг себя совершенно немыслимую багровую кашу.

— Вам не терпится на обед к мутантам? — уточнил я. — В качестве десерта? Далеко не все предпочитают мёртвечину, есть такие, которым по душе свеженькое.

Даже странно, что нашествие ещё не началось — эти горы мяса не могут не привлечь огромного числа плотоядных. Я уже пугался заранее, а Вандемейеру — хоть бы хны. Он снимал, вертел своим ПДА, выбирал ракурсы, чтобы получше

запечатлеть «блютбад». Я, как дурак, шагал за ним с автоматом наизготовку, под ногами хлюпало и чавкало сырое мясо, иногда со скрежетом терлись растресканные косточки. Костик держался в стороне и помалкивал. Наконец Вандемейер соизволил ответить:

— Вы совершенно правы, Слепой, нам необходимо убежище.

Конечно, я прав... но я надеялся, что Дитрих ответит: «Вы совершенно правы, нам нужно валить отсюда с максимальной скоростью».

— Убежище? И где же вы предлагаете спрятаться? Высоких деревьев здесь нет, да и не помогло бы. Дерево может укрыть разве что от псов, а стадо кабанов его попросту повалит... и кабан — не самая страшная тварь, что может явиться из Тёмной долины.

— Да, убежище. Нам ведь не обязательно торчать посреди поляны.

Ещё бы. Достаточно и лапы псевдогиганта, пусть она одна торчит.

— Я думаю, эти заброшенные армейские подземелья могли бы подойти, чтобы там укрыться. Костик, гляньте, далеко ли мы от входа?

Я только вздохнул. С этой горой жратвы мутанты не управятся и за неделю, тем более что они станут подъедать друг дружку. Станут являться новые и новые твари — а у нас маловато воды.

— Вандемейер, у нас мало воды.

— У меня шесть банок энергетика, — отвечал учёный. — Если будет совсем плохо, то банки в день на человека достаточно. Вы, Слепой, заполнили флягу в лагере. И ещё у нас имеется армейский пищевой концентрат в сухих таблетках. Профессор Головин подарил, помните? Там достаточно на неделю всем троим, даже с запасом.

Когда учёный заговорил о еде, меня едва не стошнило. Я только теперь сообразил, что я герой. Настоящий титан духа! Я не сблевал при виде этой полянки! Зато теперь меня ощутимо затошнило. Я закрыл глаза, чтобы дать измученному подвигом организму передышку. Хотя бы не видеть этого месива...

Когда я почувствовал облегчение и открыл глаза, Вандемейер снова занялся съемками своего фильма ужасов. Костик аккуратно опустил АКМ на сгиб локтя, чтобы оружие было удобно перехватить в боевое положение, и вытащил сложенную карту. Он заранее перегнул длинную распечатку таким образом, чтоб снаружи оказался наш участок. Изучив крючки и загогулины, Тарас изрек:

— Зовсим поруч. Метрив з сорок у тому напрямку, гадаю, — и показал рукой, — а звидты пидземний хид е. Выберемось иншим шляхом.

— В Тёмную долину? — Час от часу не легче. — А если подземный ход завален? А если этот радиоцентр вовсе уничижен? Или люк задраен так, что в него не пролезть? А? Что тогда, оптимисты?

— Чи можливо туды потрапыты, мы зараз же перевиримо, — невозмутимо отвечал Тарас. — Йдемо, хлопци.

И зашагал в сторону, где, судя по карте, должен был находиться вход на армейский объект. Вандемейер — следом, ну и я поплелся за ними. А что оставалось делать? И тут до меня дошло.

— Вандемейер! Вы просили у меня воду, запить таблетки, хотя в рюкзаке таскаете энергетик! И сухой концентрат, армейский, с Янтаря! Вы что, готовились, что ли, сюда заранее? Вы сволочь, Вандемейер! Зона возьми, какая вы сволочь!

Костик помалкивал, но я чувствовал, что он на стороне Дитриха. Зона дери этих восторженных новичков! Костик уже забыл, как мучился в неглубоком подвальчике во время Выброса, небось тогда-то хотел оказаться подальше, хоть где, но за Периметром... а теперь набрал хабара контейнер — и трава не растёт. Ещё неизвестно, что с нами сделалось за время Выброса. Катаклизм следует пережить, закопавшись в грунт раза в три-четыре глубже, не исключено, что наша отсидка в подвале обернется необратимыми изменениями в организме, бывали случаи — я не раз слышал.

Под ногами чавкало и хлюпало, здесь невозможно было пройти между мёртвых тел, они громоздились друг на дружку сплошным ковром, в два, в три слоя — чудовищно изуродованные трупы мутантов. Во время гона твари Зоны бесятся и совершенно теряют контроль над собой, они полностью отдаются своей кровожадной природе, но сила, которая гонит их от ЧАЭС к Периметру, побеждает охотничьи инстинкты... Что-то здесь заставило тварей задержаться, прервать отчаянный бег, ну а уж потом они, сгрудившись в котловине с узким выходом, стали убивать друг друга...

Костик остановился, поглядел по сторонам. Мы с Вандемейером поравнялись с ним и тоже притормозили. Если дело касается военного объекта, то лучше доверять Костику — во всяком случае, тот держался уверенно, как будто разбирается в устройстве подобных сооружений.

— За тмы кущами, мабуть, — объявил Костик. — Дивитися.

Я пригляделся, похоже, в самом деле за изодранными кустами просматривается гладкая бетонная стена. Вроде невысокая, да так и должно быть — это только выход, бетонный купол, бронированная дверь да кронштейн для крепления антенны, а сам объект под землей.

— Не стойте поряд, дистанцію витримуйте, — велел Костик, — бо я не знаю, що там може бути, в середині. О, дивы, антенна на місці! А казали, що об'єкт покинута...

Антенна на месте? Я машинально поднял глаза и вроде в самом деле разглядел за кустами тонкий прут с развилкой на конце... но досмотреть не успел. Пискнул мой ПДА — одновременно я расслышал такие же сигналы поблизости, сработали компьютеры Костики и Вандемейера. Я машинально поднял руку с ПДА-браслетом, не успев додумать до конца мысль, что, дескать, мы вышли за пределы «слепого пятна» и что спутник снова... снова... нет, я так и не сложил в голове фразу насчет спутника — и пропал. Меня не стало. Не стало рук, ног, желудка, который плоховато реагировал на кровавое месиво посреди полянке... исчезли мышцы, кости, нервы... Не стало мозгов, я стягивался, я покидал тело, я стал маленьким, очень маленьким, я превращался в крошечную точку, которая располагалась в глубине черепа — где-то посередине, позади глаз. В экране ПДА разверзлась пропасть, и я — крошечная точка — падал в бездну. На мониторе происходило что-то невероятное, я был не в силах отвести взгляда от бездонной пропасти, которая медленно, неспешно и величественно развертывалась передо мной. Она вращала покатые стены, составленные из разноцветных пятен, стены складывались в воронку, бесконечно далекое дно притягивало крошечную точку — меня.

Чем меньше делался я, тем громадней становился засасывающий меня зев — будто сама Зона раскрывала жадную ненасытную пасть, там, в глубине, в невероятной глубине смещалось, вертелось, кружилось... Воронка развертывалась

шире и шире, она звала, всасывала, манила, она тянулась навстречу, и я не воображал, что поднимаю руку, подношу ПДА, закрепленный на запястье, ближе к глазам. Я не мог ни отвести взгляд, ни задержаться на краю бездны — я падал, падал, падал... Конца полету не будет, я чувствовал мрачное отрешенное удовольствие, потому что все мы подспудно мечтаем о полете, и Зона дала мне шанс. Я летел. Вниз. В бездну, в глаз урагана, в средоточие Зоны. Зона — проявление бога на земле, как сказали Дитриху его Взыскующие? Что же, я летел к этому богу, я — крошечная точка. Душа? Моя душа освободилась от оков брэнной плоти и лепи, чтобы обрести покой. Нет, не так, не «чтобы»! Падение — это полет. Полет — это покой. Это и есть покой. Я обрел последнее, окончательное, то, к чему мы стремимся всю жизнь. Стремимся, не осознавая...

Но что-то было не так. Покой должен быть всеобъемлющим? А я видел собственную руку сквозь радужную поверхность воронки, которая, играя, медленно проплывала вокруг меня — маленькой точки. Проплывала калейдоскопом цветных пятен и засасывала мою душу. Но я видел набухшие вены на тыльной стороне ладони, видел пальцы, сведенные судорогой, видел рукав грязного заношенного комбинезона, я видел исцарапанный стальной корпус ПДА, в окошке которого разверзлось ненасытное жерло Зоны. Мир, материальный мир пробивался сквозь зов духа. Я не мог отдаться полету целиком, потому что манящей картине не хватало каких-то штрихов. Не знаю, сколько продолжалось падение, но я малопомалу стал выбираться из влекущего меня потока. Нет, отвести взгляда не получилось, но у меня вышло закрыть глаза — и я тут же словно вывалился из ниоткуда. Все тело болело, одеревеневшие мышцы не могли удержать равновесия, глаза жгло под судорожно стиснутыми веками... потом меня сильно ударило в бок и по сведенной руке. Я упал в мягкую кучу кровавых ошметков, стукнулся о жесткую решетку надтреснутых ребер какой-то твари.

Не знаю, сколько я провалился среди дохлятины — скорей всего недолго. Кажется, сознания не терял, но не стану утверждать наверняка, потому что мое состояние не слишком отличалось от беспамьятства. Если бы на поляну заявила какая-нибудь тварь, вряд ли я сумел бы оказать ей сопротивление — мышцы одеревенели, я с трудом ощущал собственное положение в пространстве — где уж тут уследить за временем... Я лежал, Вандемейер с Костиком торчали на краю поляны, как статуи, неподвижные, окостенелые. Я упал так, что видеть их не мог, но в поле зрения оказалась тень Дитриха — она оставалась неподвижной.

Из кустов, там, куда мы направлялись прежде, чем сработали КПК, донесся скрежет. Тяжелый, металлический, именно такой звук и должен производить люк, закрывающий вход в старое заброшенное армейское убежище. Я постарался овладеть телом, но добился немногого — пальцы оставались деревянными. Правда, заболели мышцы рук и ног, мне это показалось хорошим признаком — судорога отпускает. Вдохновленный этой мыслью, я стал напрягать непослушную правую руку, сосредоточился на правой руке и постарался не думать о том, как больно шевелиться. Металлический скрежет завершился щелчком — и снова сделалось тихо. Прошла минута — должно быть, тот, кто открыл люк, оглядывался. Потом раздалось лязганье другой тональности — тумм... тумм... тумм... Мерно, неспешно. Шаги по металлической лестнице? Я старательно пытался пошевелить пальцами, успев вернуть контроль над кистью, пока не объявился хозяин долины Костей. Тяжелые шаги смолкли, теперь я слышал шорох и бряцанье. Пальцы как будто вернулись ко мне. Какая прекрасная встреча! Я прикинул, чем можно воспользоваться из снаряжения. «Гадюка» лежала поверх уродливого месива из крови и ключев шерсти — перед моим лицом. Я пошевелил рукой, автомат вздрогнул — значит ремень все еще обвивает предплечье.

Раздался шорох листвы — тот, кто выбрался из люка, теперь продирался сквозь кусты. Кто-то большой и массивный, судя по тому, какой он производит шум. Повернуть голову я не мог, до того одеревенела шея. Да и боязно было — возможно, прищелец меня видит. В его недобрых намерениях я был уверен — окажись здесь приличный человек, сразу бы кинулся на помощь. Нет, хозяин долины Костей нам не друг... Я замер и ждал, пока что шевелиться было противопоказано, но я мысленно прикидывал, как дерну рукой, автомат прыгнет ко мне, я ухвачусь за рукоять, палец отыщет привычное местечко на спусковом крючке... знать бы только, в какую цель придется стрелять...

Я прислушивался. Шорох листвы и топанье тяжелых подошв сменилось чавканьем и чмоканьем попираемой плоти. Незнакомец шагал по рваному мясу, он уже рядом. Когда шаги приблизились, я различил тихий металлический перестук и шипение — они сопровождали движения чужака.

Живодер шагал по мясной лавочке, я его все еще не видел, но промелькнула тень — незнакомец направлялся к Вандемейеру, а тот замер в нескольких метрах от меня. Тень прищельца показалась мне очень широкой. Что же, если мыслить позитивно, то пусть этот мясник окажется покрупней — тем легче мне будет в него попасть.

Тяжело ступая по кровавым ошметкам, незнакомец приблизился к Вандемейеру, две тени слились, и я подумал, что чужак теперь не глядит в мою сторону, он должен быть всецело занят Дитрихом, так что можно рискнуть. Я осторожно повернул голову и... и удивился. Рядом с Вандемейером стояло нечто квадратное. Существо было невелико ростом, едва по плечо ученому, но зато чужак оказался широким и плотно сбитым, потом я сообразил, что он одет в тяжелые доспехи. Что-то похожее на экзоскостюмы высокой защиты, которые в ходу у должовцев. Перестук и шипение, сопровождающие движения, — это работа сервомоторов. На ремне он придерживал английскую «Enfield SA-80». Тяжеловата для этого малыша, но экзоскелет облегчает даже очень маленькому парню работу с таким оружием. Оглядевшись, хозяин долины перекинул автомат за спину, чтобы освободить руки.

Коротышка деловито обошел вокруг замершего Вандемейера, снял с плеча ученого автомат — мой автомат, между прочим! Почему-то именно это обстоятельство разозлило меня сильнее всего. Ну да, я собственник, а этот квадратный парень забирает мой автомат. Мой АКМ. С моей царапиной на прикладе. Я очень зол, я вне себя, он ворует мое оружие. Ну же, Слепой, злись, злись! Злость должна помочь непослушным пальцам.

Пока я тихо будил дремлющую злобу, распаляя себя для решительного рывка, коротышка в доспехах забросил автомат за спину и стал расстегивать оранжевый комбинезон Дитриха, потянул с плеч, потом занялся рюкзаком. Я догадался, что он не собирается пока что раздевать Вандемейера, просто стянул с плеча оранжевую ткань, чтоб легче было стаскивать рюкзак. Я приготовился... пусть он отвлечется, пусть полезет в рюкзак... ну же! Ну! Давай, там много интересного, в рюкзаке, давай!

Коротышка стянул лямку с правой руки рыжего, потом быстрым рывком — чтобы не застить взор, устремленный в ПДА, — сдернул с левой. Потянул ремень, щелкнул замочком, откинул верхний клапан дорогого Дитрихова рюкзака.

Полез внутрь. Пора!

Я дернул рукой, автомат, увлекаемый ремнем, прыгнул, но поймать одеревеневшими пальцами рукоять у меня не получилось, я зашарил среди влажных ошметков мяса, нащупывая оружие. Незнакомец страшно медленно, как мне показалось, повернул голову, но этого было недостаточно, массивные латы мешали ему поймать меня в поле зрения, он стал разворачиваться всем корпусом, движения были непривычно дергаными, человек смещался рывками, так работал экзоскелет его костюма... Я поймал рукоять, обхватил непослушными пальцами, нащупал спусковой крючок и приподнялся, опираясь на левую руку.

Черное матовое забрало обернулось ко мне, коротышка дернулся, рванул из-за плеча автомат, но не смог нащупать ни АКМ, ни английскую дуру, растерялся от неожиданности, его толстые, в перчатках, пальцы шарили, натыкались то на «калаш», то на «Enfield»... Я поднял «Гадюку» и напряг палец — очередь ушла далеко в сторону, меня качало, и автомат ходил ходуном в руках. А что же вы хотите? Четыре метра — немалая дистанция, тут любой может промазать...

Я выстрелил ещё раз — уже лучше, очередь прошла совсем рядом с коротышкой. Тот присел, заслоняясь руками, завопил. Голос звучал из-под непрозрачного забрала глухо, но мне показался знакомым. Вообще, если бы у коротышки было время подумать, он бы сообразил, что огневое преимущество на его стороне, не важно, что он сумеет сорвать с плеча — «Enfield» или «Калашников». Но времени у него не было, я снова трясушейся рукой поднял оружие, и коротышка, издав ещё один испуганный вопль, метнулся прочь — к кустам, позади которых виднелся гладкий бетон. Я сумел сесть и выпустил ему в спину все, что оставалось в магазине. Зона дери, я был так слаб, что отдача едва не свалила меня! Но я удержался в положении «сидя». А потом попытался встать.

Коротышка длинными скачками преодолел открытое пространство, его ноги в здоровенных башмаках скользили и разъезжались в рыхлом месиве, потом он вломился в кустарник. Я встал и даже умудрился сделать первый шаг, хотя спину разогнуть так и не мог, мышцы все ещё не отпустило. Забавная у нас вышла погоня — парень в бронированном экзоскостюме, с двумя приличными пушками за плечом, убегает от скрюченного доходяги, у которого в руках разряженный пистолет-пулемет. Я, едва переставляя затекшие ноги, полез в кармашек за обоймой, выудил её и на ходу перезарядил «Гадюку». Шаг за шагом — дело у меня пошло, я успел выглянуть из кустов прежде, чем захлопнулся люк. Вход на военный объект представлял собой бетонный цилиндр около полутора метров в диаметре, над уровнем грунта он возвышался сантиметров на семьдесят. Люк был смещен от центра, на свободной плоскости из бетона торчал ржавый кронштейн, на нем укреплена странная антенна. Я таких раньше не видел, а что это именно антенна — догадался. Впрочем, любоваться видами мне было некогда.

Беглец уже почти полностью погрузился в бетонный колодец, я видел лишь сферическую макушку шлема да руку, которая шарилась по откинутой крышке — нащупывая кольцо, за которое можно потянуть.

Я тут же выстрелил — пули ударили в бетон, парень в экзоскостюме заверещал, рука и шлем пропали. Мне ничего не оставалось, кроме как ждать. Едва над бетонной стенкой показалось тёмное, я снова дал короткую очередь. Приближаться к горловине я опасался — беглец наверняка уже приготовился к стрельбе. Но я не собирался позволять ему захлопнуть крышку. Преимущество было на его стороне, мне ведь нужно было спешить на полянку, где мои друзья оставались совершенно беззащитными. Что делать? Ждать? Как долго? Постукивание и скрежет в люке делались все тише и наконец смолкли вовсе.

Я медленно двинулся к входу в подземелье. Встал рядом и прислушался. Ничего. Лезть внутрь я не рисковал, заглядывать — тоже. Вот ещё, подставлять башку под пули! Руки меня уже вполне слушались, и я, придерживая оружие правой рукой, сунул левую в нагрудный карман, вытянул пригоршню болтов... прицелился и швырнул в люк. Несколько штук угодили внутрь, звонко зацокали по ступенькам, по стенкам колодца... Ни единого звука, который бы указывал на то, что хозяин поджидает в засаде. Тогда я встал рядом с бетонным цилиндром, сунул вниз под углом ствол «Гадюки» и пальнул. Грохот пошел здоровский! И снова — никаких признаков засады. Тогда я подобрал кусок бетона, валявшийся рядом с люком, и с размаху вогнал под петлю, на которой держалась крышка. Вроде заклинил. Возможно, со стороны эта идея выглядела не бог весть какой умной, но я пришел в восторг от собственной изобретательности. Выбить мой клин несложно, но только для этого придется вылезать наружу, а на это наш робкий хозяин долины Костей вряд ли пойдет.

Потом я попятился в кусты, не отводя МР-5, держа люк под прицелом... в кустах наконец решился развернуться и бегом бросился к Вандемейеру, ударил рыжего по руке — бесполезно, одеревенела, мышцы свело намертво. И рука, и шея... Тогда я ослабил браслет ПДА и развернул так, чтобы Вандемейер пылился не в экран. Потом обернулся к Костику... и едва я выпустил плечо Дитриха, тот мягко завалился набок. С Костиком я, на задумываясь, повторил операцию, повернул ПДА вокруг запястья. Отступил на шаг, глянул — Костик остался на ногах. Тогда я снова подбежал к Дитриху, ухватил за расстегнутый ворот комбеза, волоком потащил в кусты... аккуратно уложил на бок, словно куклу, вернулся за Костиком... Когда я снова глянул на вход в радиоточку, люк оставался открытым. Очень бы неплохо вышло, если бы наш застенчивый хозяин сбежал подземным ходом, потому что встречаться с ним в нынешнем состоянии совсем не хотелось. Я дотащил Костика до кустов, уложил, подхватил Дитриха и поволок к люку — мне было необходимо и за друзьями присматривать, и убежище не упускать из виду.

А когда я возвратился за Тарасом, тот хрипло прочистил горло, глянул на меня почти что осмысленно... и даже пошевелил губами. Сказать ничего не смог, но и то дело! Вот уж воистину терминатор, железный человек. Пока я волок Костика сквозь кустарник, тот все моргал и силился мне что-то сообщить, однако выхаркивал лишь неразборчивый хрип. Наконец я разобрал:

— Ай-л би бэк.

Вот тогда-то у меня нервы и не выдержали. Я уселся рядом с этим заржавевшим неподвижным терминатором, хохотал и хохотал, из глаз текли слезы, я смахивал их и повторял:

— Возвращайся скорей, полиглот хренов... Возвращайся, Зона тебя дери.

И мне в самом деле хотелось, чтобы они вернулись — и Костик, и Вандемейер. Потому что это было очень несправедливо — сгинуть вот так, в «слепом пятне». И ещё это было очень страшно — остаться в «слепом пятне» одному. Мне не привыкать бродить по Зоне в одиночку, я вообще не люблю компаний, когда остаюсь один — мне легче думается... но всё-таки по-настоящему связь с нашим братством я не теряю, есть ПДА, есть сетка, в конце концов. Можно узнать ново-

сти, позвать на помощь, просто сказать кому-то: «Привет!»... И только здесь, в «слепом пятне» я по-настоящему почувствовал, что такое подлинное одиночество.

Поскольку Костик начал приходить в себя, я сосредоточился на помощи Вандемейеру. Поправил комбинезон, устроил поудобней. Дитрих застыл в такой позе, что положить его на спину не получалось, тогда я подсунул свой рюкзак, а голову на одеревеневшей шее пристроил на упругой ветке. Пока хлопотал, то и дело оглядывался — нет ли движения в люке. Нет, все было тихо. Потом я, старательно отводя глаза, на ощупь расстегнул браслеты ПДА, своего и спутников, и упрятал в карман.

Костик снова захрипел, я напоил его из фляги, и он жадно хлебал, отхаркиваясь и со свистом втягивая воздух.

— Что? Кх-кх... что это было?... — заговорил по-русски, не на мове.

— Это был Пустовар. Дима Пустовар.

Вот так вот просто. Всего лишь маленький толстый Дима Пустовар, опутившийся толстячок с лицом печального мясника... Властелин долины Костей, владыка «слепого пятна» и грозный страж прохода в Тёмную долину.

Вандемейер отходил после свободного полета куда дольше, чем железный Костик. Я попробовал помочь ему так и этак, но напоить Дитриха не удалось, он не мог глотать, и мои попытки размять сведенные мышцы не привели к какому-либо ощутимому результату. Время замерло, я в растерянности то оглядывался на бетонный цилиндр с откинутой крышкой люка, то глядел, как Костик пытается разогнуть одеревеневшие конечности, то с тревогой прислушивался к слабому дыханию Дитриха. По крайней мере странное оцепенение не касалось легких, иначе жертвам долины Костей грозила бы куда более скорая смерть от удушья.

Когда Костик сумел сесть, Вандемейер наконец кашлянул и хрипло выдохнул — звук вышел невнятный, но я обрадовался. Я уже понимал, что человек приходит в себя и первым делом пытается заговорить.

— Ну что, Вандемейер, пообщались с Мировым Разумом?

— Кхе-э-э-э... э...

— Ничего, лежите. Я все понял, не трудитесь повторять. Вот послушайте лучше, что я скажу, как раз насчет взаимопонимания. Идет как-то сталкер Петров по Тёмной долине. Слышит в кустах: р-р-р-р! Сталкер говорит: «Ага! Понял!» — и бац по кустам из дробовика! Вот и все.

— Жартуешь... Тоби усэ дурни жарты, а я ледве не помер.

— Ничего себе шучу! А кто мне свои «ай-л-би-бэки» твердил?

— Та я ж серьёзно, а ты байки травишь.

— Ты как? В норме? Я гляжу, на ридну мову перейшов, га?

— Яка вона мені рідна? Я тобі шо, хохол? Тьху. Я украинський громадянин, тому розмовляю державною мовою, як и тобі, до речі, належить. Скажи краще, що це зі мною було?

Дитрих закашлялся, и я поспешил к нему. Учёный встретил меня вполне осмысленным взглядом, кривил рот и не мог произнести ни слова. Лицо было белое, губы синие... Тут только я сообразил: таблетки пропали! Пустовар, сволочь, удрал с Дитриховым рюкзаком, и все наши лекарства, армейские концентраты и шесть банок энергетика — все накрылось медным тазом.

— Так що було-то? — повторил Костик.

— Эффект Рубичева-Хольтона, — хрипло произнес Дитрих.

— Вандемейер, вы живой! — обрадовался Костик. — А то в мене шея стала як дерев'яна, голову повернути не можу и вас не бачу.

— А что это за эффект такой?

— Подробностей не скажу, но суть в том, что движущиеся картинки могут ввести в ступор, из которого человек не выходит самостоятельно. Вы слышали о том, как запретили прокат некоторых сериалов аниме? Там был обнаружен сходный эффект.

— Нет, никогда аниме не интересовался. — Я склонился над Дитрихом и осторожно напоил из фляги.

Я вообще телевизор не люблю, там многое построено на правильно подобранном цвете, да и пульт с красными и зелеными кнопками — тоже инструмент дискриминации дальтоников. В «Звезде», кстати, Гоша не разрешает телик ставить, говорит — не будет у меня в заведении дебилизатора.

Учёный хрипло откашлялся и продолжил:

— Здесь «слепое пятно», сигнала спутника нет. И вот кто-то поставил здесь... кхе-кхе...

— Я понял, понял. Нам на ПДА передали картинку, от которой мы офигели. Эта антенна, с нее идет сигнал.

— «Офигели»? Ну... сознание отключилось. Вы никогда не задумывались, почему компьютеры вроде наших ПДА не введены в войсках? Из-за эффекта Рубичева-Хольтона. Правильно подобранным сигналом можно разом вывести из строя целую армию. И вот кто-то...

— Дима Пустовар, — устало пояснил я. — Зона его возьми, как просто... Он выводит человека из строя, спокойно обирает и бросает на съедение хищникам... На этой поляне. Бедняга Угольщик, должно быть, попался на пути гона, на него наткнулись хищники, бежавшие первыми, остановились, потом их смяли другие, но свежая кровь...

На меня разом снизошло озарение — все части головоломки встали на свои места. Первая волна гона наткнулась на Угольщика, несколько тварей не совладали с инстинктами, стали жрать Пашу, на этих мутантов налетели другие, запах свежей крови включил инстинкты — ну и пошло...

— Вполне резонная версия, — согласился Дитрих. — Слепой, а как мы выжили?

Неожиданно Вандемейер легко сел, огляделся.

— Это тот самый бункер? Ага, антенна... Так что нас спасло?

— Слипый и урятував. Диму, суку сраную, пуганул, потим нас перетяг з полянки сюды.

— Я же дальтоник, Вандемейер. На меня меньше действует. Это очень большая удача, что я дальтоник...

Удача, богиня моя, ты заслужила цистерну возлияний!

— Хлопци, поки мы тут так дружньо розмовляємо, прийдуть ти собаки, що зараз машинками у лагери бавляться. По-бибикають, руля покрутять, а як витер з циейі галявыны у тут сторону дмухне, одразу почують... Ой, лишенько...

Последняя фраза вырвалась у Костика, когда он попробовал встать. Я его понимаю, у самого руки-ноги ломит.

— В люк нужно лезть, — убежденно заявил Дитрих.

— Ладно. — Я кивнул и шагнул к бетонному цилиндру.

Вообще мне туда страшно не хотелось, но что делать?

— Стий, — бросил Костик и поднялся на ноги. Ему было больно, мышцы ещё не отошли, я видел, какую гримасу он скорчил. — Я перший.

— Брось, ты и на ногах не стоишь.

— Ты вже нас урятував, тепер моя черга першим лизты.

— Полезешь, когда сможешь. — Я грубо отпихнул Костика, тот свалился. А что делать, он упрямый, и пока я могу с ним справиться, нужно воспользоваться. Потом буду хвастаться, что Костика с одного удара завалил.

Пока Тарас материл меня, Пустовара, собак и Зону, я осторожно сунул ствол автомата в люк. Тишина. И заглянул — где-то внизу имеется источник света, середина лестницы тонет в темноте, но внизу виден бетонный пол. Колодец достаточно широкий, и лестница идет на глубину метра в четыре. Крепится массивными кронштейнами, с виду прочными. Конечно, прочными, если Пустовар по лестнице в экзоскостюме скакал. Проверено электроникой! По противоположной стене тянется пучок кабелей в толстенной изоляции — понятно, это к антенне.

Я помедлил, разглядывая ближние ступени. Будь бы я на месте Пустовара и сиди там в засаде, сейчас бы прострелил башку такому идиоту. Но выстрелов не последовало, и я осторожно присел над круглой дырой. Ну, лучшего момента не будет — давай, Пустовар, стреляй, сволочь! Нет, ни звука. Тогда я решительно развернулся, поставил ногу на ступеньку, придерживаясь за утопленную в бетон металлическую кромку, глянул напоследок, как Костик пытается подняться, подмигнул Вандемейеру и полез вниз.

Лестница привела в тесный подвал, метров шесть в длину, и едва ли два метра шириной. Вдоль стены — ржавые остовы каких-то приборов, металлические шкафы и стеллажи. Кое-какие железяки были почти уничтожены коррозией, другие — совершенно целые, разве что краска потускнела или облупилась. В дальнем конце комнаты в бетон была вмурована мощная стальная дверь, сейчас она осталась приоткрытой — похоже, наш толстый друг смылся этим ходом. На полу были рассыпаны всевозможное снаряжение и инструменты, среди мелочевки выделялась черным пятном собачья голова в герметичной упаковке. Похоже, Пустовар в спешке вытряхнул содержимое из вместительного рюкзака Вандемейера, чтобы наполнить своим добром. Я прошел к груде барахла, склонился, чтобы поискать лекарства Дитриха в приметной упаковке...

Тут с шипением включился ноутбук на столике, я поднял глаза — на экране монитора разверзлась все та же пропасть, воронка цветных пятен медленно вращалась, затягивая меня внутрь... Я, не задумываясь, вскинул «Гадюку» и с перепугу выпустил все, что оставалось в магазине. Удача, моя сердобольная богиня, должно быть, страшно перепугалась, когда оставила меня на часок, а потом нашла — беспомощного и слабого — на полянке среди вонючего рубленого фарша... теперь она, конечно, решила не оставлять такого олуха ни на миг без присмотра. Ничем иным, кроме вмешательства фортуны, я не могу объяснить тот факт, что меня не убила рикошетная пуля. Ладно бы расстрелял монитор, но я так струхнул, что полоснул очередью наискось — часть зарядов угодила в бетонную стену, в металлические стойки стеллажей... Грохот пошел такой, что я на несколько минут совсем оглох и не слышал, как ко мне спустился Костик. Он все ещё неуверенно владел конечностями и скорей сполз по ступеням, чем сошел, как полагается. Терминатора обеспокоила пальба в подвале, и он бросился на помощь. Я показал ему расстрелянный ноутбук и объяснил, что палил с перепугу... Не разобрав собственного голоса и повторил громче. Костик раскрыл рот, но я не слышал ни звука — только звон... постепенно слух отчасти вернулся, и я понял:

— Не кричи! Краще допоможи Вандемейеру, бо вин сам залышывся, а там собаки вже близьенько гавкают

Я полез вверх. Вандемейер сидел, прислонившись спиной к бетону, озирался и двумя руками — с видимым трудом — держал ПММ. Собак я не услышал, но я сейчас вообще почти оглох, поэтому не стал слушать, что говорит Дитрих, поскорей выбил кусок бетона, которым заклинил петлю люка, забрал Вандемейера и Костиков рюкзак. Вниз мы спускались вместе — я первым, а Дитрих чуть ли не на моих плечах. Потом мне пришлось ещё раз подняться на поляну, чтобы запереть люк. Засов был самый обычный, самодельный, из гнутой арматуры — мне бы железяки такой толщины не согнуть. Должно быть, Пустовар сам и соорудил, при помощи стальных мышц экзоскелета.

Я приподнял тяжёлую крышку, чтобы напоследок оглядеться, — и встретился взглядом... нет, не так. Взгляда не было — передо мной покачивалась безглазая морда слепого пса, ноздри мутантa вздрогнули, ко мне метнулась слоняящая пасть, я среагировал машинально — просто разжал руки и провалился... синя сунулась в щель, тяжёлый люк обрушился на вытянутую морду, смял, расплющил. Я ударился спиной о бетонную стену, ухватился за кабели, стиснул изо всех сил... на меня посыпались теплые брызги... Я качнулся, нащупал ногами перекладину лестницы, утвердил подошвы на этой опоре и наконец рискнул разжать пальцы левой руки и ухватить стойку лестницы. Потом — правую руку. Сверху медленно и размеренно падали капли, я пополз навстречу им. Вот и люк, прилегает почти идеально, будто и нет между створками разможенного собачьего черепа. Я развернул самодельный засов в свободной петле и продел в дужку. Было тяжело — наверное, если руке помогает экзоскелет, все выходит куда проще. Потом я медленно пополз вниз, ноги почему-то ослабли и не хотели держать тело. Спустился, сел на нижней ступени и поглядел на Костика с Вандемейером. Те разевали рты, но я по-прежнему их почти не слышал, голоса доносились будто издалека или сквозь толстый слой ваты.

Поэтому остановил их жестом руки:

— Все, ничего не надо говорить... да, кстати, с этой минуты можете называть меня Глухим, а не Слепым.

И будто эти слова действовали — я сглотнул, и звук отдался громом в мозгах, слух возвращался!

— Слепой, что с вами случилось? Это кровь? Почему свежая?

Я оглядел себя. Ну да, конечно, поверх засохшей грязи, в которой я вывалился на поляне, торс покрывали свежие потеки. На плече прилип желтый клык с ошметком багровой дряни.

— Кровь... собачья. На поляне уже зверьё, теперь не уйдут оттуда. Будут жрать друг друга и над кусками драться. Мяса на месяц хватит...

Конечно, там несколько тонн свежатины — хоть мяскокомбинат открывай.

— То й що робытимемо?

— Вопрос, ставший традиционным! Я не знаю, вы же меня уговорили сюда идти.

Дитрих пошел, придерживаясь рукой за ржавые стойки стеллажей, к дальнему концу комнаты, навалился на дверь, захлопнул её и провернул запирающий механизм. Европейец, педант! Потом прошлепал к куче рассыпанного имущества и стал разгребать. Отыскал упаковку лекарств, вынул таблетку и проглотил.

Поморщился и произнес:

— Я думаю, всем нам нужен отдых. Мы пережили ужасное... э... приключение.

С этим было трудно не согласиться. Я кивнул. Тут Дитриха пробило — он вдруг встал, одернул замызганный комбинезон, приблизился ко мне... вытянулся во фрунт и объявил:

— Слепой, вы сегодня спасли меня. Спасли мою жизнь. Вы... Если бы не вы... Я не знаю, каковы местные обычаи... что принято говорить, но...

— Бросьте Вандемейер, вашу жизнь спас не я, а моя болезнь. Если бы дальтоники были вы, а не я, то сейчас я бы распинался перед вами, как сильно обязан за спасение, верно? Если хотите меня отблагодарить, перестаньте нарываться на неприятности, когда находитесь со мной в одной компании.

— Я уже обещал... но боюсь, в самом деле это я втравил вас... всех нас...

— Отдыхайте, Дитрих, а? — Надо же, втравил. Будто я дитя малое и сам не понимаю, куда сую голову. Я искал разгадку страшной тайны долины Костей, вот и нашёл. — Или лучше расскажите об этом эффекте, как его?

— Эффект Рубичева-Хольтона, — подсказал Костик. — Щось я чув таке...

— Да я уже рассказал все, что знаю. — Дитрих опустился на пол и стал перебирать рассыпанную по полу мелочевку. — Цветные пятна, движущиеся в определенном порядке, они овладевают человеком так, что сознание отключается...

— Э, нет, я не отключался, я летел!

— Я неудачно выразился. Вы теряете контроль над телом, мышцы самопроизвольно напрягаются, их сводит судорога, и ваше сознание пребывает... э... отдельно от тела. В конце концов сердце не выдерживает, и летальный исход. Собственно, это секретная разработка, я не понимаю, как частное лицо могло заполучить технологию, позволяющую воспроизвести эффект Рубичева-Хольтона.

— А откуда у частных лиц в Зоне автоматы и прочее? Говорят, «Долг» даже ракетами «земля-воздух» обзавелся.

— Подобной аппаратурой не торгуют! — возразил Дитрих. После пережитого нам всем хотелось говорить, спорить... словом — общаться, лишь бы не оставаться наедине с собой, с собственными страхами. — Ракетами торгуют, а этим нет!

— Цей товстун працював десь у оборонному інституті, — пояснил Костик, — мабуть, там и упер. Він завжди такий був, де що погано лежыть, Пустовар завжди схопыть.

Тут я заметил в груди сора под руками Вандемейера портсигар. Протопал к ученому и поднял безделушку.

— Это портсигар Лысого. Зря я его ответа ждал... Опоздали мои предупреждения.

Я раскрыл серебряный футлярчик — внутри три сигареты и маленькая зажигалка. Я после армии бросил курить, но тут как-то стало охота, я вытащил сигаретку.

— Слипый! — строго рявкнул Костик. — Це вийськовий об'єкт! Тут палыты заборонено!

Смеяться сил не было... Дитрих не прервал своего занятия, выволок из-под стеллажа драный выцветший рюкзачок и принялся укладывать то, что выбрал из кучи. И первым делом — собачью башку. Нет, с некоторой точки зрения я готов его понять, зря, что ли, трудился, отпиливал голову? Но, ей-богу, эта мерзость — последнее, что я хотел бы прихватить с собой. Был у сталкера Петрова запасной рюкзачок. Шелковый. Из парашютного, значит, шелка. Из цельного парашюта перешитый — так, на всякий случай, чтобы уж точно весь хабар унести.

Тем временем и Костик опустился на пол и стал копаться в рюкзаке. Вытащил пачку галет, подумал и запихнул обратно. Потом решительно затянул горловину и объявил:

— Вы, хлопцы, як знаете, а я йисты не могу. И от що я скажу: цей огузок жирный, Пустовар цей, — він не миг далеко втекти. Якщо зараз двинемо, доженем.

— Уходить отсюда нужно в любом случае, — поддакнул Дитрих, — как только окажемся вне «слепого пятна», свяжемся с... ну, с кем? С вашим боссом, Костик, с господином Карчалиным...

— То йдемо, — завершил Костик.

Конечно, меня никто не спросил — как обычно. Но в общем и целом я был согласен с Костиком. Пустовар и так-то ходок неважный, а ещё и с хабаром... дело ведь не в тяжести, на нем экзоскостюм, и, стало быть, утащить этот мясник может и центнер, хотя и вымотается здорово... Нет, дело в другом — свалил наш Дима по узкому лазу, там большие тюки сильно мешают, да и экзоскостюм тоже — тяжело в такой снаряге пробираться в узком подземелье. Тот факт, что Дима решил уходить старым тоннелем, меня радовал — значит есть там проход, не завалило его. И вряд ли Пустовар задержится, чтоб устроить засаду. Нет, он станет торопиться, спешить изо всех сил — это тоже говорило в пользу немедленной погони. Отдых, значит, придется отложить.

— Ладно, — пробурчал я, — раз уж вы без меня все решили. Опять без меня...

Оба тут же стали заверять, что готовы выслушать все мои возражения... но я остановил их величественным жестом:

— Нет уж, решили, так решили! Только чур, я иду первым... мало ли, что там окажется, может, аномалии встретятся.

Тут я вспомнил о ПДА. Старательно отворачиваясь и щурясь, я отключил карту местности. Потом проделал ту же операцию с компьютерами спутников. Они, разумеется, твердили, что могут и сами, но я не позволил. И велел не выключать. Мало ли что сигнал спутника не ловится, но уж датчик аномалий с дозиметром — дело нужное. Так что мы снова запустили свои КПК.

Костик спросил:

— От чего я не розумію, навіщо він ламав комп'ютерчики?

— Потому что продать не мог, это ж ясно! Пистолет или банку консервов опознать сложнее, а КПК всегда чей-то, тут и спалиться Пустовару было недолго.

— При должном умении в памяти компьютера можно отыскать следы последних сообщений, принятых сигналов и тому подобное, — согласился Дитрих. — Он их и ломал, от греха, как говорится, подальше.

— Не жадный, значит. Как там Угольщик собирался? В карусель? По частям?

— И початы з ниг, — напомнил Костик, — гарна идея. Я згоден... А, забув!

Терминатор выудил из груды хлама саперную лопатку, встал перед столом с простреленным ноутом, с минуту хмуро изучал, потом врезал лопаткой по компьютеру, ещё, ещё... Из-под лопаты летели огрызки металла, куски пластика, осколки... сыпали искры. Костик не остановился, пока на столе перед ним не осталось бесформенной кучи обломков. Я подумал, что, когда поймает Пустовара, мне нужно будет спешить, чтобы хоть раз-другой дать ему в рыло, а то не успею за Тарасом — и привет.

А Костик даже не запыхался, спокойно объявил:

— Ну от... здається, усэ. Тепер можемо йти.

И мы выступили в поход. Коридор за дверью радиоточки был удобный, сухой, бетонные стены без следов плесени, приличная ширина — где полтора метра, где немного меньше. И со светом порядок. Как это зачастую случается в Зоне, электропитание не иссякло за десятилетия — часть ламп вышла из строя, но оставшиеся давали вполне приличное освещение. Галерея была почти идеально ровная, а единственное ответвление, которое нам попалось, привело в отхожее место. Не знаю, работала ли канализация, но воняло там порядочно. В любом случае наличие слива, не важно, исправного или нет, напомнило: эта галерея лишь часть сложного комплекса тоннелей.

Забеспокоился я, когда нам впервые встретился «холодец». Датчик исправно предупредил стрекотом об аномалии, но я вспомнил, что у меня не осталось болтов, а я не подумал пополнить запас. Тут Костик протянул мне горсть хлама — должно быть, все безделушки и странные штучки, в которых он заподозрил «артэфакты». Очень смешно. Нет, у нас нынче положительно выдался вечер юмора... Глядя на Костика, я подумал, что надо будет придумать анекдоты про украинского stalkera Петренко — жадного ленивого хохла. Если Петров образ героический, то Петренко будет комическим.

Отмахали мы километр или полтора. Всё-таки тоннель был не идеально прямым, он слегка изгибался — оглядываясь, я не видел начала, вереница тусклых плафонов не сходила на нет, а скрывалась за стеной.

— Щось довженько йдемо, — пробормотал Костик, — тут десь поряд вихид на поверхню є. Повынен бути, бо так на плани, що старлей дав.

— Выход на поверхность пропустить невозможно, — бросил я через плечо, — в этом коридоре любой люк или дверь сразу заметишь.

В самом деле, бетонные стены и своды были совершенно однообразными, кое-где попадались пометки, сделанные белой краской, линии, отмечающие уровень, стрелки, цифры и буквы. Я этих строительных иероглифов не понимал.

— Я до того, що нібыто попереду щось...

— Ага. — Я и в самом деле заметил впереди пятно более яркого света. — Скоро... что-то.

Карты старшего лейтенанта Сивушова не подвели — тоннель вывел в квадратное помещение, из которого должны были уходить три коридора, а в потолке имелось круглое отверстие — точно такое же, как и в заброшенной радиоточке. И лестница такая же. Из трех коридоров лишь один оказался перекрыт стальной дверью — тот, что прямо по ходу старого тоннеля. Проем, через который мы проникли в зал, теоретически тоже должен был запираться такой же, но дверь так и не установили, она покоилась, опершись о стену. Правый и левый проходы были прикрыты щитами, сбитыми из досок. Дерево прогнило, из-под щитов сочилась влага, и на полу собрались грязно-рыжие земляные наносы. Костик заглянул под доски — там был глинистый грунт. Боковые ответвления проходчики не успели проложить, но дыры в квадратном зале были предусмотрены. Возможно, второй взрыв на ЧАЭС помешал работам...

Но, разумеется, из увиденного лично меня больше всего обрадовала лестница. А вот звук огорчил — над головой тяжело грохотало. После могильной тишины подземелья любой звук казался сильнее, но этот стук был даже не столько громким, сколько тяжёлым, мощным таким. Сразу появлялось ощущение передвигаемой тяжести. Я оглянулся — лица спутников были напряженными, их также насторожил грохот. Перекинул автомат за спину и полез по лестнице. Здесь было темновато, освещения, проникающего снизу, из квадратного зала, едва хватало.

Я быстро добрался до люка, который был снабжен таким же самодельным засовом, как и прежний, в долине Костей. Сейчас люк был не заперт, засов болтался на ржавой петле, и это убеждало, что Дима смылся именно этим ходом. Я попробовал люк — не поддается. Тут сверху, снаружи, снова донесся ритмичный шум и потом — снова стук, ещё один тяжёлый твердый предмет опустился над головой. Звук был не металлический, так мог упасть камень. Следом за мной взобрался Тарас — он сообразил:

— Димка, сволочь, каменюк накла... Яка гнида...

— Сам гнида, — раздалось над головой. Голос у Пустовара был вовсе не торжествующий, я расслышал скорей неуверенные нотки. — Тепер не вилезешь.

— Дима, послушай, — как можно мягче заговорил я. — Убери камни, Вандемейеру совсем плохо, ему врач нужен, лекарства... Дима, это я, Слепой, ты же знаешь, я тебе ничего плохого не сделал.

— Не сделал, потому что трус, — проскулил Пустовар, — вы все, все меня ненавидите... Здоровые, сильные, у вас ноги не болят... А кто теперь, а? Кто победил? А я не жирный, я нормальным был, это болезнь у меня, это Зона так искалечила. Зато я придумал, как вас обмануть! И Зону обмануть! И всех, всех!

— Дима, выпусти нас... честное слово, не станем преследовать. Если убережешь камни — Зоной клянусь, два часа с места не двинемся.

— Два часа мне мало. — Пустовар заговорил наглей, и я понял, что взял неверный тон, с этой сволочью по-хорошему не стоило. — А теперь точно не станете за мной гнаться, потому что я столько камней навалил, что вы и десятком гранат не возьмете. Хотя что ж, попробуйте взрывать — себя же и похороните.

— Дима, а ведь я тебя поймаю, и тогда...

— Ладно, Слепой, не кипятись. Ступайте дальше по тоннелю. Там километр с чем-то. Ну, сам увидишь, три двери открывать, и попадаешь в большой зал, идешь против часовой стрелки, и рано или поздно будет выход наверх. Пока будете под землей пробираться, я успею уйти, понял? И тогда вам меня уже не поймать, и не пытайтесь! Так что всем будет хорошо. Пока, Слепой, живи и помни мою доброту. Я ведь и заминировать люк мог.

— Дима, лекарства хоть отдай! Вандемейеру лекарства нужны!

Я прислушался — едва заметный стук работающих гидроцилиндров экзоскелета стих. Пустовар убрался и вряд ли вернется. Единственное, что мне понравилось во всей этой истории, — тяжелое Димино дыхание и то, как медленно он уходил. Нагрузился хабаром, сволочь жирная, так что и в костюмчике еле передвигается.

— Щось не подobaется мени його доброта... — протянул Костик. — Але ж по плану, що тоби старлей дав, так воно й е. Три шлюза, а за трэтим — великий зал. Там багато чого настройили, циле пидземне мисто.

— Подземный город? В таких местах всякая нечисть может поселиться, Костик... Но делать нечего, на поляне сейчас небось зверья всякого столько, что у нас патронов не хватит отбиться. Там точно пропадем.

— А сколько в тебе набойив?

— Полмагазина или чуть больше. Я здурю по компьютеру там шамальнул, ну и... А у тебя?

— Один рожок полный, та ще килька маслят залышылось у другому.

— И два ПММ, у меня и у Дитриха. Ничего, прорвемся, а?

Знать бы только, куда выйдем. Если я правильно понимаю, сейчас мы в Тёмной долине, вернее — под пей. Если пройдем дальше... смотря где удастся отыскать выход на поверхность. К западу отсюда есть несколько стоянок мародёров, «Долг» их время от времени зачищает, но нам и «долговцев» лучше бы не встречать.

— Ну що, — бросил снизу Костик, — пидемо, чи шо?

— Ты у меня спрашиваешь? Я же не слезу, пока ты подо мной торчишь.

— Та я так... мовчаты не могу, щось мени якось... неприємно.

Неприятно ему. А кому приятно... Или наш железный терминатор страдает клаустрофобией? Костик, вздыхая, полез вниз — к Вандемейеру.

— Я все слышал, — объявил учёный, — весь разговор с этим бандитом. Можете не повторять.

— Желаете сделать официальное заявление, доктор Вандемейер?

Дитрих пожал узкими плечами.

— Я готов идти дальше.

Дверь, ведущая в глубину подземных коммуникаций, должно быть, давно не отпирали, замок заело, и Костик, который собрался легко повернуть колесо, сперва не справился. Я сунулся было помочь, но он с заметной обидой отмахнулся:

— Та облыш! Що я, сам не могу?

Смог. Закинул автомат за плечо, ухватился обеими руками, напрягся... я стоял сзади и видел, как шея Костика наливалась краской от натуги. Потом что-то в снаряжении треснуло, потом ещё... брезентовый плащ, который Костик носил поверх кожанки, лопнул на боку — но колесо с визгом сдвинулось. Он шумно выдохнул и навалился снова — теперь пошло веселей. Петли тоже оказались прихвачены коррозией, но дверь распахнулась относительно легко. За ней лежал новый коридор, здесь было темно, лампы горели лишь кое-где, большая часть галереи оставалась затемненной. Покрытые толстым слоем пыли плафоны плохо пропускали свет, вдобавок лампы время от времени моргали. Я протиснулся мимо Костика, чтобы снова занять место во главе походной колонны.

— Ты той... — неуверенно бросил Костик, — ты бережнись там. Бо щось мени нияково.

Мне тоже стало немного не по себе. Не люблю я этих заброшенных подземелий. На поверхности, когда небо видишь, веселей как-то, спокойней...

Прежний коридор всё-таки был обжитой, Пустовар пользовался им, протирал плафоны. Может, даже перегоревшие лампочки заменял, сволочь. А дальше лежала терра инкогнито, неизвестная земля. Очень-очень темная терра инкогнито. Через несколько сотен метров нам пришлось отворить ещё одну дверь. А затем сработал мой датчик аномалий, и одновременно с его щелчками я услышал характерный треск, сопровождаемый яркими сполохами. Впереди поджидала «Электра». Чем хороша эта аномалия — она не прячется, её издалека видно и слышно. Пучок кабелей, тянувшийся в углу под потолком, был оборван, провода в разлохмаченной изоляции свисали до самого пола и тонули в скачущих по полу бледных сполохах. Дальше коридор погружался в темноту. Из-за вспышек «Электры» я, сколько ни вглядывался, не мог понять, виден ли свет дальше.

Спутники встали за моей спиной и разглядывали аномалию. «Электра» широкая, метра два пола занимает, не перепрыгнуть.

— Значит, так, — объявил я. — Я кидаю болты... ну, то есть кидаю что попало в аномалию, она сколько-нибудь разрядится, потом я прыгаю. Вы сейчас отходите в сторонку и ждёте, не мешаєте.

— Та я гадаю...

— Отставить, рядовой Костиков! Гадать будем после, сейчас просто сделай, как я говорю. Ясно?

— Так точно!

— Вандемейер?

— Яволь...

Бойцы отступили, чтобы освободить мне место для разбега, я стал скармливать аномалии мусор, которым меня снабдил Тарас. «Электра» шипела, бросалась искрами, разряды метались по полу — все тише и тише. Наконец я решил, что больше ждать нечего, и бросился напролом. Шаг, другой, третий... толчок!

Я прыгнул, приземлился удачно, мои каблучки ударили в пол в нескольких десятках сантиметров от сердито шипящего разряда.

— Теперь Вандемейер, — велел я. — Дитрих, я сделаю несколько бросков и посторонюсь. Когда крикну — бегите и прыгайте.

Так и сделали. Дитрих прыгнул не так удачно, он приземлился на периферии «Электры», злые острые огни метнулись из-под ног, но Дитрих сделал очередной шаг и вылетел из аномалии.

— Все в порядке, — поспешно доложил он. — Мой комбинезон хорошо помог.

В самом деле, оранжевый спецкомбинезон неплохо защищает от таких штучек, как «электра» и «жарка»... но когда Дитрих стащил с головы армированный капюшон, чтобы утереть взмокший лоб, я заметил: его рыжая шевелюра стоит дыбом. Ничего, это не страшно. Это бывает...

Меньше всего проблем у нас возникло с переправой Костика. Он запросто перемахнул аномалию, даже рюкзак не стал перекидывать заранее. Впрочем, ему досталась порядком изнуренная «электра». Это мы с Дитрихом её сперва замучили.

Теперь я подобрал свой рюкзак и поглядел в коридор — впереди потрескивала ещё одна «электра», совсем маленькая. Концы оборванных кабелей свисали в нее и полоскались в сполохах точно так же, как и в той аномалии, которую мы преодолели. Дальше провода снова тянулись под потолком... и лампы исправно горели в тусклых запыленных плафонах! Как это возможно? Да вот так... это Зона.

Мы разобрали снаряжение, снова перестроились прежним порядком — я первым — и двинули дальше. Коридор был едва освещен, но я не включал фонарик, берег аккумулятор. Неизвестно, сколько придется плутать в подземном городе, который Тарас изучил по карте. Карта картой, но весь сталкерский опыт убеждал: в Зоне редко что соответствует плану, особенно если касается сооружений, выстроенных перед вторым взрывом... Словом, я осторожно продвигался в полумраке, когда попадался освещенный участок, то шёл быстрее. Перед третьей дверью лампочка была исправна — она хорошо освещала шлюз, за которым, если верить карте Сивушова, начинался лабиринт. Дверь, как и прежние, — стальная, мощная, но в ней отчетливо выделяются вмятины, обращенные выпуклостями к нам. Две здоровенные металлические выпуклости, возвышающиеся над поверхностью сантиметра на два. Что-то продавало мощный металл с той стороны на уровне моей груди, так что штурвал запора слегка приподнялся одним краем... Знать бы, что это было? Ой нет, лучше никогда этого не знать! Зона возьми эту дверь, продавленный металл мне очень не понравился.

Костик оттеснил меня и положил ладони на штурвал.

— Ну... — и навалился на колесо.

В этот раз замок отворился на удивление легко. Возможно, дело в том, что здесь, в этом углу коридора, было сухо, никакой коррозии, и замок сохранился получше, но, во всяком случае, дверь распахнулась без скрипа и визга — легко, будто приглашала заходить, мол, теперь все будет в порядке. А вмятины в металле убеждали в обратном.

Я заглянул в проем — там было абсолютно темно, видны только несколько ступеней лестницы, ведущей вниз. Дальше — ничего не разглядеть, ни малейшего источника света. Ну, удача, богиня моя... Я оглянулся на спутников, их мрачные лица были подсвечены с одной стороны последним работающим плафоном...

Идем, что ли? — Я включил фонарик и первым Шагнул в темное чрево бункера.

— Стойте! Стойте, Слепой! — окликнул Вандемейер. — Там темно, и прежде мне бы хотелось... Я сейчас включу свой ПДА на прием спутникового сигнала, и если заметите, что меня снова... э...

— Мы вас спасем, Вандемейер, — заверил я.

В самом деле, лучше проделать это в освещенном месте. Аппаратура Пустовара отключена, опасности нет. Наверное.

Дитрих глубоко вдохнул... поднял руку с ПДА, нащупал нужную кнопку, отвернулся и щелкнул прибором. Ничего не произошло.

— Мы все ещё в «слепом пятне»? Дитрих поглядел на темный экран.

— Или перекрытия здесь такие мощные, что экранируют сигнал.

Мы с Костиком тоже включили свои приборы, но, разумеется, и наши машинки не смогли найти сетку. Неудивительно — если уж Дитрихова система не справилась, а у него компьютер более мощный.

— Ця споруда, мабуть, вид ядерного вибуха захистити може, — глубокомысленно заметил Костик. — Куды вже тому спутнику...

— А куда нам идти? Там темно, как у бюроера в заднице.

— Кстати, я много слышал о бюроерах...

— Вот и хорошо, что только слышали. Лучше бы их не видеть. Мне, Вандемейер, хватает и того, что я тоже о них много слышал. Так куда дальше? В какую сторону? Пустовар говорил — против часовой стрелки.

Костик вытащил распечатку с планом подземного города.

— Мабуть, так. Нибыто проты часової стрілки коротша дорога до найближчого вихиду.

— Ну, тогда в путь.

* * *

Распахнутая дверь осталась позади. Несколько раз я, оглянувшись, видел жиденький желтоватый свет из проема... с каждым шагом все дальше, выше и слабее... потом он скрылся вовсе. Мы погружались в утробу Зоны, в одну из многих и многих её утроб.

— В путь так в путь, как сказал маленькой слепой пес, когда его проглотил псевдогигант.

Вандемейер хмыкнул, Костик выругался. Неблагодарная публика, аплодисментов я здесь, конечно, не дождусь...

Лестница закончилась, и мы свернули против часовой стрелки. В свете фонариков можно было разглядеть справа бетонную поверхность нескончаемой стены — темные разводы, следы опалубки. Обычный бетон. Когда я пытался направить луч фонаря влево — он беспомощно таял в темноте, лишь изредка в полосу света попадали массивные колонны. Кажется, квадратные в сечении, метра два шириной — но я не был уверен, слишком уж далеко. Потом Вандемейер бросил взгляд в глубину зала — его более мощный фонарь осветил на миг ровные ряды этих колонн, уходящих в темноту.

— Похоже на подземный гараж, — заметил Дитрих.

— Ага, для танковой дивизии. Чи двух. Уси танки щоб припаркувати спокійно.

— Слишком просторно, удивительно как-то, — признался я. — Столько построили... и все брошено, забыто.

— Ни, не зовсім.

— Что — не совсем?

— Не зовсім побудували и не зовсім покинута. Ци прямищеня вже на вийськовому баланси.

— Теоретически? — уточнил Вандемейер.

— Звісно, теоретично. Цю споруду не закінчили будувати, я гадаю, великий зал треба було на кілька менших роз-

дильты. Ну, по плану. Але другой выбух на АЭС перешкодыв. Цей объект терминово законсервовано, його не списали, як ту радиоточку.

— Хорошо, что нам вдоль стены надо, а то по большому залу идти как-то...

— Я ж кажу, нияково мени зробылось у цьому підземному царстві. Та скоро вже... Ще килька сот метрів, и буде перехід у вузький коридор.

— Слышите? — Вандемейер насторожился.

— Я ничего не слышу.

— Ты ж теперь Глухий, забыв? — Костик пытался шутить, но его голос звучал встревоженно. — Я нибы чув. Щось там шебуршиться, у темряви.

— Да, да. Но довольно далеко. Давайте пойдем быстрее, скорей бы в узкий коридор перебраться.

Я по-прежнему ничего не слышал, но, возможно, это в самом деле из-за того, что палил из автомата в тесном бункере и малость оглох. Тем не менее я послушался Вандемейера и ускорил шаг. Собственно, ко мне его просьба и относилась, я ведь шел первым. Быстрее так быстрее, датчик аномалий помалкивал, и я надеялся, что теперь мы спустились настолько глубоко, что Зона не в состоянии дотянуться сюда своими смертоносными образованиями.

Теперь я шагал так быстро, как только можно. Свет фонарика скользил по бетонной стене — хотя Костик сказал, что у нас впереди сотни метров пути по залу, но вдруг дверь встретится уже здесь...

А потом Костик с Вандемейером дружно стали озираться, оба приготовили оружие — и тут я тоже услышал. Вроде скрежет какой-то, шорохи, множество тихих звуков, создающих очень неприятный фон. Будто что-то окружает нас, надвигается со всех сторон из темноты. Что-то мелкое, легкое... Мой фонарь по-прежнему был направлен на пол и стену справа, в глубину зала я старался не глядеть, чтоб не пропустить дверь или какое-либо препятствие, люк в полу или еще что...

Под моим ботинком хрустнули кости.

— А мы здесь не первые, — заметил я. Вандемейер сдержал шаг, чтобы разглядеть находку.

— Это собачьи, по-моему, — бросил он.

Ну ладно. Какой-то несчастный пес забрел сюда, заблудился в огромном зале и околел с голоду. У него не было карты старшего лейтенанта Сивушова.

— Я видел! — крикнул Вандемейер.

— Та тыхше, профэсор! Я також бачив, щось невеличке таке. Скаче там.

На этот раз Дитрих не стал обижаться на «профессора». Я пошел ещё быстрее, вообще такая скорость — в ущерб безопасности, но аномалий датчик не фиксировал, а встречаться с обитателями подземелья, даже небольшими, мне совсем не хотелось. На всякий случай я взял в руку ПММ, от мелочи можно и пистолетом отбиться, а патронов в «Гадюке» осталось совсем мало.

— Вот они! — Дитрих выстрелил дважды, в ответ из темноты раздался многоголосый писк, и теперь я тоже разглядел в свете фонарика тощих поджарых тварей.

Ростом сантиметров тридцать-сорок, не такие уж и маленькие, но совсем легкие, хрупкие, тощие — просто скелеты, обтянутые шкуркой, шершавой на вид. Мордочки широкие, глазки злобные, большущие уши торчат, как крылья летучих мышей. О тушках, обитателях заброшенных зданий к северо-востоку от Свалки, я слышал не раз, но видел впервые. Об этих мелких тварях говорили, что они очень агрессивны, когда собираются большой стаей, но становятся трусливыми поодиночке. Сейчас их собралось очень много, я уже слышал шорох огромного числа костлявых лапок и многоголосое верещание. Вот в свете фонаря промелькнула плоская мордочка с оттопыренными хрящеватыми ушками, когти на поджатых передних лапах... Потом ещё, ближе — зверьки сужали кольцо. Мы собрались тесней... Лучи фонарей скользили по бетонному полу, выхватывали из темноты вереницы колонн — и тварей, мелькающих тут и там. Мне показалось, их сотни, тысячи, тушканы были повсюду... а потом сразу несколько десятков бросились на нас. Перемещались они невысокими скачками, норовили вцепиться когтистыми передними лапками, разодрать одежду, вскарабкаться повыше...

Первых я сбил выстрелами, потом, когда вышли патроны в обойме, стал отбиваться ногами, смахивал прыгающих тушканов на лету, топтал упавших ботинками, они жутко верещали, когда хрупкие косточки крошились под тяжелой подошвой... Костик сперва стрелял одиночными, потом выстрелы стихли, но я, хотя и не оборачивался, был уверен, что терминатор справляется — я слышал энергичные матюки, которые легко заглушали верещание мутантов. Дитрих стрелял, прерываясь, чтоб сменить обойму. Он находился посередине, на него нападали не так энергично, и учёный пользовался пистолетом.

Отбиваясь, мы продолжали двигаться вдоль бесконечной стены. Лучи фонарей металась по темному залу, отражались от лужиц крови, освещали оскаленные мордочки с огромными выпученными глазами. Такие большущие глаза — признак ночного животного. Мне отчаянно захотелось вверх, чтоб над головой было небо, пусть там будут собаки и кабаны, пусть даже кровосос, Зона его дерит... Только бы не сгинуть от когтей этой мелочи, в темноте, под бетоном и многими метрами глинистой почвы.

Изредка тушкам удавалось проколоть мой комбинезон, это было не слишком больно, но мне вдруг стало совсем жутко, очень уж много мутантов лезло из темноты... Их так много, сколько ни убивай, а их все равно слишком много... Сердце колотилось, едва не под горло мне подпрыгивало, визг и шорох неслись отовсюду, а там, где мы прошли, оставались груды изувеченных тел.

В отличие от слепых псов эти твари не прельстились дохлыми сородичами и продолжали атаковать нас. И тут впереди я увидел дверь. Приоткрытая дверь, такая же, как и предыдущие шлюзы, тяжёлая, стальная, с запорным штурвалом... она звала и манила. Она сулила спасение.

— Впереди дверь! Скорей! — задыхаясь, крикнул я, и тут тушканы ослабили натиск. — Бегом!

Я побежал, мои шаги отдавались тяжким эхом в огромном зале, позади точно так же бухали подошвы Вандемейера и Тараса... Вокруг верещали мелкие зверюшки, но нападали они теперь вовсе не так бойко.

Вот и дверь — из проема сочится желтый жидковатый свет, но мне он показался ярким и прекрасным сиянием. Спасение, спасение! Я мельком глянул и проем — обычный коридор, наподобие того, которым мы шли, пока не попали в зал.

Освещение, опять же, в порядке, исправно работает. Я встал рядом с дверью и помог запыхавшемуся Вандемейеру перевалить высокий порожек, эта дверь была невысокой, приподнятой над уровнем пола. Следом за Дитрихом вскочил я — и тут несколько тушканов бросились из темноты, вцепились коготками, заскрежетали, запищали... Я ввалился в узкое помещение, запнувшись на пороге, ударился о стену раз, другой — давил мелких тварей. Подо мной крошились хрупкие тела мутантов, я расплющил их, размазал по шершавой стене, но при этом и сам не удержал равновесия, споткнулся и упал. Позади Костик с громыханием захлопнул тяжёлую дверь, заскрежетал запорный механизм, верещание последнего тушкана оборвалось, когда Тарас с криком: «От жеж пакость!» — припечатал зверюшку каблуком. Я сел, в рюкзак от удара о пол что-то громко звякнуло. Вспомнил: водка! Последняя трофейная бутылка, поганое пойло, которое мы отбили у мародёров... Если бутылка разбилась, дрянной напиток зальет мне весь рюкзак. Я полез проверять, что с трофеем... вытащил бутылку — целая... и тут в ушах противно зазвенело. Одновременно я ощутил, как слабеют ноги, с трудом поднялся, елозя спиной по бетону.

Рядом рухнул на колени Дитрих, нескладная долговязая фигура в перепачканном оранжевом комбинезоне сложилась пополам, согнулась. На рыжего контролёр воздействовал сильнее, чем на меня, я ещё успел сообразить, что происходит. Или, возможно, все дело в опыте, я слишком хорошо знал, с чем столкнулся.

— Костик, назад! — заорал я. — В зал!

— Ни, Слипый, — тихим напряженным голосом медленно проговорил Тарас, — бильше ты мене не обдурьш... Назад, каже... а там ти потворы, ты з ными спильно, одностайно... Тварюкам служыш, нас сюды завабыв... я бачу, я усе бачу... Державною мовою роз-мовляты не бажаеш, а, Слипый?

— Костик, что ты несешь?.. Как я могу быть вместе с мутантами?!!

Я уже понимал, что со мной говорит не Костик, а звон в ушах становился все сильнее, ноги сделались ватными... Неужели конец? Сталкера Петрова контролёрам не взять! Я сорвал крышку с бутылки и стал быстро хлебать паленую «Пшеничную», давась, захлебываясь. Запрокинул бутылку, вонючая сивуха потекла по лицу... Скорей, скорей... у сталкера Петрова нет мозгов... Вандемейер затащил что-то неразборчивое и тягучее... я хлебал и задыхался. У сталкера Петрова нет мозгов!

Хмель мигом ударил в голову, пол качнулся под ногами, но звон в ушах сразу стал тише! У сталкера Петрова нет мозгов! Алкоголь боролся с пси-воздействием контролёра, они сражались за мой мозг, и алкоголь уверенно побеждал.

Вандемейер, стоя на коленях, раскачивался и монотонно тянул что-то заунывное не по-русски, а Костик нахмурился, его ладонь легла на приклад «калаша», он потянул оружие из-за спины. Я швырнул в него наполовину опустошенной бутылкой, Костик пригнулся, а когда выпрямился — я уже наставил на него ствол «Гадюки». Чувствуя себя последней сволочью, я вдавил спусковой крючок, очередь полоснула Костика, развернула, он ударился головой о бетон, завалился набок, я пнул его в висок, голова дернулась, и он снова приложился затылком... обмяк...

Я развернулся к коридору, пол ходил под ногами ходуном, меня шатало, глаза болели и слезились, но под уходящей в никуда вереницей тусклых плафонов мне почудилось движение. Я вскинул МР-5 и выпустил оставшиеся пули почти наугад. Дитрих прервал пение и потянул из кобуры пистолет... Не поднимая головы, развернул ПММ, направил дуло в собственный рот... Я сорвал автомат с плеча, шарахнул Вандемейера по склоненному затылку, ногой выбил пистолет. Оружие брякнуло о бетон, Дитрих, шурша комбинезоном, растянулся на полу.

Я отшвырнул «Гадюку», которая сделалась невыносимо тяжелой, и, шатаясь, побрел по галерее. Тусклые огни светильников под потолком наплывали на меня издалека, а где-то в невероятной глубине рождались новые светящиеся точки и медленно-медленно тащились навстречу, чтобы обрести вид пыльных плафонов...

Слезы стояли в глазах, я утирал их обеими руками, меня тошнило, звон в ушах то стихал, то поднимался снова. Наконец я увидел удаляющегося контролёра. Быстро перемещаться эти твари не умеют, и я догонял. Мы ползли, как две хромые улитки, однако я ковылял быстрее.

Когда нас разделяло с полдесятка шагов, мутант понял, что не уйдет, и обернулся. Передо мной стояла мама.

— Сыночка, родной... — прозвенел в голове знакомый голос.

— Вот и свиделись, мамочка. — Я вытащил нож. — Знаешь, мам, а я уже совсем взрослый, и это вот, насчет встречи, это же моя песня! Это я для Николки придумал куплет: «Бродяга к Барьеру подходит, навстречу родимая мать...» Остроумно, да, ма? Да?

Ещё шаг, ещё, я поднял руку с ножом. Меня тошнило — какая мерзкая водяра... Ох и гадость...

Очертания женской фигуры потекли, на миг промелькнуло растерянное лицо Ларисы, потом возникла кассирша из поселкового отделения Сбербанка.

Ещё шаг, ещё...

— Здравствуйте, девочки!

Кассирша вытянулась, раздалась в плечах — теперь это был Карый.

— Молодец, Слепой, — хрипло буркнул Гоша, — отличная работа. Премияльные тебе, само собой...

— Гоша, а я ведь тебя не люблю. Водка у тебя в «Звезде» отличная, не то что эта сивуха... но ты всё-таки гнида. Крутой, да? А знаешь, крутой, чего мне всегда хотелось? Вот чего!

Я всадил нож Гоше в круглое налитое брюхо, рванул, вспарывая упругие дрожащие ткани, потащил лезвие вверх... Карый осел, размазавшись, контуры его фигуры потеряли форму, поплыли... мелькнула неприятная бледная рожа с высоким лбом, надбровные доли четко очерчены, над ними топорщатся жидкие бесцветные волоски. Нож уперся во что-то твердое, мою руку залило теплым... и тут я больше не смог сдерживаться — меня отчаянно тошнило.

Выпустив липкую рукоять ножа, я отвернулся от оседающего на пол мутанта, оперся обеими руками о стену, согнулся — и меня вырвало. Нутро содрогалось, выворачивалось наизнанку, я давно ничего не жрал, и в желудке было пусто, меня рвало какой-то мерзостью, я выхаркивал комья слизи, ох, какая гадость... Дрожа всем телом, я снова и снова корчился в спазмах, но выдавить из себя хоть что-то существенное никак не удавалось. Мне было очень плохо, я отступил... ещё шаг назад, ещё... ударился спиной о противоположную стену... обхватил себя руками, чтоб не так трясло, сел на пол. И стало темно.

Когда я раскрыл глаза, тошнота несколько не уменьшилась. Ну вот какой смысл терять сознание, если потом все рав-

но тынет блевать? Да никакого смысла... Я по-прежнему сидел на полу, прислонившись к стене, на руках подсыхала кровавая корочка, стягивала кожу — почему-то именно это ощущение получилось особенно ярким. Вереница тусклых плафонов заливала коридор желтоватым светом, лампы раскачивались над головой, должно быть, их тоже мутило. И коридор, кстати, извивался, его крутило точно так же, как и мою требуху. У Зоны заворот кишок, не иначе. Между трясущимися лампами и мной расположились лица Костика и Вандемейера. Они тоже качались из стороны в сторону, кривились и гримасничали. Ещё они пытались что-то произнести, но никак не могли выговорить внятно хотя бы несколько слов. Пьяные они, что ли? Это было здорово смешно — два взрослых мужика надрались так, что лыка не вяжут. Хи-хи. Дитрих ощупывал меня, потом стал расстегивать мой комбинезон.

— Вандемейер, вы подаете плохой пример, — хотел я сказать, но и у меня вышло невнятное мычание. Вот смешно — эта парочка напилась, а язык заплетается у меня! — Перестаньте лапать меня, грязный извращенец!

Дитрих пробормотал что-то насчет крови, мол, слишком обильно залило. Что или кого залило, я не разобрал.

— Та я кажу, це з мутанта юшки натекло, — неожиданно четко произнес Костик. — А цього дурныка не пошкоджено. От жеж везунчик, йо-о...

— Но я всё-таки обязан ввести ему противостолбнячное. Эти маленькие существа вполне могли прогрызть комбинезон.

— Так, погани тварюки, — согласился Тарас. И придавил меня к полу, — колить його, я потрымаю...

Держал меня Костик левой рукой, на правой рукав куртки был распорот от манжета до предплечья, под кожаными лохмотьями виднелись свежие бинты. Да ещё морда разбита. И когда это он успел куда-то влезть?

— Эй, профэсор, обережнише, що вы йому вкололы?

Я едва почувствовал уколы.

— Противостолбнячное, общеукрепляющее и успокоительное. Пусть проспится. Костик, вы мне не поможете? Я хочу отрезать голову мутанту, а моя вибропила украдена. Будьте добры ваш нож?

— Навищо ниж? Дывиться, це саперна лопатка... Звычайна соби саперна лопатка. Алеж якщо вмиєте з нею обходитись, то...

Лица живодеров исчезли, голоса стихли, лампы в потускневших плафонах погасли. Я снова отрубился. Мне снились Ларик и девица с почтамта. Но этот сон я пересказывать не буду.

Когда я снова пришел в себя, обнаружил, что лежу на аккуратно расстеленном плаще Костика, под голову мне подсушили рюкзак. Во рту пересохло, все признаки похмельного синдрома были налицо. Всё-таки и в Зоне чувствуешь себя паршиво, если выпил поганой водки натошак, есть в нашем мире вещи, которые никогда и нигде не меняются. Я скосил глаза — у противоположной стены сидел Вандемейер и любовался трофеями — теперь у него было две головы, залитые в черный пластик.

При попытке сесть виски сдавило будто клещами, и все мышцы принялись стонать и жаловаться на нелегкую судьбину.

— Лежите, лежите, — засуетился Вандемейер. — Вам плохо, Слепой? Скажите, что болит?

— Голова, — пожаловался я. — А что должно болеть после пьянки? Голова, конечно. Ну и все остальное болит тоже.

— Это нормально, — заверил Дитрих. — После поражения картиной Рубичева-Хольтона мышцы отходят не сразу. Пока мы продолжали напрягать мускулы, они оставались в тонусе, и боли не чувствовалось. А теперь...

— Ясно, ясно... — В рюкзак я нащупал флягу и сделал несколько глотков. В голове прояснилось. — Сколько раз зарекался пить в одиночку... А где Костик?

— Пошел проверить ход. Сказал, ненадолго.

— А вы как себя чувствуете?

Дитрих отвел глаза. Ясно, ему паршиво, но он не хочет сознаваться, что стал обузой.

— У меня закончились лекарства, — промямлил рыжий. — Сейчас ещё ничего, но... потом, конечно, будет намного хуже.

Тут затопали тяжёлые башмаки терминатора — вернулся Костик. Этот тоже выглядел потрепанным, под стать нам с Вандемейером и даже похуже. Рука в бинтах, в коротко стриженных волосах запеклась кровь, а на скуле — здоровенный фингал. Автомат он перевесил на левое плечо. Но Костик улыбался.

— А, прокынувся, алкаш! От скажи мени, Слипый... там, на галявыни, ты мене видштовхнув, а? А тут и того гирше, по морди був? Стриляв у мене? От и скажи мени, чого я тоби такий вдячний?

— Да, — подал голос Вандемейер. — Мы вам благодарны, Слепой. Вы снова выручили всех.

— Это моя работа! Я же герой, вроде Бэтмена! — Я постарался, чтобы ответ прозвучал гордо. — Костик, а что тебе внушил контролёр?

Тарас замялся, отвел взгляд.

— Та ни. Не скажу, и не пытай краще. Ни, и не дывысь на мене так. Все одно не скажу! Ни!

Наш железный боец залился краской. Вы видели краснеющего терминатора?

— Ну ладно, не говори. Вандемейер, а вам что казалось?

— По-моему, он меня просто вывел из игры, обманывал иллюзиями, пока занимался...

— Да, сперва контролёр в полную силу навалился на Костика, чтобы захватить самого сильного. Мне он тоже картинки показывал.

— Да, Слепой, а вам что виделось? Что он вам показал?

Теперь пришел мой черед смутиться.

— Ну, девушек. И ещё маму. Но это уже после, когда стало ясно, что водка сильнее его. Я, когда влил в себя грамм двести, да с устатку, так враз стал неуязвим! Вандемейер, по-моему, вы молились.

— Видите ли, Слепой, вы ведь молодой чело-иск, вам он показал девушек... гм... женщин. А я уже... гм...

И этот смутился. Надо же, какой народ подобрался чувствительный...

— Ладно, если не хотите, не говорите. Однако вы заполучили своего ангела, а? И не лень было с этой башкой возиться?

— Знаете, Слепой... и вы, Костик... я твердо решил выбраться отсюда. Да, Слепой, да! Мне не нужна эта страховка! Вы терпели мои выходки, вы несколько раз спасли меня от верной смерти, и я не хочу, чтобы это оказалось зря. Поэтому считаю так: если я останусь жив, мне понадобятся результаты экспедиции. Это как залог возвращения, понимаете? Я в экспедиции, я собираю материал для заказчика. Это нормально, это штатная работа. Я вовсе не попал в безвыходное положение. А вот если прекращу, если руки опустятся — так, кажется, у вас говорят? Руки опустятся?

И тут я улыбнулся. Для этого ученого исполнение работы стало тем же, чем для меня была моя РГД-5 — талисманом, залогом возвращения. У многих парней есть такие талисманы — да, пожалуй, у всех. Просто некоторые скрывают.

— Вандемейер, вы сволочь. Вы славный парень, клянусь Зоной, и очень похожи на настоящего сталкера. Но ангелов своих сами тащите. Кстати, о возвращении... Что с этим коридором? Костик, ты проверил?

— Ага, — подключился Костик, — я трохи пройшов туды — дали. Цілком безпечно, гуляв як по проспекту. Ніяких тобі тварюк, ніяких мутантів. Далеко я не заходив, бо вас залишати боявся.

— А что по карте?

— По мапи той, що тобі военстал дав, цей коридор тягнеться до одного з виходів. Там и лифт, и сходы. Ну, сходы, звісно, це аварійний вихід.

— Сходы? Лестница?

— Ага. Тільки на мапи ці сходи закреслено.

— Зачеркнута лестница? Как это?

— Хрест стоїть. Та на, дивы.

Костик сунул мне под нос карту, аккуратно сложенную в восемь раз. Я понял так, что прямоугольник плана, обращенный наружу, — это наше местоположение. Коридор, ведущий от большого зала, миновал перекресток, а потом проходил мимо вереницы сложно разрисованных квадратиков, которые Костик счел лифтами и аварийным выходом. Шесть квадратиков с буквами и циферками — это лифты... и дальше — ещё один, в который был вписан квадрат поменьше, а пространство между контурами заполняли поперечные палочки. Надо полагать, лестницы со ступеньками. Тоже мне иероглифы. Путеводитель по пирамиде, адаптация для мумии.

Все до единого квадратика были аккуратно зачеркнуты крест-накрест. Зона его знает, что имел в виду тот, кто ставил крест на нашем выходе. Кресты мне очень не понравились, но влух я только промямлил:

— Довольно близко...

— Километра два приблизно. То йдемо?

Я-то спал, а как эти двое? Мой КПК показывал, что я отрубался часа на два.

— А вы не хотите отдохнуть?

И тут меня снова удивил Вандемейер.

— Пустовара нужно догнать. — Вот это я понимаю, по-западному. Деловой подход. — Послушайте, я все обдумал. Пока что мы двигались в юго-восточном направлении, ну, то есть поворачивали, меняли траекторию, но в общем сейчас находимся к юго-востоку от поляны Костей. Скорей всего Пустовар тоже будет выбираться через Периметр юго-восточней. Выходит, если мы и отстали, то не слишком. Мы достаточно долго шли одним и тем же коридором, да и после того, как он выбрался наверх, — куда ему идти? Он тяжело нагружен, при нем ценности...

Логично, логично. Не будет же Дима выбираться из Зоны через блокпосты натовских миротворцев? Разумеется, он, как и вся наша братия, воспользуется российско-украинским сектором. К тому же хабара у него полно, и, несмотря на экзокостюм, тащить тяжело. Логично стремиться к Периметру короткой дорогой. Как ни крути, а выходит, что мы все ещё преследуем этого уroda.

— Если ваши догадки верны, то мы, может, вовсе и не отстали. Поверху двигаться трудней. Рельеф местности, мутанты, мародёры... Да и просто любой сталкер — представьте, сколько вопросов у любого нормального человека вызовет толстяк в «долгов-ском» экзокостюме, а? Да ещё груженный под завязку.

— «Под завязку»?

— Не слышали этого выражения? Но суть, думаю, вы уловили. Тем более у него и ваш оранжевый рюкзак, это сразу привлекает внимание... Эх, добраться бы туда, где спутник берет! Мы б сообщили всем, что этот урод...

— Ни, — твердо вставил Костик. — Тільки Карому. Це його справа, а іншим знаті нідочого. Сліпий, я не жартую.

— Ну ладно, ладно, все равно выхода на сетку у нас нет... Ладно. Так идем?

— Якцо піднімешся с моєю одежины.

Я встал с Костикова плаща, который скорей следовало бы теперь называть лохмотьями, а не плащом, — но термина-тор, морщась от боли, завернувшись в это тряпье так гордо, будто римский император в белоснежную тогу. Сталкера Петрова спросили, почему он все время в одном и том же ватнике? «Почему это в одном?» — ответил Петров и расстегнулся. Под первым был второй точно такой же.

— Костик, а помнишь, как в «Терминаторах» делают? Там артист наполовину человек под конец, а половина морды уже железная. Вот и ты сейчас так выглядишь, с фингалом.

— Йды до биса. И чего ты Слипый, а не Нимый? Интересно, как Костик отнесется к тому, что я буду хвастать, какие синяки ему наставил? Надо будет попросить Вандемейера, чтобы потихоньку сделал пару кадров расписной физиономии нашего вышибалы. То-то «звёздный десант» обхохочется. Однажды сталкер Петров зашел в «ШТИ». Ну, там, как обычно, выключают свет, наяривает музыка, стриптизерши отжигают... и где-то в углу непременно драка. В общем, отдыхают люди. Ну и занесло сталкера Петрова в тот угол, где дерутся. Потом его спрашивают: ты с кем дрался-то? Он в ответ: да разве в темноте разглядишь? Хотя узнать их можно по отпечаткам. Отпечаткам пальцев? Да нет, по отпечаткам кулаков. Нате, меряйте мой кулак — потом сличайте, у кого фингал такого размера.

Поскольку Костик уже ходил по коридору, он и возглавил наше шествие. Я пристроился вторым, Дитрих замыкал колонну. Проходя мимо обезглавленного тела мутанта, я задержался. Интересно всё-таки, сколько слышал об этих чудесах, а вот впервые вижу. Выглядел контролёр, прямо скажем, неважно — после того, как я его распотрошил, а после Костик лопаткой обработал. Но, похоже, этот был молоденький. Говорят, матерые монстры обучаются одеваться, носят странные штучки на руках, веревочки, цепочки вроде браслетов, обожают кольца, ожерелья, всевозможную мишуру, даже волосы

ленточками обматывают. А этот, наш, был только в потрепанных брюках, да руки ниже локтя обмотаны грязными лохмотьями. Не научился ещё — и то ведь удивительно, как он умудрился такими когтистыми лапищами на себя тряпье натянуть. Интересно, конечно, зачем им это — подражать человеку. Они копаются в мозгах, выуживают воспоминания, наверное, их увлекает наша непростая жизнь? А может, они вовсе ничего не понимают? Или, скажем, не считают наших воспоминаний, а просто умеют выудить из нашей памяти и нам же подсунуть?

— Я его сфотографировал, — сказал Вандемейер, — ещё с головой. Если хотите снимки, я для вас сделаю.

— С подписью «На память», ага. И с номером телефона. Скажите лучше, когда контролёр заставляет меня что-то видеть — он сам-то видит то же, что и я? Или складывает картинку из моих собственных мыслей, а сам в них не проникает?

— Очень жаль, Слепой, но ничего не могу сказать.

— «Нет» — это всегда нет, я понимаю. Но хоть какие-то догадки...

Я оставил мёртвое тело и зашагал за Костиком.

— Понимаете, это очень обидно, но я же не сделал замеров... Мёртвый контролёр излучал очень слабые сигналы, практически ничего интересного. С головой можно будет поработать в лабораторных условиях, но больше информации, разумеется, получают анатомы...

Вандемейер помолчал, потом повторил с жаром: — Я не сделал замеров! Ох, как обидно, как обидно!

— Э, вы меня пугаете. Я заранее отказываюсь искать другого контролёра, у меня водка кончилась, а у Костика — руки на исходе.

— Йды пид три чорты, — бросил, не оборачиваясь, терминатор.

Дитрих смутился.

— Нет, что вы... мне просто жаль. Безумно интересно, управляло ли это существо маленькими чудовищами в зале?

— Похоже, что да. Они загнали нас в этот коридор, сперва бросались, а потом ослабили натиск. Фу, чем это воняет?

— Звисно, чим, — бросил Костик, не оборачиваясь. — Цей хлопчик тут давно мешкав.

Ну да. Разумеется. Контролёр здесь живет, здесь и нужду справляет. И, похоже, давно. Наверное, жрет тушканов, они сами в пасть лезут, ну а тут мы, он и решил поразвлечься. Говорят, эти мутанты разыгрывают целые спектакли с захваченными сталкерами...

Потом мы замолчали, навалилась усталость, все тело ныло, у меня башка раскалывалась. Коридор тянулся и тянулся... иногда справа и слева встречались двери, но отпереть их не удалось, да мы и не особо пытались. Костик сказал, что там ничего нет, просто пустые помещения — во всяком случае, так значилось на карте, а она нас пока ни разу не подвела. Здесь было сухо и достаточно светло, даже большая часть ламп оказалась в исправном состоянии. В одном месте нам встретила гряда тряпья — лежбище контролёра, неподалеку — гряда костей. Судя по тому, что преобладали легкие тоненькие фрагменты, это были останки тушканов, но между ними попадались кости покрупней — и вовсе не так уж редко. Мы задержались у этой кучи по просьбе Вандемейера, учёный минут двадцать вертел косточки, поворачивал так и этак, сделал несколько снимков. Потом объявил, что крупные черепа разбиты в щепки, а по осколкам он ничего не может определить. Во всяком случае, сохранились челюсти, очень отдаленно напоминающие человеческие, однако зубы куда крупней.

— Може, це таки ж, як вин? Тож контролёры? — предположил Костик.

— Ага, — поддакнул я, — семейное кладбище в столовой, очень удобно, все под рукой. И покушал, и с духами предков пообщался.

Дитрих ничего не ответил, собрал аппаратуру — и мы двинули дальше. Чем дольше мы шагали, тем тяжелей становилось дыхание за моей спиной. Я уже понял, что с Вандемейером не стоит пробовать по-хорошему, поэтому просто сдернул с его плеча рюкзачок. Рыжий ничего не сказал. А чего говорить? Мне легче две отрезанные башки пронести, чем этого упряма на себе волочь, если он свалится...

Наконец коридор вывел к длинному залу. Сперва был перекресток, наш коридор пересекал под прямым углом другой, гораздо больший.

Потом проход сделался шире. Справа в стене были широченные двери грузовых лифтов. Кто его знает, может, и впрямь танки в таких собирались под землю прятать — габариты лифтов как будто позволяют. Впрочем, бывалого понтона таким добром не удивить, нет. Плавающий транспортер ПТС — вот это сила! Для него и втрое большего лифта не хватило бы.

На карте значилось шесть подъемников, потом — лестница. Мы двинулись к дверям. Я старательно сдерживался, чтоб не ускорить шаг, не броситься сразу к лестнице. Если здесь можно подняться из проклятого подземелья... Ох как хочется увидеть небо, просто увидеть небо. Не бетонные потолки, не эти жалкие плафоны, покрытые многолетними наслоениями пыли... Увидеть небо и солнце. Да Зона с ним, с солнцем, пусть будут тучи. Пусть дождь, пусть ливень, град, гроза — только бы увидеть небо!..

Но я сдерживался и шагал медленно — сперва проверим механические подъемники, лестница потом. Вряд ли лифты в рабочем состоянии. Хотя освещение работает, но я больше надеялся на лестницу. Двери первой кабины были заклинены намертво. Мы для очистки совести попытались подергать гигантские створки — бесполезно. Ещё бы, каждая половина двери наверняка потянет несколько центнеров.

Следующая дверь была наполовину вывернута, толстенный металл выдавлен изнутри в зал. Контуры вмятины обрисовывали угол. Похоже, лифт сорвался и ударил в двери. Тут и вовсе нечего ловить. Третья и четвертая двери были заклинены точно так же, как и первая, а две последние не достроены — пустые коробки прямоугольного сечения. Я сунул-ся в одну и глянул вверх — ничего не видать, темно и слишком далеко до перекрытий. Что тамверху? Бетон? Грунт?..

Шагая к лестнице, мы — все трое — невольно ускорили шаг. Вот и поворот — за ним лестничный марш, перила с разошедшимися деревянными поручнями... Я побежал вверх, поворот, ещё один марш... пропасть. Пропать. Лестница обрывалась. Передо мной громоздились бетонные блоки и части металлоконструкций — целый хаос всевозможных обломков, здесь попадались лестничные марши со ступенями, прямоугольные плиты, как целые, так и развороченные, раздолбаные, с торчащей изогнутой арматурой... трубы, фермы, элементы крепежа и тяжёлые куски металла, назначения которых я не мог определить. Игрушечный строительный набор великана.

Освещенный коридор остался далеко позади, но я видел хаос в свете, льющемся сверху. Надо мной было небо — серое, предрассветное небо Зоны. Зона равнодушно взирала на меня свысока. Нас разделяло несколько десятков метров грунта, одетого в гладкую бетонную броню. В стенках шахты, в которой располагалась аварийная лестница, на равном расстоянии друг от друга торчали массивные выступы, на них должны были, очевидно, крепиться несущие балки. Если бы я, рискуя свернуть шею, добрался бы к самой верхней точке груды обломков, то, пожалуй, мог бы вскарабкаться на такой выступ. Но до следующего — около четырех метров...

Позади затопали шаги — Костик. Увидел разрушенную лестницу и вырубался. Потом загнул ещё. И ещё. В общем, он более или менее точно выразил общее мнение. Последним к нам поднялся Вандемейер.

— Слепой, Костик, — позвал Дитрих, — а я поймал сигнал. Здесь можно выйти в сеть.

Я поглядел на свой КПК — в самом деле, здесь, под открытым небом, ловился сигнал... Ну что ж, можно хотя бы попрощаться по-человечески.

— Ну все... здесь — привал. Иначе я сдохну. Вообще-то я мог бы какое-то время шагать, хотя бы потому, что ещё не вполне протрезвел, но чтобы воспользоваться долгожданным выходом в сетку, требовалось время. Я опустился прямо на ступени и привалился плечом к металлическим прутьям, поддерживающим перила. Дитрих, словно только и ждал приглашения, тут же рухнул рядом. Наверное, зад отбил — и вряд ли почувствовал. Ему-то ещё хуже, чем мне. Он не спал, а под картинкой Рубичева-Хольтона пробыл дольше моего... кстати: не знаю, кто такие эти Рубичев и Хольтон, но наверняка изрядные сволочи.

Как только я присел, тут же навалилась усталость... даже не усталость, а Усталость. Или, вернее, УСТАЛОСТЬ. Я медленно оплывал, как догорающая свеча, — стоило лишь немного расслабиться, и тело восприняло эту поблажку как сигнал к мятежу. Я уже не мог пошевелить и пальцем, до того все ныло и стонало... А Вандемейер не сдавался, он вяло возился с ПДА, пристраивал раскладную клавиатуру. Делать нечего, пришлось и мне брать себя в руки, подключаться к сетке. Компьютер пискнул — извещал о наличии почты. Два письма, первое — спам бара «Сто рентген» («...если вы ищете место, где можно перекусить и отдохнуть, место, где можно хорошо выпить и поговорить, место, где вам всегда подскажут, как подзаработать...» — тьфу, наизусть выучил!), это я стер, не читая. Второе письмо было от Ларика. Девушка твердо придерживалась правила: по мейлу каждый вечер. Интересно, как скоро ей надоест?

Писала сестренка на этот раз без смайликов — дескать, маме приснился сон, только ты не смейся, это все очень серьезно, снам надо верить, так вот, явилась тетя Наташа (то есть моя мама, двоюродная сестра Веры, Ларкиной матери) и сказала, что я в опасности, в темноте, и что мне грозит беда. Ей понравилось, каким я стал, мама довольна, что сын взрослый, самостоятельный, но боится, потому что я в темноте. *«Береги ногу, так тетя Наташа велела передать»*. Хм, вот и не верь после этого Взыскующим... я же разговаривал с мамой, я сказал: «Смотри, как я вырос...» Хотя при чем здесь нога? Разве что тушканы покусали, так это мелочь. В опасности? Да не так, чтоб... Просто я сижу в заброшенном подземелье, окружен кровожадными мутантами, башка трещит от дрянной паленки, а в остальном-то все в порядке...

Я написал в ответ: *«Ларик, со мной все нормально, успокой тетю Веру. Просто сейчас много работы, я вот и теперь едва выкроил время, чтобы почту проверить. Ты пиши мне, Ларик, пиши обязательно, потом все прочту сразу. Даже если некоторое время я не смогу отвечать, ты все равно пиши. Я очень жду твоих писем»*.

Пока я сочинял, Костик сидел рядом и поминутно бросал в мою сторону тоскливые взгляды. Наконец я отправил мейл сестренке и обратил внимание на тоску терминатора.

— Чего, Костик? Глядишь на меня, как сталкер Петров на котелок с кашей.

— Да я той... ты напиши лыста Гоше, а? Я ж не могу. — И показал забинтованную руку.

Ну да, браслет ПДА на левой руке, левой ему набирать не выйдет.

— Давай тебе ПДА на правую руку перевесим?

Вообще-то будет неудобно, придется ещё переворачивать компьютер, он же под левую руку на браслете собран.

— Та ливою не сможу ти крапочки натыснуть. Я й правую не мастак, та хоч скильки-то вже навчився, а ливою ще й незвично так...

— А мы у Вандемейера его клавишу попросим. По кнопочкам пальцем попадать привычка не нужна.

— Чого ты такой ледачий, а, Слипый? Кажу ж тобі, не могу я ливою, незручно мені. Видбий маляву Карому, чи тобі важко? Ты ж краще за мене з тиею цяцькою управляєшся.

— Я ленивый? — Это уже возмутительно. — Это ты ленивый! Ты, наверное, в школе у соседа по парте всегда списывал! Вот скажи, я тебя нынче бил?

— Ну, быв...

— Стрелял в тебя?

— Ну...

— Не покладая рук и себя не щадя, между прочим, и сражался с лучшим бойцом Зоны! Целый день сражался! А ты говоришь: ленивый... Ладно, отобью мейл Карому. Но учти, он мне может и не поверить, он же тебя специально заслал в Зону, чтобы ты это... контролировал.

Костик промолчал — наверное, боялся спугнуть момент моего покладистого настроения. Я стал сочинять «маляву» Карому:

«Гоша, Демьяна убил Пустовар, сто пудов. Сейчас Дима бежит от Свалки к Периметру. Хабар при нем, и наши, и ещё много, подробности — если выберемся. Мы застряли в старых армейских подвалах, ищем выход. Костик ранен в руку, писать не может. Гоша, возьми Пустовара, он убийца, и хабару при нем полно».

Прочитал Костику, тот кивнул — одобрил, потом принялся расстегивать рюкзак.левой рукой было неудобно, я помог, затем распаковал свои припасы. Мы достали фляги, галеты, Вандемейер открыл банку тушенки. Есть не хотелось, но мы пожевали, потом решили отсыпаться по очереди. Поскольку я уже немного поспал, мне выпало караулить первым. Местечко на лестнице выглядело достаточно безопасным, но это Зона, здесь без охраны нельзя. Сперва заснул Костик, а Вандемейер ещё немного поработал с КПК. Потом он пожаловался, что заряд аккумуляторов нужно поберечь, энергия на исходе, так что не выйдет всего, что запланировал... и через пару минут тоже отрубился. А я сидел на лестнице, у самого края, под небом Зоны. Изредка сверху долетали прохладные капли — под утро пошел дождь.

Внизу, на дне бетонного колодца, не было ощущения дождя, к которому привыкаешь на поверхности, воздух здесь оставался сухим, не чувствовалось свежего дуновения, капли не барабанили монотонную дробь. Большая часть небесной влаги воссоединялась с твердью где-то выше, а сюда долетали лишь редкие капельки. Оно и к лучшему, шепот дождя не убаюкивал и не скрыл бы шума шагов, если б кто-то приблизился к нашему лагерю на краю лестницы. Но никто не явился из мрака, никто не потревожил сон Костика и Вандемейера. Так тихо было в этом уголке подземелья, так спокойно — воистину оазис тишины среди мрачных лабиринтов с их жуткими обитателями. Почему здесь так тихо? Может, именно небо отпугивает мутантов, привыкших к низким потолкам и спертому воздуху? Крошечный клочок неба...

Сперва я сидел, потом почувствовал, что клонит в сон, и стал разгуливать по лестничному маршу вверх и вниз, прислушивался к звуку собственных шагов, поглядывал на спящих товарищей. Рассвет близился, и, хотя небо скрывали тучи, света вполне хватало. Дитрих во сне хмурился и поглаживал браслет ПДА, Костик неловко вывернулся, привалившись к ступени, чтобы не опираться на больной бок и простреленную руку. Странное ощущение — это же я его продырявил... В Зоне вообще все получается наизусть, я ранил друга, он мне благодарен; ещё я убил контролёра, который показал мне маму живой; Демьян ограбил «Звезду», но его скорее жаль; Пустовар, сука, убил вора Демьяна, и я вполне разделяю желание покойного Угольщика: засунуть жирного гада в «мясорубку» — да-да, по частям и начиная с ног... хотя никогда раньше я такой кровожадности за собой не замечал. И ещё — странный сон тети Веры. Почему так? Ответов нет — и никогда не будет, вот что обидно!

Ответов — нет. «Нет» — это всегда «нет», как говорит Вандемейер... на руке Дитриха запищал компьютер — сработал будильник, его время сторожить. Мне показалось, будто с часами что-то не так, уж слишком быстро пролетела моя смена. Но тут и мой КПК подал зуммер. Дитрих сел на ступеньках, стянул капюшон и ожесточенно потер лохматую макушку.

— Время? А вроде только прилег...

Глаза мутные, он ещё не проснулся как следует.

— Вот и мне показалось, что как-то слишком быстро. — Я сел на ступеньках рядом с учёным. — Вроде и спать не хочется. Вандемейер, послушайте, моя тетка видела сон, точь-в-точь наше происшествие с контролёром. Как такое возможно?

— А-а-ах... — Рыжий зевнул. — Откуда это, насчет тетки?

— Ее дочка, моя кузина то есть, прислала мейл. И ещё — будто мне нужно беречь ногу.

— Совпадение. И почему ногу? Я вколол противостолбнячное.

— Ноги — это ладно, а вот про сон... как-то странно...

— Ничего странного, мнительные женщины постоянно видят сны. Спите, Слепой, лучше спите, пока можно. Нам предстоит трудный переход.

— Да мне не хочется спать... — Мне и впрямь казалось, что не хочется. — Смотрите, уже светает. Скоро будет совсем светло. Вандемейер, а вы смотрели по карте, далеко ли до следующего выхода на поверхность?

Дитрих не ответил. То ли не знал, то ли не хотел меня расстраивать... а может, он ответил, но я не расслышал его слов. Я уже спал.

Как Вандемейер будил Костика, я не слышал, а когда мой КПК протрубил подъем, был уже день. В квадратном окне над нами проплывали серые тучи, изредка между ними мелькало голубое, но день выдался пасмурный. Эта замечательная картина в оконце нашей тюрьмы была расчерчена живой решеткой — гибкие ветви, наполовину перекрывающие проем, раскачивались и тряслись. Снизу, если глядеть против света, листва казалась чёрной. Должно быть, наверху дует сильный ветер. И ещё — скорей всего выход из шахты находится на холме, потому что вряд ли так дует в низине. Интересно, можно ли обнаружить эту дыру сверху? Холмы в этой части Зоны, как правило, радиоактивны. С вертолёта скорей всего дыру будет видно, да вот беда — из-за повышенной радиоактивности склоны холмов всегда усеяны аномалиями, в том числе и теми, которые опасны для вертолетов. Пилоты избегают пролетать над холмами. Никто сюда не явится, зови — не зови...

Мы разделили на троих последнюю банку энергетика и стали собираться. Когда вещички были увязаны, Костик вдруг заявил:

— Хлопцы, вы як знаете, а я не могу.

— Чего не можешь? Тарас ткнул пальцем вверх.

— Питы звидсы не могу. Тут хоч небо бачыты можливо. А знов у темряву... ни-и-и. Не могу.

Сперва я думал, он шутит — мы же постоянно так прикалывались, — но потом вдруг понял: Костик говорит серьезно. Что-то вроде истерики у человека... я, конечно, где-то его понимал, после тяжелого перехода под землей в крошечной тьме — вот здесь видно небо, здесь можно поймать спутниковый сигнал, пообщаться с миром, позвать на помощь... и после этого особенно тяжело снова нырять в преисподнюю. Но выхода-то не было. А на помощь — зови, не зови, никто не придет.

— Костик, — проникновенно повел я, — ну что ты, мы ведь уже почти выбрались, осталось совсем немного, верно? А здесь торчать нельзя, у нас воды мало. Ты ранен, врачу надо показаться. Ну? Пойдем, а?

— Усе я розумію. Але ж як уявлю що треба знов у темряву... йо-о-о...

— Костик, — неожиданно строго рявкнул Вандемейер, — пока мы с вами возимся, как с ребенком, Пустовар уходит все дальше. Сможет его за Периметром перехватить Корченин или нет, а я хочу сам с ним поговорить. Надеюсь, вы мне поможете?

— Звисно, допоможу. Я цього выродка сам хочу побачити. — Костик встал, закинул тощий рюкзак на плечо и поднял автомат. — Я готовый. Слипый, чуешь, а це не артэфакт?

И снова сунул мне какую-то дрянь, плоскую бирочку из твердой пластмассы цвета старой слоновой кости, на ней цифры: «780146...» Дальше запись обрывалась, пластмассовая безделушка была сломана, но, судя по форме, пропало не больше одного знака. Перед семеркой было круглое отверстие со следами ржавчины — вероятно, бирочку носили на цепи или брелоке.

Я только вздохнул и сунул штучку в карман, к прочему хламу, который мне презентовал Тарас взамен болтов.

— И где ты эту дрянь постоянно находишь...

— Тут неподалечку, — пояснил Костик, — серед кисток.

— Среди каких ещё костей?

— Де цей контролёр нажырався, де ж ще. Вандемейер ще фоток наробыв, а я оцю цяцьку узяв. Ну, як там казав той собака?

— Какая собака? — не понял Вандемейер.

— Яку проковтнув велет.

— Не великан проглотил, а псевдогигант, — поправил я. — Собака сказала: в путь, так в путь. Она была уверена — на противоположном конце имеется выход.

— На протылежному боци? Гы.

— На противоположном конце псевдогиганта.

— Гы-гы.

Добрая шутка — это именно то, что требовалось. И даже не важно, смешная шутка или нет. Мы собрали вещички и двинули по коридору, который, минуя площадку перед лифтами, продолжал прогрызать чрево Зоны в прежнем направлении. Сперва освещение было в порядке, но уже в нескольких десятках метров от входа стали попадаться неисправные лампы. И чем дальше — тем чаще. Метров сто, не больше, — и коридор сделался темным. Мы включили фонарики и пошли осторожней. Воздух здесь был затхлый, и пыли, как мне показалось, побольше... и вскоре мы достигли конца коридора — несанкционированного, так сказать, окончания. Бетонный потолок просел, мощные плиты обвалились, косо легли на пол, причем настил пошел трещинами там, где в него ударили углы потолочных перекрытий. Я присел и погрузил ладонь в трещину, насколько удалось просунуть, но грунта или, там, гравия пальцы не достали. Мощный бетон, толстый. Потолочные перекрытия тоже были сантиметров тридцать толщиной, а то и больше — но не выдержали. Страшно представить, какая сила могла разрушить оболочку коридора на такой глубине... но нас теперь пугала вовсе не мощь минувшего катаклизма. Пока я изучал трещины в полу, Костик с Вандемейером пытались протиснуться между бетонных плит, перегородивших проход, или хотя бы посветить фонариками, разглядеть, что там.

Наконец Костик вынес вердикт:

— Глухо. Не пройдемо.

— А по карте проход в порядке... — пробубнил Вандемейер. Он и сам, конечно, понимал бессмысленность этого замечания. Какая разница, что на карте?

Но теперь нам нужно было искать новый путь. Я карту не изучал, но по поведению спутников догадывался, что у нас есть и другие варианты.

— Эй, следопыты, — окликнул я, — хватит топтаться. Костик, доставай карту, смотри, что там ещё для нас приготовлено?

Костик неловко, левой рукой, вытащил пакет из внутреннего кармана плаща и протянул мне.

— На, сам дывысь.

— Да я не хочу сам, я там ничего не пойму. Вандемейер, вы разбирались по этой карте?

Дитрих присел рядом со мной, повернулся так, чтобы свет его фонаря падал на карты, и развернул лист пошире. Теперь тот прямоугольник плана, который был вывернут наружу и которым руководствовались до сих пор, стал бесполезен, и рыжий показал мне несколько соседних участков.

— Нет, Слепой, посмотрите. Если что-то случится с нами, вам все равно придется самому вникать. Давайте лучше сразу...

— Да ничего с вами не случится.

— Смотрите. — Дитрих был непреклонен. — Мы вот здесь. Сейчас вернемся к перекрестку и свернем... куда, Костик? Думаю, этот ход предпочтительней?

— Отож.

Я старательно попытался разобраться. Предпочтительный вариант почти сразу выходил в лабиринт квадратиков, прямоугольников и кружков, каждый из которых оброс пометками, как днище старого парохода раковинами. У меня сразу заболели глаза, но я старательно проследил траекторию, по которой смещался твердый и сухой палец Вандемейера. Коридоры, анфилады небольших залов... потом выход на большой перекресток, от которого расходятся несколько коридоров... здесь палец остановился.

— А дальше?

— Дальше будем смотреть на месте. Вот эти галереи наверняка выводят наружу.

— А это что? Железнодорожная ветка? Под землей?

— Узкоколейка, возможно. — Дитрих пожал плечами, и свет фонаря заплесал по развернутому листу. — Но я бы не стал рассчитывать, что нас подвезут. Вы же видите, в каком состоянии лифты.

— Ну ладно...

Я снова проследил траекторию, по которой палец Дитриха стремился к свободе, сосчитал повороты и перекрестки...

— Ладно. Идем.

Мы двинулись в обратном направлении, снова прошли мимо лестничного марша. Я старался не глядеть на ступени, Костик душераздирающе вздыхал... На перекрестке мы повернули вправо. Теперь наш путь шел по широкой галерее, которую назвать коридором язык не поворачивался. Если безвременно почившие лифты в самом деле должны были доставлять сюда танки, тот эта трасса вполне позволяла бронетехнике двигаться своим ходом — однако вряд ли здесь бывало оживленное движение, пол остался гладким и ровным, гусеницы его не тревожили, это очевидно. Освещение здесь сохранилось лишь кое-где, и большая часть тоннеля оставалась в тени. Мы миновали несколько перекрестков, наш путь пересекали подземные галереи, такие же широкие, как и та, по которой мы шагали, под стенами местами попадались нагромождения округлой формы — то ли холмики грунта, то ли остатки какого-то строительного материала. Здесь было на редкость тихо, удары подошв о бетон отдавались гулким эхом. И чем дальше, тем невыносимее делалась эта тишина. Хотелось топтать погромче, кричать или хотя бы анекдоты, что ли, рассказывать. Неправильная тишина, непривычная, и

это только усугубляло тягостную обстановку.

В уши будто ваты напихали, мне постоянно хотелось сглотнуть.

Первым не выдержал Дитрих — наверное, ему то же было неловко терпеть странную тишину.

— Знаете, — он заговорил вполголоса, но слова прозвучали странно гулко, — я уверен, что мы вскоре отыщем выход.

— Хм, я тоже уверен, — я с готовностью включился в разговор.

— Нет, я имею в виду вот что. Контролёр — он же недавно обосновался в том месте? Значит, откуда-то пришел.

— А може, вин останний. Жило йих багато, потим одын одного пойилы, а цей залышывся.

— Костик, мысли позитивно.

— Ну, ай-л би бэк.

— Нет, я к тому, что, по-моему, контролёр был молоденький и пришел совсем недавно.

— Да, — встрял Вандемейер, — я полагаю, кости в его логове принадлежали существам другой породы. Возможно, прямоходящие гуманоиды, но у меня нет уверенности. Я не специалист.

— И мы их здесь встретим? Гуманоидов?.. — Все тут же притихли. — Ладно, ответ принимается. Сталкера Петрова учёные расспрашивают: вот вы, говорят, Зону исходили, все изучили как следует... какие породы мутантов вы знаете? Он говорит: есть три основные породы: съедобные, после которых живот болит; съедобные, после которых живот не болит, и ещё те, которых на вкус не пробовал. Опа, пришли!

Дорогу нам преградила своеобразная баррикада — нагромождение кусков бетона с торчащими арматурными прутьями, балки, пластиковые бутылки, смятые канистры, консервные банки и тому подобный хлам. Груды мусора были будто спрессованы, зазоры между крупными кусками забиты мелочевкой, как если бы щели законопатили нарочно, арматура сцепилась и кое-где толстые прутья даже были заплетены мягкой алюминиевой проволокой. Куча доходила до самого верха и перегораживала туннель полностью.

— По-моему, это... — Вандемейер замялся, — это сооружение рукотворное.

— Ага, гуманоиды зрбылы.

— А другие пути есть? — поинтересовался я. Мне по-прежнему не хотелось вникать в карту подземелья, здесь я полагался на спутников. — Вот эти проходы, которые мы миновали, они куда ведут?

— Налево — в большой зал, — ответил Дитрих. — Через зал можно выйти в другой сектор, там тоже...

— Навищо нам зал? Там сволота мелкая, — напомнил Костик. — Оти пацюки шкидлыви.

— А направо?

— А справа ничего нет. Помещения поменьше, тупики. Может, склад какой-то.

— Та не треба нам туды. — Костик едва не канючил. — Выхид же прямо. Мы ци дрибныци разберемо и пройти зможемо! Хлопци, вы чого?

— Впереди, может, и выход, но только до него ещё шагать и шагать, — заметил я, — а эту баррикаду явно кто-то складывал. Значит, нам придется этого кого-то миновать. Ох, не нравится мне это сооружение.

Костик тяжело вздохнул, подошел к куче, подергал за торчащую арматуру, потом ухватился покрепче и сделал шаг по наклонной стене, из-под его ног посыпался мусор...

— Костик, погоди, — позвал я. — Ты чего?

— Як чого? Там, дывы, скинуты пару кирпичив и пролизтемо. Не могу я бильше тут, Слипый, ну от не могу, й годи! На волю треба, та й спина болить.

— А что у тебя со спиной? Ты же в руку и в бок ранен? А спина чего?

— Не знаю, що там. Учора почалося, поперше я не номитыв, бо руку сыльнише видчував, а зараз нибы вогнем палить...

— Так, а ну быстро сюда! — скомандовал Дитрих. — Снимайте верхнюю одежду! Живо! Живо-живо!

Конечно, Костик — он ведь железный человек, терминатор, андроид. Если пожаловался, значит, в самом деле больно. Вандемейер обернулся ко мне:

— Видите ли, когда я его осматривал, думал — там обычная ссадина, но если до сих пор так болит... Костик, мне долго ждать?

Терминатор покорно слез, скинул плащ, крутку, задрал рубаху и обернулся спиной к свету. Хорошо ещё лампа здесь была достаточно яркая. Я глянул и присвистнул — похоже на огнестрельную рану. А Вандемейер не свистел, он сноровисто распаковал контейнер на поясе, протер руки салфеточкой и стал ощупывать края раны, Костик только вздыхал, но я понял, что ему очень больно.

— Как же так можно! — буркнул рыжий. — Там пуля!

— Та звидки там?.. Чи вы в мене також стріялялы, Вандемейер? Не чекав я вид вас, бо вы ж європеєць, культурна людина.

Он ещё шутит!

— Рикошетная, — догадался я. — Костик, ты чего, а если заражение? Надо же было сразу...

— Вряд ли заражение, — Дитрих уже бренчал инструментами, — пуля засела под кожей, если бы заражение, то опухоль выглядела бы иначе. Внимание!

Я поспешно отвернулся. Ничего не могу с собой делать — чувствительный я. Даже не знаю, как бы контролёра резал, когда б на трезвую голову...

— О-ох... — выдохнул Тарас.

— Не двигаться... так... теперь пластырь... готово, одевайтесь.

Я обернулся. Дитрих протягивал терминатору смятый кусочек металла. Хороший у нас хирург, в Африке на неграх тренировался — сразу видно.

— Вот вам, Костик, на память. Лучше любого артефакта.

— Однажды сталкера Петрова ранили в перестрелке, — проникновенно произнес я.

— Ну й що? Що там дали? — Тарас заинтересовался.

— Не знаю, дальше я ещё не придумал.

— Трепло ты, Слипый. А ну, воруйшись, разбей завал! Спочатку ти зализяки тягны, ну! Потим оци!

Чтобы проделать под потолком лаз, сквозь который можно было миновать баррикаду, нам потребовалось минут двадцать, не больше. Кем бы ни были неведомые строители, руки у них явно росли из задницы. Очень уж непрочно все держалось. Самой большой проблемой оказалась не собственно работа, а опасность, что, когда мы будем пролезать в дыру, вся эта хрень поползет под ногами, разъедется, обрушится и погребет нас под обломками — высота же немаленькая, метра четыре, а то и больше. Какой смысл громоздить такую гору, если она настолько непрочная?

Баррикада «дышала» и проседала под ботинками... очень неприятное ощущение. Так что, когда мы спустились к подножию по другую сторону, все вздохнули с облегчением. За себя по крайней мере я ручаюсь — вздохнул! А потом глянул вдоль туннеля... ой-ей-ей. Вдалеке, скупо освещенная мигающими тусклыми лампами, виднелась ещё одна баррикада. Ничуть не уступающая той, что осталась позади. Бег с препятствиями по-пластунски. Нет такого вида спорта в олимпийской программе! Но делать нечего, мы двинулись к новому барьеру.

А в самом деле интересно, что сделал стalker Петров, когда его ранили в перестрелке?

— И що це воно... навищо... — Костик двинулся к подножию нового препятствия, закидывая автомат за спину.

Я прекрасно понимал его раздражение — левой рукой работать неудобно, всё кажется непривычным, да ещё наш терминатор небось переживает — привык быть самым ловким!

— Чш! — Ванемейер вскинул руку, призывая к тишине.

Мы с Тарасом послушно замерли. Я медленно огляделся — никого и ничего, тогда я глянул на Дитриха. Тот уставился на свой хитрый радиоприборчик.

— Вандемейер, — шепотом позвал я, — вы что, опять за свое?

— Я поставил на прием, — так же тихо ответил рыжий, — здесь что-то есть. Или кто-то — там, дальше по галерее, за этой стеной. Не волнуйтесь, я — только на прием!

«Стеной» он назвал баррикаду, сквозь настоящие стены его аппарат не брал, это очевидно. Такой слой армированного бетона — штука надежная.

— То й що тепер?

— Сейчас-сейчас, они уже уходят... — задумчиво прошептал Дитрих, не сводя глаз с прибора. — Странные.

Несколькими минутами позже Вандемейер объявил:

— Я думаю, можно. Но лучше не шуметь.

Мы, стараясь действовать как можно тише, стали карабкаться на новое препятствие. После короткого обмена мнениями выбрали местечко в углу, где проще проделать лаз. Дополнительная сложность состояла в том, что сейчас баррикады перекрывают весь проем, если лаз окажется посередине, под лампой, то можно будет увидеть дыру, сквозь которую пробивается свет, а это в наши планы не входило. Кем бы ни были местные жители, но если они не поленились сделать вторую баррикаду — значит эта галерея их всерьез беспокоит. Не нужно, чтобы они видели следы незаконного проникновения.

Работать пришлось в основном мне, Костик помогал, сколько мог, одной рукой, а Дитрих стоял на стреме — колдовал над приемником. Когда лаз был готов и мы перелезли через завал, я прикрыл дыру ржавым металлическим листом — больше ничего подходящего не нашлось. Железяка была насквозь проржавевшая, что вообще-то было странно и сухом подzemелье, но и вся баррикада состояла из мусора, который, похоже, приволокли издалека. Нам до сих пор не попадалось ничего похожего на барахло, из которого сложена импровизированная стена.

В полусотне шагов за баррикадой встретилось ещё одно ограждение — совсем другого характера. Поперек галереи были уложены куски бетона, бесформенные обломки, между ними попало и несколько крупных камней. На торчащие из сколов прутья арматуры и на установленные между обломками рейки были насажены черепа — разные. Здесь попадались и человеческие, и крысиные, и плоские, с виду хрупкие — тушканов, видимо. Была и парочка странных, в которых Дитрих признал такие же, какие нам встречались в столовой контролёра. Крупные и мелкие черепа располагались более или менее упорядоченно: один крупный — три мелких — один крупный — три мелких...

Поверх бетонных обломков и булыжников, составлявших основу этого своеобразного барьера, были выложены пестрые пластмассовые безделушки, тряпочки, потускневшие гильзы, мелкие косточки — видимо, для красоты. Символическое значение строители придавали исключительно черепам, которые были вознесены на шестах.

— Знаете, что это мне напоминает? Две баррикады и этот... гм... барьер — как три запертые двери, за которые Дима Пустовар не ходил. Помните? Там и замки заржавели, никто дверей не тревожил.

— Похоже, кто-то отгородился от владений контролёра, — поддакнул Дитрих. — Ещё меня обнадеживает строительный материал. Смотрите, на этой ветке листья ещё не сгнили, а там, в завалах, было ржавое железо. Это принесли с поверхности. Выход из подвалов может быть совсем близко!

Мне эта идея показалась здравой — две мощные баррикады, чтоб контролёр не забрался на территорию соседей. Вряд ли эта тварь умеет копать и перетаскивать тяжести. Судя по тому, как они ходят, с физическим развитием у контролёров проблемы. Не спортсмены, в общем. И уж тем более такую преграду не смогут преодолеть тушканы, если он погонит их на войну. Ну а третий барьер, с черепами, — это для хозяев, чтобы не забывали об опасности и не совались к баррикадам, где имеется возможность подпасть под влияние контролёра. Черепа — вполне подходящая символика. Memento mori, куда уж ясней!

Костик выбрал из груды стреляную гильзу — свеженькую, блестящую, латунь ещё не успела потускнеть. Мол, вот ещё знак — выход рядом.

— Не расслабляйтесь, — посоветовал я. — Сложить эти кучи — довольно большой труд, и местные жители его проделали, а? Крепкие ребята и упорные. Так что с ними лучше не ссориться.

— Да мы й не збыралыся ни з ким сварытыся, — заметил Костик.

— Не ссориться — это значит не попадаться на глаза. Так это обычно выглядит в Зоне, — уточнил я.

— Важлыве зауваження, — угрюмо буркнул Тарас. — Я згоден. Та що казати, я й сам не бажаю з такими знайомытыся. Але ж що, так и будемо тут стовбычыты? Чи дали пидемо?

Стоять, конечно, было глупо. И мы пошли. Теперь Дитрих не выключал прибора, правда, я ещё раз взял с него слово, что работает агрегат исключительно на прием. Чем дальше от тройной ограды, тем грязней становился пол и стены, словно строители, которые волокли мусор для сооружения стен, по пути бросали часть груза. Тряпье, щебень, куски арматуры, ветки с пожухлыми листьями — да мало ли... вскоре мы шагали по сплошному ковру грязи. И вонь стояла соответствующая, куда там отхожему месту душки контролёра, местные оказались куда менее чистоплотными. Справа и слева стали встречаться двери — все такие же, как и в прежних коридорах, массивные, стальные, с запорами. Большая часть была задраена, но несколько оказались распахнуты настежь. Мне бросился в глаза выдранный «с мясом» запор, толстенные стальные детали были вывернуты, изломаны, скручены в спираль. Впрочем, трещины давно успели потускнеть — не исключено, что это следствие какого-то катаклизма, а вовсе не дело рук местных обитателей. Рук, или ног, или таинственных пси-органов. Псевдогиганту такое, пожалуй, под силу.

А потом Дитрих велел подождать. Покрутил верньеры, пощелкал переключателями, потом тяжело вздохнул и объявил, что фон нарастает — дальше по галерее находится скопление сигналов, они перемещаются, меняют интенсивность, их слишком много. Он, Вандемейер, не может сказать ничего определенного, потому что обилие сигналов делает их интерпретацию невозможной. Именно так Дитрих и загнул. И добавил: он даже не может определить, как далеко мы от форпостов местной цивилизации.

— Судя по тому, как серьезно обустроена граница, жители сюда не суются... — предположил я, — но с другой-то стороны, они могут каким-либо образом стеречь рубежи? Наблюдать издали как-то могут, наверное? Что скажете, Вандемейер?

— Скажу, что дальше продвигаться этим коридором слишком опасно. Мы приближаемся к скоплению местных обитателей, и они явно обладают пси-способностями. Хотя эти радиосигналы не похожи ни на те, которые излучают собаки, ни на...

— Конечно, не похожи. Давайте свернем.

— По мапи цей путь найкоротший, — буркнул Костик. — Але ж мы можемо спробувати... Тут десь повинен бути перехід направо... и дали через невелички коморки. Може, цей якраз.

Тарас указал распахнутую дверь в стене справа. Выглядел он не вполне уверенно, и мне это не понравилось, но Дитрих только пожал плечами и шагнул к двери. Это мне тоже не понравилось, однако мое мнение, как обычно, никого не волновало. Дверь вела в небольшую комнату, в которой валялись обломки мебели — щепы, клочья обивки. Может, диван, который теперь разломан на куски и послужил строительным материалом баррикады. Стеречь границу — славное посмертие для честного предмета мебели... но мне не понравились человеческие черепа, украшающие барьер. Лично я бы предпочел менее героическое, но зато традиционное захоронение. И как можно позже.

Из комнаты вел узкий коридор со стенами, выкрашенными темной краской. Наконец-то не голый бетон! Коридор тянулся прямо, потом сворачивал мод прямым углом — так что после поворота вел параллельно широкому тоннелю. Это нас устраивало. Пол и стены в коридоре были покрыты пятнами грязи, кое-где попадались отпечатки небольших узких ладоней. Костик шагнул первым, как-то само собой так вышло.

Удивительно, но освещение и здесь было в порядке.

После поворота мы прошли метров двадцать, слева тянулись двери — обычные деревянные, когда-то покрашенные в тот же темный цвет.

— Костик, это зеленая краска? — Иногда хочется проверить, угадал или нет. Я же путаю красное с зеленым. Вообще-то здесь был военный объект, и логично предположить зеленые стены и двери.

— Тыхше! — Костик поднял забинтованную руку. Левою он придерживал автомат на оттянутом ремне.

Мы сдержали шаг, я попытался заглянуть через плечо нашего терминатора — впереди что-то шевелилось. Небольшое, мне по пояс. Приглядевшись, я разобрал — некто сидит спиной к нам на полу, подобрав ноги и склонившись, так, что лохматая макушка едва торчит над плечами. Одет местный в халат, складки лежат на полу. Халат когда-то был белым, но сейчас такой грязный и замызганный, что если вспомнить, как выглядела лабораторная униформа профессора Головина и его ассистентов, то перед нами явно академик. Дважды, трижды академик, действительный и ещё почетный член десятка академий вдобавок. В общем, грязный халат.

Я расслышал чавканье, клецанье и скрежет — нам было не видать, чем занят местный житель, а он полностью сосредоточился на своем деле и не слышал, как мы приближаемся. Костик осторожно расслабил руку, лежавшую на оружии, я подумал, что сейчас он окликнет человека в халате, но вместо этого Тарас осторожно потянул из-за пояса саперную лопатку. Поднял над плечом... замер... тут белый халат что почувствовал, рывком развернулся, приподнимаясь... почему-то в такие моменты удается охватить взглядом тысячу мелких деталей — я сразу увидел грязные саперные патлы, одутловатые щеки, покрытые коричневой шкурой, круглое брюшко, выпирающее из халата, и кость с окровавленными клочьями, зажатую в тощих когтистых лапах. Халат мутанту был велик, кончики пальцев едва торчали из обшлагов, заляпанных кровью. Бюрер с натугой потянул в себя оторванный кусок мяса, чавкая жирными губами, торопливо проглотил... я словно зачарованный наблюдал, как он давится и хрипит...

Ш-шух! Хрусть! Бюрер замер, в его лбу — точно посередине — будто рог вырос. Лезвие саперной лопатки до середины вошло в череп мутанта, развалив его надвое. Бюрер икнул, хрюкнул, конечности мелко задрожали... из раны показался темный ручеек, лениво побежал по грязной морде. Шурша халатом, мутант осел на пол, потом завалился набок. Самым громким звуком был удар обглоданной кости о пол.

Костик первым бросился к поверженному чужаку, мы — следом. Вандемейер тут же распахнул халат, перевернул тело на спину, стал фотографировать... Костик выдернул оружие из башки бюрера, вытер о грязную полу одежду.

— Швидше, професор. Не маємо часу на ці витребеньки.

— Да-да, я сейчас. Минутку, минутку...

Тарас пожал плечами — мол, сволочь Вандемейер, что ещё сказать... и обернулся ко мне.

— Слипый, ты таких чудыкив ранише зустрічав? Що воно таке?

— Видел только издали, а близко не подходил. — Я поглядел в мутные глазенки «чудика». — И не жалею. Это бюрер, так они называются. На редкость мерзкая погань.

Костик безгласно потрогал носком ботинка тонкую ручку мутанта.

— Якесь воно шклявотне. Таке хлипеньке, воно не може бути небезпечним?

— Оно может быть опасным, ещё и как может! Когти в ход редко пускают, больше на расстоянии бьют камнями и всем, что попадется. Бюреры — телекинетики.

— Ещё немного, я заканчиваю, — пробормотал Вандемейер, обходя тело со включенной камерой. — Я сейчас... ещё... немного... А теперь — быстро уходим. Сюда идут. Мой прибор фиксирует... сзади.

— Вы сволочь, Вандемейер, — привычно констатировал я.

— Зато впереди как будто чисто, — объявил Дитрих и первым бросился по коридору.

Мне ничего не оставалось, как последовать за ним, Костик тяжело топал последним. Мы так торопились убраться подалее от мёртвого бюрера, что я едва не прозевал тревожного писка моего ПДА — прибор фиксировал аномалию. Времени на вежливые разговоры не осталось, я схватил Дитриха за оранжевые складки на спине и дернул Вандемейер споткнулся, но был вынужден притормозить.

— Стойте... — с трудом выдохнул я, дыхание сбилось на бегу. — Стойте, Вандемейер, теперь я первым.

Я нащупал в нагрудном кармане железку, прицелился и кинул — перед нами вырос столб ревущего пламени. «Жарка». Вандемейер, которого я все ещё придерживал за комбинезон, отшатнулся, Костик поднял забинтованную руку, прикрывая лицо.

«Жарка»! Мне хотелось плясать от радости. Я поглядел в суровые лица спутников. До них ещё не дошло. Вам когда-нибудь приходилось видеть сталкера, который радовался бы смертельно опасной аномалии? Вот и мне не пришлось, зеркала-то под рукой не случилось.

— Это «жарка»! «Жарка» это! — торжественно объявил я. Не понимают. — Это означает, что мы недалеко от поверхности, вот! Здесь уже возникают аномалии, ясно вам?

Конечно, там, где повышен радиоактивный фон, аномалия может созреть и в глубине, далеко от поверхности грунта, но здесь-то чисто, дозиметр помалкивает!

Костик с Вандемейером переглянулись, оба тяжело переводили дыхание после бега... до них доходило, хотя и туговато. Костик неуверенно улыбнулся. А Дитрих ляпнул:

— И погони нет, мой приемник ничего не показывает...

А потом Вандемейер зашелся в кашле, стал шарить по карманам, вытащил пустую упаковку из-под пилуль, скомкал в кулаке... радостное настроение мигом рассосалось. Я вытащил флягу, которую наполнил на автокладбище... Ох, Зона, как давно это было, как будто в другой жизни.

Водичка из канистры, конечно, подозрительная, но другой у нас не было. Для верности я накидал туда армейских обеззараживающих таблеток. Вандемейер попил, хрипя и отхаркиваясь, его кашель унялся.

— Ну ладно, — решил я, — давайте пройдем на ту сторону. Костик, следи внимательно, куда будут падать болты... тьфу, то есть «артэфакты» твои. Там, где «жарка» не срабатывает от мелочи, туда и ты будешь ноги ставить, а основной очаг перепрыгнем. Готов? Смотри!

Я, выбирая кусочки металла потяжелее, обкидал жарку, потом выдохнул и поскакал к аномалии. Раз! — и на той стороне. Когда я был в воздухе, «жарка» дохнула теплом, но язык пламени не стрельнул. Вторым был Костик, последним — Вандемейер. Дитрих прыгнуть почему-то не сумел, но его защитил оранжевый комбинезон. Я призадумался, надолго ли хватит ученому сил? Без таблеток он сразу сдал. Но задумываться о плохом было некогда и незачем. Преодолев «жарку», мы оказались в темноте, включили фонарики и двинули дальше. В коридоре за аномалией освещение не работало, вони не чувствовалось, и пол под ногами был без вязких наслоений грязи, твердый бетон. Видимо, бюреры не решались сюда заходить, боялись «жарки». С одной стороны, это обнадеживало, с другой — я же знал, что эти мутанты настырные и не лишены любопытства, лезут повсюду. Если они не забирались в этот коридор с противоположной стороны, так не тупик ли впереди? Но свои догадки я предпочел держать при себе, зачем людей расстраивать. Вместо этого я вполголоса объявил:

— Как-то сталкера Петрова занесла нелегкая в поселок бюреров. Вот он идет, всюду грязь, кости обглоданные, мутанты эти копошатся. Петров дробовик под рукой держит, озирается, бороду топорщит, на каждом шагу плюется... но бюреры к нему — никакого интереса. Так прошел спокойно через поселение и убрался подобру-поздорову. Не тронули бюреры, за своего приняли.

Смешать никто не стал, да я и не обиделся. Нам теперь не до смеха. Просто я уже не могу не сочинять таких историй, это сильнее меня, сами собой анекдоты прут из организма. Вскоре мы пришли к лестнице. Спускаться — и мысли ни у кого не возникло, мы сразу двинули вверх. Только вверх! Прошли два лестничных марша, попали в такой же точно темный коридор, что и прежний. Выше лестницы не было, хотя наверняка она существовала в проекте, колодец уходил вверх в темноту. Мы подняли фонари, посветили над собой, но лучи едва достигли перекрытия. Здесь все ещё было порядком глубоко. Пришлось шагать дальше по новому коридору. Такой же узкий проход, по обе стороны пустые дверные коробки, за ними — маленькие комнатухи. Я не ленился хотя бы бегло осматривать помещения справа и слева, но там ничего не было, я нашёл только молоток с разломанной рукояткой да строительную каску — вот и весь хабар. Эх, богиня удача... ну почему ты не приготовила мне хотя бы патронов к МР-5?

И — повсюду темно. Не знаю, нужно ли бюрерам освещение, темнота ли их отпугивала или что-то другое — однако здесь не наблюдалось ни малейшего следа их присутствия.

Вообще путешествие в темноте имеет особенность — быстро утрачиваешь ощущение времени и ориентацию в пространстве. Переход по не освещенному коридору вроде был совсем коротким, но я уже не мог сказать, как долго мы шли и сколько отмахали. Потом попала ещё одна лестница, два пролета вверх — и новый темный коридор. На этот раз мне показалось, что потолочные перекрытия над недостроенной лестницей ближе, стало быть, мы поднимаемся к поверхности...

Этот коридор привел в зал, часть которого была разбита на секции, отгороженные от основного помещения металлическими сетками. Крайняя секция отделена не сетками, а обычной стенкой в полкирпича, там был оборудован сортир.

Я на всякий случай попробовал покрутить кран умывальника — нет, сухо, даже нет характерного шипения. Водопро-

вод пуст, как башка сталкера Петрова.

В дальнем конце зала была запертая дверь, рядом находился письменный стол, за которым сидел человек в белом халате, вернее, полулежал, навалившись грудью на столешницу. К нам была обращена макушка, а руки мёртвец вытянул перед собой. Из осевших рукавов халата торчали желтые в свете фонариков костяшки. Дешевые электронные часы на запястье не светились. Давно, значит, так лежит. Ещё здесь было несколько металлических шкафов — узких и высоких. Эти оказались заперты, и открыть их не удалось. Вообще толком разглядеть большое помещение с нашими фонариками было непросто, я так и не уяснил, что именно здесь было до катастрофы.

В ящиках стола, за которым устроился мёртвец, нашлись только бумаги, стопки желтоватых ломких листков, которые рассыпались в прах при самом легком прикосновении. Я пошарил по карманам белого халата и среди трухи нащупал горсть монет да связку ключей. Брелоком служила пластмассовая полоска с цифрами, точно такая же, как и та, что Костик нашёл в логове контролёра. На этой были цифры: «8215549».

— Це код, — догадался Костик, — до цифрового замка. Он, дывы.

Мы подошли к двери, Вандемейер посветил, и я увидел рядом с дверью наклонную панель с клавиатурой — цифры от нуля до девяти, «Ввод» и «Отмена». Эх и славные же люди спроектировали электронный замок! Они писали «Ввод» и «Отмена», а не красили клавиши в красное и зелёное. Этим замком легко воспользоваться дальтонику! Зато, едва я приблизился к звери, пискнул датчик аномалий. Мне бы очень хотелось счесть это обнадеживающим знаком — за дверью аномалия, за дверью выход к поверхности!

* * *

Мы столпились у двери с кодовым замком и разглядывали панель с кнопками. Я закурил. Почему мы не спешили открывать замок? Волнение, видимо. Страшно попробовать и ошибиться. Страшно, что код не подойдет, что замок вышел из строя, что он не работает, потому что обесточен... мало ли. Пока не начали пробовать — есть надежда, есть варианты, а «нет» — это всегда «нет».

— Что-то здесь не так, — глубокомысленно заметил Дитрих, — если это запирается отсюда, то помещение за дверью — внутреннее, а выход там, откуда мы явились.

— В общем, да, в этом есть смысл, — кивнул я, — но за дверью аномалия. А аномалии — они у входа. То есть, у выхода. А там, за дверью, — аномалия. Слышите, счетчик заработал?

— А мий мовчить... — Костик поднял руку с ПДА, похлопал аппарат. — Та ни, сдох. Аккумулятор сив, мабуть. И лихтарик мий тож того, скоро сгасне.

Это верно, фонарь Костики светил совсем тускло — ну ещё бы, старье, купленное по дешевке в сталкерском лагере, сколько оно продержится? Понятно, что снаряга — не первый сорт.

— Костик, гаси свой фонарь, побереги остаток заряда. Вандемейер, а вы посветите.

Я решительно шагнул к панели замка и поглядел на бирку с кодом. Итак, «8215549». Я старательно придавил кнопки, делая паузы между нажатиями. Потом занес палец над «Вводом» и выдохнул. Луч фонаря качнулся — Вандемейер кивнул. Ну, Зона благослови... Я аккуратно прижал кнопку «Ввод». Секунда, другая... мое сердце замерло, потом бубнуло с удвоенной силой, потом ещё... В стене, на которой был смонтирован вводный агрегат, что-то щелкнуло, потом лязгнуло... Вандемейер вздохнул так громко — можно сказать, взвыл... Дверь вздрогнула, металлический лязг ударил в тишине по барабанным перепонкам словно выстрел — и дверь, зверски скрежеща, поползла в сторону. Открылось темное нутро следующего отсека, слегка подсвеченное снизу холодным огнем «холодца».

— Зелене щось, — пробормотал Костик.

Я давно подозревал, что «холодец» зеленоватый.

Мы переглянулись, я кивнул Вандемейеру, тот понял правильно, встал у входа и посветил. Мой-то фонарик тоже начал сдавать, так что я решил, что отключу его, как только смогу обойтись без собственного источника света. Луч фонаря Дитриха осветил крашеный пол, скользнул по просторной комнате, обозначил в темноте прямоугольные силуэты мебели вдоль стен. Вроде шкафы или стеллажи какие-то... Кажется, ещё на полу топчутся бесформенные грумы тряпья, но толком я не разглядел. Отстранил Вандемейера и сунулся в проем. Для начала меня занимала аномалия. «Холодец» расположился в полутора метрах от двери, посередине помещения, так что миновать его труда не составляло. Тем не менее я кинул пару железок вправо и влево, чтобы уж совсем по правилам. Ничего, кроме «холодца». Тогда я осторожно скользнул в комнату, обошел аномалию, сделал ещё несколько шагов... повертел головой, чтобы луч фонаря прошелся вдоль стен.

Часть шкафов имела стеклянные дверцы, луч фонаря отражался и преломлялся в тусклых поверхностях, за стеклом просматривались склянки, колбы в пластмассовых и металлических подставках и тому подобная дребедень.

— Слепой, мы можем войти?

— Входите, и я выключу свой фонарь.

— Дывы, Слипый, а тут також цифирки. — Костик показал мне вводную панель цифрового замка. Значит, в обе стороны он действует одинаково, и мы по-прежнему можем надеяться отыскать выход? Вандемейер тут же двинулся вдоль шкафов, осматривая содержимое. Потом что-то хрустнуло, рыжий энергично выругался — слов я не разобрал, но интонации были достаточно красноречивы.

Я поспешил к ученому:

— Что случилось?

— Ничего, ничего, Слепой, все в порядке, просто я наступил...

Луч фонаря скользнул вниз — Вандемейер стоял на белом халате, прикрывавшем грудь костей. Бесформенные холмики вдоль стен были истлевшими мёртвецами, кости и белые халаты. Дитрих топтался по человеческим останкам.

— Може, дали пидемо? — предложил Костик. — Щось мени тут не подобається. И шкварчить так неприемно...

Мне тоже не нравятся звуки, которые издает «холодец». В дальнем конце зала имелся проем, но дверей не было — просто прямоугольный выход. Туда мы и двинули, потому что других вариантов нам не предлагалось. Я не стал спраши-

вать, есть ли эти помещения на плане и что ждёт впереди. Проще пройти и увидеть собственными глазами. Меня слегка обнадеживал тот факт, что бюреры сюда не забредали, но с другой стороны, получается, и выхода впереди не предвидится? Странно как-то все это выглядит. Но бюреров здесь не было — это точно. Они бы все испакостили, шкафы бы разворотили и черепа растащили в эстетических целях.

За комнатой со шкафами был короткий коридор, в конце — снова дверь с цифровым замком. Я попробовал прежний код: «8215549» — тишина.

— От жеж зараза...

— Ладно. — Я полез в карман, поковырялся среди разнообразных «артэфактов» и выудил другую бирку, из владений контролёра.

— Вы полагаете, подойдет? — для порядка осведомился Вандемейер.

Я пожал плечами. Что ответить? Ничего лучшего у нас не имелось — в который раз! И Дитрих мог бы не спрашивать, просто молчание становилось тягостным, поэтому мы то и дело отыскивали повод что-то сказать.

— Итак, разыгрывается лот номер два, — объявил я. — Или не лот... В общем, у нас имеется номер: «780146...» Нам нужна последняя цифра. Какие будут предложения? Делайте ваши ставки, господа!

— Не надо, Слепой, — попросил Дитрих, — просто набирайте подряд — от нуля до девятки.

— Не тягны, робы що кажуть, — поддакнул Костик.

— Опять все против меня, — устало констатировал я. И приступил.

«Ноль» — мимо... «Единица» — мимо... С каждой неудачной попыткой я волновался все сильнее. В голове уже роились предположения, как поступить дальше, если замок не сработает после десяти попыток. Можно возвращаться к мёртвому бюреру и повторить этажом ниже, можно даже попытаться выйти к главной галерее... Но моя капризная богиня не подвела и в этот раз. Правда, напоследок кокетка напомнила о себе, потому что сработал замок только на самой последней попытке, когда я набрал цифру «девять»: «7801469» — это удача подмигнула, чтобы не забывал чтить сорокаградусными жертвами, наверное. Не забуду, о величайшая.

Но, как бы там ни было, на десятой попытке раздалось знакомое клацанье, металлический стук и наконец скрежет. Душераздирающий стон, который издала отворившаяся дверь, показался мне чудеснейшей музыкой в мире. Хотя я не знал, что ждёт по ту сторону, но после того, как сработал случайно найденный код, сразу захотелось верить: теперь все будет хорошо! Ведь что такое судьба? Костик мог бы не подобрать сломанный брелок, я мог бы бросить его в «Электру» или «холодец», да и контролёр мог бы вышвырнуть несъедобную цапку куда угодно... Так нет — чудо произошло! Это ведь чудо...

Я осторожно глянул в распахнувшийся проем. Вандемейер стоял сзади, и свет его фонарика лился над моим плечом. В этом рассеянном сиянии я видел все те же бетонные стены, гладкий пол... довольно длинный коридор, фонаря Дитриха не хватало, чтобы осветить всю кишку до конца, но я видел вдалеке светлое пятно, там поворот, и за углом имеется освещение. Далеко, определить природу света я не мог, но свет был, это точно!

— Вандемейер, — прошептал я, — вы видите?

— Да, — так же тихо ответил рыжий. — Светится.

— Вандемейер, какого оно цвета?

— Красного. Это закат.

Боясь поверить собственным надеждам, я приготовил ПММ и медленно двинулся по коридору. Зона доводит некоторые привычки до автоматизма. Если впереди выход на поверхность — значит там могут подстерегать любые опасности, и я, не задумываясь, беру оружие наизготовку. Не знаю, почувствовал ли Костик то же самое, или просто заметил мой жест, но и он лязгнул затвором «калаша».

Шаг за шагом я двигался по коридору, свечение в конце тоннеля все ближе и ближе — уже видно, что мы приближаемся к перекрестку, другой, точно такой же, коридор пересекается с нашим под прямым углом... свет поступает слева... Больше я не мог сдерживаться, ускорил шаг, едва не бежал, хотя в Зоне это не дело. Зона учит ходить медленно. Но я столько терпел, мне так осточертели проклятые подземелья, хотелось воздуха, хотелось неба над головой, хотелось нормального света...

Перекресток, взгляд в обе стороны — справа темно, слева яркий свет — я шагнул навстречу лучам, невольно зажмурился... и замер над обрывом. Я стоял на краю пропасти. Я стоял посреди пещеры.

Коридор выныривал из недр земных и заканчивался неровно очерченным краем, бетон под ногами был изломан и разбит. Прямо передо мной был узкий просвет между нависшими сводами огромной пещеры и руинами на её дне. То, что лежало десятью метрами ниже нашей галереи, уместней всего было сравнить с разоренным муравейником. Представьте себе муравейник, с которого срезали верхнюю часть, — и перед вами вскрытые галереи, по которым снуют муравьишки, волокут туда и сюда различные грузы, встречаются, шевелят усиками, суеются по своим муравьиным делам. Вы не понимаете, зачем проходы устроены именно так, вам неясно, чем заняты насекомые, но вы ощущаете: здесь присутствует определенный порядок.

Чудовищный взрыв разрушил многоэтажные бетонные сооружения, выбил, вывалил наружу часть холма, так что вскрылся замысловатый лабиринт переходов, галерей, коридоров, залов и лестниц. Выход лежал перед нами, широкий проем, в который били яркие лучи заходящего солнца. Неровная щель, до трех-четырех метров высотой, более широкая посередине, и сходит на нет вправо и влево. Этакий ярко освещенный овал, вытянутый, с заостренными углами. За годы, миновавшие после взрыва, почва со склона холма, под которым был упрятан подземный город, успела осыпаться и порости чахлым лесом. Искривленные стволы сосенок и березок походили на ресницы, обрамляющие проем, формой отдаленно напоминающий глаз. Похоже на гигантское око, которым Зона смотрит в земное чрево. Выходи пещера на запад и окажись солнце посередине, будто ослепительно горящий зрачок, аналогия была бы полной.

Самого светила я не видел, похоже, дыра вела не строго на запад, но солнце опустилось к горизонту, и красноватый свет обильно заливал руины на дне пещеры. Я же стоял на стене, едва не под самым сводом гигантского грота. В разворошенном муравейнике суеились бюреры. Они давным-давно обустроились в пещере, образованной взрывом. Дно их города лежало десятком метров ниже, некоторые перекрытия в нижних уровнях сохранились, но большая часть была раз-

рушена, так что остались окруженные стенами прямоугольники. Где-то уцелели лестницы, местами завалы щебня и бетонных обломков образовали наклонные скаты, по которым можно было взбираться на уровень второго этажа. Возможно, под этим уровнем сохранились и более глубокие подвалы, отсюда было не видать. Насколько я мог судить, стена, с которой я взирал на логово мутантов, напоминала не муравейник, а скорей разрезанные соты — коридоры и узкие помещения, рассеченные, вскрытые давним взрывом, выходили к обрыву и образовывали решетчатый рельеф.

Я подобрался к краю, лег на живот и стал изучать поселок мутантов. Вандемейер пристроился рядом, но троим здесь было бы тесновато, так что Костик присел, облокотясь о стену, и тоже уставился вниз — поверх наших голов. Он вынес вердикт первым.

— От свинарня, — буркнул Тарас.

Как и везде, где селились бюеры, эти злобные карлики развели грязь и вонь. Действительно, свинарник. Груды мусора, лежища из ветвей и тряпья, устроенные там и тут... Мутанты бродили по коридорам, превратившимся в узкие улочки, заглядывали в пещерки — то есть комнаты, над которыми уцелели перекрытия, и снова выбирались на открытое пространство. Некоторые сидели, нахохлившись, сосредоточенно чесались или что-то грызли. Многие нацепили грязное тряпье, у одного в лапах я даже заметил автомат — «Калашников» с изломанным прикладом. Бюер держал оружие обеими лапами — и чувствовалось, что тварь играет, мутант не имеет представления о том, как пользоваться «калашом». Да и стрекотание, которым обменивались бюеры, встречаясь в коридорах, тоже звучало как пародия на человеческую речь. Я даже не мог понять, несут ли звуки, издаваемые мутантами, смысловую нагрузку, или же это такая игра.

Чем ближе к центру, тем грязней и оживленной делалась обстановка. Посередине бюеры расчистили довольно большой участок, в центре которого громоздилась своеобразная пирамида, украшенная вереницами черепов. Снизу, от подножия, начинались линии, выложенные мелкими, крысиными и тушканскими, черепашками, потом шли кости крупной, в основном собачьи. Дальше — округлые своды черепов, принадлежавших скорей гуманоидам, причем мне показалось, что преобладают человеческие останки.

Однако бюеры не проявляли уважения к теории Дарвина, предпочитали геометрию. Выше черепов, явно принадлежавших более развитым существам, располагались те, что крупнее. По клыкам можно было опознать кабанов, над ними размещались другие — бесформенные, перекошенные. Трудно сказать, кому они принадлежали. Возможно, псевдогигантам. Этим было немного, я видел шесть штук на обратном ко мне фасе пирамиды. Венчал сооружение совершенно невероятный громадный череп — не могу даже предположить, какому монстру могло принадлежать это украшение. Больше метра длиной, с торчащими во все стороны остроконечными выростами — то ли рогами, то ли клыками, то ли ещё чем. Скелет динозавра они, что ли, раскопали?

— Вандемейер, что это на пирамиде, сверху?

— Гм...

Дитрих промышлял что-то невразумительное, он уже приступил к видеозаписи — для удобства отстегнул свой многофункциональный ПДА с запястья и, держа двумя руками, водил туда и сюда, снимал в подробностях вонючий рассадник нечеловеческой культуры.

На площадке перед пирамидой была разложена расчлененная туша кабана, над ней сидел крупный бюер в драном комбезе. Толком носить этот предмет туалета мутант не умел либо не утруждал себя условностями — вдел руки в рукава и позволил изодранному комбинезону болтаться сзади, как плащ. Когда он поднимался и расхаживал над тушей, комбинезон волочился позади, цеплялся за выступы бетона и прутья арматуры, тогда бюер останавливался и с достоинством оправлял одежду, как король мантию. Торопиться ему было некуда — жратвы-то перед ним полно. Бюер чего-то ждал, да и его соплеменники низкого ранга — тоже. Мало-помалу бюеры стали сходить к площади, располагались по периметру, садились, стояли. Крошечные голые детеныши копошились, повизгивали, играли камешками и всевозможным сором — заставляли кусочки пластмассы, бетона и металла приподниматься и совершать короткие перелеты. Вокруг наиболее талантливых вились небольшие рои обломков.

Несколько раз я заметил, как бюеры отходили в сторонку и справляли нужду, не смущаясь сородичей.

Другие поднимались, потягивались, хрипло верещали, прогуливались поблизости, снова возвращались в круг... Многие жевали и грызли какую-то дрянь, то есть ожидали они не позволения приступить к трапезе, смысл обряда был в другом. Мне стало скучновато, а Вандемейер был совершенно счастлив, он снимал интегрированной в ПДА видеокамерой, его хитрый радиоприемник подмигивал разноцветными огоньками, цветов которых я не мог опознать с уверенностью... Наука получит неоценимый подарок, если нам удастся доставить добычу Дитриха в цивилизованный мир. Кстати, эта мысль напомнила мне о необходимости продумать дальнейшие действия. Прыгать по склонам нам не улыбалось — во-первых, миновать поселок мутантов требовалось скрытно, во-вторых, Вандемейер ослабел, а у Костики действует лишь одна рука. Нам понадобится удобный и укрытый от бюеров путь.

Я стал оглядывать склон и присмотрел неплохой как будто спуск — а там по окраинам, за стенами... С Вандемейером говорить было бесполезно, так что я обратился к Костику:

— Смотри, если мы спустимся здесь этажом ниже, потом вправо и вон по тому гребню можно пройти вниз. Потом обогнем поселок по краю, а?

— Я також туды дывлюся, — кивнул Тарас, — але ж не впевнений, що воны сплять вночи. Хто йих зна, тых чорты-кив смердячих?

— А что, по-твоему, делать?

— Як що? Темрявы чекаты, а потим — на вихид.

— Я же так и сказал!

— А хiba я проты? Я ж не проты. Але поперше треба гарно роздивитись, як воно тут влаштовано. Тут же циле мiсто, цивiлiзацiя! Гуманойиды!

— Однажды сталкера Петрова ранили в перестрелке. Ему говорят, давай к доктору, он рану посмотрит. А Петров говорит: некогда мне к доктору, нет времени на всякую ерунду, мне слепого пса надо ловить. Зачем? Ну, как же, рану нужно дать собаке полизать, так бабка научила.

— Ну й що? Мене також бабка в дытынствi навчала, що треба собаки дати. До чого ты?

— Да так... У тебя патронов ещё много? А, я же вчера спрашивал...

— На усих цих мерзотныкив не выстачить. Ще в мене лопатка є. А чого ты пытаєшь?

— Да просто... чувствую, если нарвемся — наваляют нам так, что никаких собак в Зоне не хватит, чтобы зализать.

Выход на поверхность звал и манил, но между свободой и нами находился поселок бюреров, едва ли не сотня мутантов. Придется ждать... Я отполз от края и прислонился к стене напротив Костика. Вандемейер полностью ушёл в научные изыскания и даже кашлять перестал — похоже, работа поддержала его лучше любых лекарств. Не ест, не пьёт, только трудится — просто фанатик!

Неожиданно для себя самого я почувствовал, что хочется есть. И очень даже хочется, я же не трудоголик наподобие Дитриха. Я полез в рюкзак, вытащил флягу, встряхнул. Меньше половины. И галет совсем мало. Костик нащупал в своем рюкзаке банку тушенки и протянул мне, ему вскрывать неудобно, одной-то левой рукой.

— Не дрейфь, Слепой, — бодро сказал Тарас, — в мэнэ ще є консервы. Три банки, поживемо ще.

— Воды мало. Так что я все же надеюсь, что ночью мы прорвемся, потому что ждать здесь не выйдет.

— Нужно прорываться, — буркнул Дитрих, не отрываясь от работы, — другого выхода нет. Но двигаться нужно быстро. Или они нас съедят.

— Или мы их, — предложил я, протягивая открытую банку терминатору. — Правда, Костик говорит, у него ещё консервы остались. Может, бюреров есть начнем не сразу.

— Як потемние, втечемо звидсы, — буркнул Тарас. — Вандемейер, поийжете, вам треба.

— Да-да, я сейчас... Знаю я его «сейчас».

— А ну-ка без разговоров! Вы же видите, они чего-то ждут. Вот пока не началось, перекусите. Вот галеты, вот тушенка. В театре антракт, предлагаю пройти в буфет. Ну?!

— Э... да, минуточку...

— Ну-ка живо! А не то начнется второй акт пьесы, и вас за уши не оттянешь пожрать. Знаю я вас, театралов.

Пока мы ужинали, мутанты внизу бездельничали, они в самом деле чего-то ждали — расселись кругом около пирамиды и перекликались противными голосами.

Мы снова расположились у края... Вот солнце опустилось совсем низко, и последние лучи странным образом ворвались в грот снизу, будто отразились от некоего огромного зеркала у входа в пещеру. Может, там лужа? Или зеркало расплавленной породы? Тут я в который раз пожалел, что страдаю расстройством зрения. Все, с кем я пытался обсудить этот вопрос, в один голос твердят, что красный свет обладает определенной магией — жаль, что я не могу оценить этого в полной мере.

Мощный пучок света ударил снизу в громадный череп, венчающий пирамиду, вырвался из отверстий, столбы свечения потянулись от чудовищных костей во все стороны, к стенам гигантской пещеры, к своду, упали на морды бюреров. Мутанты возбудились, они привставали, колотили себя ладонями по пузам и ляжкам, подвывали. Крупный самец в комбинезоне поднял церемониальный жезл, здоровенную кость — длинную, с него ростом, если поставить её вертикально. Мутанты замерли.

Вожак хрипло прокаркал короткую фразу и взмахнул жезлом — все кинулись к останкам кабана, столпились, орали, отталкивая друг друга. Даже малыши с писком лезли в кучу-малу, мне стало страшно, что их затопчут в сутолоке. Жалко — не совсем то слово, маленькие бюреры — такое же воплощенное уродство и мерзость, как взрослые, но когда такая мелюзга лезет под ноги толпе мутантов, все равно немного не по себе.

— Они стремятся пролезть к голове, — констатировал Вандемейер, водя камерой.

— Навищо це? — Бюреры подняли внизу такой гвалт, что и Костик заинтересовался, тоже присел у края и наблюдал поверх головы Дитриха.

— Скоро узнаем. — Хороший ответ.

Свалка продолжалась несколько минут, потом мутанты попятнулись, расходясь в стороны от туши. Морды у них были вымазаны и лоснились, некоторые вылизывали ладони. Вид кабаньей туши почти не изменился — только череп был обглодан начисто и сиял белизной.

Вождь, размахивая костяным посохом, прохрюкал новый приказ. Несколько мутантов покрупней выступили из круга и приблизились к черепу. По знаку старика в комбинезоне они сгрудились, так что едва не касались друг друга локтями, вылизались на череп, и все затихло. Потом обглоданная кабанья башка медленно качнулась — раз, другой... приподнялась... подпрыгнула, ещё выше, ещё. Мутанты-телекинетики увлекли череп на другую сторону пирамиды, обращенную ко входу, так что нам не было видно, что произошло дальше. Наверное, череп занял место в ряду таких же.

Красный свет, бьющий в вершину сооружения, померк, солнце миновало точку, из которой отраженные лучи попадали в грот. Сразу стало темней, бюреры расселись по кругу около пирамиды.

— У! — рявкнул старый вождь и ударил тростью по камню.

— У-у-у... — завывли мутанты.

— Торжественное богослужение окончено, теперь дискотека, — объяснил я. — Вандемейер, а у вашего Н'Гвамы похоже было?

— Э? Что-что?

— Ну, бросьте, не разыгрывайте из себя рассеянного ученого. Я говорю: у вашего Н'Гвамы похоже было?

Бюреры под нами выводили:

— У-у-у... Э-э-э... Ы-ы-ы...

Дитрих прислушался, склонив голову набок.

— Не совсем, но общие черты я, пожалуй, прослеживаю. Слепой, вы мне подали интересную мысль!

— Вандемейер, я хочу вас предупредить. Когда мы будем покидать это место, вы не станете ничего включать, ничего снимать и вообще будете заняты лишь одним: бегством. Я не шучу. Мне вовсе не хочется украшать эту пирамиду.

— Украшать? Э... А, в этом смысле!

— В этом, в этом. Не для того моя голова предназначена.

— Слепой, я ведь обещал! — Дитрих был сама невинность.

— Нет уж, я вижу, в этой пещере слишком много соблазнов для настоящего учёного. Поэтому предупреждаю: будете нас задерживать — брошу вас с бюрерами. Вот Зоной клянусь, брошу! Тут забеспокоился Костик:

— Ни, Слипый, ты щось не те кажешь.

— Я знаю, что говорю. Вандемейер умеет быть невероятной сволочью, уж поверь! А мне моя жизнь дороже любых научных открытий. И ещё — дороже любых красивых жестов одного отчаянного фаталиста. Да-да, Вандемейер, нечего на меня так смотреть, ничего не поделаешь, если нас свела судьба. Так сказал сталкер Петров яичнице-глазунье. Вы знаете, что такое яичница-глазунья?

— Знаю, конечно. Шпигель-ай.

— Вот и нечего на меня смотреть, как сказал сталкер Петров яичнице шпигель-ай.

Тут Вандемейер впал в сентиментальность, начал меня уговаривать, что будет паинькой и вообще — вот сейчас только, вот чуточку, вот капельку поизучает этих мутантов... отсюда, сверху. А внизу сразу бросит, уйдет в глухую завязку. Я, конечно, не поверил ни единому слову. Однажды дали сталкеру Петрову поручение, он Зоной поклялся, что выполнит, да и обманул. Ему говорят: ты чего? Ты же Зоной клялся! А ещё матерый сталкер! А он отвечает: салаги вы, ничего не понимаете. С тех пор Выброс случился, а Выброс, как нам, ветеранам, известно, меняет Зону на фиг совсем. Так что была одна Зона, а после Выброса стала совсем другая. Ну а я, говорит Петров, той, старой, поклялся. Её и нет больше.

Пока Дитрих бормотал, что полностью осознает серьезность моих замечаний (именно так он выразился, дословно), я кивал. Потом объявил: если согласен — пусть спать ложится. Ночью пойдем на прорыв, значит, всем нужно отдохнуть. Хе-хе, как я и предполагал, Вандемейер начал спорить, мол, он согласен, но караулить будет первым. Ну, разрешите ему! Ну ещё немного, капельку понаблюдать за поселком мутантов, когда ещё представится такая возможность?

— Это верно, — пришлось мне признать, — другой возможности вам не представится, я заранее отказываюсь лезть по доброй воле в местечки, подобные этому гроту. Валяйте, стерегите. А я буду спать. Да, и не вздумайте включать фонарик! Вас снизу заметят.

Мы решили, что вторым буду дежурить я, последним — Костик. Я выбрал самое плохое дежурство, мой режим вышел таким: три часа сна, три бодрствования, потом снова спать. Не выспишься толком — но я подумал, что Костик ранен, а Вандемейеру совсем паршиво, так что лучше уж пусть отдохнут больше моего. Ничего, завтра утром мы вырвемся из этого подземелья, через день будем отдыхать в «Звезде».

Внизу завывали бюреры — похоже, им самим надоело, голоса делались все тише, завывания — все заунывней.

Интересно, где сейчас Пустовар? Вряд ли он мчится вприпрыжку, скорей — передвигается даже медленней нашего, избегает всех встречных, старательно обходит десятой дорогой любой сигнал, замеченный на ПДА. И весь рюкзаками увешан. Ничего, пусть помучается, пусть напрягается, сволочь жирная. Пусть попытит... напоследок. С этой мыслью я и уснул.

Разбудил меня не Вандемейер и не зуммер моего КПК. Внизу, под обрывом стоял ужасный шум — бюреры рычали, завывали на все голоса, то и дело раздражались отчаянными воплями... что-то трещало, грохотало.

Вандемейер замер над пропастью, его силуэт едва выделялся в сером мареве, заполнившем пещеру. Часть лунного света проникала под своды — должно быть, отражалась от того же зеркала, которое обеспечило освещение на закате. Костик тоже проснулся и возился в темноте коридора, вполголоса ворча ругательства.

Я подполз к краю и осторожно высунул голову над изломанным краем. Сперва ничего не разглядел в темноте, потом стал замечать фигурки мутантов, мечущиеся в бетонном хаосе. Разглядеть бюреров как следует мешал рой снарядов, который твари подняли в воздух. Сперва мне показалось, что бюреры сражаются друг с другом, но вскоре я разглядел причину переполоха — над городом вились три едва заметно светящиеся точки. Мы называем таких мутантов полтергейстами, а что они собой представляют, я не знаю. Уродливые твари, немного напоминающие формой черепа контролёров, но гораздо менее общительные — в том смысле, что вступить с ними в контакт никому не удавалось. То ли полтергейсты не способны понимать человека, то ли просто не желают — нрав у них жуткий. Всегда нападают, и непременно исподтишка. Заметить их непросто — они умеют ловко маскироваться, но природа их способностей иная, нежели, к примеру, у кровососов. Они не становятся полностью невидимыми, полтергейстов можно заметить, как округлые облачка тумана, в центре которых потрескивают крошечные голубоватые разряды. Когда имеются источники света, их увидеть сложно, но теперь, в темноте, облака, подсвеченные изнутри голубым, оказались на виду.

Полтергейсты — телекинетики, да не чета бюрерам. Средний бюрер может швырнуть достаточно сильно груз весом... ну, в пару килограмм — да и то опасны они лишь вблизи, а полтергейсты запросто кидают железные бочонки, оружейные контейнеры, колеса грузовиков — да ещё, бывает, подолгу целятся, удерживая такой снаряд в воздухе. Мне как-то пришлось попасть под обстрел полтергейста, так я и не подумал отбиваться, сбежал. Один удар канистрой по спине — и у меня пропала всякая охота разбираться, кто из нас альфа-хищник.

Вот и сейчас три полтергейста атаковали поселок бюреров, хохотали, завывали, швырялись крупными камнями, местные отбивались, меча в агрессоров булыжники и груды щебня, они старались действовать согласованно, собирая по десятку-другому снарядов, чтобы поразить наверняка. Полтергейсты вились над развалинами, увертывались, иногда успевали отразить выпад, перехватывая снаряд на лету...

— По-моему, сейчас подходящий момент, — предложил я. — Они увлеклись.

— Гаразд, — согласился Костик, — втечемо зараз.

— Но... — начал было Вандемейер.

Я прекрасно его понимал: схватка двух банд телекинетической мафии — это безумно интересно для настоящего учёного! Но сейчас мне очень захотелось убраться отсюда подальше. Бюреров на нашем пятачке можно было не слишком опасаться, но полтергейстам ничего не стоило обнаружить убежище на верхнем этаже.

— Никаких «но»! — отрезал я. — Вандемейер, у нас нет времени. Сворачивайте аппаратуру, нужно срочно делать ноги.

— Что?.. Э?..

— Втикаты треба, — буркнул Костик, увязывая рюкзак. — И швыденько!

Внизу ревели, не умолкая, битва продолжалась, так что я надеялся, бюреры не станут и глядеть в нашу сторону. Мы

по-быстрому похватили манатки, и я первым полез с обрыва. Справа наш коридор ограничивала несущая стена, она была достаточно широкой, чтобы по зубчатому неровному скосу можно было спуститься, как по лестнице, разве что ступени разные. Сперва я в самом деле протопал довольно бодро, потом пришлось прыгнуть — невысоко, чуть больше метра. Рядом со мной тут же оказался Костик, потом начал спускаться Дитрих. Я не стал ожидать, полез по осыпи на следующий этаж. На наше счастье, эта стена была обрушена так, что образовала довольно пологие склоны то тут, то там, просто время от времени приходилось перелезать к новому участку, я все время забирал вправо, чтобы выйти не к центру поселка мутантов, а на окраину.

Тем временем двое полтергейстов подхватили довольно крупного бюрера, кажется, самку — подняли за ноги в воздух. Бюрерша, болтаясь в полутора метрах над камнями вниз башкой, подняла жуткий визг, она брыкалась, изворачивалась, норовила выхватить из кучи под собой булыжник и долбануть налетчика — благо, теперь ей было недалеко метать. Я все это неплохо успел разглядеть, потому что достиг нижнего уровня первым и, присев за невысоким обломком бетонной стены, имел возможность насладиться батальным полотном в полной мере.

Похищение почтенной дамы вызвало новый приступ ярости у населения поселка. Бюреры вылетели из-за стен, под которыми пытались укрыться от обстрела, они разъярились и, не щадя себя, устроили мощную бомбардировку. Я разглядел вождя в комбинезоне — этот взобрался на груды обломков и верещал, размахивая костяным жезлом, как дирижер палочкой. Обломки бетона различной величины вились над ним, скручивались в спирали и устремлялись к ухажущим над головой полтергейстам. Те опешили, или, возможно, им мешало то, что они вынуждены поддерживать пленницу. Кстати, похищенной бюрерше, по-моему, доставалось больше, чем чужакам, немалая часть камней угодила в нее — с каждым попаданием она визжала пронзительней и громче...

У меня сложилось впечатление, что для полтергейстов происходящее является не охотой, а развлечением. Но кто их разберет, мутантов? О полтергейстах вообще ничего не известно. Как они летают? Почему в полете их видно лишь в виде туманных сгустков и крошечных молний? На этот счет сталкеры могут порассказать десятки историй — одна другой фантастичней, по-моему.

Дело в том, что существа это таинственные и опасные. Наблюдать за ними — себе дороже. Лично я впервые разглядел полтергейстов настолько долго, это же случай, что они так увлеклись бюрерами. Впрочем, я не жалел, что встреча выдалась мимолетной, я торопился убраться подальше и от тех мутантов, и от других.

Наконец мы преодолели спуск и собрались в закутке у самой окраины бюрерского города. Тут полтергейсты выронили бюрершу, она успела вывернуться в падении и приложилась о бетон не головой, но треснулась знатно. Хрустнули косточки, мутантка пронзительно взывала, ей ответил хор возмущенных голосов, бюреры обрушили на врага град камней, но и полтергейсты, освободившись от ноши, набросились на местных с удвоенным усердием...

Тем временем мы осторожненько крались от центра руин в сторону, к стенам гигантского грота. Схватка, как назло, сместилась к выходу, так что нам пришлось отступать все дальше, удаляясь от дерущихся. Костик дернул меня за рукав и указал широкий тоннель в стене — вдалеке виднелся бледный свет. Похоже, боковой выход. И снова — в который раз — у нас не было выбора, мы поспешили укрыться в тоннеле. Я пару раз споткнулся, прежде чем сообразил, что бегу по шпалам. По дну тоннеля проходила узкоколейка. Приспособив шаг к промежуткам между шпалами, мы двинули скорей, Костик опережал меня, но я поглядывал на датчик аномалий, и аппарат помалкивал, так что я не спешил придержать Тараса. Вандемейер пыхтел позади, он так и не выключил своего приемника, и это оказалось верным решением, потому что Дитрих обнаружил мутантов по радиосигналам.

— Стойте! — выдохнул рыжий. — Там впереди!.. Кто-то!.. Есть!..

Мы притормозили. Сзади, из грота, доносился шум битвы, но и впереди как будто что-то происходило. Тоннель плавно изгибался по широкой дуге, так что нам было видно лишь около полусотни метров рельсов. Но впереди находился источник света — и, похоже, именно лунного света. Ох, как забило сердце... за время блужданий по подземельям чувства словно притупились — мне ведь следовало отчаянно трусить, когда мы увидели поселок бюреров, когда появились полтергейсты. Мне следовало бы дрожать от страха и волнения, пока мы спускались по осыпям, по грудам щебня, по бетонным руинам, а в двух шагах гремела канонада эпической битвы телекинетиков всех мастей! Но нет, тогда я был спокоен, а вот теперь — проняло. Ох, как хочется наружу...

Мы двинулись медленно, мелкими шажками, внимательно приглядываясь и прислушиваясь. Вот на путях показался вагончик — платформа на колесах с искореженными остатками кабины на обращенной к нам стороне. Локомотив, что ли, такой? Возможно, на электрической тяге. Наверное, такую мелочь электровозом именовать — много чести. Дрезина, скорей.

Теперь я точно различал легкий шорох и курлыканье, доносящиеся из-за электровозика. В тоннеле было совсем темно, я различал лишь контуры на фоне тусклого света, струящегося навстречу нам из-за поворота. Свет тянул меня словно магнит, но осторожность велела не спешить.

Мы переглянулись, Костик шепотом, почти беззвучно произнес:

— Тыхенько вперед.

Мы пошли, пригибаясь за обломками электровоза и ступая осторожно, чтобы не потревожить щебень, усыпавший колею. Вот и холодный металлический бок электровоза, шершавый от ржавчины. Я осторожно выглянул. Здесь было куда светлее — наверное, выход совсем рядом! Перед нами находились двое небольших бюреров — похоже, мальчик и девочка, подростки. Пока все племя, не щадя живота, сражается с полтергейстами, эти двое удрали и заняты лишь друг другом. Подростки повсюду одинаковы. Мутанты развлекались — по очереди приподнимали друг дружку над землей, будто на качелях раскачивались. Талантливые детки — насколько я могу судить, такой труд не каждому бюреру под силу! Вот вверх взмыл мальчик, довольно курлыкнул и мягко опустился на шпалы, потом — осторожненько приподнял девочку. Та хихикнула совершенно по-человечески.

Я увидел, как Костик поднял ствол «калаша», потом опустил. В холодном голубоватом свете я различил, что его лоб пошел морщинами.

— Та ни, не могу, — выдохнул Костик. — Ни, ни... Я его вполне понимал. Что поделаешь, я отлично знаю, что бюрерам чуждо все человеческое, они способны не то что убить — могут и сожрать сталкера живо... но тут было двое

детей. Все же, как ни крути, — двое счастливых детишек.

Я поглядел на Вандемейера — вот ведь конченный человек, он не морщил лоб и не хватался за оружие, а склонился над своим дурацким прибором, этому заминка вроде даже в радость... А я растерялся. Ну, в самом деле, как быть? До выхода далековато, да и что там, снаружи? Может, и выхода-то никакого нет? Тогда нам не годится выдавать свое присутствие, а детишки поднимут хай, если мы покажемся им на глаза. Мои размышления прервал нарастающий вой сзади. Я и сообразить ничего не успел, только обернулся: из тоннеля с хохотом и громом возник сгусток тумана, подсвеченного изнутри холодными разрядами, — полтергейст был вне себя, он подхватывал по пути все, что попадалось, и швырял в стороны, только грохот стоял от ударов камней о шпалы, о стены и своды тоннеля. Причина его ярости тоже была ясна — топот, стук и возмущенные вопли бюреров накатывали из темноты, орда преследовала бегущего противника.

Я выхватил из-за спины «Гадюку», даже не вспомнил, что патроны вышли... Тут мутант замер надо мной, его искорки забегали быстрее. Потом, вспоминая этот эпизод, я счел, что полтергейсту уже приходилось иметь дело с огнестрельным оружием, и этот опыт ему крайне не нравился. Видимо, поэтому мутант действовал стремительно и мощно. Я почувствовал, что автомат вырывается из моих рук, ремень больно впился в плечо. Полтергейст дернул оружие так сильно, что приподнял меня, ноги оторвались от земли, меняхватило о ржавый бортик рубки дрезины, потом ремень лопнул, от боли я разжал пальцы — проклятый мутант завладел МР-5. Прогнивший бортик провалился подо мной, я покатился по настилу... треснулся головой о какой-то выступ... и, пожалуй, ненадолго отрубился.

Когда я пришел в себя, то увидел: Костик с Вандемейером, сопя, толкают дрезину, разгоняют, потом запрыгивают ко мне, промелькнули растерянные хари маленьких бюреров — те прыснули в сторону, когда наш ржавый бронепоезд прокатил мимо. Позади стоял адский шум — полтергейст вступил в бой с преследователями. В узком тоннеле бюреры не могли использовать численного преимущества... а наш состав стремительно катил навстречу серебристому свету, уклон становился все заметней, стук колес ускорился. Костик напоследок полоснул очередью из «калаша» темноту в тоннеле — наверное, кто-то за нами гнался...

Вот мы вывернули из-за поворота, в проеме показалось лиловое небо, усыпанное удивительно яркими звездами, промелькнула полная луна, я начал приподниматься, опираясь на локоть... потом стук колес оборвался, стены и свод пропали, стих шум побоища позади, дрезина стала заваливаться передней частью... все вокруг жутко загромоздилось... и я снова исчез из этого мира.

Возвращение в реальность происходило постепенно. Сперва я услышал зуммер моего КПК — он радостно извещал, что отыскал сетку и что у меня имеется корреспонденция. Вслед за ушами ко мне вернулись ноги. Верней, левая — я почувствовал, что у меня отчаянно болит нога. Будто огнем изнутри жжет, просто душу выворачивает. Потом на фоне этой большой боли проклюнулись мелочи — что-то колет спину, зудят ссадины на руках, ломит плечо, которое рванул ремень автомата. Ну, здравствуй, мир, полный страданий.

Я по-прежнему ничего не видел, но зато слышал все лучше.

— ...Но как-то ведь надо его вытаскивать! — отчетливо произнес совсем рядом Вандемейер.

— Я спробую... от зараза, як ливою незручно. Зараз я спробую, а вы його тягните, як воно піде в гору. Ну, чи ви готови? Ну!

— Стойте, стойте... Если я потяну раньше времени, ему будет очень больно.

— Мне уже очень больно! — прохрипел я. — Так что не стесняйтесь, добивайте, мне уже хуже не делается.

— Слипый, ты як? Живый?

— Угу. А почему так темно? Я думал, мы выбрались из пещеры.

Оба смолкли. Я ждал.

— Здесь довольно светло, — осторожно произнес Вандемейер. — Вы совсем ничего не видите? Совершенно ничего?

— Нет, не вижу, только нога сильно болит. Что со мной? Где я?

И тут зрение стало возвращаться. Я сообразил — болевой шок, что ли? Однажды со мной такое было, я тогда на стройке работал, получил вскользь кирпичом по руке, совсем легонько, ссадина получилась ерундовая, но, вероятно, оказался задет нерв, и я несколько минут не видел. Не знаю, нормально ли такое, или это у меня организм с особенностями...

Сейчас я начал различать очертания предметов — сперва только контуры, потом окружающее проступило более рельефно, появились тени, блики... Ночь подходила к концу, до рассвета оставалось, пожалуй, не больше часа, и все окрасилось в сумеречные серые тона. Большую часть горизонта заслоняли встревоженные лица Костика и Вандемейера.

Я лежал под холмом, у самой подошвы, надо мной нависал поросший кривыми деревьями склон. Если задрать голову, то можно было разглядеть вывороченные куски бетона и кривые, неровно обломанные рельсы — выход тоннеля, из которого мы свалились. А то, что колет спину, — это мой отощавший рюкзак, что-то из поклажи вывернулись и торчат острым углом.

— Ну вот, уже лучше, уже вижу...

Потом я попытался приподняться — и тут же осознал: то, что мне до сих пор казалось невыносимой болью, на самом деле совершеннейшая фигня. Вот теперь, когда я подтянул локти и попробовал сесть, вот тут-то ногу и пронзило по настоящему... Но я успел разглядеть: дальше от ската холма искореженной грудой металла громоздится дрезина, а моя нога скрывается под ржавым бортом. Черт, лучше бы я по-прежнему ничего не видел. Когда приступ боли миновал и я смог выдохнуть, то первым делом объявил:

— Однажды на сталкера Петрова свалился электровоз...

Вандемейер сморщился, а Костик очень осторожно погладил меня по плечу. Вот уж этого я никак не ожидал.

— Ты шуткуй, Слипый, шуткуй. Тоби, мабуть, легше, як ты свої дурниці верзеш.

— Хорошо, что на голову, сказал Петров. И ничего не пострадало.

— Ну, отже, — Костик поглядел на Вандемейера, — зараз я спробую підняти ту залізку, а ви його тягните.

А меня никто не спросил?

— Но я же...

— Ты лежати́меш, Слипый. Тільки лежати́меш. Це не важко, в тебе вийде, не турбуйся. Лежати́ навить такий дур-

нык, як ты, зможе.

— Хотя обезболивающего вколите, мутанты, эскулапы хреновы! — Я уже не выдержал. Думают о чем угодно, но не о моей беде.

— Да-да. Конечно, — засуетился Дитрих, — я сейчас... но у меня все пропало, этот мерзавец утащил аптечку вместе с рюкзаком.

— Так возьмите в моем рюкзаке, он подо мной. Надеюсь, не все разбилось...

Думаю, Дитрих вколол мне лошадиную дозу, потому что обезболивающее начало действовать почти сразу, все поплыло перед глазами, закружилась голова, и я даже ухватился руками за стебли бурьяна, чтобы не меня не унесло... так что некоторое время я воспринимал окружающее не вполне адекватно и поэтому не уверен, что все было именно так, как это увиделось мне. Вандемейер подхватил меня за подмышки и приготовился, а Костик встал над моей несчастной ногой, зажатой под бортом электровоза. Ухватился левой рукой снизу за борт, выдохнул... согнул ноги, напрягся... лицо Костики покраснело, потом приобрело лиловый оттенок. Ну ладно, я преувеличиваю, ничего такого я видеть не мог, потому что ещё не рассвело. Но рожа Тараса потемнела, это точно.

Я зажмурился... потом раздался душераздирающий скрежет, Дитрих дернул меня, я почувствовал, что отползаю назад, стал упираться локтями, помогая, насколько можно, Вандемейеру... Поднять рухнувший, вбитый падением в грунт электровоз невозможно! Сколько весит такая железяка? Четыре, пять центнеров? Больше? Костик не мог поднять одной левой! Потом я сообразил — он не поднял всей махины, а смял, отогнул проржавевший насквозь борт. Вот Тарас выдохнул и повалился на колени, к его лицу стали возвращаться нормальные краски.

Потом они с Дитрихом склонились над моей ногой.

— Перелом, — вынес вердикт Вандемейер. — Закрытый, но выглядит довольно паршиво. Попробую соорудить лубок. Слепой, как вы себя чувствуете?

— Можете называть меня «Хромой».

— Та шо йому зробыцца? Якщо шуткуе, то порядок. Робить лубок, доктор.

Обезболивающее наконец подействовало в полной мере — нога отнялась совсем. Теперь я смог перевести дух и наконец осознал, что дела мои на редкость плохи. Дитрих тем временем вспорол на мне брюки, но я не ощущал прикосновений своей несчастной онемевшей конечностью. Захотелось поболтать, захотелось непременно сказать кому-нибудь гадость, чтоб не одному мне было плохо. Костик потихоньку ретировался, в моем распоряжении остался лишь Дитрих.

— Вандемейер, а зачем вы мне ввалили насчет носорога?

Учёный перестал колдовать над моей ногой и удивленно уставился на меня.

— Что вы имеете в виду? Какой носорог?

— Помните свой первый день в Зоне? Когда вы завалили кабана, то стали втирать мне насчет ампул со снотворным, которыми обездвигиваете носорога... и все такое.

— Да, припоминаю.

— Ну так вот, я заметил: вы стреляли зверю в висок, где череп тоньше. Грамотная работа, но так стреляют пулями, а не снотворным. Ампулой не нужно пробивать кость. Ну, так что вы скажете в свое оправдание, лгун?

— Видите ли, — Дитрих отвернулся и занялся лубками, моего взгляда он старательно избегал, — вы и ваши соотечественники настолько наивно оцениваете людей из Западной Европы... будто все мы — сплошь законопослушные идиоты... мне не хотелось лишать вас этой веры.

— А сколько носорогов вы убили? Вандемейер тяжело вздохнул.

— Ну, двух. Вы же понимаете, бывают ситуации, когда зверя остановить невозможно. Тогда приходится отступать от принципов.

Где-то поблизости вроде бы топор тюкнул по дереву — раз, другой, потом ещё и ещё.

— Однажды сталкер Петров отступил от принципов и продал хабар учёным на Янтаре. Потом полгода прятался от своего перекупщика. Вандемейер, зачем я с вами связался? Вы бессердечный убийца носорогов! Вы превратили меня в калеку, циничный человек из Западной Европы.

Дитрих негромко хрюкнул. Не знаю, что он хотел этим сказать.

Тут к нам присоединился Костик, он приволок толстую палку с рогулькой на конце — похоже, срубил деревце. Чем это? Ах да, саперной лопаткой. Левша, блин... подковал аглицкую блоху лопатой.

Тарас плюхнулся рядом с нами, зажал палку ногами и протянул ладонь:

— Вандемейер, дасыть мени нож Слипого, трохи пидривняты треба.

— Меня теперь зовут Хромой, а не Слепой, запомни! И вообще ты бы мог меня попросить, я пока что в состоянии поднять собственный нож.

Я протянул инструмент Костику, тот засопел и стал строгать неровно срубленные края палки. Потом Вандемейер заявил:

— Ну вот, что можно сделать в походных условиях, я сделал. Слепой, постарайтесь не тревожить ногу, не опирайтесь на нее.

— А вот тебе костылыка. — Тарас протянул мне палку. — Якщо ты тильки ногу й голову вдарыв, то самостийно йты спроможный.

— Я? Голову?

— Ну, ты ж казав: сталкеру Петрову на голову упал электровоз... — Когда Тарас передразнивал меня, то говорил по-русски четко и без акцента.

— А почему вы вообще полезли на этот бронепоезд?

— Как почему, Слепой? Вы же первым туда запрыгнули! Мне показалось, это отличная идея — укатить от мутантов. Рельсы шли под уклон...

— Хм... Я не запрыгивал, меня полтергейст швырнул.

Удача, великая богиня и мать богов, мне обижаться на тебя или вознести хвалу? Я же не хотел прыгать на эту дрезину, которая, покатав меня, вздумала сама поездить по моим ногам! С одной стороны, мы удрали из пещеры и все живы. С

другой — я после падения охромел, а парни, хотя и помяло их крепко, но отделались ушибами. Наверное, я выберу хвалу. С богами лучше не ссориться. Слава тебе, богиня удача, но постарайся больше так не делать.

Ну ладно... я приподнялся, опираясь на выстроганную Костиком палку, — получилось.

— Отлично, стоять я могу. Однако вряд ли мне удастся простоять, пока вы сходите за помощью.

— Не кажи дурных. Мы без тебе не выберемся с цией Зоны. Так что пидеш з нами.

— Эгоисты. Ладно, я согласен, пойду. Так и быть!

И мы пошли. Костик подставил плечо — правое, потому что слева висел «калаш». Терминатор сказал:

— Не сыльно тысны, бо рука болыть.

— Так давай и тебе обезболивающего вколем?

— Ни, я дывывсь, небогато в нас ликов залышылось. — Это верно, лекарства были большей частью у Вандемейера, а его рюкзак уволок Пустовар, Зона его дери. — Так що я протрымаюсь, побережи обезболуючи для себе. Я поки що так могу.

Терминатор, железный человек. Ох и выпьем же мы с ним за удачу, ох и надеремся до поросычьего визга. До бюерского визга, вот как.

Передвигались мы не слишком бодро, все устали, спать хотелось, Вандемейер опять раскашлялся. К тому же в его аппаратуре разрядились аккумуляторы, а без работы Дитрих — что наркоман без своевременной дозы. Я понял так, что необходимость работать... верней, не так — не необходимость, а возможность работать поддерживала его, не давала скиснуть. Рыжий словно уговаривал себя, что, пока трудится, о неудобствах и трудностях нужно забыть, — и ведь успешно уговаривал, вот в чем штука! А сейчас Вандемейер напоминал сдувшийся воздушный шарик — он брел, шатаясь, поминутно кашлял. Да что там — я даже видел, как он сплевывает в траву! Не на салфеточку, как надлежит благонамеренному господину, а прямо на природу харкал — на мать нашу природу в её пыльных пожухлых проявлениях. Я подумал, что не мешало бы подсунуть ему новый допинг.

— Вандемейер, — старательно изображая голосом тревогу, окликнул я, — вам плохо? Может, нам сделать привал? Вы отдохнете, поспите? Черт с ним, с Пустоваром, пусть проваливается!

По тому, как Дитрих встрепенулся, я понял: сработало.

— В самом деле, Пустовар! — Рыжий перестал кашлять и задрал подбородок. — Интересно, где сейчас этот подонки?

— И куды мы йдемо? — вставил Костик.

— К ближайшему КПП. Небось и Пустовар туда же путь держит.

После того, как Дитрих понял, что и сменному аккумулятору жить осталось недолго, тут же перевел свой КПК в «спящий режим» — так он сам выразился. Теперь полноценно работал только мой ПДА, и сейчас я машинально бросил взгляд на монитор.

— Приближаются сигналы! Четыре человека!

— Это отлично, попросим помощи.

— Погодите, Вандемейер, погодите... Это Зона, здесь спешить нельзя.

Мы брели по редколесью и, хотя до встречных оставалось несколько сотен метров, пока что никого за деревьями не видели. Я придержал Костика за плечо, и мы встали. Мне не понравилось, как смещаются точки — встречные сталкеры — на моем ПДА. Они передвигались короткими рывками и одновременно растягивались цепью. С чего бы, если они не бандиты? Мы видны на их ПДА как единственный сигнал, то есть четверым одного встречного бояться не с чего, а вот мародёрам одиночка — как раз подходящая добыча.

Тарас понял меня без слов, помог подобраться к толстому клену, там я привалился грудью к шершавой коре и вытащил пистолет. Костик присел поодаль в кусты, Вандемейер выбрал позицию поблизости, ему достался клен потоньше — в этом молоденьком лесочке большинство деревьев были слишком тонкими, чтобы служить полноценным прикрытием.

— Вандемейер, присядьте, как Костик, — велел я, — ваш оранжевый костюмчик слишком заметен. И держитесь подальше от меня, потому что только мой сигнал виден на ПДА.

В Зоне все серое, что удобно для дальтоника, но учёным здесь играть в прятки весьма сложно, их оранжевые спецкомбинезоны отлично выделяются на сером. Дитрих послушно сместился в сторону, и мы стали ждать. Когда чужаки приблизились, я убедился: мне не показалось, они перемещались короткими перебежками — от укрытия к укрытию. Потом мы увидели черные куртки, мелькающие за кустарником — пока ещё достаточно далеко. Черные курточки и лиловые «треники» — своеобразная униформа мародёров. Мне трудно судить, почему они предпочитают одеваться по шаблону, но я вообще плохо понимаю таких людей. Очевидно, что они следуют некоему ритуалу, старательно соответствуют «понятиям». Кстати, наш Гоша Карый тоже частенько ходит в куртке и «трениках», да и Костик ведь тоже — в черной кожанке под рваным плащом.

Я не стал ничего пояснять спутникам, но Костик лучше меня понимал, с кем мы имеем дело.

— Хлопци, — сказал он, — зачекайте тут. Я швыденько.

И приподнялся, намереваясь выдвинуться из наших боевых порядков.

— Погоди. — Я не мог его отпускать одного. — А аномалии? А рука твоя? А...

Костик шагнул ко мне.

— Ты цилком правый, Слипый, щодо звычайной ситуации. Але ж зараз инакше неможливо.

Я понял, что он сейчас рванет навстречу банде, и воспользовался тем, что мы стоим рядом, — ухватил его за куртку.

— Не отпущу.

Я так и не заметил, как Костик меня приложил, почувствовал, что перехватило дыхание, потом ощутил боль от удара. Тарас легким толчком выбил из-под меня самодельный костыль и, аккуратно придерживая, опустил на траву. А я даже слова не мог вымолвить, только ртом воздух ловил, как рыба на разделочной доске.

— Ты мене також лупув, — успокоил Костик. — Посыдь поки що.

И тут же пропал в кустарнике. Вандемейер ничего не понял, но бросился мне на помощь. Подхватил, помог сесть поудобней.

— Что?..

— Костик пошел с бандой разбираться. Один.

— Это неправильно...

— Угу. У него неполный магазин...

Я не договорил — за кустами началась канонада. Треск дробовиков, сухой кашель пистолетных выстрелов, грохот автоматных очередей. Среди многоголосой пальбы я слышал короткие, в два-три патрона, выстрелы Костика. Мы переглянулись, я подтянул к себе костыль и поднялся. Вандемейер помог мне встать, а потом рванул первым, я скакал на одной ноге, ковылял, как мог, но мигом отстал.

Когда я прибыл к месту схватки, все было кончено. Единственное, что меня утешило — ну, хотя бы отчасти, — это что Вандемейер тоже опоздал. Костик сидел, привалившись спиной к стволу молодой березы, автомат лежал в стороне, на коленях Костика покоился чужой дробовик. Поодаль в живописных позах, раскинув конечности, лежали двое мародёров, у одного была прострелена грудь, куда пути угодили другому, я не видел (он упал лицом вниз), но под ним расплылась кровавая лужа. Сперва мне показалось, что Костик мёртв, и сердце екнуло... но наш терминатор поднял глаза и печально объяснил:

— Втекли, суки.

Тут я заметил что левый рукав его плаща пробит, просто крови не видно — она стекает под круткой и заливает кисть.

— Вот черт, Зона дери. — Я склонился над Костиком, костыль подо мной опасно хрустнул, и я поспешно перенес тяжесть на здоровую конечность. — Вторую руку?

— Ага, — ещё печальней согласился Костик, — непруха. Теперь до витру самостийно не пидеш, сам не зможу й ширинку розстебнуты. От беда так беда!

Вандемейер бросился перевязывать раненого, а я помог наложить жгут и потом проковылял к мёртвецам — проверить рюкзаки и карманы. Невеселое дело, но иногда приходится. Денег у мародёров при себе было немного, видимо, у них выдался неудачный сезон. Дробовик с несколькими зарядами, старенький ПММ, пара обоем да малость жратвы в рюкзаках — вот и вся наша добыча. Если, конечно, не считать все той же дрянной водки. Три бутылки! Меня куда больше обрадовали запасы воды, конфискованные у покойников. У обоих фляги были полнехоньки, да в рюкзаке оказалась пластиковая бутылка минералки.

Один пузырь тут же отобрал Вандемейер для дезинфекционных целей, у него наконец-то вышли салфеточки, так что наш врач, прежде чем пользоваться Костика, аккуратно протер руки паленой «Пшеничной» — боялся внести заразу. При его недуге о такой возможности постоянно приходится помнить. Раны оказались не опасными, пули прошли навывлет, не задев костей, но Костик потерял довольно много крови и рукой пока что пользоваться не мог. Конечно, когда ему наложат нормальные повязки и можно будет снять жгут, он снова сумеет самостоятельно расстегнуть ширинку — тут Тарас преувеличил свои беды... но ведь какая непруха, обе руки сразу!

Вообще-то мертвецов бы нужно было похоронить, но, ей-богу, сил у нас, троих инвалидов, не осталось. Пусть уж их кореша возвращаются и позаботятся о телах. А мы поспешно ретировались с этой полянки — и бандюков сбежавших боялись, и хищников, которых мог привлечь запах добычи.

Отмахав пару километров, мы совершенно выбились из сил. Во всяком случае, за себя я ручаюсь — выбился. Вандемейер тоже сопел, как загнанная лошадь, и кашлял, как дюжина чахоточных доходяг... Костик — тот двужильный, он бы мог и дальше шагать, но тоже вымотался порядочно, я же видел, как он бледнеет и потеет. Я уж и так, и этак старался облегчить ему груз, старался поменьше на него наваливаться, но с непривычки трудно было на костыле скакать. Наконец и он не выдержал:

— Слипый, ты, як подывытсья, тоненький, тощий, а якщо на шию тыснешь, то як той слон! Ни, ты не вбырай руку, бо впадешь! Ты в ногу йды, тоди легше.

— Я стараюсь в ногу...

— Та бачу, що стараєшся. Може, тебе треба до доктора? Я чув, такий доктор у Зони є, що усяку тварь приймає и ликує. Не тильки сталкерив, а й кабаняру може выликувати, чи бюрера навить, чи ще якусь сволоту. Може, тебе до того доктора принести?

— Костик, Болотный Доктор — легенда. Я в него не верю.

— Тю. А хлопци казали.

— Чего «казали»?

— А пару раз розмовляв зи сталкерами, яких вин выликував. Кажуть, иснує та легенда насправди.

— Это потому что они крепко веровали в Доктора, им по вере воздалось, а я не верую, и мне Доктор не поможет. Брось, Костик, болота далеко отсюда, мы скорей на КПП выйдем. А там и в больницу.

— Ты знаєш що, ты б писню якусь заспивав, щоб у ногу йти. Хоч трошки б полегшало.

И я «заспивав»:

*Добрый доктор Айболит,
На болоте он сидит,
Приходи к нему лечиться,
Бюрер, снорк, слепая псица.*

*Всем он, как при коммунизме,
Забесплатно ставит клизмы,
Всем пропишет наркоты.
Приходи к нему и ты.*

Песня помогала слабо, так что мы решили сделать привал. Выбрали подходящий пригорок, вершину которого украшали здоровенные валуны, — и расположились. Верней, упали. Местечко, как это зачастую бывает в исхоженной вдоль и

поперек южной части Зоны, облюбовали уже до нас, между камней чернело кострище, вокруг были разбросаны консервные банки, окурки, порванная упаковка, гниющие огрызки и тому подобный сор. Воняет, словно помойка, зато окрестности видны словно на ладони — так безопасней. До КПП ещё километров десять, совсем немного, но устали мы до смерти. Вот передохнем, а в полдень двинем. Дотемна должны выбраться за Периметр.

Едва я опустился в вытоптанную рыжую траву и прислонился спиной к нагретой поверхности валуна, накатила такая слабость, что и руки не поднять. Рядом сопел и ворочался Костик, устраиваясь поудобней без помощи рук, у соседнего камня отчаянно кашлял Вандемейер, прижимая к тощей груди рюкзак с головами мутантов... а я наслаждался кратким бездельем и обилием солнечного света.

Но долго скучать я не стал. Едва отдышавшись, полез в КПК, что там за почта нападала? И тут же оживился Костик:

— Ну, що там? Вид Гоши є щось?

— Да. — Я прокрутил страницу, в почтовом ящике — четыре нераспакованных мейла: от Карого, от Ларика... так, Корец... и приглашение посетить бар «Сто рентген», оживились они что-то в последние дни. Выброс, что ли, подействовал? Каждый день зовут, жить без меня не могут.

Вандемейер задумчиво подставил бледное лицо солнцу и заявил:

— Как-то даже странно... Странно видеть солнце, вдыхать свежий воздух...

Он энергично втянул носом пропитанное пылью и ароматами помойки душное марево. Улыбнулся, зажмурился и закончил:

— Странно после всех приключений вернуться в нормальный мир, где светит солнце, где приходят мейлы... где...

— Где воняют отбросы и где можно нарваться на банду отморозков, — подсказал я.

Но Вандемейер не слушал, он был счастлив. Ему вполне хватало собственных рассуждений, в собеседниках он не нуждался. Просто захотелось выговориться, это бывает.

— Знаете, пока мы блуждали по темным лабиринтам, иногда начинало казаться, что мир исчез, пропал без следа, что нет больше ничего, кроме темноты, заплесневелых подвалов, этой тишины, которая стискивает голову, как клещи.

Я кивнул — знакомое чувство, я тоже не люблю подвалов. Потом глянул Гошино письмо. Карый был, как обычно, энергичен и лаконичен: *«Ладно, выбирайтесь. Меры приму. Скажете кому про Пустовара — обижусь. Чужих не надо, сам решу вопрос»*. Я легко представляю, чем может обернуться Гошина обида. Например, голову открутит. Или не голову.

— Ясно, — кивнул Костик.

Ещё бы не ясно! Гоша решит вопрос сам, кто бы сомневался. Прикроет историю с ограблением «Звезды», а заодно наложит лапу на добычу маленького толстенького Пустовара — шутки шутками, а ведь хабар знатный! С другой стороны, я могу рассчитывать на премию...

Я сбросил Гоше наши координаты и номер ближайшего блокпоста. Попросил, чтобы нас кто-то встретил с тачкой, мол, нам в больничку бы скорей.

Спамерскую рекламу от «Ста рентген» я, как обычно, стер, не читая. Письмо Ларика оставил напоследок. Сладкое — на третье, сперва дела. Корец писал: *«Слепой, спасибо за предупреждение. Лагерь зачистили, приходи смело»*. И смайлик поставил. Чувствуется, доволен. Этой историей он упрочил свою позицию лидера на Свалке. Ну что ж, пусть так. Лучше Корец, чем какая-нибудь корыстная гнида. Я знаю, что говорю, то и дело приходится иметь дело с жадными болванами, которые захватили контроль над тем или иным приятным местечком. Корец всяко приличней большинства.

Ну и наконец — Ларик. Девушка писала, что все-все понимает насчет моих командировок, и она непременно будет писать каждый-каждый день, честное слово. И ещё большими буквами набила: тете Вере снова сон снился. Что, дескать, я чужую смерть у дороги нашёл, да теперь в кармане таскаю, не обернулась бы чужая смерть своей.

Ой, как страшно-то... Хм. А ведь точно тетя Вера предупреждала насчет ноги. Сон в руку! Сон в ногу... Однажды сталкеру Петрову приснилось, что на него напала целая стая кровососов — здоровенные, злобные такие. А наутро повстречался патруль военсталов. «Сон в руку!» — сказал Петров.

Теперь тетя Вера будет диктовать Ларисе всякий бред, какой только приснится, а Ларик исправно слать мне в мейлах. Веселая, однако, жизнь у нас пойдет!

Я не мог сообразить, как бы половчей написать ответ... как бы придумать, чтоб они там не переживали? И чтоб тетя Вера не стала обьявлять пророчествами всякий свой чих? Ведь станет же теперь, непременно станет! Как бы написать Ларiku, как бы половчей соврать... В задумчивости я отключил почтовый ящик, и на мониторе высветился участок местности — по умолчанию компьютер выдает актуальную картинку. Мимо нашей стоянки медленно смещался сигнал ПДА, какой-то одиночка бредет по Зоне. Идет, не спешит — может, хабара у человека полный рюкзак? Или, чего доброго, один из бандюков, сбежавших от Тараса? Вернуться надумал? Нас ищет, идет по следу? Но тех было двое.

Вот чужой сигнал медленно-медленно смещается к центру экрана. Вообще-то пока он далековато, но мы ведь на холме, отсюда хорошо видать округу! Я привстал, держась за нагретый солнцем валун, выглянул. Подробностей, конечно, было не разглядеть, но оранжевый рюкзак на сером фоне виден отлично. Оранжевый рюкзак и обычный комбез цвета хаки! Ох, какое сочетание... Догадки тут же заструились плавным потоком — конечно! Пустовар скинул в укромном местечке экзокостюм, ведь за Периметром в таком не пощеголяешь. Потому он и время потерял, задержался.

Значит, скинул черный «долговский» скафандр и теперь путешествует налегке, тащит рюкзаки на себе. Тяжело, небось, а? От волнения я сперва не мог произнести ни слова, только тыкал пальцем и сипел. Вандемейер, похоже, отключился, то ли спал, то ли блуждал по закоулкам собственных мыслей, а Костик сразу отреагировал — встрепнулся и уставился на меня.

— Оранжевый, — наконец выдавил я из мигом пересохшего горла.

Костику этого оказалось достаточно, он вскочил и уставился на Пустовара, неспешно бредущего к Периметру.

— Йо-о-о... Оце пофартыло... лышенько, та що ж я робытому без рук?

— Меня понесешь! Вандемейер, подъем! Свистать всех наверх! Йо-хо-хо! Сарынь на кичку! Пиастры! — Ох, Зона, что там кричат в подобных случаях пираты? — А! На бордаж! Я одноногий Джон Сильвер!

— Стий! — прикрикнул Костик. — Нехай блыжче пидийде.

— Он не подойдет, — ох, Зона меня возьми, ну как же они не понимают, — Костик, он не подойдет. Он видит мой сигнал, он увешан хабаром, как новогодняя ёлка — гирляндами, так что быстро бегать не может и от любого сигнала на ПДА шарахается и холмик обойдет вокруг. Вандемейер, возьмите мой КПК, отойдите в ту сторону метров на пятьдесят, там отключите комп и быстро тем же путем назад!

Нехитрый манёвр, но что ещё можно было сделать? Дитрих схватил мой приборчик и заковылял, куда приказали. Направление я выбрал так, чтобы рыжего от Пустовара скрывал наш холм. Вандемейер отбежал подальше и отключил прибор. Пусть Дима думает, что угодно, но нас здесь нет. Может, ему захочется устроить привал на этом месте?

Увы, привал Пустовару делать не хотелось. Он, можно не сомневаться, крепко устал, но все же не так, как мы. Что ему десяток километров до блокпоста? Два часа... ну, два с половиной с учетом груза. Пустовар не собирался тормозить в паре шагов от КПП, но мой манёвр все же сработал. Дима не стал обходить холм, а попер мимо. Я осторожно выглядывал между камней и держался за сердце — ну! Ну! Ещё ближе! Ну, вот!

Когда Пустовар свернул у подошвы высоты, я бросил: «Теперь!» — и вскочил, рядом встали Вандемейер с Костиком — и мы ударили в три ствола. Тарас не мог бы удержать оружие на весу, он палил, положив перебинтованную руку на камень, и каждый выстрел наверняка отдавался болью, терминатор стиснул зубы. Хуже другое — он мазал. Наш лучший стрелок! От волнения мой ПММ ходил ходуном в руках, я не думал, что целиться сверху будет так неудобно, да и дистанция, честно сказать, была не для пистолета...

Я расстрелял все патроны и едва не рыдал от досады — промазал! Когда мы открыли огонь, Пустовар вздрогнул, присел, потом сообразил, где засада, и припустил наутек — башмаки так и мелькали, рюкзак подпрыгивал и колотился по спине... Тут Вандемейер сменил обойму, поднял руку... медленно опустил в ладонь левой — как в кино. Бам! Бам! Бам! Пустовара качнуло, он повалился набок. Бам! Бам!.. Пауза. Бам! Пустовар попытался встать и не смог. Я видел, как жирная сволочь дернулась снова и опять повалилась в траву.

— За ним! — рявкнул Тарас.

— Помоги! Ну, помоги...

Я подхватил заряженный дробовик, обнял левой рукой Костика за плечи, и мы поскакали с холма. Вандемейер, кашляя и отхаркиваясь на бегу, — следом. Пустовар снова поднялся и заковылял прочь. Мы не отставали, но и расстояние не могли сократить.

— Усэ. Бильш не могу, — выдохнул Тарас. — Бый звидсы.

Он встал, я положил укороченный ствол дробовика ему на плечо, затаил дыхание... Бам! Пустовар подпрыгнул, когда заряд дроба хлестнул его по ногам. Бам! Выстрел заглушил ругань Костика. И в этот раз попал! Но Дима опять сумел подняться. Правда, оранжевый рюкзак он бросил. Я торопливо стал перезаряжать обрез, Вандемейер проковылял мимо, Костик подхватил меня под ребра, и поволол — в погоню! На его перевязанных руках выступила кровь, бинты стали набухать... Вот Дитрих добрался до рюкзака, рухнул на него и больше не вставал, пока мы не поравнялись с ним.

— Вандемейер, вставайте! Здесь нельзя быть одному. У вас остались патроны?

— Нет. Но вы идите. Негодяя нужно догнать.

Я швырнул дробовик на траву рядом с Дитрихом, вытряхнул из кармана оставшиеся заряды, и мы с Костиком заковыляли прочь. Вандемейер полз следом, пытался подняться, харкал, надрывался и никак не мог сквозь хрипы и кашель выговорить требование забрать оружие.

Мы с Костиком шагали по кровавому следу.

— Ой, мало, ой, мало, — сокрушался Тарас.

Я понимал его с полуслова — маловато крови из гада вытекает, легко ранен, легко! Но мы ковыляли и ковыляли, алые капельки по-прежнему указывали путь. ПДА я так и не включал, потому что мы двигались по следу — где прошел Пустовар, там безопасно, аномалий нет. Зато о нашем приближении Дима не догадается, пока не услышит нас. Я не вполне представлял, что мы станем делать, когда доберемся до ублюдка, он-то наверняка вооружен, хотя ни «калаша», ни «Enfield» я при нём не заметил, должно быть, тяжёлую артиллерию Пустовар скинул в тайник вместе с экзоскостюмом.

Не знаю, сколько мы шагали по следу, но в конце концов он иссяк. Скорей всего Пустовар все же оторвался от нас, остановился и сумел унять кровотечение. Делать нечего, я включил ПДА.

— Ну, що? — прохрипел Костик.

— Есть, голубчик, это он — больше просто некому!

— До КПП прямее?

— Точно.

— Ну, давы мою шию, анаконда бисова, давы...

Я ухватил терминатора за помянутую часть тела, хотя анаконда из меня была та ещё — я бы теперь и кролика не сумел задушить, не то что железного андроида Тараса Костикова. Шаг, другой, шаг, другой... Мы вывалились из леса, впереди встал пологий холм... проковыляли на вершину — и тут увидели Диму. Он плелся, как и мы, с черепашей скоростью, опираясь на палку, но оставшихся рюкзаков не бросал, жирная сволочь. Так и волол — один на спине, другой натруди. Зона его знает, может, мы и попадали, когда палили по нему с холма, да все пули застревали в хабаре...

Теперь, когда цель стала видна, у Костика будто второе дыхание прорезалось — он бодро переставлял ноги и волол меня за собой, да ещё умудрялся на ходу говорить:

— Як... наздоженем... бери мою лопатку... бий його... по рукам... По рукам його бий. Або якщо побачиш пистолета, хапай його пистолет. Якщо він без зброї, я його... без рук... без рук... ногами суку затопчу...

Шаг, другой, шаг, другой...

Я то и дело вскидывал голову и бросал взгляд на Пустовара — расстояние сокращалось! Сокращалось!

— Давай, Костик, давай!

— Я даю, Слипый...

Шаг, другой, шаг, другой...

Пустовар несколько раз падал, но всегда успевал подняться прежде, чем мы настигали. Когда он шагал — расстояние увеличивалось. Когда Дима оборачивался, я видел обильную испарину на толстых щеках, затравленный взгляд...

Мы выбрались на старое шоссе... А потом вдаль показался КПП, серые бетонные блоки, вагончик с торчащей антенной... нос бэтэра в камуфляжных пятнах... От КПП навстречу нам неслись трое военных, передний что-то орал, но я не слышал, да и слышать не хотел. Я узнал прапорщика — Усаченко.

Шаг, другой, шаг, другой...

И тут будто затвор в голове передернули — мысли со щелчком встали каждая на свое место. «Беретта» Сапога, пистолет со спилленным номером, купленный у прапора Валерой-Вальтером-Валенком. КПП, к которому брел с хабаром Пустовар. Усаченко — его партнёр. Сбывал хабар, проводил за Периметр... они заодно. Вот и сейчас... Дима бежит к нему. Мы должны успеть прежде, чем...

Шаг, другой, шаг, другой...

Я вспомнил — в накладном кармане над коленом осталась обойма к ПММ с двумя патронами, я подобрал её в первую ходку с Дитрихом. Сперва забыл, а после обойма так и осталась в кармане, не до нее было.

Сзади хрипло заорал Вандемейер — догнал все же! Заорал и тут же крик сорвался в кашель. А Пустовар свалился у обочины и медленно-медленно пополз, цепляясь за траву окровавленными пальцами и неуклюже переваливаясь из-за того, что на груди по-прежнему был навьючен рюкзак. Метров тридцать до него, не больше...

Костик вдруг упал. Я не понял, что он просто споткнулся, да и не думал, что с ним, если честно. Непослушными руками выудил из карманов ПММ и обойму, вставил, взвел... Костик начал подниматься, но я не мог ждать, пока он встанет и подставит плечо, — Усаченко и его солдаты уже набегали, они почти поравнялись с Пустоваром, вот-вот заслонят его.

— Бросай оружие! Оружие на землю! — вот что он кричит, значит, морда красная... А хрена тебе.

Рядовые на бегу вскинули автоматы — и стволы «Калашниковых» потянулись ко мне, они росли, они закрывали полмира... а я медленно поднимал пистолет. Так медленно, так плавно... Мама, что я делаю!

Господи, они же сейчас меня застрелят... Ох, Зона, ведь застрелят же... Мама... Прицел «макарова» уставился Пустовару в жирный затылок. Господи... Автоматные стволы глядели на меня. Зона... Мама, господи, Зона... хоть бы не осечка. Бам! Бам!

Башка Пустовара взорвалась красными брызгами, я уронил руки. Усаченко орал и размахивал крупными багровыми ладонями, его пацаны сдержали шаг, автоматы по-прежнему тянулись ко мне. И тут обзор заслонила спина Костика. Широкая спина, огромная. Что может сделать человек, у которого прострелены обе руки? Он может сделать шаг. Единственный шаг.

А потом Костикова спина поползла вниз, пропала — передо мной было небо. Я завалился на спину, потому что ноги перестали держать — и здоровая, и та, что сломана. В поле зрения попал Вандемейер — рыжий полз, упираясь одной рукой, второй он держал над собой «тревожный чемоданчик», палец давил на красную кнопку так, будто Дитрих собирался смять и расплющить прибор. Вандемейер орал, харкал, задыхался и брызгал слюной. Вокруг суетились люди — много. Они тоже орали. Даже Гоша Карый мне привиделся в толпе. Почему их так много? Чего они орут? Один я молчал. Мне незачем было говорить. Потому что для меня эта история уже закончилась.

С Вандемейером даже попрощаться не удалось. К тому времени, как я пришел в себя настолько, что стал воспринимать окружающее, он был уже далеко. Мне потом Костик рассказал, что я очень много интересного пропустил. Оказывается, вокруг моего неподвижного тела кипели такие страсти! По сигналу «тревожного чемоданчика» прибыл вертолёт с итальянскими миротворцами, потом подтянулись и наземные силы — эти, для разнообразия, были из французского и штатовского контингентов. Мало того, Гоша мне не почудился — он в самом деле там был. Никому не доверил встречать героев, сам пожаловал к КПП, да ещё прихватил пару знакомых офицеров из Управы, они там же, на блокпосту и торчали, с Усаченко препирались. Ну а уж как началась стрельба, тут же влезли. В общем, натовцам пришлось не нас от Усаченко спасать, а несчастного прапора — от Гоши. Впрочем, украинских военных тут же разоружили — Вандемейер чего-то напел настолько убедительно, что бедного Усаченко взяли в оборот едва ли не как международного террориста...

Ну а Дитриха тем же вертолётom и отправили, от греха подальше, куда-то в столицы, а то и напрямиком в Европы. Он мне через день мейл прислал — благодарил, обещал написать. Я тоже, когда под настроение, много чего обещаю. Ну а нас с Костином Гоша отвез в поселковый медпункт. Бригада из областной больницы приезжала, осмотрела, врачи обругали костоправа, который лубки криво наложил, Костика раны промыли — да и убрались обратно в город. Это мне Тарас с Гошей после рассказали, потому что я ничего не помнил. Посттравматический шок, какой-то сложно поименованный синдром плюс сотрясение мозга... много медицинских терминов, в которых я мигom запутался, но факт — я ничего не помнил.

Пришел в себя уже в лазарете, в тесной палате. Я лежал у окна, на тумбочке — букет полевых цветов, белое крахмальное, синее, с лиловыми штампами, все дела. У соседней стены — другая койка, на ней Костик, лежит, лыбится, а надо мной склонилась толстая усатая медсестра лет пятидесяти — ворчит и требует, чтоб я пришел в себя, потому что действие уколов давно должно было пройти. Ну, здравствуй, негостеприимный мир.

Медсестра тормозила меня, потому что пришел следователь из военной прокуратуры. Ему хотелось поболтать о подвигах Усаченко. Я, понятное дело, сказал, что ничего не знаю, ничего не помню, сотрясение мозга. Тут за дверью раздался голос, сердито запричитала давешняя усатая медсестра, и в палату заглянул Гоша. Кивнул прокурору — дружелюбно так, мол, вечером встретимся, потом обратился ко мне:

— Слепой, ты рассказывай, что помнишь, помоги следствию. Прапорщик-то — коррумпированный, оборотень в погонах. Я тебе потом растолкую, что к чему, но прапора по-любому посадят, понял?

Я понял. Но об Усаченко я все равно ничего не знал толком, я же у него не покупал снарягу, ну а подставлять знакомых — нет, это не годится. Вот о подвигах Пустовара я бы мог рассказать — и о том, как он кланчил стакан водки, а сам координаты своей ловушки сбрасывал, как капэкашки ломал, как хабар мёртвецов сбывал через этого самого прапорщика. Но едва я пытался переключить разговор на «слепое пятно», следователь скучным голосом меня останавливал — мол, ему нужно только об Усаченко, а «Дмитрием Пустоваром будет заниматься мой коллега из гражданского ведомства».

Забегая вперед, могу сказать — никакой коллега нас не опрашивал. Да и вряд ли на Пустовара дело завели, скорей

всего списали эту мразь втихую. Очень уж богатый хабар при нем был, если заводить дело — придется хотя бы часть сдать как вещьдоки.

Нас с Костиком оставили в покое, никому мы не были нужны. Я лежал с ногой в растяжке, а Тарас бодро бегал по лазарету, свел знакомство со всеми тетками из этой богадельни, балагурил, шутил, рассказывал мои анекдоты про сталкера Петрова, потом подробно объяснял, что именно в этой истории было смешно. И когда уходил из палаты, непременно замирал в дверях и значительным тоном бросал мне через плечо:

— Ай-л би бек.

Гоша объявился через несколько дней — забежал ввести в курс дела. На прапора завели дело — мародёрство, растраты, злоупотребление, целый букет. Но соучастие в убийствах на Усаченко не вешали, потому что убийств-то никаких и не было. Так что прапор легко отделался, потому он сейчас охотно признается в мелочевке, он в полной сознанке, кается и идет навстречу следствию.

— Ему лет шесть дадут, и хорошо, если не условно, — разглагольствовал Карый, — так что реально года три отсидит самое большее, да и то не факт. Не пофартило прапору, не пофартило... Твой Вандемейер шум поднял, натовцы первый обыск проводили, иначе и такого бы не случилось, ушёл бы Усаченко чистым. Ну а так — взяли на горячем, не сможет откупиться. При нем паспорт был с фоткой Пустовара на имя Дмитрия Михайловича Волохова, Дима завязывать хотел, последняя гастроль у него намечалась.

— Ясно. То-то у него хабара полно... последняя ходка.

Дима бы свалил и раньше, но задержался из-за Угольщика. Паша пас долину Костей, так что Пустовар никак не мог уйти по-хорошему, потом наконец и Угольщика обработал, но тут Выброс, потом мы... пришлось Диме валить подземным ходом, он ведь понимал, какое движение на Свалке после Выброса начнется. До последнего Пустовар держался, не лез в подземелья, но из-за нас пришлось. Вот ведь как вышло.

— Ты прикинь, — вещал Гоша, пока я размышлял над превратностями судьбы, — прапор какой дурень! Паспорт приготовил, вас едва не грохнул из-за Димы, уroda жирного. А ведь мог все по уму провернуть, сам бы Пустовара тихо завалил, и концы в воду. А он, дурак, все хотел по-честному — и паспорт Пустовару, и долю в хабаре. Вот идиот! Ну ничего, посидит в КПЗ, там ему мозги вправят, в камере, может, поумнеет. КПЗ, Слепой, это такая школа жизни, что ты! Там такого за день узнаешь, чего за десять лет на воле и в голову бы не пришло... да...

Я слушал, помалкивал. Вспоминал контролёра в подвалах. Нет, ничего контролёр не понимает, когда картинку-обманку нам лепит. Если бы хоть немного понимал, не стал бы натягивать Гошину личину, побоялся. Но здесь не Зона, здесь тварь ножом не пырнешь. Так что я слушал и молчал.

Гоша напоследок пообещал мне премию и убрался.

К концу следующей недели забежала девчонка с почты. Вся в таком легком платьице и в макияже. Смущаясь и краснея, вручила мне письмо. Международное! Отправитель — Ditrich Wandemayer. Странно, бумажное письмо... Очень странно, если вспомнить, как Дитрих управлялся с оргтехной. Девушка застенчиво объяснила, что в поселке только и разговоров, что обо мне... Костик кашлянул. О нас, верней! Не обо мне, а обо всех нас, смущенно поправила почтовая девушка, оглядываясь на железного человека с мужественно забинтованными руками.

Ну вот, заговорила снова, приходит письмо, а я же в больнице, я же не смогу получить! Так что она вот решила... ну, это... доставить, так сказать. Надей её звать. Надя, Надежда. И снова оглянулась — как там Костик, не кашляет ли?

Прощаясь, Надя не без ехидства заметила:

— А та дама, что вам прежде писала, больше ни одного письма не прислала. Ни единого! Вы ей денег отослали, а она — ни единого письма! То есть, извините, не мое это дело... но ваша дама...

— Это не дама, это сестра, — вздохнул я. — Спасибо, Наденька. Вы знаете анекдот, как сталкер Петров ушёл в запой?

— Нет...

— Ну вот, ушёл в запой, три месяца пил, до чертиков, до белой горячки, потом друзьям говорит: это все равно что в Зону сходить, ощущения те же, да и черти ничем не хуже мутантов. Друзья ему: а хабар как же? Петров отвечает: так я ж потом бутылки сдал!

Девушка хихикнула. Местные знают наш сталкерский фольклор, им с детства известны названия мутантов и аномалий, они в курсе цен на артефакты и снарягу. Молодые, вроде этой девчонки, выросли у Периметра, а здесь быт неразрывно связан с Зоной, и иной жизни местные попросту не представляют.

— Спасибо вам, Надежда.

— Ой, не за что! Ну ладно, побегу я.

— Гарна дивчина, — заметил Костик, — и вичлива. Над твоим дурацким анекдотом посмиялась, щоб тебе не обржаты. Що той профэсор пыше?

Дитрих писал, что Зона сотворила с ним чудо. После возвращения его взяли лечить от тысячи болезней, провели комплексное обследование — тесты отрицательные! Отрицательные! Нет СПИДа! Что тому объяснением, не понять. Может, Выброс подействовал, может, эмоциональная встряска или что другое, но факт: тесты отрицательные. Теперь Вандемейера исследуют в целях изучения сего феномена.

Что до результатов экспедиции, Взыскующие приняли у Дитриха хабар с энтузиазмом, он собрал такой материал, что их институту лет на двадцать работы привалило — все это расшифровать и проанализировать. Хотя уже сейчас ясно, что пси-излучение существует и радиоволны — всего лишь побочный эффект, но ясность ясностью, а гранты под исследования выделены, так что их нужно отработать. К тому же теперь у них есть счастливо исцеленный человек — Dr. D. Wandemayer, воистину артефакт Его. Это ли не свидетельство присутствия Всевышнего в Зоне? В общем, Взыскующие довольны и башляют счастливо исцеленному по полной программе.

Ну а он, Дитрих Вандемейер, счастливый, абсолютно здоровый — и вполне обеспеченный человек! За что весьма и весьма благодарен мне. В конце приписка: а как вы думаете, Слепой, почему я отправил бумажное письмо, а не воспользовался электронной почтой? Потому что написал вам зелёными чернилами! Зелёными, а вы этого не знали, пока не дочитали до этого места!

— Костик, какими чернилами написано письмо?

— Зелеными, а що?

— Да так.

Вот гад. Ну где, спрашивается, справедливость? Вандемейер излечился, не кашляет, наверное, больше... а я как был дальтоником, так и остался! Вы сволочь, Вандемейер...

Кроме письма, в пакете был другой конвертик, поменьше, там лежала кредитная карточка и квадратик бумаги с отпечатанным текстом: «Слепой, когда окажетесь рядом с банкоматом, сбросьте мне мейл, я сообщу активирующий код. Мне сказали, что если я пришлю код вместе с карточкой, то деньги будут украдены. Очень жаль, но я не могу поблагодарить вас более приличным способом. Вряд ли в ближайшее время выпадет возможность снова приехать». Вот так... Что делать у Периметра почтенному ученому из Западной Европы, если, конечно, он не страдает неизлечимой смертельной болезнью?

И, наконец, нас посетил Моня, то есть Сергей Сергеевич Петров — репортер областного издания. Маленький худенький Петров, с очками в толстой роговой оправе, — полная противоположность тезке, герою анекдотов. Моня принес номер газеты за прошлую неделю, протянул мне и робко пояснил:

— На седьмой странице внизу. Вон там, справа. «Изобличен оборотень в погонах. Прапорщик украинского контингента миротворческих сил взят с поличным при попытке обеспечить контрабандный пронос запрещенных грузов через КПП».

— М-да. Краткость, как известно, сестра таланта.

— Я написал большую статью! На целый разворот! На разворот! — стал горячиться Моня. — Должна была получиться бомба! Взрыв! Горячий материал! Название придумал: «Конец серийного убийцы». Представляете? Вы представляете, Слепой? Но не знаю, что они там себе думают, а материал зарубили. Они таки зарубили, зарезали! Вы не догадаетесь, что мне сказали в редакции!

Петров вскочил, стал размахивать руками, очки грозно блистали в алых лучах закатного солнца, проникающих в распахнутое окошко.

— Несвоевременный материал, сказали, — предположил я, — не та нынче политическая обстановка, чтобы...

— Вот именно... — Моня выпустил пар и уже немного успокоился. — Но я ещё напишу об этом! Вот увидите, я подниму старые связи, я ещё...

— Только заголовок неудачный, — заметил я. — Назовите лучше «Слепое пятно».

Слепое пятно... Вся Зона — слепое пятно. Мир не хочет видеть Зону, не хочет знать, что здесь происходит. Мы все — в слепом пятне. Мы не герои и не жертвы, нас нет. Мы — в слепом пятне. Здесь могут сколько угодно убивать и спасать друг друга, совершать величайшие подвиги и величайшие предательства, проявлять подлость и великодушие... но мир за Периметром этого не увидит. Ноосферный пробой? Прямой канал связи с Господом? Чушь! Зона — слепое пятно планеты. Ни больше, ни меньше, но что могут знать о слепом пятне люди с нормальным зрением?

Да и нужно ли им знать?